

А 199
454

Ф. 1-52
1694

НИК. ВЯЧЕСЛАВ. БОГОЯВЛЕНСКІЙ
ВЫШШІЙ КОНСУЛЬ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КИТАѢ.

801-18
1803

ЗАПАДНЫЙ

ЗАСТѢННЫЙ КИТАЙ

ЕГО ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ
И ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ НЕМЪ РУССКИХЪ ПОДДАННЫХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ, 13
1906

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАПАДНОГО ЗАСТЯННОГО КИТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1987

2011120863

ПРЕДИСЛОВИЕ

У насъ, русскихъ, въ Западномъ Застянномъ Китаѣ существуютъ весьма важные политическіе и экономическіе интересы. Край этотъ на большомъ протяженіи граничитъ съ нашими владѣніями въ Азіи. Значительная часть населенія по ту и другую сторону границы мусульмане, которые имѣютъ постоянныя сношенія между собою, и тѣ или другія настроенія въ Китаѣ, тѣ или другія движенія всегда могутъ отражаться и среди нашихъ мусульманъ. Поэтому, для насъ очень важно все, что дѣлается по ту сторону границы, и что предпринимаетъ китайское правительство на своей территоріи, особенно теперь, когда престижъ нашъ на Востокѣ падъ. А если при этомъ имѣть въ виду, что губернаторы отдѣльныхъ провинцій въ Китаѣ пользуются большою самостоятельностью по отношенію къ Пекину, то для насъ будетъ вполне ясно важное политическое значеніе этой части Китая для Россіи. Не меньше тамъ и наши интересы экономическіе. Русскіе подданные уже давно ведутъ большую торговлю въ Западномъ Застянномъ Китаѣ.

Торговля эта дает заработок и кусок хлеба массѣ народа, какъ непосредственно занятаго въ торговлѣ и въ перевозѣ товаровъ, такъ и въ изготовленіи ихъ для Китая. Поэтому, для насъ далеко не безразлично, какъ идетъ тамъ наша торговля, развивается ли она, или падаетъ. Въ виду этого, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ и учреждены четыре консульства, которыя имѣютъ цѣлью—защиту русскихъ интересовъ въ краѣ. Но разъ у насъ существуютъ тамъ такіе важные интересы, то всякому дѣятелю — чиновнику или коммерсанту, такъ или иначе интересующемуся этимъ краемъ, безусловно необходимо знать, что это за край, какія тамъ живутъ народности и какъ живутъ, какое положеніе тамъ русскихъ подданныхъ и т. д. Но въ сожалѣнію, до сихъ поръ не только на русскомъ, но даже на иностранныхъ языкахъ не было ни одного сочиненія, дающаго общую характеристику этой огромной части Китая съ этихъ, именно, точекъ зрѣнія. Конечно, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ перебивало не мало путешественниковъ, которые описывали страну. Но прежде всего, каждый изъ нихъ описывалъ только то, что онъ видѣлъ на своемъ пути, а общаго о цѣлой странѣ они ничего не давали, а затѣмъ, оставаясь въ той или другой мѣстности лишь недолго, они не могли такъ хорошо изучить страну, главнымъ образомъ населеніе, какъ человекъ, живущій въ странѣ продолжительное время. Я и не говорю уже о дѣятельности русскихъ консуловъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, которая не только для публики, но даже и для начинающихъ чиновниковъ консульствъ совершенно неизвестна — terra incognita. Я лично на себѣ испыталъ все неудобства отсутствія свѣдѣній о краѣ, когда былъ назначенъ на службу въ консульство въ Чугучакѣ. Пришлось одновременно и

работать и изучать край, начинать, что называется, съ азбуки, часто тратя массу времени напрасно и на пустыхъ. А насколько полезна для дѣла эта работа ощутно, безъ знанія страны и мѣстныхъ условій, это понятно всякому. Десять лѣтъ службъ въ разныхъ консульствахъ Западнаго Китая дали мнѣ возможность на мѣстѣ, изъ первоисточниковъ познакомиться съ дѣломъ, собрать большое количество разнаго рода свѣдѣній и наблюденій. При этомъ я находился въ особенно благоприятныхъ условіяхъ: съ одной стороны, положеніе консула или члена консульства давало мнѣ возможность познакомиться съ архивами консульствъ и случай видѣть массу лицъ, полезныхъ въ дѣлѣ изученія страны, а съ другой — знаніе китайскаго языка и другихъ мѣстныхъ языковъ давало возможность близко знакомиться съ населеніемъ и непосредственно изучать интересующіе меня вопросы. Вынесенныя мной изъ этого изученія наблюденія и заключенія я и излагаю въ этой книгѣ. Такииъ образомъ, главный источникъ — мои собственные наблюденія. Я совсѣмъ не задаюсь здѣсь учеными дѣльями; поэтому, не вдаюсь, напр., въ историческія изысканія, и историческія свѣдѣнія о краѣ излагаю лишь кратко и въ той мѣрѣ, насколько это необходимо, чтобы человекъ, знающійся по моей книгѣ со страной въ настоящемъ ея состояніи, не былъ бы въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что тамъ было и дѣлалось раньше. Моя цѣль практическая: зная по опыту, что именно прежде всего нужно знать лицу, желающему познакомиться со страной, и чего именно нѣтъ въ литературѣ, и желая, по возможности, восполнить этотъ пробѣлъ, я хочу дать понятіе читателю, что такое Западный Застѣнный Китай, какія его естественныя богатства, кто тамъ живетъ, чѣмъ тамъ зани-

маются русские подданные, каково их положение, как защищают русских подданных и русские интересы консулы и какал, вообще, дѣятельность тамъ русских консуловъ. Если читатель по моей книгѣ составитъ себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе объ описываемомъ мной краѣ, о положеніи русскихъ подданныхъ и другихъ, разбираемыхъ мной, вопросахъ, а еще болѣе, вынесетъ изъ нея нѣкоторыя полезныя для себя указанія, то цѣль свою я буду считать достигнутой.

Н. Богоявленскій.

С.-Петербургъ,
28 февраля 1906 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Западный Застѣнный Китай — Синьцзянская провинція. — Границы. — Пространство. — Округа, входящія въ составъ провинціи. — Общая характеристика страны — горы и пустыни. — Главнѣйшія горныя хребты. — Наиболее значительныя рѣки; рѣчки; озера. — Озеро Лобноръ и его мѣстоположеніе въ древности и теперь. — Общій характеръ озера.

Подъ именемъ Западнаго Застѣннаго Китая я разумѣю здѣсь ту территорію, которая въ настоящее время входитъ въ составъ Синьцзянской провинціи Китая. Начинаясь у южныхъ подножій Алтая, провинція эта тянется на югъ до Тибета. На западѣ она граничитъ съ нашими Семипалатинской, Семирѣченской областями и Туркестаномъ, а на востокъ съ пустынями Монголіи и провинціей Ганьсью. На большей части границы съ Россіей Западный Китай отдѣляется отъ нашихъ предѣловъ громадными горными массивами. Такъ, на сѣверѣ мы видимъ Алтайскій хребетъ; на западѣ — сначала Чжунгарскій Алатау или его отроги, далѣе на югъ — отроги Тяньшаня и на самомъ югѣ — огромное горное плато Памира. Эти горы долгое время являлись естественными стѣнами, отдѣляющими Китай отъ западной цивилизаціи и олотомъ самобытности проживающихъ въ сердцѣ Азіи народовъ.

Что же касается восточной границы западнаго края, то это главнымъ образомъ пустыня Гоби, которая при всей

своей непривѣтливости все-таки не представляетъ непреодолимыхъ препятствій для движенія почти во все время года, тѣмъ отличается во многихъ мѣстахъ западная граница. Въ этихъ границахъ Синьзянская провинція тянется отъ 48° до 36° сѣверной широты и отъ 44° до 67° восточной долготы, считая отъ Пулкова, представляя такимъ образомъ громадную площадь, равняющуюся по своему пространству всеѣмъ государствамъ Западной Европы, взятымъ вмѣстѣ.

Въ составъ этой провинціи входятъ области—Или, Тарбагатай, прежняя Чжунгарія и Восточный или Китайскій Туркестанъ.

Растянута на громадное пространство отъ Алтая до Кузнь-луня, на границахъ съ Тибетомъ, Синьзянская провинція, конечно, представляетъ массу разнообразія по своему внѣшнему характеру, по своимъ естественнымъ свойствамъ и условіямъ. Но все-таки, какъ страна, находящаяся въ срединѣ Азии, подчиняющаяся приблизительно однимъ и тѣмъ же внѣшнимъ влияніямъ, она имѣетъ много и общаго, такъ что нѣкоторая общая характеристика Западнаго Застѣннаго Китая возможна.

Западный Застѣнный Китай по своему внѣшнему характеру представляетъ сочетание громаднѣйшихъ въ мѣрѣ горныхъ хребтовъ съ громаднѣйшими же пустынями. Такъ, мы здѣсь видимъ хребты Кузнь-лунь, Тяньшань, Чжунгарскій Алатау и другіе и рядомъ съ ними, при томъ сопридѣльную съ ними, огромную пустыню Гоби, или Шамо. При этомъ все эти наиболее высокіе горные массивы сосредоточиваются главнымъ образомъ въ западной части страны, являясь какъ бы естественными стѣнами, отдѣляющими ее отъ иноземцевъ; а пустыня заняла востокъ и тянется до самой Великой китайской стѣны. Не являясь безусловно непроходимой, пустыня эта естественно связывается Западный Застѣнный Китай съ Внутреннимъ Китаемъ и тѣмъ какъ бы указываетъ, что то, что находится къ востоку отъ горъ, естественно должно принадлежать Китаю.

Въ западномъ направленіи существуютъ лишь сравнительно небольшія плоскости и долины, которыя и служили издавна обычными путями для передвиженія той людской волны, изъ глубины Азии по направленію къ Европѣ, которая начала свое движеніе еще въ доисторическія времена. По изслѣдованіямъ ученыхъ, Центральная Азія въ древнія времена была дномъ огромнаго моря, и извѣстныя въ настоящее время горныя хребты были въ тѣ времена лишь островами въ этомъ морѣ.

Главнѣйшіе горныя хребты расположены такъ, что они идутъ, какъ бы повышаясь, съ сѣвера на югъ. На сѣверѣ мы прежде всего видимъ хребетъ Тарбагатайскій. Начинаясь около 55° восточной долготы, онъ тянется на западъ почти по параллели верстъ на полтораста, какъ разъ по сѣверной границѣ Тарбагатайскаго округа и кончается небольшими увалами въ русскихъ предѣлахъ около станицы Сергіопольской. Самый высокій пунктъ его Хабарасу (7539 футовъ) находится на границѣ Китая съ Россіей, тамъ, гдѣ она отъ хребта поворачиваетъ на югъ. Линія вѣчнаго снѣга въ Тарбагатайскомъ хребтѣ нѣтъ. Оттого, можетъ быть, происходитъ и то, что склоны его не покрыты древесной растительностью, такъ какъ нѣтъ достаточно влаги для ея произрастанія.

Къ югу отъ хребта Тарбагатайскаго идутъ хребты: Уркашаръ, Джанръ и Майли. Майли соединяется съ горами Барлыкскими, которыя составляютъ часть Чжунгарскаго Алатау. Алатау находится частью въ русскихъ, частью въ китайскихъ предѣлахъ, и та его часть, которая идетъ по сѣверной границѣ Илійской области, носитъ названіе Борохоро. Чжунгарскій Алатау имѣетъ уже много вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Борохоро въ своей восточной части непосредственно примыкаетъ къ горному хребту Тяньшаню, одному изъ величайшихъ въ мѣрѣ, какъ по своей высотѣ, такъ и по протяженію.

Тяньшань начинается на 64° восточной долготы и тянется до 49° восточной долготы съ востока на западъ. На

громадномъ протяженіи Тяньшань покрытъ вѣчными снѣгами. Главнѣйшія его вершины Богдоула и Хань-тенгри. А кромѣ того, есть еще много другихъ высокихъ пиковъ, которые, конечно, незначительны сравнительно съ этими двумя великанами. Богдоула находится въ восточной части Тяньшаня, а Хань-тенгри въ западной и достигаетъ 24000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Съ другимъ величайшимъ горнымъ массивомъ, Кузнь-дунемъ, Тяньшань соединяется рядомъ хребтовъ, которые заканчиваются Памирскимъ плоскогорьемъ. Кузнь-дунъ тянется на громадномъ протяженіи и отдѣляетъ Западный Застѣнный Китай отъ Тибета.

Всѣ эти горы даютъ начало множеству рѣчекъ и рѣкъ, которыя орошаютъ Западный Застѣнный Китай. Положимъ, такихъ большихъ рѣкъ, какія мы видимъ въ Россіи и Сибири, здѣсь нѣтъ; но все-таки есть нѣсколько такихъ рѣкъ, которыя, сравнительно съ другими рѣчками края, могутъ быть отмѣчены, какъ большія рѣки. Онѣ слѣдующія: прежде всего на сѣверѣ—это рѣка Черный Иртышъ, которая беретъ начало въ китайскихъ предѣлахъ, но тамъ не отличается ни своей глубиной, ни шириной, течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ верстъ четырехста по китайской территоріи и затѣмъ въ русскихъ предѣлахъ, гдѣ получаетъ названіе просто Иртыша и является той величественной рѣкой, которую мы знаемъ въ Сибири.

Другая наиболѣе значительная рѣка—это рѣка Или. Она протекаетъ по Илискому или Кульджинскому краю. Образовавшись изъ рѣкъ Текеса и Кунгеса, которыя берутъ свое начало въ Западномъ Тяньшанѣ, рѣка Или протекаетъ по всему Кульджинскому краю, съ востока на западъ; затѣмъ выходитъ въ русскіе предѣлы, течетъ тамъ еще на значительномъ пространствѣ, верстъ на двѣсти, и впадаетъ въ озеро Балхашъ. Или несетъ много воды, уголъ паденія очень значителенъ, потому течетъ она быстро; имѣетъ много мелей, положеніе которыхъ ежегодно мѣняется.

Третья большая рѣка—это Таримъ, протекающая въ Восточномъ или Китайскомъ Туркестанѣ. Она составляется изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣчекъ, которыя берутъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ Памира, и течетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и востокъ, приближаясь болѣе къ Тяньшаню; впадаетъ въ озеро Лобъ-норъ. Таримъ отличается значительнымъ своимъ протяженіемъ, до полуторы тысячи верстъ, но воды несетъ не особенно много. Вѣроятно, теченіе рѣки по песчаной пустынѣ, въ страшно жаркой странѣ является тому причиною; часть воды, несомнѣнно, впитывается пескомъ, а еще большая часть идетъ на естественное испареніе въ этой жаркой странѣ; и наконецъ, много воды употребляется на искусственное орошеніе садовъ и паашень прибрежнаго населенія посредствомъ арыковъ.

Кромѣ этихъ трехъ главнѣйшихъ рѣчныхъ системъ, можно отмѣтить еще нѣсколько меньшихъ рѣкъ, которыя для этой безводной страны все-таки довольно значительны и играютъ большую роль въ жизни мѣстнаго населенія, какъ источники искусственнаго орошенія. Это прежде всего рѣка Эмель, которая орошаетъ Тарбагатайскій округъ. Она имѣетъ свои истоки въ ущельяхъ горъ Уркашара и Тарбагатая, направляется на западъ къ русской границѣ; пройдя по китайской территоріи верстъ полтора-ста, течетъ еще верстъ сто по русской территоріи и впадаетъ въ озеро Алакунь. Въ верхнемъ своемъ теченіи рѣка Эмель узка и течетъ быстро, а въ нижнемъ—имѣетъ ширину до 70 саженъ и медленно катитъ свои волны, не отличаясь и глубиной.

Другая рѣка, которая также заслуживаетъ нѣкотораго вниманія по своей величинѣ, это рѣка Манасъ. Она составляется изъ ряда рѣчекъ, которыя берутъ свое начало въ сѣверныхъ предгорьяхъ Тяньшаня, течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ и впадаетъ въ озеро Телли-норъ. Манасъ отличается необыкновенно быстрымъ теченіемъ; въ періодъ таянія въ горахъ снѣговъ несетъ массу воды, разливаясь

на значительное пространство, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переправа черезъ него бываетъ опасна. Это бываетъ въ июнѣ—июль. А въ остальное время года это лишь небольшая рѣчка, неглубокая, хотя и быстрая, такъ какъ всѣ ея воды разбираются по оросительнымъ каналамъ окружающимъ населеніемъ. Большой угодъ паденія рѣки Манаса даетъ возможность отводить его воду на большое расстояние отъ самой рѣки, и такимъ образомъ въ иное время всѣ почти воды Манаса бывають использованы.

Рѣчка Боротала беретъ свое начало въ Чжунгарскомъ Алатау, течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ озеро Ыби-норъ; отличается тихимъ теченіемъ и несетъ небольшое количество воды.

Вотъ и всѣ наиболѣе значительныя рѣки Западнаго Застѣннаго Китая, которыя заслуживаютъ отдѣльнаго упоминанія. Затѣмъ есть еще масса мелкихъ рѣчекъ, которыя берутъ свое начало въ тѣхъ или другихъ горахъ и потомъ или впадаютъ въ одну изъ упомянутыхъ рѣкъ, или въ озера, или многія даже теряются въ пескахъ пустыни, не доходя ни до какого болѣе крупнаго водоема или потока. Общая характеристика всѣхъ этихъ горныхъ рѣчекъ та, что онѣ отличаются мелководьемъ, въ горахъ текутъ очень быстро и затѣмъ по выходѣ изъ горныхъ ущелій, всюду, гдѣ только есть пригодный для культуры клочокъ земли, разбираются по арыкамъ для орошенія.

Озеро въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ немного и большихъ размѣровъ они не имѣютъ. Начнемъ перечисленіе съ сѣвера. Прежде всего видимъ здѣсь озеро Ыби-норъ около 60 верстъ длины и 15 верстъ ширины. Въ него впадаетъ нѣсколько рѣчекъ. Упомянутое выше озеро Телли-норъ. Озеро Сайрамъ-норъ находится въ горахъ Борохоро, на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, 5900 футовъ. Это безусловно внутренней бассейнтъ, такъ какъ ни въ него не впадаетъ никакая рѣчка, ни само оно никуда не отдаетъ своихъ водъ. Сайрамъ-норъ отличается большой глубиной и дикою красотой своихъ береговъ, окруженныхъ скалами.

Далѣе озеро Баграшъ-куль около горы Карашара, на южномъ уже склонѣ Тяньшана. Въ него впадаетъ рѣчка Хайдуголь. Озеро это въ общемъ глубокое, но около береговъ оно мелко и эти мѣста поросли густымъ камышомъ.

Наконецъ, особеннаго упоминанія заслуживаетъ озеро Лобъ-норъ, находящееся въ восточной части Китайскаго Туркестана и въ которое впадаетъ рѣка Таримъ. Это озеро достойно особеннаго упоминанія потому, что географы до сихъ поръ спорятъ, то ли это озеро, о которомъ упоминаютъ китайская географія и древніе китайскіе путешественники, или другое. Тѣ и другіе помѣщаютъ въ своихъ описаніяхъ это озеро въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго. Мнѣ кажется, вопросъ этотъ вполне вѣрно разрѣшилъ извѣстный путешественникъ Свенъ Хединъ, который говоритъ,¹⁾ что озеро Лобъ-норъ черезъ извѣстный періодъ времени, подъ влияніемъ различныхъ причинъ, между прочимъ сильныхъ вѣтровъ, перемѣщается на другое мѣсто. Старое ложе его затгивается постепенно иломъ рѣки Тарима и зарастаетъ камышомъ, и воды Тарима, не находя себѣ мѣста въ старомъ ложѣ, текутъ въ новое и образуютъ такимъ образомъ какъ въ новое озеро. Затѣмъ это ложе по тѣмъ же причинамъ въ свою очередь зарастаетъ камышомъ; а на старомъ мѣстѣ камышъ высыхаетъ, и воды Тарима возвращаются на прежнее мѣсто. Такое объясненіе, данное Свеномъ Хединомъ разногласію, существующему между показаніями древнихъ географовъ и новыхъ путешественниковъ, вполне, мнѣ кажется, примиряетъ это разногласіе, такъ какъ показанія эти относятся къ тому же самому бассейну воды, но въ различные періоды его существованія въ двухъ разныхъ мѣстахъ.

Озеро Лобъ-норъ мелководно и заросло камышомъ, такъ что трудно даже добраться до воды его. Судя по имѣющимся даннымъ, берега Лобъ-нора въ древнія времена имѣли довольно значительное населеніе; но теперь они пу-

¹⁾ Свенъ Хединъ. Въ сердцахъ Азіи, т. II, 154—164 стр.

стынны, и только нѣсколько рыбаковъ-сартовъ влчатъ по берегамъ его довольно жалкое, полудикое существованіе. Въ послѣднее время китайское правительство задумало опять заселить мѣстность около Лобъ-нора земледѣльцами. Приняты уже были нѣкоторые мѣры къ его заселенію; опредѣлены были даже штаты управления вновь образуемаго Лобъ-норскаго уѣзда. Но что изъ всего этого проекта выйдетъ, сказать довольно трудно, такъ какъ пока дѣло заселенія подвигается очень медленно.

Кромѣ указанныхъ большихъ озеръ, есть еще довольно много маленькихъ, особенно въ горахъ, иногда на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Обо всѣхъ озеряхъ Западнаго Китая можно сказать одно и то же, а именно: во-1-хъ, что во всѣхъ озеряхъ вода горько-соленая и особенно въ тѣхъ, которые не принимаютъ въ себя никакихъ рѣкъ; во-2-хъ, большинство изъ нихъ мелки; въ-3-хъ, рыбы въ нихъ или совсѣмъ нѣтъ, или очень мало, и въ-4-хъ, практическаго значенія всѣ эти бассейны воды, какъ водные пути, никакого не имѣютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Растительность древесная и травяная.—Климатъ—сильные холода зимой. Большая жара лѣтомъ.—Температура разныхъ мѣстностей края. Вѣтры.—Вѣтеръ Зеб.—Особенный вѣтеръ въ Урумчи.—Климатъ, въ общемъ, удовлетворительный, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вредный.

Общее правило, что богатство или бѣдность растительности той или другой страны, помимо другихъ естественныхъ условий, зависитъ отъ количества влаги въ воздухѣ, отъ обилія и своевременности атмосферныхъ осадковъ. А такъ какъ вся Центральная Азія именно и отличается малымъ количествомъ выпадающихъ въ ней атмосферныхъ осадковъ, то и растительность въ ней, какъ травяная, такъ и древесная, вообще отличается большой бѣдностью. Впрочемъ, тутъ нужно сдѣлать нѣкоторую оговорку, такъ какъ и здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя уклоненія отъ указаннаго мной общаго правила. Нужно сказать, что и въ этихъ непривѣтливыхъ краяхъ встрѣчаются уголки, гдѣ влаги достаточно и гдѣ есть всѣ данныя для произрастанія могучихъ экземпляровъ растительнаго царства. Это по преимуществу нѣкоторыя горныя долины и склоны горныхъ хребтовъ на известной высотѣ. Вообще въ горахъ древесная растительность замѣчается всюду по ущельямъ горъ, по теченію горныхъ рѣчекъ. Но это большей частью кустарники, какъ шиповникъ и ягодные, а среди кустарниковъ

попадаются и отдельные крупные деревья, как-то: карагачь, тополи, ветлы и т. д. Такие заросли находятся всюду в горах Тарбагатай, Майли, Джаньр, Уркашарь, Борохоро и др. В Барлыкских горах там растут крупные леса по ущельям, главным образом хвойные, как ель, сосна и отчасти лиственница. Там же хвойные леса мы видим на северных и южных склонах хребта Борохоро, в лесной зоне, находящейся уже на значительной высоте над уровнем моря. То же самое встречаем и в Тяньшань.

Вид горных кряжей, в долинах, деревья мы видим исключительно около воды, и то большей частью насажденные рукою человека. К счастью, большие жары летом и оттого необходимость хоть какой-нибудь прохлады заставляют жителей Центральной Азии заботиться о посадке около своих домов и пашен деревьев. Зато, как только отбьхал от селения, начинается унылая пустыня. Сажают по преимуществу карагачи, пирамидальные тополи, другие сорта тополя, кой-где ветлу, одним словом, там же деревья, что мы встречаем и в лесу. Зато, в некоторых местностях встречаются большие фруктовые сады.

Хорошая травяная растительность тоже встречается, главным образом, в горах, где на склонах гор или на болоте или менее ровных площадках можно встретить роскошные ковры всевозможных цветов и трав; зато, по берегам рек и ручьев; наконец, на низких местах, заливаемых периодически водой, растет хорошая трава. Обычный же вид пустынь Центральной Азии,—а половина Западного Застывного Китая именно пустыни,—это сѣроватая глина, смешанная с галькой (мелкими камнями), местами поросшая полынью, а на низких солончаковых местах чемь, столь обычным растением этих широт Азии. Поэтому там, где почва не покрыта растительностью, видишь сѣровато-красноватую плоскость; где растет полынь — колорит зеленовато-сѣроватый; а где

чий—море желтых метелок, которые незнакомый с этим растением может принять издали за поле нежатой, плохой ржи. Грустно, уныло, безжизненно. Только изредка деревни, да еще рѣже города, окруженные купами деревьев, ласкают и радуют взор путника, угнетенный сѣрым однообразием пустыни. И действительно, сѣрая земля, красная или сѣрая горы и холмы—вот все, что может видеть путешественник на протяжении целых десятков верст между населенными пунктами.

Климат в Западном Застывном Китае, как стран континентальной, отличается всеми рѣзкими переходами континентального климата. Летом страшны жары, зимой большие холода. Притом летом, при дневной температуре, например, в 45° R., ночью бывает 15° R. Скачок большой, так что и при 15° R. организм, привыкший к дневному жару, уже ощущает холод. Зимой холода в некоторых местах доходят до—35° R. Даже в тех местах, где летом бывают особенно сильные жары, зимой температура падает иногда до—15° R., хотя только по ночам.

Атмосферных осадков во всем крае выпадает в общем очень мало. В северной части, как, например, в Тарбагатай, зимой и сильные морозы и нередко очень сильные сѣны. Но чем дальше на юг, тем сѣну бывает меньше, да и тот быстро сносится сильными ветрами, дующими постоянно со стороны пустыни Гоби. Летом дождей бывает немного. В самой южной части, именно в Восточном Туркестане, там иногда бывает один или два дождя во весь год. В Тарбагатай и Кульджи изредка бывают даже значительные дожди, и по преимуществу в конце мая и начале июня. Это своего рода период дождей. Если же иной год в этот период дождей бывает мало, то они разражаются в сентябрь месяце, для тогда дороги непроходимы. И общее правило по отношению ко всем атмосферным осадкам в крае то, что чем ближе местность к горам, тем их больше и

тѣмъ они чаще и обильнѣе, и чѣмъ дальше отъ горъ, тѣмъ осадковъ меньше, причѣмъ въ Гоби всего менѣе.

При большомъ протяженіи, на которомъ раскинулась Синцзянская провинція, средняя годовая температура въ разныхъ мѣстностяхъ, конечно, различна. Но при этомъ всю эту страну можно раздѣлить по ея климатическимъ особенностямъ на четыре части: Тарбагатай, Чжунгарія, Или и Восточный Туркестанъ.

Самыя сильныя жары бываютъ въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ онѣ доходятъ до 55° R. на солнцѣ. Особенно сильныя жары бываютъ въ Турфанѣ, гдѣ даже мѣстные жители бываютъ не въ состояніи выносить дневной жаръ лѣтомъ и цѣлые дни сидятъ въ подземельяхъ. Въ это время прекращается всякая дѣятельность, и вся жизнь какъ бы замираетъ. Зимой температура падаетъ по ночамъ до—15° R.

Въ Илискомъ округѣ лѣтомъ температура доходитъ до 50° R; ночи прохладны. Зимой бываютъ морозы даже —20° R; но это все-таки не постоянное явленіе, и такая низкая температура бываетъ не каждый годъ. Окружающіе Кульджу съ сѣвера, востока и юга горы не позволяютъ проникать въ Илискую долину какъ холоднымъ сѣвернымъ теченіямъ, такъ и черезчуръ жаркимъ южнымъ. Отсюда происходитъ большая равномерность температуры въ теченіе всего года.

Въ Тарбагатаѣ большія жары лѣтомъ, 50° R днемъ на солнцѣ, и большіе морозы зимой, доходящіе до —35° R. Къ сѣверу отъ Тарбагатайскаго хребта, въ долину рѣки Чернаго Иртыша, еще холоднѣе.

Весна начинается въ Восточномъ Туркестанѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, когда тамъ начинаютъ уже снѣгъ. Въ Или въ мартѣ въ началѣ, въ Тарбагатаѣ въ мартѣ въ концѣ. Въ Чжунгаріи такъ же, какъ въ Илиской области, въ началѣ марта. Въ это время уже дѣлается днемъ вполне тепло, хотя по ночамъ и бываютъ заморозки; начинаются полевая работа. Впрочемъ, нужно замѣтить, что мѣстности

находящіяся и значительно на югѣ, но расположенныя высоко надъ уровнемъ моря, отличаются еще болѣе суровымъ климатомъ. Такъ, напримѣръ, главный городъ Западнаго Китая Урумчи, расположенный на 2,850 футовъ надъ уровнемъ моря, долженъ быть признанъ болѣе холодной мѣстностью, чѣмъ, напримѣръ, Чугучакъ, отъ котораго онъ находится на четвергата слишкомъ верстъ къ югу.

Настоящій бичъ всего почти Западнаго Китая—это страшные вѣтры. Особенно сильныя вѣтры бываютъ весной. Тогда они продолжаютъ недѣлями и достигаютъ такой силы, что, напримѣръ, по дорогѣ изъ Чугучака въ Урумчи, около станціи Сары-Хулусунъ, останавливается движеніе каравановъ, такъ какъ даже верблюды не могутъ противостоять силѣ вѣтра. Обыкновенно въ періодѣ вѣтровъ бываетъ такъ, что съ утра до 12 часовъ тихо, съ 12 часовъ начинается вѣтеръ, къ 3 часамъ достигаетъ высшаго напряженія, дуетъ до 4—5 часовъ, а около 6 часовъ вечера обычно все стихаетъ. Даже и въ томъ случаѣ, если вѣтеръ дуетъ цѣлыя сутки, то самое большее его напряженіе бываетъ именно послѣ полудня до вечера.

Преобладающіе вѣтры въ Тарбагатаѣ и Чжунгаріи сѣверо-восточны и юго-западный. Первый дуетъ изъ пустыни Гоби, сухой и рѣзкій, а второй — приноситъ тепло и сырость, такъ что обычно сопровождается обильными атмосферными осадками. Сѣверо-восточный вѣтеръ, который въ Тарбагатаѣ носитъ названіе «эбе», крайне неприятный, онъ ужаснымъ образомъ дѣйствуетъ и на людей, и на животныхъ. Люди дѣлаются нервными, раздражительными, затѣмъ наступаютъ апатія и удрученное состояніе духа. Животныя, особенно лошади, тоже измѣняются, волнуется. Обычно «эбе» продолжается отъ 3 до 7 дней, затѣмъ обыкновенно за нимъ слѣдуетъ юго-западный вѣтеръ, дуетъ день, два, и потомъ идетъ или дождь, или снѣгъ, смотря по времени года. Зимой, кромѣ того, нерѣдко дуютъ сѣверо-западные вѣтры, которые всегда приносятъ съ собой холодъ.

Совершенно особенные вѣтры наблюдаются въ Урумчи въ началѣ весны, когда почти каждую ночь дуютъ страшные вѣтры съ сѣверо-востока, достигающіе силы урагана. Вѣтеръ начинаетъ дуть обыкновенно часовъ около двѣнадцати ночи и въ 6 часовъ утра совсѣмъ стихаетъ. Этотъ вѣтеръ, мнѣ кажется, можно объяснить тѣмъ, что Урумчи находится въ ущельѣ, открытомъ только съ сѣвера. За день воздухъ сильно нагревается и ночью теплый воздухъ начинаетъ уходить наверхъ; вмѣсто него приходитъ холодный воздухъ съ сѣвера и по ущелью, какъ по трубѣ, устремляется съ страшной силой; отсюда такая сила давления вѣтра.

Дѣйствіе вѣтровъ наблюдается въ гораздо болѣе слабой степени тамъ, гдѣ мѣстность защищена отъ нихъ большими горными хребтами, какъ, напримѣръ, въ Кульджѣ. Сѣверо-восточный и сѣверный вѣтры въ Кульджѣ даютъ себѣ чувствовать гораздо слабѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Зато болѣе частое явленіе юго-западный вѣтеръ, который, не встрѣчая на своемъ пути преграды въ видѣ горныхъ хребтовъ, свободно проникаетъ въ Илійскій край, принося съ собою живительную влагу. Оттого и осадковъ бываетъ въ Илійскомъ краѣ значительно болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ Западнаго Китая.

Восточный Туркестанъ закрытъ горами съ запада, а открытъ съ востока, поэтому и преобладающіе въ немъ вѣтры восточные, которые отличаются большой сухостью и силой. Лѣтомъ вѣтры жаркіе, зимой холодные и рѣзкіе.

Климатъ Западнаго Застѣннаго Китая по своему влиянію на организмъ человѣка въ общемъ можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстностей. Но для вновь прѣзжаго въ край сѣверинина, при нѣкоторой неосторожности, онъ можетъ быть гибеленъ. Организмъ жителя сѣвера съ большимъ трудомъ привыкаетъ къ рѣзкимъ измѣненіямъ температуры, особенно лѣтомъ, когда скачки бываютъ отъ 45—50° R до 13—15° R вечеромъ. Особенно опасно оставаться на воздухѣ при за-

катѣ солнца, когда пониженіе температуры дѣйствуетъ на человѣка, какъ неожиданный ударъ. Неосторожный, вышедшій изъ дома легко одѣтымъ, рискуетъ получить жестокою малярію. Это случается даже съ туземцами. Ту же малярію вызываетъ употребленіе въ пищу въ лѣтнее время свѣжихъ дынь. Поэтому, вновь прѣзжавшему въ край чело-вѣку съ сѣвера нужно быть очень и очень осторожнымъ. Но если первый годъ пройдетъ благополучно, безъ малярии, то чело-вѣкъ уже свыкается съ климатомъ, и для него рѣзкіе скачки температуры уже не такъ опасны.

Выше я сказалъ, что есть мѣстности, которыя неблагопріятны по своему климату для чело-вѣка. И во главѣ этихъ мѣстностей долженъ быть поставленъ Восточный Туркестанъ. Страшный, почти тропическій жаръ, вызывающій усиленное испареніе воды въ оросительныхъ каналахъ, создаетъ всѣ необходимыя условія для развитія малярии и дезинтеріи, которыя и уносятъ много жертвъ, особенно въ Кашгарѣ и Турфанѣ; кашгарская дезинтерія ужасна. Малярія рѣдкое явленіе и въ Илійскомъ округѣ, а въ Чжунгаріи — около города Шихо. Что касается Тарбагатайскаго округа и мѣстностей къ сѣверу отъ него, то въ нихъ, какъ въ мѣстахъ болѣе прохладныхъ, малярія уже менѣе частая гостья, и если встрѣчается, то большей частью у лицъ, вновь прѣзавшихъ въ край и не принимающихъ никакихъ мѣръ предосторожности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Западный Китай—проходная станція при великом переселеніи народовъ.—Древнѣйшіе обитатели цыны-тангуты.—Хунны.—Завоеваніи хана Модя.—Борьба китайцевъ съ хуннами.—Стибійцы.—Иеужани.—Тукіасцы.—Борьба ихъ съ китайцами.—Туфанцы-тибетцы.—Гаюлюйцы-уйгуры.—Уйгурское государство.—Уничтоженіе уйгурскаго государства хагисами и восстановленіе Пугудуэнемъ.—Уселеніе тангутовъ.

Являясь центромъ Азіатскаго материка, теперешній Западный Китай естественно являлся издавна и неизбѣжною ареной того передвиженія народовъ, которое совершалось съ востока на западъ еще въ доисторическія времена. Но въ то же время, какъ проходной пунктъ, лишь только этапъ въ этомъ великомъ передвиженіи, онъ не могъ сдѣлаться и средоточіемъ какой-нибудь определенной культуры, сценой связанной и продолжительной исторической эпохи. Онъ всегда былъ лишь мѣстомъ ряда историческихъ эпизодовъ, съ болѣе или менѣе значительными перерывами и промежутками, иногда связанныхъ между собою, а иногда какъ будто стоящихъ совершенно обособленно другъ отъ друга. До самаго послѣдняго времени эти края были ареной дѣятельности разнаго рода кочевыхъ народовъ, которые сюда приходили, кочевали въ разныхъ мѣстахъ и затѣмъ, или уходили на западъ, или какъ-то исчезали, неизвѣстно куда, съ историческаго горизонта.

Отъ этой своей подвижности ни одинъ народъ изъ дѣйствовавшихъ въ разное время въ предѣлахъ нынѣшней Синьцзянской провинціи не оставилъ прочныхъ слѣдовъ своего существованія и сколько-нибудь точнаго историческаго преданія. Какъ кочевникъ не имѣетъ ничего прочнаго въ своемъ обычномъ обиходѣ, такъ онъ не оставляетъ ничего прочнаго и послѣ себя, на основаніи чего можно было бы создать научно достовѣрную исторію. О большинствѣ проходившихъ тамъ народовъ сохранились лишь самыя краткія историческія свѣдѣнія, которыя даютъ слишкомъ мало матеріала, чтобы создать ясное о нихъ понятіе. Объ иныхъ народахъ мы знаемъ почти только ихъ имена, да и то въ китайской транскрипціи, такъ искажающей чуждые для китайскаго слуха звуки.

Самыми древними обитателями Западнаго Застѣннаго Китая китайскія лѣтописи называютъ какихъ-то цановъ. Вѣроятно, это были тангуты. Они обитали въ юго-восточной части нынѣшней провинціи Синьцзянь. Воевали часто съ китайцами, то удачно, то нѣтъ; а затѣмъ были покорены новой кочевой силой — хуннами, которые пришли съ сѣвера, покорили соседней цановъ, юэжисцевъ, а затѣмъ и самихъ цановъ. Цыны-тангуты подъ давленіемъ хунновъ должны были откочевать на югъ, въ область Амдо. Это было въ третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова.

Теперь выступаетъ на историческую сцену новая народность, въ лицѣ хунновъ, которые играютъ громадную историческую роль въ теченіе продолжительнаго времени¹⁾. Легко покоривъ западныхъ цановъ и юэжи, ханъ хунновъ Модя отважился произвести нападеніе и на самый Китай и имѣлъ успѣхъ. Затѣмъ онъ покорилъ Восточный

¹⁾ Хунны, подъ именемъ Хунъ-юй, были извѣстны китайцамъ уже въ многочислыя времена Яо (2357—2255 до Р. Х.); во время династіи Чжоу (1122—225) это название имѣлиось въ Хань-юнь и, наконецъ, во время династіи Цинь въ хунну. Такнись. Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азійи въ древнія времена. I, стр. 2, пр. 1.
и в. говорульскія.

и Западный Туркестан, Бухару и Туркмению. Но китайцы не могли, конечно, помириться с таким усилением хуннов, и вот начинается их продолжительная борьба с этим кочевым народом. Борьба эта велась с переменным успехом, но система ведения ее была обычная китайская: там, где китайцы могли взять открытой силой, они посылали против хуннов войска и нередко разбивали их; но иногда и сами терпели от них поражения; а там, где силой одолеть их было нельзя, они старались то вызывать между собой среди самих хуннов, то создавать столкновения их с соседями и таким образом успевали ослабить опасного для себя противника. Такими мерами китайцы достигли того, что в первом веке перед Рождеством Христовым хунны подчинились Китаю. Но в первом веке по Рождестве Христовом мы опять видим хуннов временными, и не на долго, владителями Западного Китая. Однако междоусобия среди хуннов, натиск китайцев на союз с сяньбйцами, динлинами и южнами хуннами, уничтожили их могущество в крае. Это было в конце первого столетия нашей эры. Разбитые хунны бросились на запад, там оказались сильные местные жители и подчинили себе огромную территорию Средней Азии до моря Каспийского. «Это», как справедливо замечает г. Грумь-Гржимайло, «моментъ чрезвычайной важности въ исторіи Европы и Азии»¹⁾, такъ какъ это былъ первый толчокъ къ великому переселенію народовъ. После этого бѣгства на западъ хунны уже не играютъ никакой роли въ судьбахъ Западнаго Застѣннаго Китая. Положимъ, южные хунны, оставшіеся въ провинціяхъ Шэнь-си и Ганьсу, заявили о себѣ въ исторіи Китая, основавши даже двѣ китайскія династіи, Хань и Чжао, но въ интересующей насъ странѣ дѣятельность ихъ уже ничѣмъ больше не обнаружилась.

¹⁾ Грумь-Гржимайло. Описание путешествія въ Западный Китай томъ II, стр. 24.

На сѣвну хунновъ появляются сяньбйцы, жуужани, различные уйгурскія племена и тукіэцы.

Изъ этихъ народностей сяньбйцы играли лишь незначительную роль въ судьбахъ Центральной Азии. Недолго они владѣли Хотаномъ, а затѣмъ они уже почти не появляются въ этихъ краяхъ.

Гораздо болѣе замѣтная роль въ исторіи Западнаго Китая принадлежитъ жуужанямъ. Жуужани издавна населяли Вэй-шань, затѣмъ они распространились по всей Халхѣ и Чжунгаріи, подчинили себѣ гаюгойскія (уйгурскія) племена. Дальнѣйшая исторія жуужаней знаменуется внутренней борьбой съ своевольными гаюгойскими поколѣніями и вѣншей съ императорами Сѣвернаго Китая. Особымъ упорствомъ эта борьба отличалась въ серединѣ V в. по Рожд. Христову, когда жуужанямъ удалось овладѣть даже вѣтамъ Восточнымъ Туркестаномъ. Но въ то же время борьба ихъ съ гаюгойцами была очень неудачна, такъ что одно время гаюгойцы были полными хозяевами во всей Чжунгаріи и Притяньшаньѣ. А въ половинѣ VI в. жуужани уже совершенно потеряли свою независимость, которая у нихъ была отнята неожиданно усилившимися тукіэцами.

Усилившіеся тукіэцы сдѣлались опасны и для самого Китая, который, чтобы ослабить ихъ, прибѣгъ къ своей излюбленной политикѣ—divide et impera,—т. е. поссорилъ тукіэскихъ владѣтелей между собою, а затѣмъ достигъ и того, что они признали себя вассалами Китая. Благодаря интригамъ Китая, тукіэцы раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ западная орда владѣла почти всей нынѣшней Сибирянской провинціи и ставка хановъ находилась сначала въ Илиской долинѣ, а затѣмъ на Юлдузѣ. Но во время смутъ въ Китаѣ, сопровождавшихъ паденіе Суйской династіи, тукіэцы опять сплотились, усилились и сдѣлались опасными даже для самого Китая. Однако, могущество ихъ скоро было сломлено, вслѣдствіе возстанія подвластныхъ имъ племенъ гаюгойскихъ, которыя въ это время измѣнили свое племенное названіе на уйгуровъ. Въ

половинѣ VII в. китайцы доходили даже до Или и Тарбагатай, и прежнія владѣнія тукизцевъ были раздѣлены на приставства, которыя были подчинены двумъ ханамъ.

Въ то время, какъ стало клониться къ упадку значеніе тукизцевъ, возвысились туфаньцы, или тибетцы. Западные тукизцы въ концѣ VII в. признали себя даже вассалами тибетцевъ, которые при ихъ содѣйствіи отняли у китайцевъ почти весь Восточный Туркестанъ. Но потомъ тоже, какъ и прочіе кочевники, въ разное время достигавшіе нѣкотораго значенія, и туфаньцы-тибетцы сошли со сцены исторіи, чтобы потомъ долго на ней не появляться.

Совершенно особую роль сыграли въ исторіи Средней Азійи гаючюйцы-уйгуры. Ихъ удѣлъ былъ наносить первый, а иногда и послѣдній ударъ разнымъ кочевымъ народамъ. Но сами они долгое время не могли создать значительнаго государства, и только съ 745 г. ¹⁾ они стали играть видную роль въ исторіи Средней Азійи и то въ теченіе одного лишь столѣтія, до 844 г. Этотъ столѣтній періодъ они существовали въ видѣ могущественнаго кочевого государства. За это время уйгуры два раза ходили на помощь китайскимъ императорамъ, которымъ угрожали узурпаторы, конечно, за приличное вознагражденіе, въ видѣ дани и выдачи китайской принцессы за уйгурскаго хана; воевали съ туфаньцами, которые владѣли тогда землями къ югу отъ Тяньшана и послѣ ряда неудачъ въ заключеніе оказались побѣдителями.

Но затѣмъ среди нихъ начались распри. Этими воспользовались ихъ враги хагасы—предки нынѣшнихъ киргизовъ; уйгуры были разбиты и расѣяны по равнымъ мѣстамъ Азійи. Это было въ 840 г.

Часть уйгуровъ бѣжала въ Тарбагатай и тамъ вскорѣ оправилась отъ погрома, такъ что, двинувшись на востокъ, уйгуры вернули себѣ южную Чжунгарію, Бай-шань и западную половину Хэси, чѣмъ и положили начало новому

уйгурскому ханству. Въ 861 г. уйгурскій старшина Пугуцзунъ, кочевавшій въ Южной Чжунгаріи, отнялъ у туфаньцевъ-тибетцевъ Турфанъ и Хами и объявилъ себя ханомъ, въ какомъ достоинствѣ утвердило его и китайское правительство. Это новое государство и была впоследствии столь извѣстная уйгурская держава.

Въ половинѣ IX в. стали усиливаться тангуты, извѣстные подъ именемъ даньсиновъ. Сначала они жили въ Амдо (Си-чжи), въ горахъ, являющихся водораздѣломъ между бассейнами рѣкъ Янъ-цзы и Хуанъ-хэ. Въ 873 г. они основали царство Ся.

¹⁾ Иакинфъ Бичуринъ. Собр. свѣд. о народ. Средн. Азійи. I, стр. 384.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Монголы при Чингис-ханѣ.—Расширеніе монгольской имперіи при преемникахъ его и вмѣстѣ ослабленіе ея.—Ойраты.—Война ихъ съ восточными монголами; съ ханами Могулистана.—Судьба Могулистана.

Въ XIII в. выступаютъ на историческую сцену монголы, объединенные Чингисъ-ханомъ. Этотъ великій завоеватель быстро покорилъ всѣхъ своихъ сосѣдей и въ 1210 г. утвердилъ свою власть надъ всѣми кочевыми народами Халхи, Чжунгаріи и Бэй-шаня. Опустошивъ Западную Азію и Кавказъ, въ 1226 г. онъ подчинилъ себѣ и тангутовъ, послѣ страшнаго погрома ихъ земель.

Преемники Чингисъ-хана продолжали его завоевательную политику какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ. Но вмѣстѣ съ расширеніемъ владѣній шло и внутреннее разложенеіе обширной монгольской имперіи. Западный Китай сдѣлался достояніемъ потомковъ Джигагата. «Новидимому, несмотря на господство монголовъ въ краѣ, отуреченіе кореннаго населенія Восточнаго Туркестана (иранцевъ), начавшееся съ незапамятныхъ временъ, продолжалось и при Джигагатаидахъ. Но на ряду съ этимъ шло и заселеніе свободныхъ земель Чжунгаріи, Восточнаго Туркестана и Наньшаня монголами и омонголенными тюрками. По крайней мѣрѣ уже въ 1370 г. китайцы застали всю страну къ северу и западу отъ Куку-нора занятой уже этими племенами»¹⁾. При династіи Юань, династіи монгольской, монголы заняли своими кочевьями и оба склона восточной оконечности Тиньшаня, такъ что тамъ на ряду съ уйгурами и выходцами изъ Восточнаго и Западнаго Туркестана жили и монголы. Въ это же время монголы стали селиться и около Лобъ-нора, и присутствіе ихъ тамъ свидѣлствуется массой монгольскихъ названій мѣстностей и урочищъ, которая сохранились и теперь.

Въ XIV вѣкѣ монголы были изгнаны изъ Китая, разбиты и попали въ подданство ойратовъ. Во время Чингисъ-хана имя ойратовъ носило незначительное племя, жившее въ верховьяхъ рѣки Енисея. Они были не монгольскаго, но тюрко-угро-финскаго происхожденія, хотя, по словамъ Рашидъ-эдъ-дина, говорили на одномъ изъ монгольскихъ диалектовъ²⁾. Какимъ путемъ въ послѣдствіи имя этого ничтожнаго народа распространилось на ту смѣсь тюркскихъ народностей (меркитовъ, киреевъ, абакъ-киреевъ, аръяновъ и телеутовъ), которая, омонголившись на службѣ у Чингисханидовъ, сплотилась въ многочисленный калмыцкій союзъ, это—тайна, которую никому еще не удалось разъяснить. Въ послѣдствіи ойраты получили названіе калмыковъ или чжунгаровъ. Сплотившіеся ойраты заняли земли, расположенныя къ северу отъ Тиньшана до Тарбагатаи.

Что была за причина борьбы западныхъ монголовъ (ойратовъ) съ восточными, трудно сказать; вѣроятно все же, разница уклада жизни окитавшихся восточныхъ монголовъ и дикихъ номадовъ запада Азіи. Въ борьбѣ этой принялъ участіе и Китай, переходя то на одну сторону, то на другую, смотря по тому, какъ это въ данный моментъ казалось болѣе выгоднымъ. Въ заключеніе ойраты все-таки остались побѣдителями надъ восточными монголами. Въ половинѣ XVI вѣкѣ послѣ гибели хана ойратовъ Осени политическое значеніе ойратовъ на время пало и перешло къ восточнымъ монголамъ.

¹⁾ Груммъ-Гржимайло. Опис. пут. въ Зап. Китай. II, стр. 66.

²⁾ Зависки Императ. Археологич. Общ. т. XIV, стр. 4, 7—8.

Въ то время какъ ойраты вели борьбу съ восточными монголами, имъ пришлось выдержать борьбу и съ ханами Могулистана. Могулистаномъ называлась восточная часть Джагатаева улуса. Въ нее входили Восточный Туркестанъ до границы Уйгурии, Илийскій край до рѣки Или и Чжунгарія. Ханы Могулистана овладѣли землями уйгурскими и явились такимъ образомъ преемниками владѣтелей Уйгурии—идикотовъ.

Исторія умалчиваетъ о томъ, какой конецъ постигъ династію идикотовъ Уйгурии; но только мы видимъ, что вмѣсто идикотовъ уйгурскихъ являются на сцену Чингисханыды, которые, введя удѣльную систему дробленія земель, очень скоро довели нѣкогда богатую страну до бѣдности и ничтожества ¹⁾. Еще при китайской династіи Юань отъ нея отдѣлилась Хами. Въ то же время и коренныя уйгурскія поселенія стали обособляться въ самостоятельныя владѣнія—Турфанъ, Хочжоу и Лукчунъ.

Изъ хановъ Могулистана замѣчательнѣе Увейсь, или Вейсь-ханъ, который, перенесъ свою резиденцію въ Турфанъ, сталъ твердой рукой управлять отсюда своей имперіей. Онъ-то все время и велъ борьбу съ ойратами, такъ же какъ и его сынъ Исабуга и его братъ Юнусъ. Последнему ойраты нанесли жестокое пораженіе при рѣкѣ Или и преслѣдовали до рѣки Сейкуна-Сыръ-Дарьи.

Послѣ смерти Юнусъ-хана въ Ташкентѣ въ 1496 году его обширная могулистанская имперія распалась, была раздѣлена между его сыновьями, при чемъ на долю старшаго сына достался Ташкентъ и земли къ сѣверу отъ него, а на долю младшаго сына Ахмеда Или-баянъ, Уйгурия и Кашгарія. XVI вѣкъ весь прошелъ въ борьбѣ Могулистана съ ойратами. Резиденція хановъ Могулистана попрежнему была въ Турфанѣ. Съ конца XVII вѣка свѣдѣнія о Джагатаидахъ Могулистана совсѣмъ прекращаются, такъ что точно неизвѣстно, что стало съ этой династіей.

¹⁾ Грумм-Гржимайло. Опис. пут. II, 88, 86, стр. 5.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возмущеніе ойратовъ при Галданѣ Бошкту — Его неудачная борьба съ китайцами. — Цзанъ Рабтанъ. — Галданъ Цэрэнъ. — Ихъ борьба съ китайцами. — Амурсанъ. — Покореніе края китайцами. — Восстаніе въ Восточномъ Туркестанѣ. — Якубъ-бекъ. — Умирненіе страны и возвращеніе русскими Кузудки Китая.

Въ то время, какъ стало падать значеніе Могулистана, стали усиливаться ойраты-калмыки. Исторія калмыковъ съ самаго основанія ойратскаго союза отличается большой темнотой, а особенно за вторую половину XVII вѣка. Лишь со времени Амурсана (XVIII в.) свѣдѣнія о калмыкахъ дѣлаются болѣе достоверными. Извѣстно во всякомъ случаѣ, что въ первой половинѣ XVII вѣкѣ во главѣ калмыковъ становился незаурядная личность, какъ Хара-хула и затѣмъ сынъ его Батуръ-хунъ-тайши (1634—1653), которымъ удается объединить подъ своей властью разрозненныхъ монголовъ. Но еще болѣе замѣчательной личностью долженъ быть признанъ калмыцкій ханъ Галданъ Бошкту. Ойраты при немъ настолько усилились, что подчинили даже себя Восточный Туркестанъ, гдѣ какъ разъ въ это время шла среди мусульманъ борьба религиозныхъ партій блдогорцевъ и черногорцевъ. Галданъ воспользовался этими смутами, чтобы наказать кашгарцевъ за набѣгъ на калмыцкіе улусы, напасть на Кашгаръ и, овладѣвъ имъ, постановилъ

правителем Кашгара указанное народомъ лицо, съ званіемъ Хакимъ-бека.

Илійскій бассейнъ былъ занятъ ойратами еще въ 1643 году при Батуръ-хунь-тайши. При Галданъ Бошукту вся Азія до Великой стѣны могла бы объединиться подъ его властью, если бы тому не помѣшали маньчжуря. Въ виду натиска ойратовъ-калмыковъ, восточные монголы отдались въ подданство Китаю, который уже и выступилъ на защиту своихъ новыхъ подданныхъ и владѣній. Галданъ Бошукту былъ разбитъ войсками императора Канси въ 1696 году на рѣкѣ Толъ, а въ 1697 году и самъ Галданъ, видя, что дѣло его совершенно проиграно, отравился. Такимъ образомъ власть надъ Чжунгаріей и смежными съ ней землями перешла къ китайцамъ. Западной частью этихъ владѣній сталъ управлять уже вассальный по отношенію къ Китаю племянникъ Галдана Цэванъ Рабтанъ. Но онъ не долго держался мирной по отношенію къ Китаю политики. Считая себя достаточно сильнымъ, онъ потребовалъ возвращенія чжунгарамъ всѣхъ ихъ прежнихъ кочевій къ востоку отъ р. Или вплоть до Кеми и Кемчика. Китайское правительство отвѣтило на это дерзкое требованіе тѣмъ, что отправило противъ Цэванъ Рабтана войска. Однако долго китайцы не имѣли успѣха. Цэванъ Рабтанъ чувствовалъ себя въ это время настолько сильнымъ, что даже вторгся въ Восточный Туркестанъ, разбилъ китайцевъ и занялъ Хами. Въ это же время онъ послалъ экспедицію въ Тибетъ, чтобы разгромить хошутовъ. Предпріятіе удивительное по своей смѣлости, которое однако пользы ему не принесло. Борьба съ китайцами тоже кончилась для него неудачно, такъ что онъ долженъ былъ просить мира и признавать себя данникомъ Китая. Въ виду этой покорности Цэванъ Рабтана китайцы вывели свои войска изъ Чжунгаріи, оставивъ свои гарнизоны лишь въ Турфанѣ, Хами и Баркулѣ.

Въ 1727 году Цэванъ Рабтанъ скончался, передавъ престолъ сыну своему Галданъ Цэрэну. При немъ война

ойратовъ съ китайцами возобновилась. Поводъ подали сами ойраты своими набѣгами на Китай. Въ 1729 г. императоръ Юнъ-чженъ послалъ противъ нихъ войска; но войска эти были ойратами разбиты. Потомъ ойраты потерпѣли поражение. Однако миръ былъ для нихъ все-таки выгодный, такъ какъ они получили Турфанъ и другія земли отъ китайцевъ.

Послѣ смерти Галданъ Цэрэна въ его семьѣ начались междоусобія изъ-за престола. Въ числѣ претендентовъ оказался родственникъ Галданъ Цэрэна Амурсана. Амурсана, чтобы добиться престола, передался китайцамъ, но цѣли своей все-таки не достигъ. Китайцы не повѣрили искренности Амурсаны, занять престолъ не помогли, а позволили только именоваться хошуннымъ правителемъ и помощникомъ илійскаго цзянзюня. Это ему не понравилось и потому онъ вновь поднялъ знамя восстанія. Но подъ натискомъ китайскихъ войскъ, предводимыхъ Чжаохоемъ и Фудэ, долженъ былъ уступить, бѣжалъ въ Россію, гдѣ и умеръ. Между тѣмъ китайскіе генералы Чжаохой и Фудэ продолжали свое дѣло усмирения края на китайскій ладъ и усмирjali такъ, что почти поголовно истребили чжунгарскій народъ; напр. отъ племени чоросовъ и хойтовъ ничего не осталось.

Такимъ образомъ было сокрушено могущество ойратовъ-чжунгаровъ. Пало ихъ царство, и земли ихъ вошли въ границы китайскій державы, при чемъ въ странѣ былъ построенъ рядъ укрѣпленій и городовъ, въ которыхъ были размѣщены гарнизоны знаменитыя, маньчжурскія войска. Одновременно съ этимъ киргизамъ разрешено было занимать калмыцкія земли.

Послѣ завоеванія Чжунгаріи Кашгарія должна бы была сдѣлаться наслѣдственно достояніемъ маньчжуровъ, такъ какъ Восточный Туркестанъ уже давно находился въ зависимости отъ ойратовъ-чжунгаровъ. Но въ то время какъ разъ кашгарцы уже освободились отъ калмыцкаго ига и подчинились добровольно преемникамъ чжунгаровъ, китай-

цамъ, не захотѣли. Поэтому китайцамъ пришлось завоевывать край силою оружія. Вѣрные своей политикѣ, китайцы и тутъ воспользовались внутренними раздорами среди кашгарцевъ, именно упомянутой уже борьбой ългорцевъ съ черногорцами. Оказавши поддержку главѣ ългорцевъ хочѣбъ Бурханъ-эдъ-дину, они завладѣли Кашгаромъ и Яркендомъ и поставили его правителемъ Кашгара. Но ставленникъ ихъ Бурханъ-эдъ-динъ не оправдалъ ихъ надеждъ; поднялъ возстаніе; однако былъ китайцами разбитъ и обезжалъ. Такимъ образомъ въ 1759 году китайцы сдѣлались обладателями всего Восточнаго Туркестана и земель далѣе на западъ, такъ что владѣнія ихъ на сѣверѣ Чжунгаріи, въ Бухтармѣ, стали соприкасаться съ владѣніями Россіи.

Однако владычество китайцевъ въ Восточномъ Туркестанѣ было еще непрочно. Мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ свергнуть китайское иго. Такъ, въ 1765 году была сдѣлана такая попытка, впрочемъ, кончившаяся такимъ жестокимъ наказаніемъ возставшаго города Учъ-Турфана, что это нагнало ужасъ на население и въ течение слѣдующихъ 60 лѣтъ не было ни одного серьезнаго возстанія.

Наступившая внѣшняя тишина въ краѣ однако не доказывала его благополучія. Мѣстное население было недозволено незаконными китайской администраціи и ея ставленниковъ туземныхъ властей и за эти 60 лѣтъ накопилась масса горячаго матеріала; нуженъ былъ только случай, чтобы пожаръ вспыхнулъ. И вотъ съ 1826 года опять начинаются возстанія противъ китайцевъ. Таковы были попытки хочжей отнять Восточный Туркестанъ у китайцевъ. Но всѣ эти попытки имѣли лишь временный и непрочный успѣхъ до тѣхъ поръ, пока не началось въ 60-хъ годахъ дунганское возстаніе въ провинціяхъ Шеньси и Ганьсу. Возстаніе это быстро распространилось на западъ, охватило всю Чжунгарію, а затѣмъ въ 1862—1863 годахъ перешло и въ Кашгарію. Въ Кашгаріи образовалось самостоятельное мусульманское государство во главѣ съ бадаулетомъ Якубъ-бекомъ. Положеніе китайцевъ было отчаянное. Многія ты-

сячи ихъ погибли. Однако въ течение слѣдующихъ 13 лѣтъ китайцы шагъ за шагомъ усмирили возстаніе въ Чжунгаріи; а затѣмъ обратились и противъ кашгарскаго правителя Якубъ-бека. Приверженцы его ему измѣнили, а затѣмъ и онъ самъ палъ отъ руки убійцы. Власть китайцевъ въ Кашгаріи была восстановлена. Въ 1881 году мы возвратили Китаю Илійскій край, который временно былъ занятъ нами во время дунганскаго возстанія, для охраны нашихъ границъ отъ вторженія мятежниковъ дунганъ и таранчей, и такимъ образомъ Китай сдѣлался полнымъ хозяиномъ Западнаго Застѣннаго Китая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народности, населяющие Западный Китай. — Китайцы. — Переселение ихъ въ западный край. — Мѣры правительства для усилія переселенія. — Способы передвиженія. — Обычный путь переселенцевъ. — Заготовка участковъ для переселенцевъ. — Поселія отъ казны. — Стойкость китайскаго характера. — Занятія китайцевъ — служба, торговля, земледѣлие, ремесла.

Населеніе Западнаго Застѣннаго Китая состоитъ изъ китайцевъ, маньчжуровъ, сартовъ, киргизовъ, дунганъ, монголовъ и изъ небольшого количества русскихъ подданныхъ: татаръ, сартовъ и коренныхъ русскихъ. По своему количественному значенію первое мѣсто среди этихъ народностей принадлежитъ элементу мусульманскому, въ лицѣ сартовъ, киргизовъ и дунганъ. За ними уже слѣдуютъ китайцы, далѣе монголы и послѣднее лишь мѣсто принадлежатъ маньчжурамъ. Русскіе подданные въ массѣ населенія являются слишкомъ незначительной величиной, выражающейся лишь долями процента.

Хотя китайцы занимаютъ по своей численности не первое мѣсто среди народностей Западнаго Китая, но такъ какъ они истинные хозяева края, то съ нихъ мы и начнемъ описаніе народностей, населяющихъ этотъ край.

Китайцы не аборигены края, какъ и остальные народности, теперь его населяющія, и кто именно были аборигенами края, исторія намъ пока не дала еще точныхъ и

твердыхъ на этотъ счетъ указаній. Но китайцы уже съ давнихъ поръ стали дѣлать попытки овладѣть этимъ краемъ и занять его. Но въ давнія времена ихъ попытки ограничивались лишь странами, лежащими ближе къ Великой стѣнѣ; а затѣмъ ихъ привлекалъ Восточный Туркестанъ, вѣроятно, потому, что черезъ него шель ближайшій путь въ западныя страны Азіи. Это первая причина ихъ стремленія въ предѣлы нынѣшней Синьцзинской провинціи. Другая же и еще болѣе важная, это постоянные набѣлы номадовъ, кочевавшихъ въ Чжунгаріи и на Бэй-шань, на Собственной Китай, которые вызывали частыя экспедиціи китайскихъ войскъ въ разбойничьи кочевья для наказанія и усмиренія грабителей; а также необходимость имѣть станціи и спорные пункты на мѣстѣ, чтобы легче и удобнѣе сдерживать слишкомъ предприимчивыхъ и беспокойныхъ соседей. Съ цѣлью имѣть опорные пункты китайцы неоднократно занимали своими гарнизонами старые города, а тамъ, гдѣ ихъ не было, устранили новые города и крѣпости; но долгу не могли осѣсть прочно въ краѣ. Изложенный выше историческій очеркъ интересующаго насъ края, хотя и кратко, однако достаточно ясно показываетъ, сколько китайцы потерпѣли неудачъ прежде, нежели достигли усмиренія и полного обладанія Западнымъ Застѣннымъ Китаемъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда почти поголовно были истреблены чжунгары, казалось, китайцы прочно обили въ странѣ, но дунганское возстаніе 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія совершенно почти уничтожило ихъ труды, и потому лишь съ половины 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія мы можемъ считать Западный Китай вполне въ рукахъ китайцевъ.

Въ прежнее время каждый разъ, когда китайцы хотѣли удержать за собой какую-либо мѣстность, они селили тамъ обыкновенно знаменитыя маньчжурскія войска, но маньчжуры представляютъ плохой колонизаціонный элементъ, оттого, быть можетъ, и занятіе это не было прочнымъ. Сами китайцы прекрасные колонизаторы, но они приходили въ но-

вая страны лишь въ небольшомъ количествѣ и то большей частью поневоль, а теперь начинается систематическое заселеніе края коренными китайцами. Въ первое время по усмирениі края китайское правительство попробовало было приблизить къ прежней системѣ принудительнаго заселенія Западнаго Китая ссыльными уголовными преступниками, но такъ какъ эта мѣра ничего, кромѣ вреда, не принесла, потому что на новыхъ мѣстахъ сосланные своихъ прежнихъ наклонностей не оставляли, то, по ходатайству синьцзянскаго губернатора Таома, въ 1892 году ссылка въ Западный край была прекращена и вмѣсто ссыльных стали привлекать въ усмирненную страну мирныхъ земледѣльцевъ.

Съ этой цѣлью былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ переселиться въ Западный Китай изъ всѣхъ провинцій Внутренняго Китая, и желающихъ нашлось не мало. Были даны громадныя льготы и пособія переселенцамъ, что, конечно, не могло не привлечь въ эту далекую страну нуждающихся въ землѣ и кускѣ хлѣба китайцевъ. Правительство прежде всего приняло на свой счетъ перевозку переселенцевъ отъ мѣста первоначальнаго ихъ жительства до главнаго города Западнаго края—Урумчи. Затѣмъ давало деньги на постройку домовъ, снабжало ихъ земледѣльческими орудіями, работчимъ скотомъ и сѣменами на первое время, съ уплатой за все это въ длинныя сроки и т. д. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ отбою не было отъ переселенцевъ. Но когда правительство увидѣло, что желающихъ селиться въ Западномъ Китаѣ вполнѣ достаточно, то оно нѣсколько измѣнило систему, найдя, что тратить на это дѣло большія суммы, когда можно обойтись безъ этого, не стоить, и сильно сократило льготы и привилегіи переселяющимся въ Синьцзянскую провинцію.

Съ недавняго времени изъ переселенческомъ дѣлѣ установился новый порядокъ. Правительство уже не вызываетъ желающихъ переселиться въ Западный Китай и не везетъ ихъ на свой счетъ изъ Внутренняго Китая, а всѣ переселенцы ѣдутъ на свой счетъ и рискъ; тѣмъ не менѣе идетъ

много народу. Особенно усилился притокъ переселенцевъ послѣ безпорядковъ 1900 г., когда на родинѣ изъ-за возвышенія налоговъ жить стало трудно. И вотъ идутъ и ѣдутъ бѣдные китайцы и семьями и по одиночкѣ и группами въ невѣдомую имъ страну искать новаго счастья на чужбинѣ, такъ какъ для кореннаго китайца Западнаго Застѣннаго Китая гораздо болѣе чужбина, чѣмъ, напримѣръ, для русскаго переселенца Сибирь. Дома онъ оставляетъ столь дорогія ему могилы предковъ и долженъ селиться среди чуждыхъ ему мусульманскихъ народностей. Положимъ, переселенцы по возможности стараются селиться тамъ, гдѣ поселились уже ихъ земляки, но это удается лишь счастливому меньшинству, а большинство должно селиться вмѣстѣ съ дунганами и другими мусульманами. Насколько китайцу трудно жить среди нихъ, видно, напримѣръ, изъ того, что онъ не можетъ свободно держать столь любимое имъ животное—свинью, такъ какъ мусульмане способны сдѣлать все, что угодно, чтобы извести эту нечисть, по ихъ религіозному ученію, а у китайца свинина самое лакомое блюдо.

Что касается способовъ передвиженія переселенцевъ, то они всецѣло зависятъ отъ ихъ матеріальнаго достатка. Но достатокъ этотъ обыкновенно очень малъ. Наши русскіе переселенцы могутъ быть раздѣлены на достаточныхъ, мало достаточныхъ и совсѣмъ бѣдныхъ. У китайцевъ же первыхъ двухъ группъ совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ сколько-нибудь состоятельный китаецъ никогда не броситъ своихъ родныхъ пенатовъ и на переселеніе идетъ только самые бѣдные. Поэтому богачомъ можетъ быть названъ тотъ, кто везетъ свою семью и весь свой скарбъ на телегѣ. Большинство же имѣетъ одного вьючнаго ослика или быка, на которыхъ и везутъ болѣе слабыхъ членовъ семьи и имущество, а остальные члены семьи идутъ пѣшкомъ. А то очень часто бываетъ и такъ, что дѣти и имущество помѣщаются на одной тачкѣ, которую поочередно и везутъ старшіе члены семьи. И это путешествіе приходится совершать по необятнымъ

пустынямъ Центральной Азіи, гдѣ на десятки верстъ, даже на трактовыхъ дорогахъ, можно не встрѣтить ни одного живого существа, гдѣ не найти воды, чтобы утолить жажду, не говоря уже о томъ, что отъ станціи до станціи, т. е. на 30—40 верстъ, нельзя достать никакой пищи. Не мало переселенцевъ гибнетъ въ дорогѣ отъ холодныхъ весеннихъ вѣтровъ, отъ невыносимыхъ лѣтнихъ жаровъ. Однако водна переселенія нисколько не ослабѣваетъ, и послѣ безпорядковъ 1900 г. число переселенцевъ даже усилилось. Внутреннія неурядицы и повышенные налоги для уплаты контрибуціи европейцамъ заставили много народа покинуть насиженные отцовскія мѣста и двинуться на далекій Западъ.

Обычный путь переселенцевъ изъ Внутренняго Китая—это Ланьчжоу, Сучжоу, Хами, оттуда на сѣверъ въ Баркуль, Гучень и затѣмъ въ главный городъ Западнаго Китая—Урумци. Урумци—это центральный пунктъ, куда собираются переселенцы, въ какую бы часть провинціи они ни направлялись; здѣсь производится ихъ распределение по разнымъ мѣстностямъ. До послѣдняго времени много переселенцевъ осѣдало невдалекѣ отъ Урумци, но теперь всѣ годныя земли въ окрестностяхъ города уже заняты, и новые переселенцы направляются правительствомъ все дальше и дальше на западъ и сѣверо-западъ, большей частью вдоль сѣверной императорской дороги, идущей въ Кульджу и Чугучакъ.

Въ Урумци переселенческимъ дѣломъ вѣдаетъ непосредственно мѣстный уѣздный начальникъ. Въ его управленіи каждому переселенцу обыкновенно прежде всего предлагаютъ вопросъ, гдѣ онъ самъ желаетъ поселиться. Если у переселенца есть земляки или знакомые, раньше сюда уже приходшіе, то обыкновенно онъ выражаетъ желаніе поселиться поближе къ нимъ. Если же въ старыхъ поселеніяхъ земли свободной не оказывается, или самъ переселенецъ не желаетъ тамъ селиться, то ему отводятъ новое мѣсто изъ тѣхъ, которыя уже отмежеваны и заготовлены заранѣе.

Интересенъ способъ, какимъ китайское правительство заготовляетъ новые участки для переселенцевъ. Въ общіхъ чертахъ онъ таковъ: сначала посылается специалистъ-чиновникъ изъ соответствующаго управленія для осмотра пригодныхъ земель. Чиновникъ этотъ выбираетъ земли, описываетъ ихъ подробно, раздѣляетъ на три разряда по ихъ годности и удобству для земледѣлія, а также и по способности вынести податное обложеніе и опредѣляетъ очередь заселенія земель, а затѣмъ докладываетъ объ этомъ областному начальнику — чжи-фу. Послѣдній докладъ этотъ представляетъ губернатору. Тотъ утверждаетъ или отвергаетъ докладъ и затѣмъ даетъ приказъ той или другой части войскъ занять и обработать избранный участокъ. Солдаты отправляются туда, строить крѣпостцу, по-китайски — инпанъ, и затѣмъ приступаютъ къ обработкѣ земли. Главное въ этихъ маловодныхъ мѣстностяхъ, съ недостаточнымъ естественнымъ орошеніемъ, устроить искусственное орошеніе полей: вырыть оросительные каналы-арыки и провести въ нихъ воду. Когда эта самая трудная и важная часть работы кончена, то иной разъ этимъ дѣломъ заготовки участка и оканчивается. Такъ это большей частью и бываетъ, и приготовленный такимъ образомъ участокъ передается земледѣльцамъ частнымъ лицамъ для пользованія. А иногда солдаты же производятъ на приготовленномъ участкѣ и первые посѣвы. Тогда начальство даетъ имъ рабочій скотъ, сѣмена, земледѣльческія орудія, и они начинаютъ воздѣлывать землю. Собираемый такимъ образомъ хлѣбъ идетъ на содержаніе самихъ же солдатъ. Солдаты обрабатываютъ участокъ годъ два, даже три года, и когда затѣмъ является достаточное количество переселенцевъ, желающихъ занять такой участокъ, то участокъ и отдается имъ. Иной разъ передаются переселенцамъ и возведенныя солдатами постройки, если, по стратегическимъ и другимъ соображеніямъ, мѣстное начальство не находитъ нужнымъ, чтобы солдаты продолжали жить и долѣе на устроеномъ ими мѣстѣ; и тогда переселенцы

строить себѣ новые дома и селиться около образовавшагося такимъ образомъ укрѣпленія.

Занявъ такимъ образомъ заготовленный участокъ, земледѣльцы, если пожелаютъ, получаютъ отъ казны въ долгу рабочій скотъ, орудія и сѣмена въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ; а затѣмъ, по прошествіи этихъ трехъ лѣтъ, которыя считаются періодомъ, вполне достаточнымъ для хозяйственнаго обзаведенія и укрѣпленія переселенцевъ, въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ переселенцы обязываются уплачивать за полученные ими въ ссуду сѣмена, скотъ и прочее стоимость ихъ. Уплата производится ежегодно определенными взносами въ казну вмѣстѣ съ уплатой податей, такъ какъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, переселенецъ начинаетъ платить уже и подати, которыя причитаются съ занятого имъ участка.

Описанныя выше мѣры китайскаго правительства, принимаемыя съ цѣлью заселенія края, показываютъ, какъ практично и разумно поставлено это дѣло у китайцевъ. И дѣйствительно, мѣры эти достигаютъ своей цѣли, такъ какъ китайское населеніе края годъ отъ года и замѣтно увеличивается, и это естественнымъ образомъ прикрѣпляетъ край къ Китаю.

Китайскій типъ и характеръ настолько стойки, что китаецъ, переселяясь въ новую, чуждую для него страну, въ среду чуждаго ему народа, остается тѣмъ же китайцемъ, котораго мы видимъ и во всѣхъ другихъ частяхъ обширнаго Средняго государства. Онъ несетъ на чужбину все свои вѣрованія, все свои привычки, и даже какъ будто бы переноситъ сюда и свою, привычную ему во Внутреннемъ Китаѣ, обстановку, или, по крайней мѣрѣ, онъ воссоздаетъ ее здѣсь съ мельчайшими подробностями, не желая замѣнить ничего чужого. Преле всего и здѣсь мы его видимъ въ той же сѣро-синей, длинной одеждѣ, которая намъ теперь такъ уже хорошо знакома по Маньчжуріи. Сосѣди его мусульмане скорѣе воспринимаютъ нѣкоторыя его привычки, а, въ частности, иногда одежду, а китаецъ—никогда. Такъ же,

какъ на своей родинѣ, съ которой ушли иногда уже его предки, а не онъ самъ, онъ строитъ свой домъ. Войдите въ любой китайскій домъ во Внутреннемъ Китаѣ, или въ Заствѣнномъ, даже на самой окраинѣ его, вы видите тотъ же самый типъ постройки. Вы видите зданіе, обязательно раздѣленное на три части, и въ каждой изъ нихъ неизбѣжная принадлежность каждаго китайскаго дома—канъ¹⁾. На канѣ китаецъ и спитъ, и ѣсть, и гостей принимаетъ. У людей со средствами канъ, въ виду его роли салона, бываетъ покрытъ туркестанскими коврами. На канѣ же лежатъ и жесткія чурбанообразныя подушки, служащія днемъ подкладкой почетнымъ гостямъ подъ голову при куреніи ими опиума, а ночью подушкой для спанья хозяина. Стѣна, въ которой сдѣланы входныя со двора двери, всегда бумажная. Въ ней вставлены маленькія стекла, замѣняющія наши оконныя рамы. Два-три стула или табурета въ комнатѣ—вотъ и вся обстановка китайскаго жилища въ болѣе парадной его части. И при этомъ всюду, и въ домѣ, и на дворѣ, грязь, и грязь невообразимая. Такимъ образомъ и въ этомъ даже отношеніи китаецъ остается себѣ вѣрнымъ и не замѣстуетъ благого примѣра отъ своихъ болѣе чистоплотныхъ сосѣдей-мусульманъ.

Въ своей внутренней и внѣшней жизни заствѣнный китаецъ слѣдуетъ тѣмъ же обычаямъ и правиламъ, которыми руководились его предки, вѣроятно, не одну тысячу лѣтъ. По старинѣ онъ справляетъ свой новый годъ и другіе китайскіе праздники, также дѣлаетъ визиты и подарки. Только семейная его торжества и печали отмѣчаются на новой родинѣ менѣе замѣтно, чѣмъ на прежней, такъ какъ здѣсь нѣтъ многихъ тѣхъ принадлежностей, которыя для этого необходимы, такъ, напримѣръ, нѣтъ неизбѣжной музыки, нѣтъ актеровъ, нѣтъ паланкиновъ, такъ какъ достать все это въ Западномъ Китаѣ очень трудно, особенно въ болышинствѣ мелкиихъ городовъ, не говоря уже о деревняхъ.

¹⁾ Канъ—это лежанка, устраиваемая въ китайскихъ домахъ по всю длину задней стѣнки и подтапливаемая снизу.

Общій укладъ жизни китаецъ нѣсколько измѣняется, когда онъ, за отсутствіемъ или недостаткомъ китайскихъ женщинъ, женится на мусульманкѣ—сарянкѣ или киргизкѣ. Положимъ, онъ не считаетъ ее настоящей законной женой, но все же приходится ему считаться со своей прекрасной половиной, съ ея вкусами. Это всего больше сказывается въ той сферѣ, въ которой хозяйкой является женщина, именно въ сферѣ домашняго хозяйства. Прежде всего нѣсколько мѣняется обстановка на мѣстный ладъ; затѣмъ приходится привыкать къ такимъ блюдамъ, какъ полау, пельмени, сурпа, которыхъ иначе китаецъ никогда бы не ѣлъ, но къ которымъ съ дѣтства привыкла его подруга жизни. Но если отъ такого смѣшаннаго брака появляется ребенокъ, особенно мальчикъ, то онъ уже одѣвается и воспитывается на китайскій ладъ. Но въ общемъ такіе браки не часты, и если китаецъ, временный житель края, а они-то и женятся на мусульманкахъ, возвращается на родину, то всегда оставляетъ такую свою жену и оставляетъ на произволъ судьбы и беретъ съ собой только ребенка.

Но эти маленькія отступленія отъ строгого китайскаго обихода бывають только въ бѣдномъ, низшемъ кругу. Что же касается людей состоятельныхъ и чиновниковъ, то они всегда и вездѣ остаются чистыми китайцами. Свою связь и принадлежность къ этому мусульманскому краю они обнаруживаютъ иногда лишь тѣмъ, что при разговорѣ съ мусульманами вставляютъ нѣкоторые мѣстные турецкія слова, да и то произносятъ ихъ на свой китайскій ладъ.

Китайцы, какъ хозяева края, являются въ немъ классомъ господствующимъ. Они, да еще маньчжуръ въ нѣкоторыхъ сферахъ, занимаютъ всѣ мѣста по администраціи, какъ военной, такъ и гражданской. Почти исключительно китайцы до послѣдняго времени служили и солдатами.

Большинство не служащаго китайскаго населенія Западнаго Китая, какъ и вездѣ въ Китаѣ, занимается земледѣліемъ. Многие также занимаются торговлей и ремеслами.

Главные торговыя фирмы въ краѣ всѣ китайскія. Банки находятся исключительно въ китайскихъ рукахъ. Всякій китаецъ коммерсантъ въ душѣ и достаточно ему приобрести нѣкоторыя средства, какъ онъ старается открыть какое-нибудь торговое дѣло, хоть самое маленькое. Любой чиновникъ, если онъ тайно не торгуется (законъ, какъ и у насъ, воспрещаетъ чиновникамъ заниматься торговлей), то мечтаетъ объ этомъ и при первой возможности старается пристроиться къ какому-нибудь торговому дѣлу. При этой склонности къ торговой дѣятельности, естественно, что и коммерческія способности китайцевъ замѣчательны. Въ этомъ отношеніи китаецъ можетъ быть названъ свреемъ Дальняго Востока; но мнѣ кажется, онъ еще болѣе способенъ выдержать какую угодно конкуренцію. Китаецъ воздерженъ, расчетливъ, тратитъ на свое содержаніе крайне мало, любитъ всюду кооперацію, предприимчивъ; поэтому вполне понятно, что среди китайскихъ подданныхъ и въ китайской торговлѣ онъ занимаетъ первое мѣсто въ Западномъ Китаѣ.

Хорошихъ ремесленниковъ-китайцевъ въ краѣ очень мало. Искусство ихъ мало кому здѣсь нужно. Богатыхъ китайцевъ въ краѣ еще небольшое число, а инородцамъ чисто китайскія произведенія не нужны; они, конечно, предпочитаютъ свое родное. Поэтому изысканія китайскія издѣлія достать очень трудно, а если что-нибудь и попадается, то это все исключительно привозное изъ Внутренняго Китая.

Что касается занятія земледѣльческимъ промысломъ, то вездѣ китайцы славятся какъ хорошіе земледѣльцы, славятся тѣмъ, что они тщательно обрабатываютъ землю и получаютъ удивительные урожаи со своихъ полей. Но эта похвала должна быть отнесена къ тѣмъ китайцамъ, у которыхъ мало земли. А тамъ, гдѣ земли изобиліе, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго Китая, тамъ о кропотливой и тщательной обработкѣ полей нѣтъ и рѣчи. Это можно наблюдать въ разныхъ мѣстахъ Западнаго Китая и теперь.

Напримѣръ, около г. Урумчи надѣлы у китайцевъ ма-
ленькіе, потому и обработаны они хорошо, а въ Кульджѣ и
Тарбагатаѣ земли гораздо больше, чѣмъ для китайца нужно,
и обработка полей стоитъ на томъ же низкомъ уровнѣ,
какъ и у мѣстныхъ сартовъ и киргизовъ. Хорошаго земле-
дѣльца создаетъ изъ китайца нужда, и тогда, когда нужда
его не давить, онъ не многимъ лучше своего сосѣда, пер-
вобытнаго пахаря.

Гораздо лучше поставлено огородничество. Огороды и
поля, засѣянные макомъ для приготовления опиума, дѣй-
ствительно, вездѣ воздѣланы великолѣпно. Но дѣло тутъ
нѣтъ томъ, что китаецъ питается почти исключительно ово-
щами, да и безъ опиума жить не можетъ; ну, и старается,
чтобы то и другое у него было въ достаточномъ количе-
ствѣ. Самыми лучшими огородниками считаются выходцы
изъ Тяньцзина. Они имѣютъ огороды главнымъ образомъ
около значительныхъ городовъ, съ промышленными цѣ-
льями, и извлекаютъ изъ нихъ хорошій доходъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Маньчжуры.—Переселеніе ихъ въ край.—Характеристика маньчу-
ровъ.—Ихъ типъ.—Нрава.—Положеніе женщины.—Тяготы мань-
чуровъ.—Занятія маньчуровъ—военная служба.—Маньчжуры—
земледѣльцы и торговцы.—Бѣдность маньчуровъ.—Убогий видъ ихъ
поселеній—сумуновъ.—Маньчжурскія части въ городахъ—маньчэн.

На ряду съ китайцами, какъ хозяева края, должны
быть поставлены маньчжуры. Прежде они играли здѣсь
первую роль, они были истинными хозяевами края. Но
послѣ дунганскаго возстанія, бывшаго въ 60-хъ годахъ
минушаго столѣтія, они отошли на второй планъ, усту-
пивъ первое мѣсто китайцамъ. Это былъ результатъ про-
должительной мирной борьбы завоевателей Китая, мань-
чуровъ, съ китайцами. На этотъ разъ побѣдителями ока-
зались китайцы. Плохое содѣйствіе маньчжуровъ кита-
скимъ войскамъ во время дунганскаго возстанія, а иногда
и прямо послѣдняя сдача маньчжурскихъ отрядовъ дунга-
намъ, вотъ что было главной и послѣдней причиной неми-
лости пекинскаго двора къ застѣннымъ маньчурамъ и
потери ими прежняго, исключительно привилегированнаго
положенія. Положеніе ихъ и теперь не такъ ужъ плохо,
но далеко не таково, какъ было до восьмидесятыхъ го-
довъ XIX в.

Маньчурами сначала называлось собственно одно только
племя изъ числа тѣхъ, которыя помогли маньчурской

династии завоевывать Китай, а потом название это было усвоено и другим племенам, говорящим на том же маньчжурском языке, именно: сибо, солонамъ и даурамъ, такъ что въ настоящее время въ Западномъ Китаѣ существуетъ четыре маньчжурскихъ рода или племени. Всѣ эти племена сознаютъ нѣкоторую свою племенную разницу, но въ то же время сознаютъ и свое маньчжурское единство, въ этомъ отношеніи отличая себя отъ китайцевъ и другихъ соедѣнныхъ народностей.

Въ Западномъ Китаѣ маньчжуры стали появляться съ давнихъ поръ, не позже конца XVII ст., когда маньчжурская династія, желая обезопасить свои западныя границы, стала стремиться къ утверженію въ Западномъ Западномъ Китаѣ. Средствомъ для этого, какъ это и всегда было обычно въ Китаѣ, было признано устройство китайскихъ городовъ и поселеній въ завоеванномъ краѣ. А такъ какъ только что вновь утвердившаяся въ Китаѣ маньчжурская династія не могла вполнѣ довѣрять своимъ новымъ подданнымъ, то и рѣшено было послать гарнизоны въ завоеванные города сородичей династии—маньчжуровъ. Они отправлялись туда съ семьями и устраивали маньчжурскія поселенія. Но до половины XVIII в., до тѣхъ поръ, пока были сильны въ Западномъ Китаѣ ойраты-чжунгары, эта маньчжурская военная колонизація глубоко въ край не простиралась и прочностью не отличалась. Въ числѣ войскъ китайскихъ полководцевъ Чжаохоя и Фудэ, завоевавшихъ Чжунгарію, было много маньчжуровъ. И вотъ когда до полутора милліона чжунгарскаго народа было истреблено и мѣстъ для поселенія оказалось много, то на лучшихъ мѣстахъ и были поселены маньчжуры и главнымъ образомъ въ Илійскомъ краѣ, который, по справедливости, считается лучшей мѣстностью въ Западномъ Западномъ Китаѣ. Но и впоследствии китайское правительство еще не одинъ разъ переселяло въ этотъ край маньчжуровъ, такъ что общее число ихъ достигло въ Западномъ Западномъ Китаѣ довольно значительной цифры.

Въ настоящее время маньчжуры проживаютъ всего больше въ Илійскомъ округѣ, вблизи русской границы. Тутъ есть и сибо, и солоня, и дауры, и собственно маньчжуры. Часть солоново живетъ въ Тарбагатайскомъ округѣ, въ Чугучакѣ и часть маньчжуровъ—въ Гученѣ. Эти маньчжуры жили прежде въ Урумци, но когда китайцы взяли въ свои руки управление страной, то изъ Урумци маньчжуры и были переведены въ Гученъ. Общее число маньчжуровъ можно опредѣлить въ 200.000 душъ обоого пола.

Хотя по своему племени происхожденію маньчжуры и близки къ китайцамъ, но по своему типу они все-таки значительно отличаются отъ китайцевъ. У маньчжуровъ болѣе правильныя черты лица: не такъ выдаются скулы, менѣе косые глаза. Однако одинаковый костюмъ, который носятъ тѣ и другіе, очень ихъ сближаетъ по внѣшности, такъ что неопытному человѣку очень трудно отличить маньчжуровъ отъ китайцевъ, такъ они сдѣлали другъ съ другомъ. Въ Маньчжуріи маньчжуры забыли свой родной языкъ, почти всѣ говорятъ по-китайски, такъ что нужно искать и искать настоящаго маньчжурца, говорящаго по-маньчжурски. Родной маньчжурскій языкъ употребляется только среди женщинъ, да и то лишь въ болѣе глухой провинціи Хэйлуцзянской. Въ Западномъ Китаѣ обособленность маньчжуровъ сохранилась и замѣчается гораздо сильнѣе. Вѣроятно, жизнь среди совершенно чуждыхъ имъ тюркскихъ народностей была тому причиной. Слишкомъ было мало точекъ сближенія и соприкосновенія съ соседями-тюрками у маньчжуровъ, чтобы имъ можно было чопнибуть отъ нихъ заимствовать. Это наоборотъ содѣйствовало укрѣпленію племенныхъ чертъ и особенностей. Сильнѣе сказывается вліяніе китайцевъ, которые уже много передали своего западнымъ западнымъ маньчжурцамъ. Тѣмъ не менѣе и теперь еще въ Синьцзянской провинціи ясно видно, что мѣстные маньчжуры народность особенная. Прежде

всего это можно видѣть по языку. Всѣ маньчжуры говорятъ по-маньчжурски, а по-китайски только немногіе, да и то главнымъ образомъ среди маньчжурскихъ чиновниковъ. Положимъ, и маньчжурскій языкъ илійскихъ маньчжуровъ довольно далека отъ того литературнаго маньчжурскаго, который мы изучаемъ, но это все-таки маньчжурскій языкъ. Впрочемъ, если говорить литературнымъ маньчжурскимъ языкомъ, то почти всѣ мужчины его понимаютъ; женщины—нѣтъ. По своему внѣшнему виду, какъ я сказалъ, маньчжуры не такъ сильно отличаются отъ китайцевъ, но въ своихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ они сохранили еще много своего, особеннаго, древне-маньчжурскаго. Прежде всего шаманизмъ, эта первобытная религія, играетъ у нихъ еще большую роль. Положимъ, проникаетъ уже и буддизмъ, такъ что среди маньчжурскихъ селеній—сумуновъ—появляются уже буддійскіе монастыри; но маньчжуры къ этимъ монастырямъ и монашеству вполнѣ равнодушны. Монастыри основываютъ маньчжурскія власти, монахи въ нихъ изъ монголовъ, а маньчжуры въ нихъ не идутъ. Почитаніе предковъ и связанныя съ этимъ культомъ китайскіе праздники еще не привились къ маньчжурамъ. По-китайски образованные маньчжуры, изъ подражанія китайцамъ, дѣйствительно, стараются соблюдать разные китайскіе обычай и церемоніи, но простой народъ до этого еще не дошелъ. Положеніе женщины-маньчжурки довольно хорошее; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ китайки. Она не является, какъ у китайцевъ, только игрушкой, орудіемъ наслажденія для мужчины, а скорѣе является помощницей своего мужа; особенно это у простого народа. Она работаетъ наравнѣ съ мужемъ и даже болѣе; ведетъ все домашнее хозяйство и вообще не играетъ въ семьѣ приниженой роли, какъ китайская женщина. Это сотрудничество мужа, масса всякой работы, вѣроятно, и не позволили привиться среди маньчжуровъ варварскому китайскому обычаю уродованія ногъ у женщины. Маньчжурка имѣетъ не такія маленькія и, по китайскому понятію, изящныя ноги, какъ китайка;

но зато она ходитъ самостоятельно и не испытываетъ тѣхъ мученій, которыя приходится претерпѣвать китайка, чтобы имѣть маленькія ноги.

По своей натурѣ, маньчжуры народъ крайне лѣнивый, особенно это замѣчается у мужчинъ. Да оно, мнѣ кажется, и не можетъ быть иначе. Какъ сородичи царствующей династіи, какъ помощники при завоеваніи ея нѣкогда Китая, они пользуются разными льготами и привилегіями, не платятъ въ казну никакихъ податей и не несутъ никакихъ повинностей, лишь небольшое количество зерна они должны вносить въ свои же сумунные хлѣбозапасныя магазины. Мало того, всѣ мужчины, какъ обязательные воины, защитники династіи и отечества, получаютъ отъ казны съ дѣтства наекъ—жалованье. Какъ тутъ не облѣниться при такихъ благоприятныхъ условіяхъ! Въѣдь обычное явленіе, что чѣмъ больше человѣку даютъ ни за что, ни про что разныхъ благъ, тѣмъ меньше онъ ихъ цѣнитъ и тѣмъ больше облѣнивается. А такъ какъ извѣстно, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, то не удивительно, что и у маньчжуровъ мы находимъ ихъ не мало. Прежде всего, маньчжуры большіе любители выпить; пьютъ не только мужчины, но даже и женщины. Въ послѣднее время сильно стало распространяться среди нихъ куреніе опиума, одно изъ пріобрѣтеній, заимствуемыхъ маньчжурами у китайцевъ. За тѣмъ, маньчжуры любители азартныхъ игръ въ кости, въ карты и проч. Но въ общемъ маньчжуры народъ симпатичный, добродушный, и хотя съ соседями своими изъ другихъ народностей они не обликаются, однако живутъ мирно, и сосѣди на нихъ не жалуются.

Маньчжуры издавна считаются по профессіи воинами. Въ виду этого китайское правительство уже съ дѣтства платитъ каждому маньчжурѣ жалованье, и они съ дѣтства готовятся къ будущей своей службѣ въ рядахъ арміи. Но обученіе это совсѣмъ не современное, архаическое. Умѣнье стрѣлять изъ лука, владѣть мечомъ, ѣздить верхомъ, вотъ чему обучаютъ будущаго защитника отечества. И, вообще,

въ настоящее время маньчжурь войны совсѣмъ плохіе. Среди спокойной, сравнительно обезпеченной жизни, давно уже угасъ у маньчжурь тотъ воинственный духъ, который когда-то побѣдилъ могущественную въ свое время Минскую династію. Маньчжурскіе солдаты даже хуже, и значительно, китайскихъ, что они съ достаточной ясностью показали еще во время дунганскаго возстанія, когда цѣлыя отряды маньчжурь или бѣжали передъ плохо вооруженными дунганями и таранчанами, или сдавались въ плѣнъ. Это позорное ихъ поведеніе доказало китайскому правительству ихъ негодность къ военному дѣлу. Въ виду этого, а отчасти и въ наказаніе, было уменьшено жалованье илійскихъ маньчжурь. Но по традиціи или почему-либо другому массу привилегій они сохранили и пользуются въ Западномъ краѣ гораздо лучшимъ положеніемъ, чѣмъ всѣ другіе подданные богдохана.

Какіе маньчжурь войны, мы уже видѣли. Не лучшіе они земледѣльцы и торговцы. Земледѣльцемъ они занимаются плохо и многіе только по принужденію начальства, которое требуетъ обязательнаго взноса извѣстнаго количества зерна въ хлѣбозапасные магазины. Пахутъ и сѣютъ они небрежно; но благоприятный климатъ и отличная почва, особенно въ Илійскомъ округѣ, даютъ и безъ особеннаго труда хорошіе урожаи. Гученскіе маньчжурь, гдѣ земледѣльческій трудъ хуже окупается, даже не занимаются и земледѣльствомъ, а только несутъ свою военную службу, которая тамъ совсѣмъ уже не обременительна. Да тамъ ихъ и немного, всего 1,000 семействъ. Торговцевъ-маньчжурь въ Западномъ Китаѣ совсѣмъ нѣтъ. Только маньчжурское начальство нерѣдко принимаетъ участіе въ торговлѣ разныхъ китайскихъ фирмъ, въ качествѣ пайщика, но безъ активнаго участія въ дѣлѣ. То же начальство, имѣющее табуны скота, продаетъ его китайскимъ и русскимъ торговцамъ.

Благодаря своей лѣнности, отсутствию предпріимчивости, нежеланію и неумѣнію взяться за что-либо, маньчжурь,

несмотря на всѣ льготы и пособія отъ правительства, живутъ крайне бѣдно. Грязная, изорванная одежда, грязныя руки и лицо, вотъ обычный видъ маньчжурь-простолюдина. Въ домѣ убогая обстановка, бѣдное хозяйство служатъ естественнымъ дополненіемъ вѣшнiаго вида маньчжурь. Самыя маньчжурскія деревни—сумуны—поражаютъ своимъ убогимъ видомъ. Подъѣзжаясь къ деревнѣ и видишь, что когда-то она была окружена стѣнами и рвами; но теперь глинобитныя стѣны развалились, торчатъ только жалкія основанія ихъ, рвы засыпались и остаются лишь ворота, сдѣланныя изъ обожженнаго сѣраго кирпича, да и то полуразрушенныя, которыя только и напоминаютъ о быломъ величіи. Несмотря однако на это, ворота ежедневно на ночь запираются, вѣроятно, чтобы показать, что тутъ не просто деревня, а укрѣпленіе. Въ Китаѣ традиція играетъ громадную роль; тамъ все ведется по разъ заведенному порядку; полгагается запираеть ворота, и запирай ихъ, хотя бы это было совершенно бесполезно и даже смѣшно. Вѣшній видъ сумуна можетъ свидѣтельствовать о его внутреннемъ видѣ. И дѣйствительно, въѣзжая въ ворота укрѣпленія, видишь длинную и узкую улицу, тянущуюся до противоположныхъ воротъ, и по обѣ стороны ея рядъ лачугъ китайской архитектуры, съ обвалившимися заборами, съ незакрывающимися воротами дворовъ. И среди этихъ развалинъ полнымъ диссонансомъ къ общему тону выступаютъ одинъ или два приличныхъ дома; это ямны (управленія) сумуннаго начальства. Но и помимо этого болѣе приличнаго вѣшнiаго вида, ясно видно, что это не жилище простого и притомъ небогатаго смертнаго: стѣна передъ входными во дворъ воротами, съ нарисованнымъ на ней дракономъ, показываетъ проходящему, что это ямынь, помѣщеніе какого-либо начальства и его канцелярія.

Въ городахъ маньчжурь живутъ отдѣльно отъ другаго населенія, въ особенныхъ крѣпостцахъ-ипшаняхъ, которыя и называются маньчжурскимъ городомъ. Высокія, а нерѣдко и солидныя стѣны отдѣляютъ маньчжурь отъ дру-

гих подданных богдохана. Эти стѣны и изолированность маньчжуровъ остатки отъ того времени, когда завоеватели Китая маньчжуры должны были быть всегда на сторожѣ противъ побѣжденныхъ китайцевъ. Теперь это, положимъ, уже совершенно не нужно, но по традиціи сохраняется.

Въ городахъ живутъ обычно начальствующія лица изъ маньчжуровъ или, вообще, люди со средствами, а потому и маньчѣны—маньчжурскіе города—не производятъ такого угнетающаго впечатлѣнія бѣдности и запустѣнія, какъ деревни—сумуны. Они представляютъ типъ обыкновеннаго китайскаго города, который я имѣю въ виду описать ниже, со всей его грязью и недостатками, такъ какъ хорошихъ сторонъ за китайскими городами я не знаю.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дунгане.— Ихъ происхожденіе.— Разныя названія этой народности.— Примѣсь китайской крови и духовная стойкость дунганъ.— Типъ дунганина въ настоящее время.— Нравственный обликъ его.— Положеніе женщины-дунганки въ семьѣ и ея характеръ.— Типъ дунганки.— Имя дунганъ.— Переселеніе дунганъ въ Западный Китай.— Враждебное отношеніе дунганъ къ китайцамъ и причина этого.— Причина дунганскихъ восстаній.— Занятія дунганъ.— Земледѣліе, торговля, извозный промыселъ и т. п.— Экономическое положеніе дунганъ.

Послѣ китайцевъ и маньчжуровъ слѣдующее мѣсто по значенію въ Западномъ Западномъ Китаѣ принадлежитъ элементу мусульманскому, въ лицѣ дунганъ, сартовъ и киргизовъ.

Начнемъ съ дунганъ. Долгое время происхожденіе дунганъ было загадкой для изслѣдователей. Съ франкимаъ, въ массѣ, типомъ лица, исповѣдующіе мусульманство, съ иными, чѣмъ у китайцевъ и другихъ сосѣдей обычаями, откуда могли появиться во Внутреннемъ Китаѣ, среди сплошнаго китайскаго населенія эти чужеземцы? Вотъ вопросъ, который долго занималъ изслѣдователей, да и теперь не разрѣшенъ окончательно. Но самое правдоподобное объясненіе происхожденія дунганъ есть то, что они потомки тѣхъ уроженцевъ Ферганы и вообще нынѣшняго русскаго Туркестана, которые были переселены во время походовъ

Чингись-хана и Чингисханидовъ въ Западную Азію, оттуда во Внутренній Китай. Исторія свидѣтельствуетъ, что Чингись-ханъ и его преемники, истребляя во время своихъ походовъ массу народа, щадили художниковъ, мастеровъ или вообще людей, знающихъ какое-либо ремесло и могущихъ тѣмъ быть полезными. Такъ, при взятіи Самарканда, мастеровыхъ и художниковъ, въ числѣ 30,000 человѣкъ, Чингись-ханъ раздарилъ своимъ женамъ и дѣтямъ. На востокъ же было отправлено множество жителей Трансоксианы... По взятіи Ургенча, мастеровые и художники были пощажены и въ числѣ свыше 10,000 человѣкъ отправлены на востокъ¹⁾. Всего вѣрнѣе, что эти-то отправленные на востокъ жители Западной Азіи и были родоначальниками дунганъ. Сами дунгане точно такъ же объясняютъ свое происхожденіе; такъ это выходитъ по ихъ преданіямъ.

Что касается названія «дунгане», то сами дунгане такъ себя не называютъ. Это названіе прилагается къ нимъ иностранцами. Дунгане называютъ себя «хуй-хуй», но это только тогда, когда они хотятъ себя отличить отъ другихъ народностей, мусульманскихъ и немусульманскихъ. Въ своей средѣ они называютъ себя «моминъ», что, вѣроятно, обозначаетъ послѣдователя ислама—мусульманина. А свое названіе «хуй-хуй» дунгане объясняютъ такъ: переселеннымъ въ Китай туркестанцамъ очень не понравилось въ чужой землѣ и потому они стали просить императора Хубилая отпустить ихъ назадъ. Хубилай былъ этимъ очень недоволенъ, но все-таки согласился на ихъ просьбу. Значительная часть переселенцевъ, дѣйствительно, и пошла назадъ; но, не дойдя до родины, почему-то вернулась въ Китай. Вотъ эти-то вернувшіеся и стали называться по-китайски «хуй-хуй», что значитъ по-русски возвратившіеся, а затѣмъ это названіе перешло и на всѣхъ дунганъ. Турк-

¹⁾ Иванинъ. О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азиатскихъ народовъ при Чингись-ханѣ и Тамерланѣ, стр. 62, 70 и 72.

ское названіе дунганъ—тургень, оттуда дунгень, что значитъ «вернувшійся», дѣлаетъ правдоподобнымъ даваемое самими дунганями объясненіе ихъ имени «хуй-хуй». Нѣкоторые наши изслѣдователи такъ и объясняютъ происхожденіе названія «дунгане». Но кромѣ этого, мнѣ кажется, этому слову можетъ быть дано и другое объясненіе, именно можно объяснять такъ: дунганъ всего болѣе въ восточной части провинціи Ганьсу. Слова «востокъ, восточный» по-китайски—дунъ; Гань можетъ замѣнять Ганьсу; и тогда дунганъ можетъ значить—житель восточной части провинціи Ганьсу. Китайцы называютъ дунганъ также сяо-цзяо, что значитъ малое ученіе, отличая ихъ отъ себя по религіи, а себя въ этомъ случаѣ они называютъ да-цзяо—великое ученіе, т. е. самое лучшее ученіе. Это названіе сяо-цзяо китайцы прилагаютъ и вообще ко всѣмъ мусульманамъ.

Переселенные въ Китай дунгане сохранили всѣ свои мусульманскія вѣрованія, свои обычаи и долгое время сохраняли даже свой языкъ. Монгольская династія Чингисханидовъ всегда весьма терпимо относилась ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; а кромѣ того переселенцы-туркестанцы и нужны были правительству своими знаніями; въ виду того притѣснять ихъ было невыгодно и потому сначала жились имъ въ Китаѣ привольно.

«Паденіе дома Чингисханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національной китайской династіей не обрушили остракизмомъ на мусульманъ, они уцѣлѣли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли недружелюбно и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія вина и свинины, было противно духу исламизма, магометане имѣли время тѣсно сблизиться между собой, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣчательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ

узами религии. Такими уже они являются въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ маньчжурскаго дома, являются цѣльнымъ отдѣльнымъ племемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ среди языческаго населенія края¹⁾.

Чингисъ-ханомъ были переселены въ Китаѣ чистые иранцы. Но на протяженіи восьми вѣковъ, которые протекли со времени ихъ переселенія, они не могли сохранить всю чистоту иранской крови. Сосѣди-китайцы переходили въ исламъ, тѣмъ приобщались къ мусульманской—дунганской общинѣ; дунгане женились на китайкахъ—мусульманкахъ, и такимъ образомъ чистота крови утратилась; благодаря этому число дунганъ значительно увеличилось; но духъ, стойкій мусульманскій духъ и на протяженіи вѣковъ остался тотъ же.

Но какъ ни много вошло въ среду дунганъ чужеземнаго элемента, все еще даже во внѣшнемъ видѣ дунганина осталось много такого, что даетъ возможность сразу же отличить дунганина отъ китайца, несмотря на одинаковій ихъ костюмъ и даже общую имъ всею косу. У дунганъ болѣе правильныя черты лица, чѣмъ у китайцевъ: раскосости китайской у нихъ нѣтъ; цвѣтъ лица большей частью смуглый, но не желтый; часто встрѣчаются лица румяныя и очень часто можно встрѣтить среди дунганъ совершенно туркестанскій типъ, какъ у русскихъ сартовъ. Дунгане народъ крѣпкій, здоровый. Въ силу этого до послѣдняго дунганскаго возстанія ихъ охотно вербовали въ китайскія войска. Теперь дунганамъ больше не довѣряютъ и въ солдаты ихъ не берутъ.

Обыкновенно дунгане говорятъ по-китайски. Но есть у нихъ и свой спеціально дунганскій языкъ. На немъ они говорятъ только между собою. Всего болѣе этотъ особый

¹⁾ О магометанахъ въ Китаѣ. Труды членовъ Рос. Дух. Миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 441.

языкъ въ употребленіи среди саларскихъ дунганъ. Что это за языкъ, истины добаться мнѣ не удалось, потому что сами дунгане избѣгаютъ объ этомъ говорить. Другіе же мусульмане мнѣ рассказывали, что въ дунганскомъ разговорѣ слышатся знакомые имъ тюркскіе звуки. Вѣроятно, поэтому, что это выродившееся въ теченіе вѣковъ, подъ влияніемъ китайскаго языка, каюс-нибудь нарѣчіе тюркскаго языка, своего рода жаргонъ. Азбука для письма на этомъ языкѣ, какъ говорятъ, арабская. Во всякомъ случаѣ вопросъ о дунганскомъ языкѣ это еще темный вопросъ, который еще ждетъ своего послѣдователя-любителя. Ни о какой литературѣ на дунганскомъ языкѣ я не слышалъ; вѣроятно, ея и не существуетъ.

По своему характеру дунгане народъ гордый, независимый. На остальные народности, даже мусульманскія, дунгане смотрятъ свысока, не сближаются съ ними и держатся въ сторонѣ. Если, напримѣръ, еще возможенъ случай, что дунганинъ женится на мусульманкѣ—не дунганкѣ, то дунганку за мусульманина другой народности ни за что не отдадутъ. Зато внутри своей общины, между собой у дунганъ существуетъ сильная связь и взаимная поддержка. Обмануть дунганину дунганина же считается величайшимъ позоромъ; на это рѣшится только совершенно пропащій человекъ. У нихъ существуетъ даже поговорка, что «мину (дунганину) мина обманывать нельзя». Да это и рискованно, потому что виновный въ такой измѣнѣ родной общинѣ обязательно понесетъ наказаніе; дунгане страшно мстительны и особенно они безпощадны въ этомъ случаѣ. Но въ общемъ дунгане честны и по отношенію къ другимъ народностямъ. На слово дунганина положиться можно. Конечно, и среди дунганъ попадается не мало дурныхъ людей; но дунганинъ пренебрегаетъ мелкимъ мошенничествомъ; онъ или честный человекъ, или разбойникъ, которому все ни по чѣмъ.

Положеніе женщины-дунганки куда лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мусульманскомъ мірѣ. Многоженство у

дунганъ не въ обычаѣ и потому одна жена занимаетъ подобающее мѣсто въ семейной жизни. Конечно, она не равна своему мужу, но и не раба. Весь внутрешній распорядокъ дома лежитъ на ней. Она свободно ходитъ съ открытымъ лицомъ и отъ чужихъ мужчинъ не прячется. И несмотря однако на эту свободу, женщина-дунганка отличается большой вѣрностью своему мужу. Супружеская вѣрность высоко цѣнится у дунганъ, и жестоко карается измѣна. Но измѣна у дунганъ рѣдкое явленіе. Во время многочисленныхъ вспышекъ дунганскаго возстанія жены и дочери дунганъ нерѣдко шли въ бой вѣдѣ за своими мужьями и отцами, и нерѣдки случаи, что они убивали себя и дѣтей, чтобы не отдаться въ руки китайцамъ.

По типу своего лица дунганская женщина какъ-то больше, чѣмъ мужчина, приближается къ китайцамъ и дунганку по ея вѣшнему виду гораздо труднѣе отличить отъ китаянки, чѣмъ дунганина отъ китаяца. Костюмъ ли тутъ играетъ роль, или прическа, всецѣло китайскіе, — а прическа особенно сильно измѣняетъ лицо, — или что-нибудь другое, или все это вмѣстѣ, это трудно сказать, только это фактъ для всякаго очевидный.

Сначала, какъ я сказалъ выше, жили дунгане во Внутреннемъ Китаѣ, а потомъ, когда китайское владычество стало распространяться въ Западномъ Китаѣ, то они поехали и туда. Китайцы уже въ то время не доверяли дунганамъ и потому очень неблагоприятно смотрѣли на появленіе ихъ въ новыхъ владѣніяхъ; однако остановить потокъ переселенія не могли, такъ что дунгане появляются въ Западномъ Заствѣнномъ Китаѣ уже въ концѣ XVIII вѣка, вскорѣ же послѣ покоренія Чжунгаріи. Къ 60-мъ годамъ минувшаго столѣтія, времени знаменитаго дунганскаго возстанія, ихъ здѣсь было уже настолько много, что образовались цѣлые города, какъ, напримѣръ, Манасъ и другіе, съ населеніемъ исключительно дунганскимъ. Самый городъ Урумци, и тогда иравшій роль, какъ большой административный центръ, былъ болѣе населенъ дунганями, чѣмъ китайцами и мань-

чжурами; а особенно много ихъ было въ Илійской долинѣ. Во время подавленія возстанія было убито масса дунганъ; цѣлые дунганскіе города и селенія запустѣли совершенно. По дорогѣ изъ Чугучака въ Урумци попадаетъ множество разваливъ дунганскихъ поселеній; въ сторонѣ отъ этой дороги то же самое. Но теперь число дунганъ въ край опять увеличивается и на ряду съ китайцами идутъ постоянно новые и новые и дунганскіе переселенцы. Мѣстныя китайскія власти относятся весьма недружелюбно къ этому наплыву дунганъ, элемента столь непокоинаго, не оказываютъ имъ пособій отъ казны, однако никакихъ другихъ серьезныхъ мѣръ не принимаютъ противъ ихъ появленія въ Западномъ Китаѣ, и дунгане, которые обладаютъ большими материальными средствами, при переселеніи устраиваются на новѣхъ мѣстахъ еще лучше китайцевъ; поддержка и солидарность мѣстныхъ дунганъ въ этомъ имъ много помогаютъ.

Какъ относится дунгане къ другимъ народностямъ, я уже сказалъ выше, именно, что они очень горды и относятся ко всемъ высокомѣрно, даже къ своимъ единовѣрцамъ мусульманамъ. Къ китайцамъ же они относятся не только высокомѣрно, но безусловно враждебно; тѣ имъ оплачиваютъ той же монетой. Что было первоначальной и главной причиной ихъ взаимной враждебности, точно сказать трудно. Но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно думать, что причины этого были слѣдующія. Прежде всего, конечно, это была общемуусульманская ненависть ко всему не мусульманскому, особенно сильная у дунганъ, какъ усердныхъ послѣдователей ислама; а затѣмъ и поведеніе самихъ китайцевъ. При Чингисханидахъ дунгане, какъ люди для государства полезные, несомнѣнно, пользовались привилегіями и расположеніемъ правительства, что не могло нравиться коренному китайскому населенію. Поэтому когда инородческая монгольская династія была изгнана изъ Китая и возстановлена національная китайская, то, несомнѣнно, и дунгане, какъ состоявшіе подъ особымъ покровительствомъ прежней династіи, должны были подвергнуться при-

твенностям и даже преследованиям со стороны китайцев. Отсюда и могла возникнуть у дунгань ненависть къ китайцамъ, что вполне естественно у такого мстительнаго и злопамятнаго народа, какъ дунгане.

Загъмъ, и сама китайская администрація дѣлала не однажды промахи, вмѣшиваясь въ религиозныя распри дунгань. Дѣло въ томъ, что дунгане большіе фанатики и въ то же время страшные любители всякихъ религиозныхъ споровъ; споры ихъ на этой почвѣ доходятъ иногда до открытыхъ побоищъ между двумя противными партиями. Такой случай, напримѣръ, былъ въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ Кульджѣ, когда приверженцы двухъ противниковъ муллъ устроили около мечети, въ центрѣ города, настоящій бой съ убитыми и ранеными; начальство однако не вмѣшалось, и все само собой успокоилось. Такія же ссоры и сраженія неоднократно бывали и среди дунгань во Внутреннемъ Китаѣ, въ провинціяхъ Шэньси и Ганьсеу и китайскимъ властямъ не нужно было вмѣшиваться въ эти распри, пока это не угрожало общественной безопасности и порядку, и во всякомъ случаѣ не слѣдовало становиться на ту или другую сторону, а онѣ вмѣшивались и при этомъ принимали сторону одной изъ партій, а другую разсѣивали вооруженной силой. Это-то и испортило все дѣло. Тѣ, кому была оказываема помощь, довольны этой помощью тоже не оставались, а противная сторона бывала раздражена; ссорившіеся единоумѣрцы загъмъ примирились между собой, соединялись и заодно нападали на самихъ же китайцевъ. По крайней мѣрѣ, что касается возстанія саларскихъ дунгань въ 1895 г., то достоверно извѣстно, что такъ именно оно и началось. Относительно возстанія 60-хъ годовъ точныхъ свѣдѣній о началѣ возстанія не имѣется, но есть нѣкоторые указанія, что то же самое вмѣшательство китайскихъ властей въ внутренніе, домашнія дѣла дунгань дало послѣдній толчокъ къ этому огромному возстанію.

Въ настоящее время дунгане держатся мирно; но китайское правительство имъ не довѣряетъ.

Дунгане народъ трудолюбивый и въ то же время способный; поэтому они успѣшно ведутъ всякое дѣло, за какое ни возьмутся. Но любимое ихъ занятіе это земледѣліе съ его отраслью—огородничествомъ. Въ этомъ отношеніи они нисколько не уступаютъ китайцамъ. Положимъ, они тоже не вносятъ никакихъ усовершенствованій въ земледѣльческую культуру, но всѣ мѣстные способы и приемы обработки земли они примѣняютъ съ большимъ стараніемъ. Нѣкоторые дунгане, вздвинувшіе черезъ Россію въ Мекку, видѣли въ Россіи земледѣльческія машины. Машины эти такъ имъ понравились, что въ Урумчи ими было выписано изъ Россіи нѣсколько усовершенствованныхъ плуговъ. Но дальне этого дѣло пока не пошло.

Къ торговлѣ дунгане также способны, но крупныхъ торговыхъ фирмъ и крупныхъ торговцевъ въ Западномъ Китаѣ среди нихъ нѣтъ. Многие изъ дунгань имѣютъ кассы ссудъ. Въ ихъ рукахъ постоянные дворы, рестораны, гостиницы, особенно тѣ, гдѣ останавливаются мусульмане. И, какъ народъ предприимчивый, дунгане иногда открываютъ постоянные дворы даже тамъ, гдѣ, повидимому, не для кого ихъ и держать, а они все-таки открываютъ и въ большинствѣ случаевъ въ убытокъ не остаются, такъ какъ они умѣютъ оцѣнить выгодность того или другаго пункта въ этомъ отношеніи. Успѣху такихъ предпріятій дунгань помогаетъ много то обстоятельство, что извозный промыселъ въ краѣ находится главнымъ образомъ въ ихъ рукахъ; а дунганинъ-возчикъ всегда постарается захватить къ своему брату дунганину же, хотя бы это было и дальше и не такъ удобно, какъ къ китайцу. Дунганинъ, несомнѣнно, имѣетъ склонность къ извозному промыслу. Имѣя нѣсколько верблюдовъ, а иногда нѣсколько паръ быковъ или лошадей, съ соотвѣствующимъ количествомъ телѣтъ, дунганинъ почти цѣлый годъ проводитъ въ дорогѣ. Нынче онъ идетъ съ грузомъ русскихъ товаровъ въ г. Ланьчжоу, главный городъ провинціи Ганьсеу, завтра онъ явится, нагруженный хлѣнокъ или продукты скотоводства, въ Семипа-

латинскъ, Джаркентъ, Вѣрный; то идетъ въ Чугучакъ, то въ Кульджу и т. д.; только июльскія жары и совпадающіе съ ними по времени разливы горныхъ рѣчекъ останавливаютъ его на мѣстѣ, да и то не надолго. Зимнія же вьюги и жестокіе иногда морозы въ горахъ не держатъ этого любителя извознаго промысла.

Изъ дунганъ же по преимуществу составляются партіи вольныхъ искателей золота въ краѣ. Съ небольшими запасами провизіи и необходимыми и притомъ самыми первобытными орудіями, отправляется такая партія въ горы на поиски и разработку золота. Цѣлыми мѣсяцами пропадаютъ они въ горныхъ ущельяхъ Тяньшана и другихъ горъ въ поискахъ за драгоценнымъ металломъ и находятъ его; но какого это стоитъ труда! Трудъ громадный, а пользы мало. И до сихъ поръ еще никто не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ этихъ золотонскаателей разбогатѣлъ; но всѣ они объ этомъ только и мечтаютъ.

Изъ болѣе крупныхъ предпріятій, которыя находятся въ рукахъ дунганъ, нужно упомянуть хлопковое дѣло въ Восточномъ Туркестанѣ. Они отлично поняли, что дѣло это вѣрное и обѣщаетъ хорошіе барыши, и потому и взялись за него. Они даютъ суды туземцамъ—сартамъ подѣ будущій урожай хлопка, устроили нѣсколько хлопко-очистительныхъ заводовъ, для которыхъ машины выписали изъ Россіи, и оказываютъ содѣйствіе развитію этого дѣла, конечно, въ своихъ личныхъ интересахъ. Глядя на нихъ, даже мѣстныя власти обратили вниманіе на хлопководство и принимаютъ для развитія его нѣкоторыя мѣры.

Благодаря своей предпримчивости, усердію и умѣнью работать, дунгане живутъ очень зажиточно. Нищихъ среди нихъ совсѣмъ нѣтъ. Этотъ послѣдній фактъ объясняется также и тѣмъ, что среди дунганъ сильно развиты взаимная помощь и поддержка и ни одного члена своей общины они не допускаютъ дойти до такого унижительнаго состоянія, чтобы просить милостыню.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сарты.—Ихъ названія.—Происхожденіе.—Титу.—Языкъ.—Вѣшняя характеристика.—Правительный обликъ.—Женщина; ея свобода; отсюда повои сартовъ.—Низкій уровень семейной нравственности.—Занятія кашгарлыковъ.—Экономическое положеніе кашгарлыковъ.—Таранчи—сородичи кашгарлыковъ.—Происхожденіе таранчей.—Тяжелое ихъ положеніе прежде.—Таранчино-дунганское царство.—Характеристика таранчей.—Занятія таранчей.

Подъ именемъ китайскихъ сартовъ разумѣются коренные жители Восточнаго Туркестана и выходцы отсюда, разселившіеся въ разное время по всему Западному Засѣбному Китаю. Сами себи сарты не называютъ этимъ именемъ, а зовутся по городамъ, изъ которыхъ они вышли или въ которыхъ живутъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Такъ, напримѣръ, уроженецъ Кашгара называетъ себя кашгарлыкъ, Турфана—турфанлыкъ. Но обычно, обиходное названіе сартовъ—это кашгарскіе сарты, или кашгарлыки. Оно привилось потому, что издавна Кашгаръ игралъ значительную роль въ исторіи Восточнаго Туркестана, имѣлъ выдающееся значеніе среди другихъ городовъ и оазисовъ этого края, особенно при Якубъ-бекѣ, когда онъ былъ главнымъ городомъ Восточнаго Туркестана и даже самый этотъ край по имени своего главнаго города Кашгара назывался Кашгаріей; а потому и всѣмъ жителямъ Восточнаго Туркестана присвоено названіе кашгарлыковъ, подѣ

каковымъ они всего болѣе и извѣстны во всемъ Западномъ Китаѣ и особенно среди русскихъ подданныхъ. Китайцы называютъ китайскихъ подданныхъ сартовъ или сяоцзяо, какъ дунганъ и другихъ мусульманъ, или чантоу, что значитъ «носящіе чалму, чалмоносцы». Китайцы этимъ названіемъ «чантоу—чалмоносцы» отличаютъ отъгибли подмѣченную ими у кашгарльковъ страсть носить напоказъ, именно напоказъ, громадна бѣлая чалма, чтобы показать свое благочестивое настроеніе.

Часть сартовъ, переселенная китайскимъ правительствомъ въ концѣ XVIII вѣка изъ Туркестана въ Илійскій край для занятія земледѣліемъ, получила названіе «таранчей». Слово «таранча» и значитъ земледѣлецъ. Потомки этихъ переселенцевъ и до сихъ поръ носятъ названіе таранчей, при томъ имъ только однимъ изъ всѣхъ сартовъ и присвоивается это имя таранчей, хотя въ существѣ дѣла они мало чѣмъ отличаются отъ остальныхъ китайскихъ сартовъ.

Что касается происхожденія сартовъ-кашгарльковъ, то трудно сказать, къ какому именно племени они принадлежатъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что основа этого племени арійская. Въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ теперь китайскими сартами, именно въ Китайскомъ Туркестанѣ, нѣкогда, въ доисторическія еще времена, жилъ народъ арійскаго племени. Но потомъ мѣстности эти подвергались неоднократному нашествію и тюрковъ и монголовъ. Всѣ они оставляли нѣкоторую часть своихъ воиновъ. Эти оставшіеся смѣшивались съ мѣстными жителями и дали за долгій періодъ времени тотъ смѣшанный типъ населенія, который мы видимъ въ краѣ теперь. При этомъ нужно замѣтить, что западная часть страны подвергалась, несомнѣнно, меньшему натиску и оскѣданію инородческаго элемента, поэтому и типъ жителей Кашгара и другихъ горудонъ болѣе сохраняли арійскихъ чертъ. Въ то же время восточная часть подвергалась большому наплыву монгольскаго элемента; поэтому въ этой части монгольская при-

мѣсь выразилась болѣе рѣзко. Жители Хами, Турфана представляютъ переходную ступень отъ нашего типа къ монгольскому, притомъ ступень болѣе близкую къ монгольскому, чѣмъ къ арійскому.

Языкъ, на которомъ говорятъ китайскіе сарты, одно изъ нарѣчій тюркскаго, близко подходитъ къ языку нашихъ русскихъ сартовъ, но татары понимаютъ китайскихъ сартовъ очень плохо, такъ какъ въ немъ много словъ и выраженій, взятыхъ изъ другихъ языковъ. Произношеніе китайскихъ сартовъ, кромѣ того, отличается особеннымъ обиліемъ гортанныхъ звуковъ, что сильно выдѣляетъ ихъ въ этомъ отношеніи среди другихъ народовъ, говорящихъ на тюркскихъ нарѣчьяхъ.

Имѣя много различій въ своемъ типѣ, или, вѣрнѣе, много отгѣнковъ одного и того же типа, по вѣншему своему виду, по своей манерѣ держаться, по своему костюму сарты разныхъ мѣстностей Западнаго Китая очень похожи другъ на друга. Лѣтомъ и зимой они носятъ на головѣ остроконечную баранью шапку, покрытую какой-нибудь бумажной матеріей, съ мѣховой опушкой по краю. Одежда — бѣлая длинная рубашка, халатъ, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ, при этомъ грудь всегда и лѣтомъ и зимой открытая. На ногахъ мягкіе кожаные сапоги. Народъ они сухой, но, видимо, крѣпкій и здоровый. Цвѣтъ лица смуглый, глаза и волосы большей частью черные.

Женщины обыкновенно средняго роста, хорошо сложены, и въ массѣ милостивны, особенно въ ранней молодости. На головѣ носятъ также, какъ и мужчины, мѣховую шапку, но не остроконечную, а съ плоскимъ верхомъ и тоже съ опушкой. Затѣмъ надѣваютъ кофту, юбку и все это по преимуществу ярко-красныхъ, кричащихъ цвѣтовъ. Волосы заплетаютъ въ нѣскольکو кистей.

Изъ краткаго историческаго очерка, изложеннаго выше, мы уже видѣли, что населеніе Восточнаго Туркестана значительную часть своей исторической жизни провело въ борьбѣ то съ чужеземцами, вторгавшимися въ край, то

между собой—борьба религиозных партій. И такая исторія не могла выработать много хороших качествъ въ характерѣ сартовъ. Нужно имѣть въ виду еще то, что религиозныя распри играли среди нихъ громадную роль; а эти распри, какъ показываетъ исторія и другихъ народовъ, вызывали особенную вражду и озлобленіе среди борющихся, когда всякія средства считаются дозволенными. Поэтому вполне естественно, что выработался тотъ несмѣтливый нравственный обликъ кашгарлякъ, который мы видимъ въ настоящее время. Кашгарлякъ по натурѣ своей крайне неуживчивъ, любитъ ссориться; драки у нихъ обычное явленіе; любить сутяжничать. Еще въ давнія времена китайцы замѣтили эти отрицательныя качества сартовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный синологъ Иакинфъ Вичуринъ¹⁾. При всемъ этомъ кашгарлякъ крайне недоверчивъ, съ большимъ трудомъ кому-либо вѣритъ; въ то же время и самъ вѣроломъ и доверія не заслуживаетъ, такъ что полагаться на его слово или обѣщаніе очень опасно. Въ торговлѣ, напримѣръ, обманы среди кашгарляковъ обычное явленіе. Кашгарлякъ заплагитъ разъ, два своему кредитору, а на третій объявитъ себя несостоятельнымъ и ничего не платитъ, и то просто скрывается.

Кашгарляки при первомъ знакомствѣ съ ними могутъ показаться очень религиозными; они усердно совершаютъ свои намазы-моленія; ходятъ въ мечети; съ удовольствіемъ примыкаютъ ко всякой новой сектѣ; любятъ носить громадныя бѣлыя и желтыя чалмы, отчего китайцы ихъ однихъ изъ всѣхъ мусульманъ называютъ чалмоносцами—чантоу. Но все это благочестіе чисто показное, для виду. Если кашгарлякъ увѣренъ, что его благочестіе будетъ замѣчено другими, то онъ особенно старается; если же нѣтъ, то онъ очень охотно забудетъ исполнить и установленныя, для всякаго мусульманина обязательныя намазы. Также на-

показъ кашгарлякъ совершаетъ и дѣла благотворенія и паломничества по святымъ мѣстамъ.

Но при всѣхъ этихъ дурныхъ качествахъ кашгарляковъ, есть у нихъ и кой-что хорошее. Они народъ смѣшленный, очень способный къ торговлѣ и ко всякимъ ремесламъ. Затѣмъ они хорошіе расказчики. По улицамъ и базарамъ очень часто можно видѣть такую сцену: сидитъ кашгарлякъ, обычно прилично одѣтый и въ бѣлой огромной чалмѣ; кругомъ его внимательная толпа, и онъ рассказываетъ что-нибудь то изъ жизни мусульманскихъ святыхъ, то изъ исторіи мусульманъ, а нерѣдко сообщаетъ и современные событія, замѣняя такимъ образомъ для непритомливыхъ слушателей не существующія газеты. Вѣроятно, если бы кашгарлякамъ дать образованіе, то они были бы способны къ ученію. Что касается вообще работоспособности сартовъ, то они отличные работники, но только въ томъ случаѣ, если они нуждаются; тогда они и хорошо и быстро исполняютъ всякую работу; но если нужды нѣтъ, то кашгарлякъ предпочитаетъ ровно ничего не дѣлать.

Женщина-саряника по своимъ нравственнымъ качествамъ, конечно, вполне соответствуетъ мужской половинѣ своего племени. Что же касается ея положенія въ семьѣ и обществѣ, то для мусульманки оно совершенно особенное. Съ одной стороны, она пользуется, повидимому, свободой, а съ другой—отношеніе къ ней мужа такое же, какъ будто къ вещи, а не какъ къ существу равному. Несмотря на то, что кашгарляки мусульмане, женщину они не держатъ взаперти, особенно въ среднемъ и низшемъ классѣ. Кашгарлячка, совершенно не покрывая лица, показывается всюду. Особенно свободна, съ мусульманской, конечно, точки зрѣнія, незамужняя женщина, дѣвушка-кашгарлячка. Совершенно противно мусульманскому закону, молодые люди обоего пола встрѣчаются между собою, устраиваютъ игры и даже нѣчто въ родѣ танцевъ. На этихъ собраніяхъ въ большомъ ходу у нихъ и пѣніе. На этой почвѣ развилась у китайскихъ сартовъ даже и

¹⁾ Иакинфъ Вичуринъ, Описание Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, стр. 139 и 235.

поэзия. Они народъ очень поэтической, любятъ пѣть и поютъ какъ хоромъ, такъ и въ одиночку; и нельзя сказать, чтобы это пѣніе было неприятно для уха. Въ пѣніи преобладаютъ грустныя, минорныя ноты. И когда на душѣ тяжело, то можно даже не безъ удовольствія слушать грустное пѣніе кашгарляка. Монотонная, какъ и сама природа Восточнаго Туркестана, тянется эта пѣсня безконечно, потому что пѣсня тутъ же во время пѣнія и сочиняется. Въ ней поется и про любовь, и про милую, которая изгнана, или свиданія съ которой ожидаютъ пѣвецъ. Есть и историческія пѣсни, касающіяся владычества Якубъ-бека, знаменитой борьбы хочжей, борьбы съ китайцами и такъ далѣе. Часть пѣсней уже готовая, а то нерѣдко, какъ я сказалъ, онѣ являются свободной импровизаціей пѣвца. Пѣніе сопровождается часто аккомпаниментомъ инструментовъ, почти исключительно струнныхъ, въ родѣ нашей балалайки. Вообще кашгарляки большіе любители музыки и пѣнія.

Семейная нравственность стоитъ у кашгарляковъ, невысоко, и семейная добродѣтели не процвѣтаютъ. У кашгарляковъ, какъ и у всѣхъ мусульманъ, многоженство. Оно само по себѣ не содѣйствуетъ укрѣпленію добрыхъ семейныхъ нравовъ, а у кашгарляковъ они стоятъ особенно низко. Разводы—постоянное явленіе. Что кашгарлякъ переженитъ 8—10 женъ—это не рѣдкость. А я знаю примѣры, какъ богатые сарты переженили ихъ нѣсколько десятковъ. Разводъ доведенъ до полнѣйшей упрощенности. Напримѣръ, среди уроженцевъ Турфана установился обычай, что для того, чтобы избавиться отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ женѣ, достаточно ей заплатить 1 р. 50 к., и всѣ расчеты мужа съ разведенной женой кончены. То же самое мы видимъ и въ Кашгарѣ. Вопросъ нѣсколько усложняется, когда есть дѣти. Тогда отцу ихъ приходится платить разведенной женѣ нѣкоторую сумму на ихъ содержаніе. Но, къ сожалѣнію, и это не особенно строго соблюдается. Разводка, особенно молодая, скоро на-

ходить новаго мужа, и дѣти слѣдуютъ за ней, если, конечно, останутся живыми, потому что, при плохомъ уходѣ за дѣтьми, смертность среди нихъ страшная.

Кашгарлякъ смотритъ на свою жену не какъ на подругу жизни, а лишь только какъ на орудіе наслажденія; мѣняетъ женъ, какъ перчатки; поэтому неудивительно, что и женщина не выработала въ себѣ супружескихъ добродѣтелей. Супружеская вѣрность не считается у сартянокъ одной изъ добродѣтелей. И мужья, въ общемъ, довольно легко смотрятъ на эту вольность своихъ подругъ жизни. А кромѣ того, нерѣдки случаи, когда мужья сами торгуютъ своими женами. Женится такой господинъ на нѣсколькихъ и открываетъ у себя притонъ разврата, самъ пользуясь всей выручкой отъ позорнаго промысла своихъ женъ. Затѣмъ, и вообще публичные дома въ Западномъ Китаѣ наполняются, главнымъ образомъ, сартянками-кашгарлячками.

Главное занятіе китайскихъ сартовъ земледѣліе, съ отраслями его, садоводствомъ и огородничествомъ. Какая отрасль земледѣлія преобладаетъ въ той или другой мѣстности, это зависитъ отъ мѣстныхъ климатическихъ и почвенныхъ условий. На родинѣ, въ Восточномъ Туркестанѣ, они больше всего занимаются садоводствомъ, потому что для земледѣшества въ крупныхъ размѣрахъ слишкомъ недостаточно мѣста въ ихъ сравнительно небольшихъ оазисахъ; въ Кульдѣжѣ и къ сѣверу отъ Урумчи, въ прежней Чжунгаріи,—садоводствомъ и огородничествомъ, но еще болѣе земледѣшествомъ; въ Тарбагатайскомъ округѣ главнымъ образомъ—земледѣшествомъ. Тамъ, гдѣ земли мало, кашгарлякъ очень хорошо обрабатываетъ землю; кашгарляки хорошо понимаютъ садовое и огородное дѣло; а тамъ, гдѣ земли изобиліе, все ведется какъ-нибудь, первобытными способами, такъ какъ и при такомъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу земля даетъ достаточно хорошіе урожаи.

Но еще болѣе, чѣмъ земледѣліе, кашгарляки любятъ торговлю. Большой, крупной торговлей они занимаются

мало; но небольшие лавочки кашгарлыковъ находятся всюду. Ихъ видишь и въ городахъ и въ деревняхъ, въ самыхъ захолустныхъ и глухихъ мѣстахъ. Часто товару въ лавкѣ всего на нѣсколько рублей, а все-таки есть торговля. Торговля хлѣбомъ, мясомъ, овощами и фруктами вѣсуду въ ихъ рукахъ. Затѣмъ, развозный и разносный торгъ тоже, по преимуществу, въ ихъ рукахъ. Навьючить такой торговецъ несъ свой магазинъ на одного ослика, а много уже, если на двухъ, и развѣзываетъ себя по селениямъ и хуторамъ края. Съ этой мелочной и разносной торговли болѣе счастливые переходятъ на болѣе крупный торгъ на одномъ уже мѣстѣ, потомъ наживаютъ иногда даже и состояніе, но дѣйствительно крупныхъ и солидныхъ торговцевъ среди нихъ сравнительно мало. Этотъ фактъ, мнѣ кажется, объясняется, во-1-хъ, тѣмъ, что среди сартовъ очень слабо развито чувство солидарности, мало единодушія, столь необходимаго для основанія и развитія большого дѣла; а во-2-хъ, — указанной уже мной недобросовѣстностью кашгарлыковъ, въ силу которой ни имъ не вѣрятъ, ни они другъ другу не вѣрятъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда кашгарлыку удается какъ-нибудь создать болѣе или менѣе крупное торговое дѣло, они ведутъ его удачно.

Ремесленники кашгарлыки очень хороши. Плотники, столыры, кузнецы это все они. Положимъ, работа у нихъ довольно грубая, но на другую и спроса нѣтъ. Но если кашгарлыкъ видитъ хорошій образецъ, то онъ вполне успѣшно ему подражаетъ.

Экономическое положеніе кашгарлыковъ, въ общемъ, стоитъ далеко не на высокой степені. На родинѣ кашгарлыковъ, въ Восточномъ Туркестанѣ, население слишкомъ густо, а земли, годной для обработки, слишкомъ недостаточно для наличнаго количества населенія; поэтому многие не находятъ приложенія для своего труда, если бы даже и хотѣли этого. Отсюда сильное развитіе эмиграціи въ округа, расположенные къ сѣверу отъ Тяньшяна, и особенно въ Или и Тарбагатай. А кромѣ того, кашгарлыки довольно

лѣнны и безпечны. Обыкновенно, если кашгарлыкъ имѣетъ необходимое для своего пропитанія, то онъ и не стремится къ большему. Что же касается другихъ мѣстностей Западнаго Китая, то тамъ кашгарлыки живутъ значительно лучше, чѣмъ на родинѣ; но лѣнность ихъ и тутъ играетъ большую роль, такъ что экономическое положеніе ихъ не такъ хорошо, какъ оно могло бы быть, судя по мѣстнымъ условіямъ. Вслѣдствіе этого кашгарлыки поставляютъ главный контингентъ нищихъ въ Западномъ Китаѣ. Нѣкоторые уроженцы Кашгаріи занимаются нищенствомъ, какъ промысломъ, и расходятся съ этой цѣлью по всѣмъ городамъ края.

Кульджинскіе таранчи самые близкіе сородичи кашгарлыковъ, ихъ родные братья, и потому должны бы имѣть тѣ же черты и ту же нравственную физиономію, какъ и они. Но на дѣлѣ это не совсѣмъ такъ; таранчинцевъ отличается отъ кашгарлыка. Различія эти объясняются различными историческими условіями, въ которыхъ пришлось жить и дѣйствовать кашгарлыкамъ и таранчамъ въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія китайское правительство, нуждавшееся въослѣ завоеванія и опустошенія Чжунгаріи и Илійской долины въ поселенцахъ для колонизаціи завоеваннаго края, а главное—для обработки казенныхъ земель, обратило вниманіе на жителей Кашгаріи, какъ исконныхъ земледѣльцевъ и большое число ихъ переселило въ Кульджинскій округъ. Въслѣдствіе число этихъ переселенцевъ таранчей неоднократно увеличивалось новыми, тоже небольшими переселенцами изъ Кашгаріи, которыхъ китайцы выселяли сюда въ наказаніе за участіе въ возстаніяхъ противъ китайскаго владычества. Переселивъ уроженцевъ Туркестана въ Или, китайское правительство ввело у нихъ то же административное устройство, которое существовало въ то время у нихъ на родинѣ, именно: во главѣ таранчей былъ поставленъ наследственный владѣтель—хакимъ-бекъ, потомъ слѣдовали подчиненные ему минъ-баны и

юзь-баши (тысяченачальники, сотенные начальники) и други должностныя лица. Черезъ этихъ туземныхъ властей китайское правительство и вѣдало переселенцевъ и совсѣмъ не имѣшивалось во внутреннюю ихъ жизнь. Центромъ таранчинскихъ поселеній и управления былъ сдѣланъ городъ Кульджа. Несмотря, однако, на то, что китайскія власти не имѣли непосредственнаго отношенія къ таранчамъ, положеніе таранчей было очень тяжелое, прежде всего потому, что по отношенію къ своему народному начальству они были поставлены въ положеніе настоящихъ крѣпостныхъ, именно: обязаны были на нихъ работать, служить у нихъ въ качествѣ домашней прислуги и т. д.; а затѣмъ значительная часть ихъ была приписана въ то же время и къ разнымъ маньчжурскимъ семьямъ и тоже въ качествѣ даровой рабочей силы, т. е. тоже крѣпостныхъ, и, наконецъ, таранчи же обязаны были производить бесплатно и разныя общественныя работы, которыя затѣвали китайскія власти. Въ результатѣ этого тройнаго ига явилось то, что таранчи дошли до крайней степени умственнаго и нравственнаго паденія и стали какъ-то безучастно относиться даже къ своему тяжелому положенію. Вѣковой гнетъ, подъ которымъ жили таранчи, и создалъ тотъ типъ забитаго и приниженнаго таранчинца, который мы видимъ въ Кульджинскомъ округѣ. Цѣлое столѣтіе молчаливо несли они это иго, но когда въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія поднялись противъ китайцевъ дунгане, то примкнули къ нимъ, хотя и не сразу, и таранчи. Благодаря своему численному превосходству и одушевленію, соединенные таранчи и дунгане довольно скоро справились съ китайцами и рѣшили основать таранчинско-дунганское царство; но тотчасъ же начались между союзниками ссоры изъ-за власти, которая едва не погубила выиграннаго дѣла. Дунгане, издавна привыкшіе смотрѣть на таранчей, какъ на нѣчто себѣ низшее, хотѣли было отвести имъ лишь второстепенное мѣсто въ управленіи; тѣ же не согласились на это; произошло кровавое столкновение; дунгане, уступившіе числомъ, были разбиты,

и вновь основанное Кульджинское государство получило султана таранчинца. Существовало это государство очень недолго. Въ 1871 году вступили въ Илійскій округъ русскія войска, и таранчи послѣ трехъ небольшихъ сраженій покорились. Время русской оккупации было лучшимъ въ исторіи таранчей. Они отдохнули, и даже матеріальное положеніе ихъ стало улучшаться.

Недолгое существованіе таранчей при лучшихъ условіяхъ не могло измѣнить ихъ характера, и они остались тѣмъ же неспаситачнымъ народомъ, каковыя они были въ Кашгарѣ, даже, какъ я сказалъ, опустились въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Воплѣ справедливо выраженіе, что степень культурности того или другаго народа въ значительной мѣрѣ опредѣляется положеніемъ у него женщины; женщина же таранчинка поставлена въ самыя печальныя условія. Таранчинецъ даже болѣе, чѣмъ кашгарлыкъ, смотритъ на женщину какъ на существо низшее и видитъ въ ней одну изъ принадлежностей домашняго комфорта или рабочую силу. Мужъ съ женой никогда не разговариваетъ и даже считаетъ ниже своего достоинства ѣсть съ ней за однимъ столомъ. Женщина-таранчинка при этихъ условіяхъ и не можетъ быть хорошей, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Для характеристики ихъ умственнаго развитія можетъ служить лично мнѣ извѣстный фактъ, что многія таранчинки не знаютъ дѣленія времени на годы, мѣсяцы и дни, а если и знаютъ, то настолькоъ смутно, что съ трудомъ скажутъ, какой это день недѣли, не говоря уже о мѣсяцахъ и годахъ.

Таранчинцы отъ природы очень лѣнны и безпечны, о завтрашнемъ днѣ не думаютъ, такъ что если таранча сегодня сытъ, то на работу пойдетъ крайне неохотно, какую бы ему плату ни предлагали. Вслѣдствіе этихъ-то своихъ качествъ, таранчи, несмотря на прекрасныя естественныя условія Илійскаго округа, живутъ крайне бѣдно и грязно. Лѣность и бѣдность являются главными причинами силь-

наго развитія среди таранчей воровства и других преступлений. ^{9/10} подвизающихся въ Кульджѣ воровъ—таранчи, да и въ массѣ они честностью не отличаются.

Въ настоящее время почти всѣ илійскіе таранчи люди свободные, за исключеніемъ очень небольшой группы ихъ, которая обязана исполнять работы для хакимъ-бека; но и по отношенію къ этимъ таранчамъ хакимъ-бекъ полной власти не имѣетъ, такъ что таранчи могутъ заниматься свободно всѣмъ, чѣмъ они пожелаютъ. Главнымъ занятіемъ ихъ осталось попрежнему земледѣліе; затѣмъ они же чернорабочіе, поденщики и прислуга. Немногіе занимаются ремеслами. Они могли бы и хорошо работать, но все дѣлаютъ какъ-то небрежно и неохотно. Торговля таранчамъ совсѣмъ не дается, и если таранча начнетъ какое-нибудь серьезное торговое дѣло, то скоро разоряется.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Киргизы.—Ихъ языкъ.—Родовой бытъ.—Хорошія черты въ характерѣ киргиза.—Свобода женщинамъ-киргизки.—Роль и положеніе ея въ семьѣ.—Киргизскій бракъ.—Правдолюбъ киргизовъ и любовь ихъ къ новостямъ.—Главное занятіе — скотоводство.—Киргизы земледѣльцы.—Экономическое положеніе киргизовъ.

Третья мусульманская народность, обитающая въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, это кочевники-киргизы. Киргизы должны быть причислены къ тюркскимъ народностямъ, какъ по своему типу, такъ и по языку, на которомъ они говорятъ. Какъ народъ кочевой, они и до сихъ поръ сохраняютъ массу первобытнаго, патриархальнаго. Прежде всего родовое начало и до сихъ поръ играетъ у нихъ большую роль, такъ что, напримѣръ, если спросить какого-нибудь киргиза, кто онъ такой, то онъ отвѣтитъ, что онъ киреевецъ, кызавецъ, найманъ и такъ далѣе, то-есть онъ укажетъ, что онъ такого-то рода. И связь между родичами до сихъ поръ еще очень сильна, хотя уже и начинаетъ ослабвѣть. Члены одного рода оказываютъ другъ другу сильную поддержку и защиту. Въ общемъ киргизы народъ симпатичный. Они гостепріимны, пріятливы. У киргизовъ считается позоромъ не принять и не угостить путника. Поэтому въ степи можно захватъ въ любую юрту, и васъ всегда встрѣтятъ и пріятливо и предупредительно о. Въ юртѣ вы занимаете первое мѣсто и можете не забо-

тятся о вашей лошади, потому что хозяева уже позаботятся о ней. Семейное начало у киргизовъ еще крѣпко. Хотя у нихъ теперь, подъ вліяніемъ мусульманства, и начинаеть входить въ моду многоженство, но это только у богатыхъ. Обычно же киргизъ имѣетъ одну жену, съ которой и живетъ всю жизнь. Этой крѣпости семейнаго союза, вѣроятно, много содѣйствуетъ то обстоятельство, что за жену приходится платить калымъ—выкупъ ей родителямъ. Вслѣдствіе этого она становится цѣнной матеріально и потому нѣтъ никакого расчета худо съ ней обращаться, такъ какъ тогда можно ее лишиться, а тѣмъ болѣе ужъ невыгодно разводиться, потому что тогда уже теряется внесенный за жену выкупъ. Женщина дорога еще и потому, что она одна ведетъ все, хотя и несложное, хозяйство киргиза. При частыхъ перекочевкахъ киргиза, она навѣчиваетъ на верблюдовъ весь домашній скарбъ, она же и развѣчиваетъ; она ставитъ домъ киргиза—юрту, она же и разбираетъ ее; не говоря уже о всемъ остальномъ домашнемъ хозяйствѣ, которое исключительно лежитъ на ней. Киргизу остается только смотрѣть за пасущимся скотомъ, да когда понадобится, продавать его. Являясь такой необходимой помощницей своего мужа, естественно, что киргизка пользуется значительнымъ вліяніемъ въ семейномъ совѣтѣ. Особенно это нужно сказать о женщинахъ пожилыхъ, которыя пользуются въ семьѣ большими правами и почетомъ. О затворничествѣ женщины-киргизки при условіяхъ кочевой жизни, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Молодые люди обоего пола проводятъ все время вмѣстѣ, участвуя въ общихъ играхъ и развлеченияхъ. Но это общеніе молодыхъ людей на выборъ подружки жизни никакого вліянія не имѣетъ, потому что выбирать, да и то не всегда, можетъ только тотъ, кто имѣетъ средства заплатить хорошій калымъ. Часто бываетъ, что молодые люди бывають помолвлены родителями еще въ раннемъ дѣтствѣ, тогда же начинается и уплата калыма, такъ что родители невѣсты, хотя бы даже и хотѣли, не могутъ уже выдать свою дочь за другого.

Положимъ, и тутъ иногда бываетъ такъ, что, несмотря на уплату калыма, просватанная невѣста все-таки выходитъ за другого. Но это считается большой обидой, начинается ссора, и отецъ, выдавшій просватанную уже дочь за другого, бываетъ обязанъ не только возвратить потерявшейся сторонѣ калымъ, а, кромѣ того, уплатить еще за безвестіе. Но иногда потерявшая сторона и на такое рѣшеніе дѣла не соглашается, требуя вмѣсто прежней невѣсты другую, и тогда родоначамъ приходится отдавать взагнѣвъ другую дѣвицу.

Кочевой образъ жизни, отсутствие заботъ не могли развить въ киргизѣ энергіи, упорства и любви къ труду, и оттого киргизъ по самой натурѣ своей не любитъ работать. Онъ любитъ полежать, съѣздить въ гости къ сосѣдямъ, послушать новостей; а до новостей киргизъ страшный охотникъ. Если у него есть какая нибудь возможность, то онъ постарается поговорить со всякимъ встрѣчнымъ по дорогѣ, чтобы узнать и сообщить новости. Оттого всякіе извѣстія и слухи распространяются среди киргизовъ необыкновенно быстро. Для собиранія этихъ слуховъ, а вмѣстѣ, конечно, и для развлечения, киргизъ постоянно разъѣзжаетъ изъ аула въ аулъ и за много верстъ поѣдетъ туда, гдѣ онъ знаетъ, что будутъ скачки—по-киргизски байга, или тамаша—праздникъ: богатая свадьба, похороны, обрядъ обрѣзанія и тому подобное.

Главное занятіе киргизовъ—скотоводство. Но это не значитъ, чтобы киргизы занимались скотоводствомъ, какъ промысломъ, такъ, какъ этотъ промыселъ мы понимаемъ, то-есть заботились о развитіи скотоводства, принимали какія-либо мѣры къ улучшенію породы скота или увеличенію доходности скотоводства. Все идетъ такъ, какъ будто скотъ никому не принадлежитъ. Скотъ плодится, множится самъ по себѣ, и всѣ заботы его хозяина-киргиза состоятъ въ томъ только, чтобы хоть немного охранять отъ воровства, хищныхъ звѣрей да еще массовой гибели. Понятно поэтому, что порода скота не только не улучшается, а

иногда даже ухудшается. Но темъ не менѣе киргизъ любить скотоводство, которое такъ подходитъ къ его кочевой жизни и неохотно переходитъ къ другому образу жизни и къ другимъ занятіямъ.

Однако въ послѣднее время, съ обѣдненіемъ киргизскаго населенія, нѣкоторые киргизы начинаютъ заниматься землѣдѣіемъ, хотя и въ небольшомъ размѣрѣ. Но все-таки кочевой образъ жизни нравится киргизу гораздо больше, и потому онъ остается у своей пашни лишь столько времени, сколько необходимо для полевыхъ работъ, а остальное время онъ кочуетъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. И лишь только тогда, когда киргизъ теряетъ весь свой скотъ, такъ что перекочевывать уже не имѣетъ никакой возможности, онъ дѣлается осѣдлымъ, поселяется около какого-нибудь селенія и получаетъ названіе джатака. Джатаки—это киргизскій пролетаріатъ. Они пахутъ немного земли для себя, а большей частью живутъ въ работникахъ—на полевыхъ работахъ или въ услуженіи. Однако, какъ только джатакъ собираетъ сколько-нибудь порядочную сумму, чтобы купить быка или верблюда, такъ бросаетъ свою осѣдлую жизнь и переходитъ опять на кочевку. Среди китайскихъ киргизовъ пролетаріатъ-джатаки пока составляетъ еще небольшой процентъ, такъ какъ китайскіе киргизы имѣютъ пока еще достаточно пастбищъ для своего скота, но и среди нихъ уже начинается въ послѣднее время развиваться джатачество.

Киргизы обычно кочуютъ тамъ, гдѣ нѣтъ осѣдлаго населенія, потому что они осѣдлому населенію мѣшаютъ: скотъ портитъ пашни, арыки; отсюда возникаютъ ссоры, въ которыхъ осѣдлое населеніе всегда беретъ верхъ. Поэтому, какъ только въ той или другой, удобной для кочевковъ мѣстности, увеличивается осѣдлое населеніе, киргизы откочевываютъ дальше, разыскивая болѣе свободныя мѣста. Несложность киргизскаго хозяйства, отсутствие громаднхъ вещей въ хозяйствѣ даютъ полную возможность къ этому. Поэтому въ разное время своей исторіи киргизы занимали

самыя различныя мѣстности Западнаго Застѣннаго Китая. Во время мусульманскаго возстанія прошлаго столѣтія большая часть осѣдлаго населенія страны погибла, цѣлые города и селенія опустѣли, и кочевникамъ открылся полный просторъ, и тогда киргизы распространились на югъ до сѣверныхъ склоновъ Тяньшаня, но съ усмирненіемъ страны она стала заселяться осѣдлымъ населеніемъ, и кочевнику пришлось уступать новымъ пришельцамъ занятая земли. Съ одной стороны, они стали откочевывать на западъ, а съ другой — на сѣверъ, ближе къ русской границѣ. Но еще долго спустя послѣ этого отдѣльные роды продолжали кочевать къ югу отъ горъ Джаниръ и Майли. Однако въ послѣдніе два года и этому положенъ конецъ. Синьцзянскій губернаторъ издалъ въ 1903 г. строгій приказъ, воспрепятствующій киргизамъ кочевать внѣ Илійскаго и Тарбагатайскаго округовъ. Въ силу этого приказа, даже всѣ отдѣльныя киргизскія семьи стали выдворяться изъ запрещенныхъ для киргизовъ мѣстностей, такъ что въ настоящее время киргизовъ мы находимъ въ Или, гдѣ они кочуютъ вблизи горъ и русской границы, въ Тарбагатаѣ и къ сѣверу отъ Тарбагатайскаго хребта, до Алтая; наконецъ по западной границѣ Китайскаго Туркестана, въ горной странѣ Тяньшаня.

Это близкое сосѣдство киргизовъ къ нашей границѣ для насъ не особенно удобно и желательно, потому что, благодаря этому, процвѣтаетъ кража скота—баранта, которая между киргизами постоянное явленіе. Это создаетъ массу пограничныхъ дѣлъ, разбирать которыя очень трудно.

Большинство китайскихъ киргизовъ живетъ вполнѣ жилищно; основой ихъ благосостоянія является скотоводство, а скотоводство въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ встрѣчаетъ весьма благоприятныя условія для своего существованія. Огромныя пространства земли, годной для пастбищъ, даютъ возможность имѣть многочисленныя стада разнаго скота, темъ болѣе, что киргизовъ не такъ много. Тотъ киргизъ считается уже бѣднымъ, который имѣетъ

30—40 барановъ, до десятка лошадей и около того же количества рогатаго скота. Богатые же киргизы имѣютъ тысячные табуны лошадей и въ нѣсколько тысячъ головъ стада барановъ. Рогатаго скота бываетъ значительно меньше, но и тутъ нѣсколько сотъ головъ у богатыхъ людей—бываетъ очень часто. Скотъ и доставляетъ киргизу въ среднемъ къ существованію, а такъ какъ скота у китайскихъ киргизовъ пока много, то и экономическое положеніе ихъ въ настоящее время хорошее.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Монголы—элюты, чахары и торгоуты.—Мѣста ихъ кочевости.—Торгоуты; ихъ перекочевка въ Россію и бѣгство оттуда.—Религія монголовъ—буддизмъ. — Религіозность монголовъ. — Монастыри. — Перерожденцы. — Перерожденецъ въ Западномъ Китаѣ—Цаганъ-гэгэнь. — Отношеніе монголовъ къ гэгэнямъ; отношеніе китайцевъ. — Вліяніе буддизма на характеръ монголовъ.—Положеніе женщины.—Легкость семейныхъ нравовъ.—Монгольскій бракъ.—Занятія монголовъ.—Низкій уровень благосостоянія монголовъ.

Другой кочевой народъ, обитающій въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, это монголы. У русскихъ подданныхъ и вообще у китайскихъ мусульманъ эти монголы называются калмыками. Но у китайцевъ они называются или вообще монголами—мэнгу, или разными именами, которые носятъ отдѣльные племена монгольскаго народа; именно, они извѣстны у нихъ подъ именемъ элютовъ, или блѣтовъ, чахаръ и торгоутовъ.

Элюты—это остатки чжунгаровъ, которые одно время владѣли почти всѣмъ Западнымъ Китаемъ. Какъ извѣстно, большая часть чжунгаровъ была истреблена китайцами; а тѣ остатки этого нѣкогда большаго народа, которые подчинились Китаю, совершенно примирились со своею участью и стали называться уже не чжунгарами, а элютами. Пржнее названіе чжунгаровъ, или обратовъ, совсѣмъ вышло изъ употребленія и даже совершенно забыто всѣмъ мѣстнымъ

населением, да и самими потомками этого народа. Все это забыто настолько основательно, что имена «чжунгарь» и «Чжунгария» уже не попадают даже в новейших китайских сочинениях по географии. Живут элиты, или, по-нашему, калмыки, в Илийском округе.

Чахары пришли в Западный Китай из Монголии, где они обитали раньше, вместе с маньчжурскими войсками при завоевании ими края. Вместе с ними они остались там, как охрана завоеванного края. Кочуют чахары к северу от хребта Борохоро, на Боротае, около озера Сайрам-норь; число чахарь очень невелико.

Торгоуты, обитающие в Западном Китае, никогда тоже жили там. Затем, под давлением своих воинственных соседей, большая часть их в 1636 г., разыскивая лучшие пастбища и более спокойную жизнь, перекочевала в наши заволжские степи. Во второй половине XVIII столетия они возвратились обратно в Западный Китай. По преданиям, существующим еще до сих пор у торгоутов, они бжали из России из-за того, будто бы, что их стали обращать в христианство, чему они противились. Некоторые из них, действительно, и были обращены в христианство, что, однако, нисколько не помешало им вместе с остальными родичами бжать из России. Памятниками этого обращения в христианство у торгоутов остаются металлические иконы и кресты, которые и до сих пор сохраняются у них. Торгоуты и до сих пор хорошо помнят, что они никогда жили в России, и когда у них спрашивают, почему они оттуда ушли, то они изображают подобие крестного знамения и показывают, что в России их насильно заставляли это дбать, т. е. креститься, оттого они и ушли.

Торгоуты кочуют в разных мбстах края, а именно: часть их живет в Тарбагатайском округе, между горами Тарбагатайскими и Уркашаромь; часть—к югу от горь Майли, между озером Эби-норомь и городом Шихо, а главная масса их кочует на Юлдузах и около го-

рода Карашара. Все они разбиты по родам, которыми управляют их наследственные, родовые князья.

Все эти три вбтвы монгольского народа говорят разными нарбчими монгольского языка, но нарбчими очень близкими друг к другу, так что элиты отлично понимают чахара и торгоута, и наоборот. Да, и сами себя вообще они считают людьми одного племени, хотя они и разбросаны в разных мбстностях края и потому общаго у них в жизни и немного.

Иповдуют монголы буддйскую религию, которая в жизни монгола играла и играет громадную роль. Религиозное начало проникает всю жизнь монгола. В каждой семье один член семьи обязательно идет в духовное звание, в ламы, так что треть населения это духовенство. Но большинство населения, кроме ламь, да и то не всех, в религии своей совершенно невбжественно. Соблюдаются известные религиозные обряды, дбствуют известные правила, которые монгол считает для себя обязательными; но соблюдаются бессознательно, как принитые вбками и сроднившиеся с жизнью и бытом монгола. Каждый монгол имбет молитвенное колесо, на котором написаны священные буддйския изречения, и считается, что аккуратно, по возможности, поворачивания колеса, что замбняет молитву, вполне достаточно, чтобы заслужить хорошее перерождение¹⁾, по-нашему, попасть в царство небесное. Все обряды буддизма монголы соблюдают аккуратно. Любят ходить по святым мбстам, хотя паломничество это, мнб кажется, есть не что иное, как проявление страсти к бродяжеству, их любви к кочевой жизни. Монгол каждый день молится, но молитва эта есть просто формальное исполнение обязанности, не затрагивающее ума и сердца, так что, молясь, монгол в то же время может разговаривать с кем-нибудь из присутствующих. Тем не менее всякий монгол считает

¹⁾ Буддизмъ учить о перерожденіи души.

исполнение обрядов для себя обязательнымъ. Для всякаго монгола самый пріятный разговоръ, когда его спросятъ, сколько разъ онъ прочиталъ въ день «мани»—буддійскую молитвенную формулу, и когда онъ назоветъ число, сказать ему, что, навѣрно, гораздо болѣе, это для него самый пріятный комплиментъ. Вышнимъ проявленіемъ религіозности монголовъ является большое количество монастырей, съ громаднымъ количествомъ ламъ, во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ монголами.

Въ Западномъ Китаѣ мы находимъ монастыри въ слѣдующихъ мѣстахъ: прежде всего есть нѣсколько монастырей въ Илійскомъ округѣ, нѣсколько монастырей около Карашара и на Юлдузахъ; есть монастыри въ Тарбагатайскомъ округѣ; но главнымъ въ Западномъ Китаѣ считается монастырь около города Шихо, гдѣ живетъ Цаганъ-гэгэнъ. Гэгэнъ это одно изъ воплощеній Будды. Такихъ воплощенныхъ буддъ въ буддизмѣ много. Главный перерожденецъ — Далай-лама, бывший раньше въ Тибетѣ, а теперь находится, кажется, въ Синиѣ, гдѣ назначило ему пребываніе китайское правительство послѣ бѣгства его изъ Тибета. Затѣмъ есть гэгэнъ въ Ургѣ для Халхи, есть въ юго-восточной Монголіи и наконецъ Цаганъ-гэгэнъ около Шихо для Западнаго Китая.

Этимъ перерожденцамъ совершается поклоненіе, какъ живому божеству; приносятся отовсюду дары, доставляющіе ему хорошія средства къ существованію, и гэгэны могутъ быть названы очень богатыми людьми. Перерожденецъ живетъ обыкновенно въ свое удовольствіе. Несмотря на свое монашество и на монашескій обѣтъ безбрачія и цѣломудрія, перерожденецъ имѣетъ жену, и даже не одну, дѣтей, роскошную обстановку. Эта не монашеская жизнь и препровожденіе времени святаго, живого божества, конечно, должны были бы производить неблагоприятное впечатлѣніе на вѣрующихъ монголовъ, но на самомъ дѣлѣ этого совсемъ нѣтъ. Когда монгола спрашиваютъ, почему же это ихъ гэгэнъ ведетъ себя такъ худо, и почему они это терпятъ,

то они съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчаютъ, что это, стало быть, такъ и нужно, и нимало не смущаются его зазорнымъ поведеніемъ. Напримѣръ, умершій два года тому назадъ Цаганъ-гэгэнъ и вообще монашескимъ поведеніемъ не отличался, а кромѣ того, одно время занимался даже грабежомъ во главѣ цѣлой шайки, составленной имъ изъ своихъ ламъ и другихъ головорезовъ-китайцевъ и монголовъ, и, однако, это нисколько не умалило его обаянія среди монголовъ.

Сосѣди монголовъ китайцы, хотя, до извѣстной степени, тоже буддисты, но не вѣрятъ этимъ перерожденцамъ, а китайскія власти безъ всякой церемоніи и весьма охотно ихъ эксплуатируютъ и обираютъ. Одно изъ средствъ для этого—это вызовъ гэгэновъ въ Пекинъ для представленія богдохану. Тамъ на многочисленные подарки разнымъ сановникамъ, министрамъ и другимъ лицамъ выманиваютъ съ гэгэна массу денегъ. Поэтому ѣздить въ Пекинъ гэгэны очень не любятъ. Послѣдній сихускій гэгэнъ и умеръ въ провинціи Ганьсу, на возвратномъ пути изъ Пекина въ свой монастырь. Теперь ламами выбранъ вмѣсто него уже новый гэгэнъ. Это мальчикъ лѣтъ четырехъ, который проживаетъ пока у своихъ родителей въ Восточной Монголіи, въ Халхѣ. При немъ живутъ нѣсколько ламъ, которые и слѣдятъ за его развитіемъ и воспитаніемъ. По достиженіи опредѣленнаго возраста, новый перерожденецъ будетъ привезенъ въ монастырь около Сиху, гдѣ и будетъ облеченъ званіемъ и правами настоящаго гэгэна. А пока, въ ожиданіи этого момента, жизнь въ гэгэнскомъ монастырѣ замерла, такъ какъ, за отсутствіемъ святаго, притокъ жертвованій прекратился, прежней привольной жизни уже нѣтъ; поэтому большая часть ламъ разошлась по другимъ монастырямъ и остается лишь небольшое число ихъ для совершения обычнаго буддійскаго богослуженія и поддержанія монастыря.

Буддійская религія наложила свою печать на весь нравственный обликъ монгола. Подъ вліяніемъ буддизма, воин-

ственный прежде монголъ сдѣлался самымъ мирнымъ обитателемъ Азии. Монголы во взаимныхъ отношеніяхъ вѣжливы, привѣтливы и гостепріимны. Мягкій характеръ монгола скъзывается всего болѣе въ его отношеніи къ женщинамъ. Женщина-монголка пользуется полной свободой, и если случится, что мужъ худо обращается со своей женой, то это вызываетъ протестъ всѣхъ сосѣдей; а если это не помогаетъ, то сосѣди обращаются къ властямъ, которыя уже и принимаютъ соотвѣтствующія мѣры противъ жестокаго мужа. Семейная нравственность среди монголовъ стоитъ невысоко. Дѣвушка, еще съ очень юныхъ лѣтъ, свободно располагаетъ собой, какъ ей угодно. Родители къ такому поведенію дѣвушки относятся совершенно безразлично, лишь бы не выходило изъ-за этого большого шума и скандала. Даже замужнія женщины не считаютъ нужнымъ соблюдать супружескую вѣрность, и мужья противъ этого особенныхъ протестовъ не заявляютъ. Да и нѣтъ ничего удивительнаго, что нравственность среди монголовъ невысока, когда треть мужского населенія уходитъ въ монахи. Большинство ламъ, несмотря на свой обѣтъ безбрачія, ведутъ крайне развратный образъ жизни, имѣютъ женъ и дѣтей, въ чемъ слѣдуютъ примѣру своихъ перерожденцевъ. Ламы-то всего больше и вносятъ развратъ въ монгольскую жизнь. Поэтому неудивительно, что среди монголовъ сильно распространены венерическія болѣзни. Вслѣдствіе этихъ болѣзней замѣчается даже нѣкоторое вырожденіе монголовъ.

При сильномъ развитіи монашества, хотя монашества только по названію и въ теоріи, съ одной стороны, и съ другой—при этой общей половой распушенности, бракъ среди монголовъ не можетъ пользоваться особеннымъ почетомъ. Религіознаго ритуала брака у монголовъ даже и не существуетъ; да и не можетъ религія давать свое благословеніе такому институту, который, по ея ученію, является грѣховнымъ. У людей небогатыхъ обычно бываетъ такъ, что мужчина и женщина сходятся между собою и живутъ вмѣстѣ безъ всякой религіозной церемоніи. Люди богатые,

особенно княжескаго рода, приглашаютъ ламу; но такъ какъ установленнаго брачнаго обряда не существуетъ, то лама импровизируетъ какую-нибудь молитву, говоритъ рѣчь, въ которой излагаетъ достоинства вступающихъ въ бракъ, тѣмъ дѣло и ограничивается. Но такъ или иначе заключается бракъ, онъ продолжается всю жизнь. Какъ бы супруги ни измѣняли другъ другу, они не расходятся, и потому по вѣрности браку у монголовъ отличается большой прочностью. Женщина въ семьѣ пользуется большимъ вліяніемъ, особенно мать семейства. Она главная работница въ домѣ, ведетъ все хозяйство, и оттого вѣрнѣе по природѣ монголъ не можетъ не цѣнить своей вѣрной помощницы и не воздавать ей значительной доли уваженія.

Такимъ образомъ, по своему характеру, спокойному и уживчивому, по своему гуманному отношенію къ слабой половинѣ человѣческаго рода, монголъ производитъ благоприятное впечатлѣніе. Но если внутренний міръ монгола не можетъ не внушать къ нему извѣстной симпатіи, то зато его вѣрнѣйшій видъ отвратителенъ. Прежде всего, самъ монголъ никогда не моется; не моетъ посуды, изъ которой ѣсть и пить и въ которой готовить себѣ пищу, не моетъ своей одежды. Поэтому, трудно даже вообразить себѣ ту грязь, которую носить на себѣ монголъ. Киргизы тоже кочевники, живутъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и монголы, и образцовой чистотой не отличаются, но и тѣ изъ-за этой грязи избѣгаютъ сношеній съ монголами. Киргизъ предпочтетъ переночевать въ открытой степи, чѣмъ остановиться въ юртѣ монгола. И дѣйствительно, нужно имѣть много непритязательности и жизненнаго оптимизма, чтобы прожить нѣкоторое время среди той грязи, въ которой живутъ монголы.

Занимаются монголы почти исключительно скотоводствомъ. Но такъ же, какъ и у киргизовъ, дѣло это ведется у нихъ самымъ первобытнымъ способомъ. Однако, благодаря тому, что въ пользованіи монголовъ находятся самыя лучшія въ краѣ пастбищныя мѣста, скотъ у нихъ даже лучше,

чѣмъ у киргизовъ. Особенно это нужно сказать о карашарскихъ торгоутахъ, которымъ принадлежатъ пастбища на Юлдузахъ. Тамъ водятся небольшія и крѣпкія лошади, извѣстныя подъ именемъ карашарскихъ, которыя славятся по всему Западному Китаю. И въ этомъ случаѣ нужно отдать справедливость карашарскимъ торгоутамъ, они заботятся о поддержаніи этой породы лошадей, и она не ухудшается; но зато нельзя сказать, чтобы и улучшалась, такъ какъ терпѣнія и предусмотрительности хватаетъ у торгоута лишь на то, чтобы вырастить нѣсколько хорошихъ экземпляровъ для себя, о поддержаніи же и расширеніи дѣла съ промышленными дѣлами онъ нисколько и не заботится; оттого эти лошади въ продажѣ сравнительно рѣдки и вмѣстѣ съ тѣмъ стоятъ дорого.

Затѣмъ, почти всѣ монголы занимаются звѣроловствомъ. Какъ ружейная охота, часто съ промышленными дѣлами, такъ и ловля звѣри разными приборами у нихъ сильно развиты. Монголы великолѣпные стрѣлки и изъ своихъ первобытныхъ, часто кремневыхъ ружей, они стрѣляютъ замѣчательно мѣтко. На Юлдузахъ есть охотники, которые не пользуются иногда даже и ружьями, а бьютъ звѣря изъ луковъ стрѣлами, такъ какъ огнестрѣльные припасы очень дороги, да часто и достать ихъ невозможно. По буддійскому ученію, убивать живое существо не полагается, но ламы какъ-то умудряются примирять запрещеніе религіи съ требованіями практической жизни.

О монголахъ-торговцахъ я до сихъ поръ не слышалъ, ихъ нѣтъ. Жизнь кочевника не создаетъ тѣхъ условій, которыя могли бы служить основаніемъ или дать толчокъ коммерческой дѣятельности. У монгола прежде всего слишкомъ мало потребностей, удовлетвореніе которыхъ предполагало бы необходимость въ предметахъ, привозимыхъ извнѣ, приготовленіе которыхъ превышало бы силы и средства монгольской семьи. Монголъ мало въ чемъ нуждается, чего бы онъ не могъ сдѣлать самъ. Затѣмъ мѣшается и лѣнь и отсутствіе предприимчивости у монгола; предприимчивость

необходима, чтобы заняться сбытомъ не монголамъ монгольскихъ произведеній, которыя, конечно, имѣются, а монголамъ тѣхъ произведеній, которыхъ сами они не производятъ. Кромѣ того, тутъ нужно видѣть и вліяніе буддизма, который своимъ ученіемъ о Nirvanѣ, какъ высшемъ идеалѣ челоѣка, убиваетъ въ монголѣ всякую предприимчивость, всякое желаніе добиваться лучшаго положенія и лучшихъ условій жизни. Вслѣдствіе этого мы и не видимъ торговцевъ-монголовъ.

Занятія земледѣіемъ тоже очень мало развиты среди монголовъ Западнаго Китая. Имъ начинаютъ они заниматься только тамъ, гдѣ земельныя уголья становятся тѣсными, гдѣ условія скотоводства ухудшаются и средства къ пропитанію уменьшаются и потому по необходимости приходится искать другихъ средствъ къ существованію, чѣмъ излюбленное монголами скотоводство. По этимъ причинамъ мы видимъ, что небольшія запашки начинаются у тарбагатайскихъ торгоутовъ, гдѣ кочевнику становится жить тѣснѣе; затѣмъ, еще меньше пашутъ илійскіе элаты и чачары. Карашарскіе же торгоуты о земледѣіи еще и не думаютъ, потому что тамъ и до сихъ поръ еще прекрасныя условія для скотоводства.

Но если плохо поставлено земледѣіе у осѣдлага населенія Западнаго края, то у кочевниковъ-монголовъ оно поставлено еще хуже. Монголы и не желаютъ, да и не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, взяться за дѣло. Понятно, и результаты получаются соответствующіе, то-есть плохіе. Только хорошая почва да благоприятныя общія условія дѣлаютъ то, что монголы, кромѣ сѣмянъ, выручаютъ отъ земли и кой-что на свое пропитаніе.

Уже изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что экономическое положеніе монголовъ не можетъ быть блестящимъ. Монголъ отличается отсутствіемъ предприимчивости, объ этомъ я уже сказалъ выше. Но въ то же время монголъ и странно лѣнивъ. Спокойное ничегонеделаніе—вотъ идеалъ монгола. Его кочевая жизнь, при отсутствіи

настоятельныхъ трудовъ и заботъ, къ этому его располагаетъ, а религія, съ ея ученіемъ о нирванѣ, къ тому поощряетъ. При этихъ условіяхъ трудно не сдѣлаться лѣнивымъ. Загѣмъ, сильное развитіе пьянства среди монголовъ также очень подрываетъ экономическое положеніе монголовъ. Отъ нечего дѣлать монголы хорошо искусились въ приготовленіи разныхъ хмельныхъ напитковъ, много ихъ приготавливаетъ и очень охотно ихъ употребляетъ. Пьютъ всѣ, и женщины и дѣти, и старики и молодые, и міряне и духовные. Если Руси есть веселіе пíti, то для монгола веселіе это еще гораздо больше.

Бѣдность монгола проявляется и во внѣшней обстановкѣ его жизни. Монголы живутъ въ грязной войлочной куртѣ; войлокъ на куртѣ часто старый, разорванный. Вся обстановка монгольского жилища состоитъ изъ кухонной посуды въ самомъ ограниченномъ количествѣ, да иногда изъ сундука или двухъ съ убогимъ скарбомъ хозяевъ. На головѣ остроконечная мѣховая шапка; платье — баранья шуба и лѣтомъ и зимой, и въ лютый морозъ и въ страшный жаръ. Главное богатство монгола это скотъ. У средняго по достатку монгола бываетъ до десяти лошадей, 5—6 быковъ и около 50 барановъ. При этихъ средствахъ кочевникъ могъ бы существовать безбѣдно, если бы, конечно, не губило монгола его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Но это богатство кочевника очень непрочно. Сибѣжная зима, чрезвычайъ сухое лѣто, иногда гололедища, когда скотъ не можетъ добыть себѣ подножнаго корма, а самъ монголъ запасовъ его не привыкъ дѣлать, и все его богатство — скотъ — можетъ погибнуть. Однако, послѣднее время и нѣкоторые изъ монголовъ, хотя и немногіе, стараются запасаться серебромъ, что и даетъ возможность переживать всѣ такіе кризисы.

Среди монголовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Западнаго Застѣжнаго Китая, наиболѣе состоятельные карашарскіе торгоуты; далѣе слѣдуютъ чахары, которые, какъ входящіе

въ составъ знаменныхъ войскъ, обезпечены до известной степени казеннымъ жалованьемъ; загѣмъ идутъ сухускіе торгоуты, и послѣднее мѣсто занимаютъ тарбагатайскіе торгоуты. Послѣдніе живутъ бѣдно и оттого, что естественныя условія ихъ кочевья менѣе благоприятны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и оттого, что они гораздо лѣнивѣе, а потомъ и особенное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ подрываетъ благосостояніе тарбагатайскихъ торгоутовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Отношенія народностей Западнаго Китая между собою.—Высокомерное отношеніе китайцевъ ко всѣмъ другимъ народностямъ.—Вражда ихъ съ дунганями.—Отчужденность дунганъ отъ другихъ народностей.—Недовѣріе всѣхъ къ кашгарлыкамъ и таранчамъ.—Дружба кашгарлыковъ съ китайцами.—Отношеніе къ кочевникамъ.—Отношеніе къ русскимъ подданнымъ.

Такимъ образомъ, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ обитаютъ нѣсколько различныхъ народностей. Между одними изъ этихъ народностей громадная разница въ племенномъ происхожденіи, религій, правахъ и обычаяхъ, какъ, напримѣръ, между китайцами и мусульманами, между другими—разница въ правахъ и обычаяхъ, какъ, напримѣръ, между дунганями и кашгарлыками и т. д. Между тѣмъ всѣ эти народности живутъ бокъ-о-бокъ, имѣютъ постоянныя взаимныя отношенія и дѣла. Поэтому интересно посмотрѣть, какъ онѣ уживаются другъ съ другомъ, какія у нихъ взаимныя отношенія.

Хозяева края китайцы еще до сихъ поръ считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ. Они считаютъ себя и образованнѣе и культурнѣе и богаче всѣхъ другихъ народовъ. Это же свое самомиѣніе приносятъ китайцы и въ Западный Китай. Что касается своихъ сосѣдей въ Западномъ Китаѣ, то въ этомъ своемъ миѣніи о себѣ китайцы до известной степени и права, такъ какъ, напримѣръ, въ смыслѣ куль-

турности, они, дѣйствительно, стоятъ выше другихъ мѣстныхъ народностей. Но при всѣмъ ихъ самомиѣніи, въ то же время китайцы въ высшей степени терпимый народъ. Они относятся совершенно безразлично ко всѣмъ чуждымъ народностямъ, если только эти народности сами не выражаютъ враждебности къ нимъ. Всякій народъ можетъ совершенно свободно жить въ Китаѣ; онъ можетъ вѣрить во что ему угодно, заниматься чѣмъ угодно, говорить и учиться на какомъ угодно языкѣ, но при условіи, что онъ не будетъ показывать открытой враждебности ко всему китайскому и главнымъ образомъ своими дѣйствіями. Поэтому китайцы отлично уживаются всюду, куда ихъ ни заброситъ судьба. Единственная народность, съ которой китайцы никакъ не могутъ ужиться, это дунгане. Между китайцами и дунганями существуетъ старая вражда, которая до сихъ поръ нисколько не утихла.

Маньчжуры заявляютъ о своемъ существованіи очень мало. Они какъ-то теряются, обезличиваются на фонѣ китайцевъ, такъ что въ настоящее время, въ сущности, даже какъ-то странно говорить о какой-либо ихъ роли въ краѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда случается узнавать объ отношеніяхъ маньчжуровъ къ другимъ народностямъ, то приходится убѣждаться, что инородный элементъ относится къ нимъ скорѣе дружелюбно, чѣмъ наоборотъ, а это потому, что сами маньчжуры своими дѣйствіями не раздражаютъ инородцевъ. Китайскаго національнаго самомиѣнія у маньчжуровъ не замѣтно.

Говоря въ своемъ мѣстѣ о дунганахъ, я уже сказалъ, что дунгане относятся къ китайцамъ очень враждебно; тѣмъ же отплачиваютъ и китайцы дунганамъ. Я указалъ и причины происхожденія этой вражды. Тѣ, по истинѣ, жестокая мѣра, которая принимала китайцы при усмирении многократныхъ дунганскихъ возстаній, могли только, конечно, усилить эту вражду. Послѣ послѣдняго возстанія дунганъ въ 1894 году, богодоханъ далъ дунганамъ, вмѣсто названія хуй-хуй или хуй-цаы, какъ они назывались раньше, на-

звание хуй-цэ, что значит мусульмане-разбойники. Дунгане очень недовольны этим названием, которое, к счастью для них, все-таки не вошло во всеобщее употребление. Однако, в настоящее время дунгане настолько сжаты китайцами и так науганы последней расправой с бунтовщиками, что открыто проявить свою вражду к своим врагам они не имеют ни достаточной возможности, ни достаточной смелости. Но в то же время та и другая сторона отлично знают питаемые взаимно чувства и потому держатся насторожѣ. Недовѣріе китайцев к дунганам настолько сильно, что до сих пор остается в силѣ давнее распоряженіе китайскихъ властей, в силу котораго дунгане не имеютъ права ходить в китайскіе театры. А распоряженіе это было издано в виду того, что дунгане во время своихъ возстаній не разъ пользовались случаемъ напасть на китайцевъ в то время, какъ они были в театрѣ. Китайцы, какъ извѣстно, большіе любители театральныхъ представлений, и когда сидятъ в театрѣ, то забываютъ все, такъ что это весьма удобный моментъ, чтобы напасть на нихъ. Положимъ, в настоящее время распоряженіе это не соблюдается такъ строго, какъ прежде, и дунгане бываютъ в театрахъ; но это только до случая, и они всегда рискуютъ натолкнуться на неприятность со стороны китайскихъ властей.

Что касается отношенія дунганъ къ другимъ народностямъ, то оно не враждебное, а нѣсколько высокомерное. Даже по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ-мусульманамъ дунгане держатся свысока; надменно. Они считаютъ себя какъ бы аристократіей среди мусульманъ. Дунгане имеютъ свои отдѣльныя мечети, своихъ муллъ, и лишь в случаѣ крайности пойдутъ в чужую мечеть. В частныхъ отношеніяхъ они сторонятся отъ своихъ единовѣрцевъ—не дунганъ. Такое ихъ отношеніе, конечно, не можетъ вызывать къ нимъ добраго расположенія со стороны другихъ народностей. Дунганъ не любятъ и охотно бы дѣлали имъ всякія неприятности, но боятся извѣстнаго имъ мстительно-

сти, в силу которой дунганамъ рано или поздно отомстить обидчику за нанесенную ему обиду. Дунганъ не любятъ, но ихъ боятся и уважаютъ.

Китайскіе сарты — кашгарлыки и таранчи—никакимъ уваженіемъ и симпатіями среди остального населенія края не пользуются. Всѣ считаютъ ихъ людьми невысокой нравственности, вѣроломными и продажными, что они и есть на самомъ дѣлѣ. Кроме того, кашгарлыки в высокой степени неуживчивы; они любятъ заводить ссоры, драки, разныя тяжбы и такъ далѣе. Сарты же даютъ и главный контингентъ преступниковъ. Все это соседямъ, разумѣется, нравиться не можетъ. Но съ хозяевами края, китайцами, кашгарлыки уживаются отлично. Хорошо помня тѣ жестокости, которыя учинялись китайцами при усмиреніи края послѣ мусульманскаго возстанія, теперь они не рискуютъ ни на что подобное. Наоборотъ, они ударились уже в другую крайность — угодничество предъ китайцами. Всегда и всюду они держатъ теперь сторону китайцевъ. За это они добились полнаго довѣрія у китайскихъ властей. Они служатъ во всѣхъ ямыняхъ переводчиками; прислуга у китайскихъ чиновниковъ, по преимуществу, изъ кашгарляковъ; они получаютъ даже мѣста, хотя и небольшія, по администраціи; напримѣръ, есть уже кашгарлыки телеграфисты, много служатъ ихъ досмотрщиками во внутреннихъ таможахъ. Особенно большую роль играютъ кашгарлыки почему-то в Тарбагатаѣ. Тамъ они всегда первые друзья китайской администраціи и идутъ часто противъ своихъ единовѣрцевъ-мусульманъ, особенно русскихъ, что со стороны кажется довольно страннымъ. В послѣднее время китайцы почувствовали такое довѣріе къ кашгарлякамъ, что начинаютъ формировать изъ нихъ регулярныя войска, организуемая и обучаемая по иностранному образцу. Однако, все это нисколько не значитъ, что на кашгарляковъ китайцы, дѣйствительно, могутъ положиться. Достаточно крупнаго неуспѣха китайцевъ, ихъ серьезнаго пораженія, чтобы кашгарлыки такъ же охотно перешли на сторону по-

бдителя и обратились против вчерашних своих друзей и покровителей.

Что касается представителей кочевных народов въ краѣ—киргизовъ и монголовъ, то роль ихъ очень маленькая. Все остальное население относится къ нимъ такъ же, какъ и мы, европейцы, ко всякаго рода кочевникамъ, какъ представителямъ низшей расы и культуры. Но такое отношеніе осѣдлаго населенія кочевниковъ нисколько не смущаетъ. Они чувствуютъ себя прекрасно, нисколько не нуждаются въ уваженіи, лишь бы только ихъ не трогали и не мѣшали жить такъ, какъ имъ нравится. Киргизы, напримеръ, считают даже, что все у нихъ гораздо лучше, чѣмъ у ихъ осѣдлыхъ сосѣдей, и что они даже выше и какъ бы благороднѣе. На чемъ основывается такое самовѣріе киргизовъ, сказать довольно трудно; всего вѣрнѣе, на ихъ дѣтской наивности и непосредственности, въ силу которой они считаютъ себя центромъ всего міра. Но такъ или иначе смотря на кочевниковъ, вообще все относится къ нимъ довольно симпатично, такъ какъ вреда они никому не приносятъ, а между тѣмъ у нихъ много положительныхъ качествъ, которая вызываютъ къ нимъ невольную симпатію. Въ послѣднее время стала усиливаться баранта—угонъ скота среди киргизовъ. Но баранта практикуется, главнымъ образомъ, среди кочевниковъ, и осѣдлое населеніе страдаетъ отъ того немного.

Что касается отношенія мѣстнаго населенія къ русскимъ подданнымъ, проживающимъ въ Западномъ Китаѣ, то нужно имѣть въ виду, что русскіе подданные по преимуществу мусульмане; мусульмане же и значительная часть мѣстнаго населенія; поэтому наши подданные не могутъ встрѣчать враждебнаго отношенія со стороны китайскихъ подданныхъ единовѣрцевъ. Не ладятъ они только съ кашгарляками, какъ не ладятъ съ ними и китайскіе подданные. У нашихъ подданныхъ еще болѣе бываетъ столкновений на почвѣ торговли, такъ какъ кашгарляки очень любятъ торговать, берутъ товары у русскіхъ торговцевъ, а потому не испол-

няютъ принятыхъ на себя обязательствъ. Отношеніе народностей не мусульманскихъ зависить отъ отношенія къ русскимъ подданнымъ китайскихъ властей; а отношеніе этихъ послѣднихъ обуславливается общимъ политическимъ положеніемъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. До японской войны престижъ Россіи въ Китаѣ стоялъ очень высоко; насъ боялись, какъ сильной державы; поэтому власти держали себя осторожно; это же отношеніе внушалось и населенію. Теперь престижъ нашъ сильно упалъ; китайская администрація, какъ у меня имѣются свѣдѣнія, не находитъ нужнымъ церемониться съ нами, открыто нарушая трактаты; примѣру администраціи послѣдуютъ, несомнѣнно, и китайскіе подданные, и мы должны разсчитывать, что намъ предстоитъ не мало неприятныхъ недоразумѣній и сюрпризовъ со стороны китайскихъ подданныхъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рядкость селений и городов.—Видь селений зимой и лѣтомъ.—Селения въ Кульджинскомъ районѣ.—Города-крѣпости.—Отдѣльныя части для маньчжуровъ.—Видь города внутри.—Типична китайской части и оживленность мусульманской.—Масса народа на главныхъ улицахъ.—Неблагоустройство и грязь китайскихъ городовъ.

Многочисленное осѣдлое население Западнаго Застѣннаго Китая группируется въ цѣломъ рядѣ городовъ и еще болѣе въ многочисленныхъ селеніяхъ, разбросанныхъ въ оазисахъ обширнаго края. Всѣ эти города и селенія настолько своеобразны, настолько непохожи на то, что мы видимъ въ Россіи и Европѣ, что человѣку, не бывавшему въ Азіи, особенно въ Центральной, трудно и почти даже невозможно представить себѣ эти города и деревни. Историческія обстоятельства края выработали здѣсь типъ города-крѣпости и дома-крѣпости. Какъ мы уже видѣли, Средняя Азія издавна, со временъ еще доисторическихъ, была ареной всевозможныхъ столкновеній народовъ, которые приходили сюда, изгоняли мѣстное население или поработали его, затѣмъ сами были изгоняемы, и такъ все время. Въ болѣе позднія времена также постоянныя внутреннія междоусобія потрясали край. Поэтому каждому городу, даже каждому частному лицу, приходилось заботиться о самозащитѣ, такъ какъ защиты государственной или союзной не было, или она была слишкомъ слаба. Оттуда по-

явились дома, окруженные со всѣхъ сторонъ стѣнами, и города, окруженные стѣнами.

Когда подъѣзжаешь къ деревнѣ зимой, то видишь какія-то сѣрыя кучи, еле выделяющіяся на общемъ сѣромъ фонѣ окружающей мѣстности. Это происходитъ оттого, что стѣны домовъ, заборы и крыши сбиты изъ сѣрой земли такого же цвѣта, какъ почва кругомъ. Въ самой деревнѣ узкая, кривая улица ведетъ отъ одного края деревни къ другому. Дворъ каждаго дома примыкаетъ непосредственно ко двору другого, какъ будто нѣтъ мѣста, гдѣ построиться, тогда какъ мѣста сколько угодно. Это желаніе быть поближе другъ къ другу, въ случаѣ нападенія, вотъ что заставляетъ такъ тѣсниться. Кругомъ деревни, по улицамъ кучи мусора, навоза и разныхъ отбросовъ, гдѣ хозяйничаютъ обязательные спутники китайскихъ деревень—свины.

Лѣтомъ картина нѣсколько симпатичнѣе. Издали уже видѣются кучи деревьевъ—пирамидальныхъ тополей и карагачей, которыя окружаютъ деревни. Получается какъ бы роща, изъ-за которой не видно даже глинобитныхъ домовъ и заборовъ. Иногда еще версты за двѣ до селенія начинается аллея, тянущаяся до самыхъ домовъ. Эти деревья садятся по теченію арыковъ, для укрѣпленія ихъ береговъ, и когда они въ полной зелени, то очень скрашиваютъ непріятный видъ селеній, расположенныхъ въ пустынѣ. Лѣтомъ даже мусорныхъ кучъ около деревень гораздо меньше, потому что почти весь навозъ и отбросы свозятся земледѣльцами на поля и огороды для удобрения. Иногда, хотя и не часто, вблизи селеній бываютъ поля, зелень которыхъ даетъ отдохнуть глазу, утомленному однообразнымъ сѣрымъ видомъ окружающей пустыни.

Селенія обычно разбросаны на большія разстоянія другъ отъ друга. Версты двадцать-тридцать вотъ обычное разстояніе деревни отъ деревни. Они являются настоящими оазисами въ пустынѣ; существуютъ тамъ, гдѣ есть проточная вода для орошенія полей и питья, а такъ какъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ такихъ мѣстностей не такъ

много, то и поселения рѣдки. Бываютъ иногда между селеніями одинокіе постоялые дворы, гдѣ-нибудь на небольшомъ ключикѣ или на небольшой рѣчкѣ, но большей частью они бываютъ очень мало населены и производятъ всѣмъ своимъ видомъ впечатлѣніе пустоты и безжизненности, такъ гармонируя съ окружающей природой. Нѣкоторое исключение представляетъ Илійскій округъ. Обиліе тамъ воды для орошенія даетъ возможность большому количеству людей жить вмѣстѣ. Особенно это можно сказать о восточной части округа, въ районѣ Кульджинскаго уѣзда. Тамъ деревни очень часты и такъ какъ около деревень расположены сады, огороды и поля, то видишь массу зелени, и кульджинская деревня, благодаря этой зелени, производитъ приятное впечатлѣніе. Западная часть Илійскаго округа болѣе пустынна и къ ней потому относится сказанное вообще о Западномъ Китаѣ.

Города это крѣпости, обнесенныя высокими стѣнами съ башнями и окруженныя рвами. Въ стѣнахъ продѣлано нѣсколько воротъ, черезъ которые свободно можно выходить и входить только днемъ, до наступленія темноты; съ наступленіемъ темноты ворота запираются и открываются только въ исключительныхъ случаяхъ и то съ разрѣшенія подлежащей власти. Стѣны эти, хотя и толстыя и высокія, сбиты изъ глины и потому существеннаго значенія при современномъ вооруженіи не имѣютъ. Однако противъ мѣстнаго безпокойнаго элемента, противъ котораго онѣ главнымъ образомъ и предназначены, стѣны эти охрана достаточная.

Города всегда бываютъ окружены предмѣстьями, которыя тоже нерѣдко обносятся стѣнами, но меньшей высоты и толщины, только съ большими воротами, которыя на ночь тоже запираются. Стѣны эти китайцы считаютъ необходимыми для наблюденія за дунганями и другими подозрительными личностями, такъ какъ можно знать, кто входитъ и выходитъ ночью, а въ случаѣ нужды и запереть тамъ бунтующую толпу. Такъ говорятъ это китайцы;

но есть ли какой-нибудь отъ этого толкъ, сказать невозможно; скорѣе, что нѣтъ.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть болѣе или менѣе значительное число маньчжуровъ, они всегда живутъ отдѣльно, въ особыхъ маньчжурскихъ городахъ, окруженныхъ массивными стѣнами. Въ маньчжурскомъ городѣ остальному населенію жить не разрѣшается, такъ что, напримѣръ, даже китайцы, которые имѣютъ торговлю въ маньчжурскомъ городѣ, ночевать тамъ не могутъ, а должны на ночь выѣзжать въ другія части города. Въ нѣкоторыхъ городахъ, впрочемъ, маньчжуры теперь уже совсѣмъ нѣтъ, они переселены въ другія мѣста, такъ что часть города, обитаемая прежде маньчжурами, только носитъ названіе маньчжурскаго города по традиціи, а доступна уже для всѣхъ, маньчжуровъ тамъ нѣтъ. Такъ, напримѣръ, это мы видимъ въ Урумци.

Выѣзжая въ городскія ворота любого города Западнаго Застѣннаго Китая, сразу же попадаешь въ узкую и, смотря по погодѣ, или пыльную, или грязную улицу. Съ той и другой стороны идутъ сѣрые, глинобитные заборы, а въ нихъ выступаютъ черными пятнами двери лавокъ и лавчонокъ. Иногда торговля ютится тутъ же, около забора, подъ навѣсомъ. Всюду народъ, арбы, телѣги-фудутунки, какъ они называются въ Маньчжуріи, верховыя лошади, навьюченные быки, олени, а иногда и верблюды. Хотя все это, по восточному обычаю, не стѣснить, но вся эта толпа кричитъ, толкается, шумитъ и ругается изо всѣхъ силъ. Но весь этотъ шумъ происходитъ оттого, что на окраинахъ толпа, по преимуществу, мусульманская, окраина это царство мусульманъ-кашгаряковъ и таранчей, любящихъ покричать безъ толку. Въ китайской части этого почти нѣтъ. Эта шумящая, иногда оборванная толпа буквально поражаетъ и подавляетъ свѣжаго человѣка. Ничего подобнаго вы не встрѣтите ни въ русскомъ, ни вообще въ европейскомъ городѣ. Подвигаться впередъ приходится медленно. Полиція никакой, и никто за порядкомъ не смотритъ. На-

конецъ вы попадаете въ центръ города, въ китайскую часть. Здѣсь картина мѣняется. Вместо заборовъ и мелкихъ лавочекъ, вы встрѣчаете здѣсь хорошіе, конечно по-китайски, магазины. Магазины идутъ сплошь цѣлыя улицы, такъ что ни домовъ, ни заборовъ и не видно. На той же улицѣ, рядоми съ магазинами, находятся разныя мастерскіи. Тутъ столарь дѣлаетъ столы, ящики и другіе предметы домашнего обихода; тамъ кузнецъ куетъ что-то; тутъ же кухмистерская, въ которой на открытомъ воздухѣ и на виду у всѣхъ готовятся разныя китайскія яства, которыя тутъ же и съѣдаются непритомленными покупателями. Дальше находите мастерская серебряныхъ издѣлій, гдѣ мастеръ на виду у всѣхъ занимается своимъ дѣломъ. Тутъ же видимъ и бродячаго цырульника, который гдѣ-либо въ сторонкѣ приводить въ порядокъ голову какому-либо сыну Небесной имперіи. Все это происходитъ на виду у всѣхъ и не вызываетъ никакого особеннаго вниманія. Никто другъ другу не мѣшаетъ и всякій занимается своимъ дѣломъ, какъ будто никого кругомъ нѣтъ.

Улицы цѣлый день полны народомъ. Но въ толпѣ этой какъ-то не замѣтно того движенія, шума и оживленія, которое проявляетъ всякая другая толпа, кромѣ китайской. Всѣ ходятъ молча, разговариваютъ мало. Даже въ лавкахъ мы не видимъ того оживленнаго торга, который мы видимъ во всякой другой странѣ. Китаецъ по природѣ спокоенъ, да и правила вѣжливости, въ которыхъ онъ воспитанъ, не позволяютъ ему рѣзкихъ движеній, громкаго разговора; все подобное признакъ дурного тона, не допускаемаго китайскими понятіями.

Такой порядокъ въ китайской части города, на китайскомъ базарѣ. Но, кромѣ того, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ бываетъ всегда еще базаръ мусульманскій, сартовскій. Тамъ мы видимъ совсѣмъ другое. Впечатлительные, подвижные сарты шумятъ, кричатъ, переругиваются, быстро двигаются, и всюду видна дѣйствительная жизнь, которая на китайскомъ базарѣ отсут-

ствуетъ. Здѣсь тоже смѣсь всевозможныхъ товаровъ, магазиновъ и производствъ, но все это другого характера и притомъ попроче и поделешевле.

Цѣлый день, отъ ранняго утра и до закрытія городскихъ воротъ, толпится народъ на сартовскомъ базарѣ. Большинство тутъ нѣтъ ровно никакого дѣла, но каждый считаетъ своимъ долгомъ побывать на базарѣ. Базаръ для восточнаго человѣка, а сарта въ особенности, это клубъ, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости, встрѣчаетъ пріятелей и знакомыхъ и находитъ, хотя и не разнообразныя, но достаточныя, по его вкусу, развлечения. Вотъ почему базары всегда такъ и полны народомъ. Человѣкъ, вздумавшій судить о количествѣ населенія того или другого города по той массѣ народа, которую онъ видитъ на базарахъ, очень бы ошибся.

Такое движеніе и жизнь наблюдаются, однако, только на главныхъ, торговыхъ улицахъ. Что же касается остальныхъ улицъ и переулковъ, то тамъ господствуетъ полная тишина. Изрѣдка пройдетъ какой-нибудь прохожій, а проездъ экипажа уже цѣлое событіе въ жизни жителей этихъ тихихъ кварталовъ. Другая особенность китайскихъ городовъ—это отсутствіе на улицахъ дѣтей, или, вѣрнѣе, ихъ такъ мало и они такъ тихи, что какъ будто ихъ и нѣтъ. Китайскія дѣти, какъ и всѣ вообще китайцы, такія серьезныя, какъ будто маленькіе старички, и никакого оживленія въ уличную жизнь не вносятъ. Дѣти мусульманъ тѣ живѣе. Это обыкновенныя дѣти, со всѣми ихъ шалостями и весельемъ, а не дрессированныя куклы, какъ китайцы. Но вообще у сартовъ дѣтей очень мало. Вѣроятная причина бездѣтности сартовъ—это непрочность сартовскаго брака и развратное поведеніе сартовъ.

О благоустройствѣ китайскихъ городовъ не можетъ быть и рѣчи, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ. Бываютъ администраторы, которые дѣлаютъ попытки къ улучшенію городского благоустройства, но попытки очень слабыя, да и то на китайскій ладъ. Обыкновенно

венно же улицы китайских городов поражают своей грязью. Улицы никто не мостит и не поправляет, развѣ образуются такія ямы, что невозможно ни пройти, ни проѣхать. Поэтому въ сырую погоду на улицахъ непролазная грязь, а въ сухую—невообразимая пыль. Всѣ отбросы и нечистоты выбрасываются прямо на улицу. Поэтому, можно себѣ представить всю ту вонь, которая неразлучный спутникъ каждаго китайскаго города. При всемъ томъ, улицы узкія, часто загромождены камнями, бревнами и другимъ строительнымъ матеріаломъ, такъ что проѣхать по большинству улицъ въ экипажѣ цѣлый подвигъ, а въ нашемъ европейскомъ экипажѣ—часто даже неразрѣшимая задача. Оттого въ городахъ Азии и предпочитаютъ ѣздить верхомъ—на лошади, ослѣ или даже быкѣ, такъ какъ часто только такимъ способомъ и можно пробираться въ этомъ лабиринтѣ узкихъ и крайне неудобныхъ улицъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Главнѣйшіе города Западнаго Китая.—Городъ Урумци.—Названіе города.—Его расположеніе въ горахъ.—Климатъ.—Землетрясенія.—Раздѣленіе города на части.—Кумирни—наиболѣе красивыя зданія.—Архитектура китайскихъ зданій.—Дома мусульманъ.—Количество населенія въ Урумци.

Важнѣйшіе города Западнаго Застѣннаго Китая, т. е. Синьцзянской провинціи, это—Урумци, Суйдунъ, Кульджа, Кашгаръ, Чугучакъ. Застѣмъ, идуть менѣе значительные, какъ-то: Яркендъ, Хотанъ, Аксу, Турфанъ, Хами, Гучень, Баркуль, Манастъ. Наконецъ, есть много мелкихъ, которые имѣютъ лишь небольшое значеніе. Часть перечисленныхъ городовъ имѣютъ значеніе, какъ болѣе или менѣе важные административные центры, а часть достойны замѣчанія, какъ важные торговые пункты. Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ главнѣйшихъ городовъ.

Урумци—главный городъ всего Западнаго Застѣннаго Китая—Синьцзянской провинціи. Это резиденція губернатора и средоточіе высшихъ административныхъ, судебныхъ и военныхъ учрежденій провинціи. Слово Урумци, по объясненію китайцевъ, чжунгарское и значить «хорошее пастбище». Очень можетъ быть, на мѣстѣ города и были прежде хорошія пастбища; но крайней мѣрѣ и теперь кругомъ города кой-гдѣ есть мѣста, удобныя для пастбы скота. Кромѣ названія «Урумци», городъ имѣетъ еще и другія. Такъ, въ

просторѣи онъ называется Хунмяоцзы, что значитъ красная кумирня. Такое названіе онъ получилъ ужъ съ самаго своего основанія отъ красной кумирни, которая была выстроена при самомъ основаніи города. Кумирня эта существуетъ и теперь, конечно, уже много разъ обновленная, но красный цвѣтъ ея неизвѣнно сохраняется; находится она къ сѣверу отъ города, наверху высокой скалы, которая господствуетъ надъ городомъ и видна почти изъ всѣхъ частей его. Современное официальное названіе города Ди-хуа. Названіе же Урумци встрѣчается теперь только въ старыхъ географическихъ сочиненіяхъ и затѣмъ употребляется иностранцами, въ томъ числѣ и нами. Китайцы же образованные, хотя и не забыли его, однако въ официальныхъ сношеніяхъ его не употребляютъ, замѣняя или названіемъ Ди-хуа, или называя просто Синьцзянъ-шэнъ, что значитъ главный городъ Синьцзянской провинціи.

Урумци находится къ сѣверу отъ хребта Тяньшань, но уже въ его предгорьяхъ. Городъ Урумци находится въ горной мѣстности, расположенъ на холмахъ и кругомъ со всѣхъ сторонъ его окружили горы. Только къ сѣверо-западу открывается болѣе широкая долина, по которой и идетъ императорская дорога на Чугучакъ, Кульджу и далѣе къ русской границѣ. Къ востоку отъ города поднимается могучая, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, гора Богдо-ула, которая, несмотря на свое далекое сравнительно разстояніе отъ города, какъ бы господствуетъ и даже подавляетъ своимъ величіемъ всю страну, лежащую около Урумци. Освященный яркимъ южнымъ солнцемъ, вѣчно блестящий этотъ горный великанъ, лишь иногда, передъ дурной погодой, скрываясь за тучами. Скрываясь въ туманъ Богдо-ула—и жди дождя или снѣга, смотря по времени года. Кромѣ Богдо-ула, большую часть года бываетъ виденъ изъ Урумци еще рядъ другихъ снѣжныхъ вершинъ хребта Тяньшань. Кругомъ города скалы, скалы и скалы. Поэтому, хотя и величественны, но непривѣтны окрестности Урумци. Русскому человѣку, привыкшему къ полямъ и лѣсамъ

родной Россіи, тяжело чувствуется среди этого чуждаго его душѣ величія; его давятъ и гнетутъ эти непривѣтливыя горы. Но это—нравственное давленіе и тигость. Гораздо тяжелѣе здѣсь новому человѣку изъ-за климата. Дѣло въ томъ, что Урумци расположенъ на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря и воздухъ вълѣдствіе того разрѣженный и потому, напримѣръ, зимой, когда бываютъ значительные холода, явленіе въ Урумци обычное, то дышать и двигаться въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ дѣлается положительно трудно; при этомъ у непривычнаго человѣка появляются головныя боли, сердцебіеніе и головокруженіе. Есть, впрочемъ, люди, которые прекрасно переносятъ этотъ климатъ. Весной бываютъ сильныя вѣтры, нерѣдко, особенно по ночамъ, доходящіе до размѣровъ бури. Летитъ песокъ, мелкіе камни, и горе тому путнику, который по неопытности рискнетъ ѣхать въ такую бурную ночь. Зимой такихъ вѣтровъ не бываетъ; выпадаетъ много снѣгу, бываютъ сильныя до—30°R морозы и устанавливается въ окрестностяхъ города хорошій санный путь.

Существенное неудобство Урумци это также часто бывающія здѣсь землетрясенія. Замѣчено, что большей частью они бываютъ два раза въ годъ—весной и осенью, хотя иногда случаются землетрясенія и въ другія времена года. Однако, сильныхъ землетрясеній, сопровождающихся большими разрушеніями зданій и несчастіями, давно уже не бывало, хотя, напримѣръ, весной 1903 года довольно значительные толчки наблюдались въ теченіе цѣлыхъ десяти дней; каменные зданія кой-гдѣ дали трещины, и жители все это время принуждены были жить внѣ домовъ, во дворахъ.

Урумци, какъ это обычно въ Западномъ Китаѣ, раздѣляется на нѣсколько частей, сообразно съ національностью населяющихъ ту или другую часть жителей. Такъ, тамъ есть китайская часть города, затѣмъ—маньчжурская ¹⁾, сартовская и наконецъ русская колонія, гдѣ живутъ рус-

¹⁾ Маньчжурская часть заселена теперь уже китайцами.

ские подданные. Каждая из этих частей, кроме русской колонии, окружена довольно солидной глинобитной стѣной, съ нѣсколькими воротами, и дѣйствительно, представляетъ какъ бы отдѣльный городъ. Кроме того, внутри самыхъ этихъ стѣнъ находятся еще небольшія укрѣпленія — инпани, съ менѣе высокими стѣнами, чѣмъ городскія, гдѣ помѣщаются разныя управления и разныя части войскъ. Для войскъ вблизи города сверху того есть еще нѣсколько такихъ отдѣльных укрѣпленій, въ которыхъ устроены казармы. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщаются въ укрѣпленіяхъ, потому что власти не очень-то довѣряютъ подвѣдомственному имъ населенію.

Особенно выдающихся по своей архитектурѣ или археологическому интересу зданій въ городѣ нѣтъ. Во время мусульманскаго возстанія Урумци были разрушены и съ тѣхъ поръ красивыхъ зданій не воздвигнуто. Лучшія по архитектурѣ зданія это зданія правительственныхъ учреждений, затѣмъ кумирни и наконецъ землячскіе клубы. Но правительственныя зданія находятся въ инпанахъ, а клубы помѣщаются въ глубинѣ дворовъ и за высокими стѣнами видны только черепичныя крыши. Украшеніемъ города могутъ считаться только кумирни, которыя большей частью не окружаются стѣнами и видны съ нѣсколькихъ сторонъ. Въ Урумци около двадцати кумиренъ. Главныя изъ нихъ это — бога покровителя города Гуань-мяо, затѣмъ бога войны — Лао-фь-мяо и наконецъ бога богатства Цай-шэнь-мяо. Последняя строится купечествомъ и считается купеческой. Эти кумирни бываютъ во всякомъ китайскомъ городѣ, а затѣмъ существуетъ еще не мало другихъ въ честь разныхъ китайскихъ божествъ и духовъ, и чѣмъ больше и богаче городъ, тѣмъ больше кумиренъ.

Что касается самой архитектуры китайскихъ зданій, то въ Западномъ Китаѣ большимъ разнообразіемъ она не отличается. Планъ построекъ, даже взаимное расположеніе ихъ на площади, всюду одни и тѣ же, возьмемъ ли мы частный домъ, или правительственное учрежденіе, или ку-

мирню. Расположеніе такое: въ глубинѣ двора, прямо передъ входомъ во дворъ съ улицы, расположено главное зданіе, представляющее изъ себя продолговатый четырехугольникъ. Съ правой и съ лѣвой стороны отъ входа, подъ прямымъ угломъ къ главному зданію, расположены еще два такихъ зданія. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ передняя сторона представляетъ изъ себя деревянную рѣшетку, заклеенную бумагой; въ этой же стѣнѣ и входныя двери, а остальныя три стѣны — глухія, каменные, безъ оконъ и дверей. И всѣ китайскіе дома построены по этому плану. Отличіе ихъ между собою только въ размѣрахъ, да въ сложности и изяществѣ орнаментаци.

Что касается частныхъ домовъ, то обыкновенно ихъ совсемъ не видно за высокими заборами, отдѣляющими ихъ отъ улицы, а ворота дворовъ почти всегда бываютъ закрыты. Только въ дни китайскаго новаго года можно свободно наблюдать внутренность этихъ маленькихъ крѣпостей, такъ какъ тогда ворота дворовъ бываютъ открыты цѣлый день. Если посмотрѣть со стороны, то внѣшній видъ китайскаго дома, особенно богатаго китайца, довольно красивъ. Фигурная деревянная рѣшетка передней стѣны, оклеенная бѣлой бумагой, производитъ впечатлѣніе кружена. Недурна также и хорошо сдѣланныя черепичная крыша. Въ общемъ, китайская архитектура хотя и своеобразна, но довольно красива.

У мусульманъ постороннему человѣку трудно видѣть внутренность двора, гдѣ помѣщаются жилия строенія, потому что ворота всегда закрыты, а если и открываются, то жилия помѣщенія всегда скрываются за какими-нибудь хозяйственными постройками, которыя всегда и находятся на первомъ планѣ въ входѣ во дворъ. Но вообще архитектура домовъ мусульманъ-кашгаряковъ очень невзрачна. Дома кашгаряковъ обыкновенно сбиты изъ глины, съ плоской глиняной же крышей и производятъ впечатлѣніе кучи глины, болѣе или менѣе правильной кубической формы, съ зияющими кой-гдѣ отверстиями, которыя должны изобра-

жать собою окна и двери. Даже мечети, и те не отличаются изяществом своей архитектуры, так как представляют из себя те же глинобитные, с плоскими крышами, здания, как и частные дома, только отличаются гораздо большими размерами. Только мечети дунганская могут быть названы архитектурными зданиями и во только потому, что они являются подражанием китайским зданиям.

Населения в Урумчи, по последней (1903 г.) китайской переписи, 130 тысяч душ обоего пола. Из них 100 тысяч китайцев, а остальные—мусульмане и другие народности. Летом населения города значительно увеличивается, так как до десяти тысяч человек приходит из Восточного Туркестана и других мест на заработки. Население города во всяком случае постоянно увеличивается также переселенцами из провинций Внутреннего Китая.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Города. Суйдунь; Старый и Новый городь.—Кульджа—важный торговый пункт для русской торговли. — Окупация кульджинского района русскими.—Постройка русского города.—Разрушение его, после сдачи Кульджи, китайцами.—Видь улиц.—Русский базарь.—Общий видь города.—Население.—Чугучакь.—Небольшое количество китайцев вь Чугучакь.—Видь города.—Торговое значение Чугучака.

После Урумчи важнейшими городами Западного Китая нужно считать города Илийского округа—Суйдунь и Кульджу.

В былые времена Суйдунь был главным городом всего Западного Китая. В нем была пребывание высшая администрация, во главе с цзянцзюнем, было много жителей, большая торговля. Китайцы называли тогда Суйдунь Пекином Западного края. В настоящее время Суйдунь не имеет уже своего прежнего значения, но и теперь еще город большой; в нем живет илийский цзянцзюнь и производится весьма значительная торговля. В настоящее время, собственно говоря, существуют два Суйдуна—Старый и Новый. Старый Суйдунь это—китайский городь, а Новый—маньчжурский. Новый городь находится в нескольких верстах от Старого города и основан лет пятнадцать тому назад. Новый городь, по-китайски Хуй-юань-чэнь, служит резиденцией цзянцзюня и вообще маньчжурского управления, в нем же живут и мань-

чжуры, а въ Старомъ городѣ, по-китайски Суйдинъ-чэнъ, находится китайское уѣздное управление, а также управленіе областного начальника, расположены китайскія войска и сосредоточена торговля, такъ что это городъ по преимуществу торговый.

Тотъ и другой городъ обнесены стѣнами; а вокругъ стѣнъ раскинулись предмѣстья, населенныя почти исключительно сартами-таранчами и кашгарляками. Въ предмѣстьяхъ почти при каждомъ домѣ есть фруктовые сады и всюду масса деревьевъ. Поэтому, когда смотришь на городъ съ сосѣдняго, довольно высокаго холма, то получается впечатлѣніе, что городъ находится какъ бы въ лѣсу. Это очень красиво общій видъ мѣстности.

Внутри Старый городъ имѣетъ всѣ особенности и недостатки китайскаго города; такъ же, какъ и вездѣ, узкія, грязныя улицы, всюду по главнымъ улицамъ толпа и тѣснота.

Новый городъ, какъ созданіе новѣйшее, имѣетъ нѣкоторыя особенности, говорящія въ его пользу. Прежде всего всюду прямыя улицы, хотя и не широкія, сравнительно чисто, и такъ какъ торговая дѣятельность въ городѣ незначительна, то и народу видно не много. Но, въ общемъ, Новый Суйдунъ производитъ впечатлѣніе чего-то казеннаго и безжизненнаго. Пустота улицъ, безлюдье и недостатокъ оживленія производятъ на человѣка, знакомаго съ жизнью китайскаго города, такое впечатлѣніе, что какъ будто городъ-то выстроили по чьему-то приказу, и по плану довольно хорошему, а жителей пригласить въ достаточномъ количествѣ и позабыли.

Населенія въ обоихъ Суйдунахъ вмѣстѣ считается около семидесяти тысячъ человѣкъ.

Верстахъ въ пятидесяти къ востоку отъ Суйдуна находится городъ Кульджа. По числу жителей Кульджа меньше Суйдуна; въ ней только около тридцати тысячъ человѣкъ, но, какъ важный торговый пунктъ, она имѣетъ еще болѣе важное значеніе, особенно для насъ, русскихъ,

потому что въ Кульджѣ главный складъ и рынокъ сбываемыхъ въ Илійскомъ округѣ русскихъ товаровъ.

Одно время, именно съ 1871 по 1882 годъ, Кульджа, какъ и весь нынѣшній Илійскій округъ, была оккупирована нами. Наши пограничныя власти, занявши Кульджу, были увѣрены, что край этотъ такъ и останется въ русскомъ владѣніи и потому устранились въ немъ прочно: былъ выстроенъ дѣльный русскій городъ, съ церковью, много казенныхъ зданій; разведены были даже многими русскими подданными хорошіе фруктовые сады. Но вопреки ожиданіямъ, Кульджа была возвращена Китаю и выстроенный городъ пришлось отдать китайцамъ. Китайцы никакими русскими зданіями не воспользовались, а попросту разобрали ихъ себѣ на постройки. Разобрана была даже русская церковь, что произошло исключительно вслѣдствіе недостаточнаго надзора. Нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ русскаго города видѣлись большія кучи мусора, а теперь и этого уже нѣтъ, и на мѣстѣ города устроены китайцами пашни.

Въ настоящее время Кульджа состоитъ изъ крѣпости, изъ которой за высокими стѣнами проживаютъ китайскія власти, и собственно города, стѣнами не окруженнаго. Крѣпость, собственно говоря, должна изображать китайскій городъ, но въ крѣпости китайцевъ, кромѣ администраціи, проживаетъ очень мало, такъ что въ ней болѣе пустырей, чѣмъ застроенныхъ домами мѣсть. Все почти населеніе—китайцы и мусульмане—живетъ внѣ крѣпости, въ торговомъ городѣ, который съ трехъ сторонъ примыкаетъ къ крѣпости. Здѣсь же и, по возможности, въ одномъ мѣстѣ живутъ и русскіе подданные.

Городъ представляетъ изъ себя лабиринтъ узкихъ, грязныхъ и грязныхъ улицъ, по которымъ въ дождливое или вообще сырое время пробираться великій подвигъ. Сколько-нибудь выдающихся зданій въ Кульджѣ нѣтъ. На улицахъ города видишь или глинобитныя заборы, изъ-за которыхъ ровно ничего не видно, или лавки. Лавки видишь всюду, гдѣ только сколько-нибудь бойкое мѣсто. Вездѣ много народу.

Но въ Кульдѣ преобладаютъ не китайцы, а мусульмане-таранчи и кашгарлыки, оттого на торговыхъ улицахъ большой шумъ и оживленіе.

Значительно лучше та часть города, гдѣ русскій базаръ и живутъ русскіе подданные. Но о русской факторіи я поговорю ниже. Въ черты города, но примыкая къ нему непосредственно, находится помѣщеніе русскаго консульства, расположенное въ громадномъ паркѣ. Съ другой стороны города находится помѣщеніе католической миссіи.

Общій видъ Кульджи, если смотрѣть на городъ со стороны, очень привлекательный: всюду сады, масса зелени во дворахъ домовъ и около города. Сады и отдѣльныя деревья начинаются уже за нѣсколько верстъ отъ Кульджи, если ѣхать съ запада, изъ русскихъ предѣловъ, такъ что ѣдешь какъ бы по аллеѣ.

Климатъ въ Кульдѣ, какъ и вообще въ Илійскомъ округѣ, удовлетворительный. Единственный недостатокъ климата это существованіе маляріи, которой вновь прѣязему нужно опасаться, но потомъ, при нѣкоторой осторожности, организмъ довольно хорошо къ этому приспособляется.

Населеніе Кульджи по преимуществу мусульмане. Здѣсь въ былыя времена была и столица таранчинско-дунганскаго султаната, уничтоженнаго нами въ 1871 году. По этому всего больше въ Кульдѣ таранчей. Затѣмъ, много кашгарлыковъ, дунганъ и наконецъ довольно значительное количество русскихъ подданныхъ и тоже мусульманъ — татаръ, сартовъ, таранчей и киргизовъ. Хозяева края китайцы въ Кульдѣ, сравнительно съ представителями другихъ народностей, немногочисленны, но зато играютъ первую роль, такъ какъ изъ ихъ среды вся администрація, и войско, и полиція. Несмотря, однако, на это, тонъ жизни въ Кульдѣ даютъ не китайцы, а мусульмане, именно сарты, такъ что Кульджа по своему духу и характеру городъ болѣе мусульманскій, чѣмъ китайскій.

Чугучакъ это небольшой пограничный городъ, находящійся въ 17 верстахъ отъ русской границы, къ югу отъ хребта Тарбагатайскаго, верстахъ въ сорока отъ хребта.

Окрестности Чугучака представляютъ изъ себя ровную степь, постепенно поднимающуюся въ сторону хребта Тарбагатайскаго. Ближе къ городу мы видимъ поля, а дальше идетъ степь, покрытая частью полянью, а частью, въ болѣе низкихъ мѣстахъ, чіемъ. Въ общемъ окрестности города некрасивы. Немного скрашиваютъ общій видъ видѣющіяся въдали, къ сѣверу, Тарбагатайскія горы.

Чугучакъ еще гораздо менѣе китайскій городъ, чѣмъ Кульджа. Положимъ, въ Чугучакѣ есть и китайскій и маньчжурскій города; оба окруженные солидными стѣнами. Но китайскій городъ по своимъ размѣрамъ очень небольшой, а маньчжурскій, хотя занимаетъ своими стѣнами и большое пространство, но населенъ слабо и внутри стѣнъ масса не застроенныхъ еще пустырей. Уже съ перваго взгляда и по вѣшнему виду замѣтно, что китайскій элементъ по своему количественному значенію играетъ въ Чугучакѣ послѣднюю роль. Прежде всего, базаръ китайскій очень жалкій, лишь нѣсколько порядочныхъ магазиновъ, а остальное все жалкія лавчонки, наполненная разной дрянью, такъ какъ хорошихъ вещей тамъ и покупать некому. Очень мало въ городѣ кумиренъ, а хорошихъ домовъ, за исключеніемъ дома маньчжурскаго вице-губернатора, совсемъ нѣтъ. Сами китайцы какъ-то теряются среди инороднаго элемента и, какъ будто, не чувствуютъ себя дома и хозяевами положенія. На первый планъ выступаетъ влияние элемента мусульманско-тюркскаго въ лицѣ кашгарлыковъ и киргизовъ, что наглядно сказывается даже въ томъ, что почти всѣ китайцы въ Тарбагатайскомъ округѣ говорятъ болѣе или менѣе по-тюркски, а они, какъ извѣстно, не очень-то охотно изучаютъ чужіе языки. Есть немного дунганъ. Далѣе, сравнительно много проживаетъ русскихъ подданныхъ, тоже почти исключительно сартовъ, татаръ и киргизовъ. Живутъ русскіе подданные въ отдѣльной колоніи. Всего жителей въ Чугучакѣ около двадцати тысячъ человекъ.

Судя по незначительности населенія, можно думать, что Чугучакъ городъ небольшой; да такъ онъ, въ дѣйстви-

тельности, и есть. Я уже сказал выше, что китайская часть города небольшая и небогатая, такая же и часть мусульманская. Въ мусульманской части видныш полуразвалившиеся глинобитные домишки самого жалкаго вида. Обычно, съ лицевой стороны такого дома находится небольшая лавочка, которая большей частью для торговли не служитъ, а пустуетъ. Бывавшій въ другихъ городахъ Китая можетъ сказать, что Чугучакъ—это деревня, и будетъ совершенно правъ.

При всей своей видимой бѣдности и малонаселенности, Чугучакъ имѣетъ серьезное значеніе какъ для китайцевъ, такъ и для насъ. Для китайцевъ онъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ, какъ весьма близкій къ Россіи пограничный пунктъ и, по китайскимъ понятіямъ, даже какъ значительная крѣпость, хотя, по правдѣ сказать, значеніе этой крѣпости очень маленькое. Для насъ, русскихъ, Чугучакъ имѣетъ значеніе, какъ крупный торговый центръ и складъ нашихъ товаровъ, сбываемыхъ въ Китай. Изъ Чугучака ведется довольно крупная степная торговля съ кочующими въ Тарбагатайскомъ округѣ киргизами и монголами. Затѣмъ, черезъ Чугучакъ же, главнымъ образомъ, отправляются товары, идущіе изъ Россіи въ Урумчи и далѣе во Внутренній Китай. Черезъ Чугучакъ же проходить и товары, вывозимые изъ китайскихъ предѣловъ въ русскіе предѣлы. Однако значеніе это останется за Чугучакомъ лишь до тѣхъ поръ, пока не разовьется пароходство по Черному Иртышу. Когда это случится, то значительная часть товаровъ пойдетъ изъ русскаго города Зайсана прямо въ китайскія степи. Точно такъ же будутъ миковать Чугучакъ и товары, идущіе въ Урумчи, потому что изъ Зайсана въ Урумчи есть болѣе прямой и близкій караванный путь. Тогда упадетъ и настоящее значеніе Чугучака.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Кашгарь.—Его прошлое.—Населеніе—сарты.—Видный видъ города.—Европейцы въ Кашгарь.—Торговое и политическое значеніе Кашгара.—Отрѣзанность Кашгара отъ Россіи.—Турфанъ.—Его былое значеніе.—Населеніе.—Легкіе нравы жителей.—Климатъ.—Торговое значеніе Турфана. — Хаки.—Яркендъ.—Хотанъ.—Гучень.—Варкуль.—Карашарь.—Манасъ.—Шихо.—Нѣкоторые другіе города.

Кашгарь находится въ предѣлахъ Восточнаго, или Китайскаго, Туркестана и является самымъ западнымъ городомъ этого края. За свое продолжительное историческое существованіе Кашгарь неоднократно игралъ весьма важную роль въ судьбахъ нынѣшняго Западнаго Застѣннаго Китая. Эта его роль была причиной названія всего края Кашгаріей. Такъ, мы знаемъ, что въ XVIII столѣтіи тамъ происходила ожесточенная борьба двухъ мѣстныхъ мусульманскихъ партій, Бѣлогорской и Черногорской, которая нашла отраженіе во всемъ Восточномъ Туркестанѣ. Затѣмъ, начинается борьба съ китайцами, которая оканчивается подчиненіемъ Туркестана Китаю. Когда въ 60-хъ годахъ минушаго столѣтія начинается дунганское возстаніе, поднимается и Кашгарь. Одно время основывается въ немъ даже самостоятельное ханство, во главѣ котораго становится извѣстный Якубъ-бекъ. Но со смертью Якубъ-бека кончается существованіе и его эфемерное ханство. Кашгарь переходитъ опять къ Китаю, и съ тѣхъ поръ, т. е. съ конца

70-х годовъ, этотъ, беспокойный до тѣхъ поръ, городъ успокаивается и не заявляетъ ничѣмъ особеннымъ о своемъ существованіи. Въ настоящее время Кашгаръ губернской городъ, имѣющей во главѣ китайскаго администратора-дастай.

Кашгаръ, какъ и всѣ города Восточнаго Туркестана, находится въ оазисѣ. Культурная территория этого оазиса тянется лишь настолько, насколько могутъ быть орошены составляющіи его земли. А такъ какъ воды въ оазисѣ немного, то и размеры этого оазиса невелики. Кашгарскій оазисъ отдѣленъ отъ другихъ такихъ же оазисовъ края бесплодною пустыней.

Населеніе Кашгара почти исключительно сарты. Китайцы только администрація, войска и немного купцовъ, такъ что китайскій элементъ совершенно тернется среди тюркскаго.

Кашгаръ по своему внѣшнему виду типичный средне-азиатскій городъ. Если смотрѣть на него со стороны, съ какого-нибудь возвышеннаго мѣста, то видишь массу плоскихъ сѣрыхъ крышъ; зданія все маленькія. Только выдѣляются по своимъ размерамъ мечети. Улицы кривыя и узкія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы закрыты сверху, такъ что образуется нѣчто въ родѣ крыши, цѣль которой защищать отъ палящихъ лучей южнаго солнца. На улицахъ толпы крикливыхъ кашгарльковъ, которые любятъ покричать. Среди толпы пробираются ослики, навьюченные разными товарами, большей частью фруктами и овощами. Иногда на такомъ маленькомъ осликѣ возсѣдаетъ и самъ владѣлецъ его, какой-нибудь огромный роста кашгарлякъ.

Китайцы и мусульмане живутъ въ Кашгарѣ отдѣльно. Есть отдѣльный китайскій городъ и отдѣльный мусульманскій. Тотъ и другой окружены стѣнами. Въ китайскомъ или новомъ городѣ, по-тюркски Янги-шааръ, проживаетъ китайская администрація и расположены китайскія войска. Въ старомъ городѣ — Куне-шааръ — живутъ мусульмане и тамъ сосредоточена вся торговая жизнь. Около стараго

мусульманскаго города, расположено русское консульство. Но русскіе подданные около консульства не живутъ, а живутъ въ старомъ городѣ.

Есть англійское агентство, зависимое отъ англо-индійскаго правительства. Фактически это консульство, но официально консульствомъ не называется.

Существуетъ шведская протестантская миссія. Была одно время и католическая. Но ни та, ни другая успѣха не имѣли; прозелитовъ у нихъ нѣтъ; да едва ли христіанскія миссіи могутъ и разсчитывать на успѣхъ въ Кашгарѣ. Дѣло въ томъ, что мусульмане вообще мало склонны къ принятію христіанства. Что же касается китайцевъ, то въ Кашгарію идетъ такой элементъ, который лучше и не обращать въ христіанство, такъ какъ почти исключительно это искатели наживы, никакой религіей, кромѣ денегъ, не интересующіеся.

Климатъ Кашгара очень жаркій и для сѣверянина условно нездоровый. Лучше бываетъ зимою, когда и въ Кашгарѣ бываетъ холода, хотя и незначительные. Лихорадка дѣломъ обычное явленіе, а особенно опасна кашгарская дезинтерія, которая отличается особеннымъ упорствомъ.

Кашгаръ въ настоящее время имѣетъ большое торговое значеніе. Тамъ главный пунктъ нашей торговли со всѣмъ Китайскимъ Туркестаномъ. Сюда привозятся сначала наши произведенія и затѣмъ распределяются по другимъ городамъ края, а особенно расположеннымъ къ югу отъ Кашгара. Черезъ Кашгаръ, главнымъ образомъ, вывозятся и мѣстныя произведенія въ Россію. Въ виду такого значенія Кашгара, тамъ проживаетъ значительное число русскихъ подданныхъ, которые занимаются торговлей.

Кашгаръ имѣетъ и нѣкоторые политическое значеніе, какъ наблюдательный пунктъ за сношеніями мѣстныхъ жителей и властей съ Индіей и за дѣятельностью англичанъ въ Туркестанѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ. Съ установленіемъ нашихъ постовъ на Памирѣ, значеніе Кашгара еще болѣе увеличилось.

Но помимо этого торгового и политического значения, Кашгарь очень глухое мѣсто. Для китайцевъ это нѣчто въ родѣ нашего Якутска и другихъ мѣстъ отдаленныхъ. Они такъ на это и смотрятъ. Непривѣтливъ Кашгарь и для насъ, европейцевъ. Не говоря уже о вредномъ для насъ климатѣ Кашгара, европейцевъ отрѣзаетъ отъ всего цивилизованнаго міра. Прежде всего, изъ русскихъ предѣловъ и пробраться въ Кашгарь не легко. Приходится переѣзжать чрезъ громадные горные хребты, ѣхать верхомъ, такъ какъ колесной дороги тамъ нѣтъ. Но и этотъ способъ передвиженія возможенъ не во всякое время года. Единственный колесный путь изъ Россіи въ Кашгарь это черезъ Урумци. Но это такъ далеко, ѣхать такъ долго, неудобно и утомительно, что можно помириться даже съ путешествіемъ верхомъ черезъ горы.

Кромѣ описанныхъ выше городовъ, заслуживаютъ еще отдѣльнаго упоминанія лишь немногіе, какъ Турфанъ и нѣкоторыя другіе.

Въ давнія времена Турфанъ игралъ значительную роль въ исторіи Восточнаго Туркестана, между прочимъ, какъ пунктъ, черезъ который совершалось движеніе изъ Китая въ Туркестанъ. Это такое его положеніе было причиной того, что Турфанъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Иногда онъ бывалъ и самостоятельнымъ, имѣя своихъ князей; но большей частью князья эти были въ зависимости отъ Китая. Съ усмиреніемъ мусульманскаго возстанія минувшаго столѣтія и съ восстановленіемъ китайской власти въ краѣ, особенно, когда главнымъ городомъ Западнаго Китая былъ избранъ Урумци, Турфанъ потерялъ всякое политическое значеніе, сдѣлавшись простымъ уѣзднымъ городомъ. Но такъ какъ свѣдѣнія наши о Западномъ Китаѣ въ былыя времена были очень неточны и ограничены, то у насъ считали Турфанъ важнымъ политическимъ и торговымъ пунктомъ и потому, когда заключали трактатъ 1881 года, то было постановлено открыть консульство въ Турфанѣ. Къ счастью, потомъ выяснилось, что въ Турфанѣ консуль-

ство совершенно бесполезно, а нужно въ Урумци, и потому оно и основалось именно въ Урумци.

Въ настоящее время Турфанъ небольшой городъ, съ населеніемъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Большинство этого населенія составляютъ мѣстные сарты—турфанлыки, какъ принято называть ихъ, въ отличіе отъ другихъ китайскихъ сартовъ; затѣмъ, есть немного дунганъ и также немного китайцевъ, которые при томъ состоятъ главнымъ образомъ въ администраціи и войскахъ. Купцовъ-китайцевъ совсѣмъ немного. Кромѣ того, проживаетъ постоянно небольшая группа русскихъ подданныхъ сартовъ, которые занимаются тамъ торговлей.

Жители Турфана, а особенно женщины, извѣстны своими легкими нравами, хотя и вообще китайскіе сарты высокой нравственностью не отличаются. Адюльтеръ тамъ обычное явленіе и не возбуждаетъ особеннаго негодованія. Браки какъ легко заключаются, такъ легко и расторгаются. Такъ что, напримѣръ, наши русскіе торговцы, имѣющіе дѣла въ Турфанѣ, или пріѣзжающіе даже на время, женятся на турфанлычкахъ, затѣмъ, если встрѣтятся нужда уѣзжать, то уѣзжаютъ и нисколько не заботятся объ участи оставленныхъ тамъ женъ. Да и сами жены особенно объ этомъ не горюютъ, такъ какъ, въ случаѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія своихъ мужей, онѣ довольно скоро находятъ новыхъ.

Климатъ Турфана считается наиболѣе вреднымъ даже въ Центральной Азій. Лѣтомъ господствуютъ въ Турфанѣ ужасныя жары, которыя съ трудомъ переносятъ даже мѣстные жители. Дождей тайъ, обыкновенно, не бываетъ, а если иногда и пройдетъ дождь, то никакого освѣженія онъ не приноситъ. Для растительности же, особенно для фруктовъ, дожди даже вредны, такъ какъ дождь какъ будто обжигаетъ растительность, такъ что на листьяхъ и на плодахъ образуются черныя пятна.

Зимой бываютъ холода, въ исключительныхъ случаяхъ, по ночамъ, доходящіе до — 15°R; но это все-таки рѣдко.

Снѣгъ иногда выпадаетъ по ночамъ, но днемъ быстро стаиваетъ. Зато вѣтры съ пылью тамъ обычное явленіе. Самое лучшее время года въ Турфанѣ это осень, именно время съ половины сентября до половины декабря, когда ни тепло, ни холодно, а все время снѣтитъ яркое солнце.

Политическаго значенія Турфанъ никакого не имѣетъ, но имѣетъ экономическое значеніе. Прежде всего, въ Турфанѣ, благодаря жаркому климату, взрываются чудные фрукты: виноградъ, персики и такъ далѣе. Зѣтъ, въ окрестностяхъ Турфана культивируется въ большихъ размѣрахъ хлопокъ, который все болѣе и болѣе вывозится къ намъ въ Россію. Вывозъ хлопка можетъ значительно увеличиться, а между тѣмъ извѣстно, какъ мы нуждаемся въ хлопкѣ для нашихъ фабрикъ. Здѣсь же готовится и нѣкоторое количество шелка сырца и можетъ быть его еще и больше, что для нашей торговли и промышленности тоже важно. Всѣ эти данныя даютъ основаніе считать Турфанъ со всѣмъ его оазисомъ заслуживающимъ нашего вниманія съ торговои точки зрѣнія.

Къ востоку отъ Турфана находится городъ Хами. Это послѣдній городъ Западнаго Засѣннаго Китая по направленію къ Внутреннему Китаю. Между Турфаномъ и Хами лежитъ пустыня Гоби, очень трудная для перехода. Хами въ свое время тоже игралъ историческую роль одновременно съ Турфаномъ, при этомъ то подчинялся Китаю, то владѣтелямъ Восточнаго Туркестана и всего чаще турфанскимъ князьямъ. Въ настоящее время Хами небольшой и тихій уѣздный городъ, оживляющийся лишь при проходѣ торговыхъ каравановъ, идущихъ изъ Внутренняго Китая и обратно. Хами—какъ разъ пунктъ, черезъ который проходятъ пути, идущіе изъ Западнаго Китая во Внутренній. Населеніе Хами—сарты, китайцы и дунганы. Во главѣ сартовъ стоитъ ихъ природный князь—ванъ, который большой властью надъ сартами, однако, не пользуется. На ряду съ нимъ, и даже выше его, стоитъ мѣстная китайская администрація, которая завѣдуетъ китайцами и дунганами и въ

то же время контролируетъ дѣятельность хамійскаго вана. Торговаго значенія городъ самъ по себѣ не имѣетъ и имѣетъ значеніе только, какъ транзитный пунктъ, какъ этапъ на пути изъ Внутренняго Китая въ Западныя.

Кромѣ Турфана и Хами, изъ городовъ Китайскаго Туркестана заслуживаютъ упоминанія еще Яркендъ и Хотанъ. Оба эти города, какъ и всѣ прочіе города этого края, расположены въ оазисахъ и находятся къ юго-востоку отъ Кашгара. Политическаго значенія ни тотъ, ни другой въ настоящее время не имѣютъ, но въ былыя времена, въ эпоху борьбы хочкей, Яркендъ игралъ нѣкоторую роль. Относительно Хотана и этого сказать нельзя; въ политической исторіи страны онъ всегда былъ ничтожествомъ. Въ настоящее время Яркендъ извѣстенъ какъ значительный торговый городъ и играетъ большую роль въ торговлѣ Кашгаріи съ Индіей. Здѣсь прежде всего собираются товары, идущіе изъ Индіи; здѣсь же снаряжаются и караваны, направляющіеся съ товарами въ Индію. Поэтому въ Яркендѣ всегда проживаетъ много англійскихъ подданныхъ.

Городъ Хотанъ извѣстенъ своимъ производствомъ ковровъ, которые въ значительномъ количествѣ попадаютъ и въ Россію и продаются у насъ подъ именемъ бухарскихъ. Хотанскій уѣздъ издавна славился также добычей золота и камня нефрита, по-китайски юй, очень цѣннаго китайскаго камня.

Изъ городовъ къ сѣверу отъ Тяньшаня заслуживаетъ упоминанія Гученъ. Городъ Гученъ находится въ 240 верстахъ отъ Урумчи къ сѣверо-востоку и по размѣрамъ своего городъ небольшой. Населенъ онъ главнымъ образомъ маньчжурами, которые въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія были выселены изъ Урумчи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ Притяньшанья и поселены въ Гученѣ. Проживаетъ въ Гученѣ также довольно много китайцевъ; зѣтъ идутъ кашгарляки и наконецъ—русскіе торговцы-мусульмане. Въ Гученѣ ведется довольно значительная торговля. Это важный пунктъ по закупкѣ монгольской бараньей

шерсти, которая считается гораздо лучше киргизской. Шерсть эта вывозится въ Россію черезъ Урумци.

Въ очень недавнее еще время считался значительнымъ городомъ Баркуль; а въ давнія времена роль его была даже очень велика. Это былъ важѣйшій этапъ на пути изъ Китая въ Чжунгарію; онъ считался оплотомъ противъ кочевниковъ, постоянно производившихъ набѣги въ этихъ предѣлахъ Азіи. Подъ защитой его стѣнъ и сильного гарнизона увеличилось и мирное населеніе, развилась торговля. Но въ настоящее время значеніе крѣпости Баркуль потерялъ, такъ какъ Азія теперь совершенно успокоилась и никакихъ набѣговъ больше нѣтъ. Въ настоящее время это забытый и заброшенный городъ, съ очень небольшимъ населеніемъ. Баркуль находится на большой высотѣ надъ уровнемъ моря—5090 футовъ—и потому климатъ въ немъ холодный. Окрестности его мало пригодны для земледѣлія, о пастбища кругомъ хорошія.

Къ югу отъ Урумци, въ южныхъ предгорьяхъ Тяньшаня, находится городъ Карашаръ. Онъ заслуживаетъ упоминанія, какъ резиденція торгоутскаго хана, который пользуется и до сихъ поръ значительной самостоятельностью.

Въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія, въ то время какъ китайская армія двигалась на западъ для занятія Кульджи, большую роль одно время играли Манасъ и Шихо. Тамъ поочередно была главная квартира арміи, а потому тамъ же развилась и торговая жизнь. И наши русскіе торговцы открыли тамъ свои лавки и наживали хорошія деньги. Въ настоящее время города эти, особенно Шихо, совершенно замерли и о быломъ ихъ значеніи свидѣтельствуютъ только высокія стѣны прежнихъ городовъ, но въ стѣнахъ этихъ населенія совсѣмъ мало. Въ Манасѣ попадаются еще красивыя китайскіе магазины, съ золочеными вывѣсками, остатки прежняго торговаго величія, а въ Шихо и этого нѣтъ. Шихо находится теперь уже на новомъ мѣстѣ, официально называется Куръ-кара-усу, и больше напоминаетъ деревню, чѣмъ городъ.

Итакъ, вотъ и всѣ города Западнаго Застѣннаго Китая, которые теперь имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ жизни описываемаго мной края и которые, по этому, заслуживаютъ отдѣльнаго о каждомъ упоминанія въ этихъ моихъ очеркахъ. Кромѣ того, существуетъ еще много мелкихъ городовъ, которые имѣютъ большее или меньшее значеніе, но не сами по себѣ или по своему историческому прошлому, а только какъ болѣе или менѣе важные административные центры. Но это послѣднее ихъ значеніе совершенно случайно, такъ какъ выборъ того или другого города, какъ административнаго центра, опредѣляется не чѣмъ инымъ, какъ удобствомъ для китайскаго правительства управлять краемъ, удобствомъ, которое можетъ мѣняться, да и дѣйствительно со временемъ мѣняется. Таковы—Аксу, Куча, Курля, Учъ-Турфанъ, Мараль-баши и другіе въ Восточномъ Туркестанѣ; Цзинъ-хэ, Кутуби, Фуюканъ, Чинчаохэци и другіе въ другихъ мѣстахъ Западнаго Китая.

Всѣ эти города ничего замѣчательнаго не представляютъ; населены смѣшанно—китайцами, дунганями и сартами; по своему внѣшнему виду весьма однообразны и вполнѣ подходятъ къ типу китайскаго города, который выше былъ уже мной описанъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сложность административной системы въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ.—Высшій представитель власти — губернаторъ. — Обширность его полномочій. — Его помощники — фантай, кѣтай. — Даютъ и сущность его правъ и обязанностей. — Уѣздные начальники. — Областные начальники. — Низшая администрація. — Старшины — сянъ.—Торговны общества и торговны старшины.

Административное устройство Синьцзянской провинціи отличается большей сложностью и даже запутанностью. Не только теоретически, но даже и на практикѣ иногда бываетъ невозможно точно опредѣлить, которая изъ соприкасающихся, нѣрѣдко параллельно дѣйствующихъ властей имѣетъ право на то или другое административное дѣйствіе; чьему вѣдѣнію подлежить разрѣшеніе того или другого, часто весьма существеннаго вопроса. Такое ненормальное положеніе вещей обуславливается прежде всего тѣмъ, что въ Западномъ Китаѣ обитаютъ совмѣстно различныя народности, говорящія на разныхъ языкахъ и имѣющія совершенно различныя нравы, обычаи и весь жизненный укладъ. Здѣсь мы видимъ и осѣдлыхъ и кочевниковъ, торговъ и монголовъ, мусульманъ и буддистовъ. Особенности каждаго народа и заставляютъ китайское правительство измѣнять до извѣстной степени установившееся уже издавна въ Китаѣ административное устройство. Но самую большую путаницу вносить тутъ даже не это разнообразіе народностей, а при-

сутствіе въ Западномъ Китаѣ значительнаго количества представителей привилегированнаго еще и до сихъ поръ въ Китаѣ племени маньчжурскаго. Привилегіи маньчжуровъ въ значительной степени сохранены въ Западномъ Китаѣ.

Несмотря на коренныя реформы, произведенныя въ 80-хъ годахъ минушаго столѣтія въ управленіи Западнымъ Застѣннымъ Китаемъ, маньчжуры были оставлены въ сторонѣ при этихъ реформахъ. Какъ родственники царствующей династіи и какъ предполагаемая опора ея, маньчжуры и послѣ этихъ реформъ сохранили много прежнихъ привилегій и вмѣстѣ съ тѣмъ свое особенное управленіе, независимое отъ общей китайской администраціи края. Но такъ какъ, съ одной стороны, руководящая роль въ краѣ перешла все-таки къ китайской администраціи, то на практикѣ явилась нѣкоторая зависимость и подчиненность маньчжуровъ китайцамъ; а съ другой стороны — пребываніе китайцевъ на земляхъ, принадлежащихъ маньчжурамъ, вызвало извѣстную подчиненность и зависимость китайцевъ маньчжурамъ. Отсюда-то и получилась та сложность и запутанность мѣстной административной системы. Эта неопредѣленность вызываетъ нѣрѣдко коллизіи между представителями власти маньчжурской и китайской, которыя не принимаютъ крупныхъ размѣровъ, лишь благодаря устойчивости китайской административной машины да изумительному умѣнию китайцевъ выпутываться изъ всякаго запутаннаго положенія, не «теряя лица», какъ говорятъ китайцы, то-есть — съ честью.

Во главѣ управленія всего громаднаго Западнаго Застѣннаго Китая — Синьцзянской провинціи — стоитъ губернаторъ, по-китайски — сюнъ-фу. Такъ, по крайней мѣрѣ, называютъ европейцы этого высшаго представителя власти въ провинціи, хотя, въ дѣйствительности, власть его гораздо больше власти нашихъ губернаторовъ, а иногда даже и генералъ-губернаторовъ, и во всякомъ случаѣ безусловно ближе къ власти послѣднихъ, чѣмъ первыхъ, какъ по объему своему, такъ и территориальному пространству, на ко-

торое она простирается. Синьцзянскій губернаторъ, по закону, подчиняется шэньганскому генералъ-губернатору, вице-королю, по-китайски — цзунъ-ду, но это подчинение чисто номинальное и фактически отъ генералъ-губернатора онъ независимъ. Лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ онъ дѣлаетъ докладъ бѣодохану совмѣстно съ генералъ-губернаторомъ. Губернаторъ имѣетъ пребываніе въ главномъ городѣ провинціи Урумци, гдѣ находятся и всѣ другія высшія власти Синьцзянской провинціи.

Губернаторъ соединяетъ въ своихъ рукахъ власть гражданскую — административную и судебную, военную и до известной степени даже и духовную. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи хотя и не значить, что губернаторъ является главой мѣстной церкви, таковой въ Китаѣ нѣтъ, а является онъ официальнымъ жрецомъ, исполняющимъ обязанности жреца въ известныхъ, указанныхъ закономъ случаяхъ и по известному церемоналу. Также какъ губернаторъ въ главномъ городѣ провинціи, также точно уѣздные начальники и другія соответствующія имъ власти исполняютъ эти обязанности жреца въ другихъ городахъ. Обязанность эта состоитъ въ томъ, что въ известные дни и въ известныхъ храмахъ губернаторъ, окруженный всѣми своими подчиненными, молится предъ идолами и приноситъ соответствующія жертвы.

Какъ представитель власти гражданской, губернаторъ имѣетъ одновременно какъ власть административную, такъ и судебную, являясь въ той и другой области высшей инстанціей въ краѣ.

Губернаторъ имѣетъ нѣсколько помощниковъ, именно: фанътай, который завѣдуетъ финансовой частью, доходами и расходами провинціи и до нѣкоторой степени напоминаетъ по своимъ функциямъ нашего управляющаго казенной палатой. Далѣе слѣдуетъ нѣтай. Это власть судебная и можетъ быть приравнена къ нашему председателю судебной палаты, хотя функція нѣтая болѣе обширна и разнообразна, чѣмъ председателя судебной палаты. Нѣтай

обязательный членъ въ совѣтъ губернатора, и, такимъ образомъ, принимаетъ участіе и въ управленіи провинціей. Крозмъ того, нѣтай, по закону, замѣщаетъ отсутствующаго фанътайа и при движеніи по службѣ нѣтай затѣмъ назначается фанътайемъ. Въ Урумци съ должностью нѣтая соединяется и должность даотая, какъ это иногда бываетъ и въ другихъ провинціяхъ, гдѣ не особенно много дѣла, такъ что, вмѣсто двухъ сановниковъ и двухъ канцелярій при нихъ, существуетъ лишь одинъ и одно общее управление. Что касается обязанностей и положенія даотая, то китайскій законъ опредѣляетъ ихъ такъ: завѣдываніе орошеніемъ полей, устройствомъ земель, отведенныхъ военнымъ поселенцамъ, сборъ земскихъ повинностей, разборъ уголовныхъ дѣлъ, до преступленій, наказываемыхъ смертною казнью включительно, надзоръ за пограничными постами и дѣла, касающіяся международной торговли.

Изъ этого опредѣленія закона видно, да и на самомъ дѣлѣ такъ и есть, что обязанности даотая такъ же разнообразны и многосложны, какъ и губернатора. Въ то время какъ фанътай и нѣтай каждый завѣдуютъ опредѣленной частью управленія, даотай является властью судебной и административной, завѣдуетъ въ опредѣленной мѣрѣ и военными дѣлами, такъ что даотай есть не что иное, какъ слѣдующая за губернаторомъ низшая инстанція въ іерархической лѣстницѣ китайскихъ административныхъ должностей. Даотай-то съ большимъ основаніемъ и можетъ быть названъ губернаторомъ, въ нашемъ пониманіи этой должности, но не въ современной ея постановкѣ, а въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прежние время, обнимая всѣ стороны губернскаго управленія. Власть даотая отличается, такимъ образомъ, и отъ власти фанътайа и отъ власти нѣтая, хотя въ Урумци даотай и стоитъ рядомъ съ этими сановниками, являясь третьимъ по рангу должностнымъ лицомъ въ провинціи послѣ губернатора. Въ Урумци обязанности нѣтая возлагаются на даотая уже дополнительно, что, во всякомъ случаѣ, возвышаетъ его среди другихъ даотаевъ провинціи.

Въ Синьцзянской провинціи нѣсколько даотаиствъ, именно: одно въ Урумци, другое въ Кульдѣжъ, для Или и Тарбагатая, третье въ Кашгарѣ, четвертое въ Аксу. Такъ что по числу даотаевъ Западный Застѣнный Китай — Синьцзянскую провинцію — можно считать раздѣленнымъ на четыре губерніи.

Эти губерніи-даотаиства дѣлятся въ свою очередь на болѣе мелкія единицы, на уѣзды, по-китайски — сянь, во главѣ которыхъ стоятъ уѣздные начальники — чжи-сянь. Но бываетъ иногда такъ, что нѣсколько уѣздовъ объединяются въ область — фу, и уѣздные начальники подчиняются непосредственно областному начальнику — чжи-фу, который самъ, въ свою очередь, подчиняется даотаю, въ составъ губерніи котораго входятъ и эти уѣзды, а стало быть и область — фу. Съ другой стороны бываетъ и такъ, что вмѣсто уѣзднаго начальника назначается высшая власть — тунъ-чжи, который помимо чжи-фу прямо подчиняется даотаю. Тунъ-чжи назначаются, обыкновенно, въ такія мѣста, которая имѣютъ важное значеніе, какъ города пограничные, какъ, напримѣръ, Чугучакъ, или важны по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, напримѣръ, гдѣ много инородцевъ. Были раньше еще чжоу — округа, во главѣ съ чжи-чжоу, напримѣръ, чжоу въ Кашгарѣ, Хотанѣ; но теперь чжоу постепенно уничтожаются. Чжоу — округъ, нѣчто среднее между уѣздомъ и областью.

Чжи-фу это посредствующая инстанція между даотаемъ и уѣздными начальниками, входящими въ составъ фу. Въ дѣйствительности, чжи-фу обыкновенно никакой роли не играютъ и всего вѣрнѣе могутъ быть названы чиновниками особыхъ порученій при даотаѣ, котораго чжи-фу, въ случаѣ его отсутствія, и замѣняетъ, если живетъ недалеко отъ даотая. Чжи-фу есть въ Урумци, по-китайски называется Ди-хуа-фу-чжи-фу, Суйдунѣ, Кашгарѣ, Яркендѣ и Хотанѣ.

Уѣздные начальники — чжи-сянь — управляютъ уѣздами, которыхъ по нѣскольку приходится на каждое фу. Такъ, напримѣръ, урумчинскому чжи-фу подчинены слѣдующіе

ближайшіе къ Урумци уѣзды: Сань-чжи, Манастъ, Фоукантъ, Гученъ, Чжунусаръ, Шихо или Сиху (Куръ-кара-усу), то есть семь уѣздовъ. Въ вѣдѣніи другихъ чжи-фу бываетъ пять, четыре и даже три уѣзда.

Въ маленькихъ городахъ или мѣстечкахъ есть меньшіе начальники, по-китайски фынъ-сянь, что значитъ помощникъ уѣзднаго начальника. Эти чиновники всего болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ станovýmъ приставамъ. Такихъ приставовъ — фынъ-сянь — бываетъ отъ двухъ до трехъ на уѣздѣ. Такъ, напримѣръ, фынъ-сянь есть въ городѣ Кутуби, въ мѣстечкѣ Гунъ-ди и нѣкоторыхъ другихъ.

Уѣздный начальникъ въ своемъ уѣздѣ это то же самое, что губернаторъ въ своей провинціи или даотай въ своемъ даотаиствѣ. Онъ есть власть судебная и административная; онъ же въ подлежащихъ случаяхъ исполняетъ и обязанности жреца. По официальному представленію, уѣздный начальникъ долженъ быть ближайшимъ защитникомъ и почитателемъ народа, почему въ обращеніяхъ къ нему со стороны подчиненнаго ему населенія онъ и называется фу-мугуанъ, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ — замяняющій отца и мать чиновникъ. Названіе, конечно, лестное. Въ золотой вѣкъ китайской исторіи это названіе, можетъ быть, и соответствовало дѣйствительности, но теперь уѣздные начальники ничего отеческаго въ своихъ отношеніяхъ къ населенію не проявляютъ.

Низшая мѣстная администрація большей частью выборная. Это такъ называемые сяньбѣ, которые, какъ по значенію этого слова въ переводѣ на русскій языкъ, такъ и по своему дѣйствительному положенію и обязанностямъ, соотвѣтствуютъ всего болѣе нашимъ волостнымъ старшинамъ или даже, точнѣе, сельскимъ старостамъ. Одинъ сяньбѣ полагается на 50 домовъ; избирается домохозяевами и утверждается уѣзднымъ начальникомъ. Такой порядокъ существуетъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Конечно, при выборахъ и утвержденіи сяньбѣ не обходится иногда безъ подкуповъ и взятокъ со стороны состязующихся кандидатовъ; но

принципъ остается въ силѣ, что низшія сельскія и городскія власти избираются тѣмъ населеніемъ, которымъ они назначаются завѣдывать.

Сянь прежде всего исполняетъ обязанности полицейскія. Онъ заботится о поддержаніи порядка и спокойствія среди подчиненнаго ему населенія. Въ случаѣ обнаруженія какого-либо преступленія, онъ производитъ первоначальное разслѣдованіе дѣла; разыскиваетъ виновнаго и доставляетъ его уѣздной власти. Затѣмъ, онъ разбираетъ мелкія дѣла, въ родѣ взаимныхъ обидъ, разныхъ правонарушеній и т. п. И наконецъ, онъ слѣдитъ за правильнымъ поступленіемъ подачей и исполненіемъ разныхъ повинностей, падающихъ на подвѣдомственное ему населеніе. Однако обыкновенно сянь среди населенія большой роли не играютъ, хотя бываютъ случаи, что особенно способные и энергичные среди нихъ добиваются и уваженія и хорошаго положенія. За усердную службу сянь, по просьбѣ населенія, а также по желанію начальства, получаютъ награды, въ видѣ чиновничьихъ шариковъ низшихъ степеней.

До сихъ поръ я говорилъ о властяхъ, назначаемыхъ правительствомъ или имъ утверждаемыхъ, какъ, напримѣръ, сянь, но есть область, гдѣ правительственная власть совершенно не вмѣшивается и гдѣ населеніе управляется само собой. Это мы видимъ въ торговомъ мірѣ, гдѣ издавна прилагались и выработались начала самоуправленія. Это самоуправленіе выработалось совершенно свободно и само собой, такъ какъ китайскія власти никогда не вмѣшивались, да и теперь не вмѣшиваются въ сферу частной предпримчивости своихъ подданныхъ. Все это организовалось постепенно и естественнымъ путемъ. Организация эта выражается въ томъ, что всѣ купцы, уроженцы одной провинціи или нѣсколькихъ сосѣднихъ, соединяются въ общества. Для завѣдыванія дѣлами торговаго общества выбирается самими же членами его предсѣдатель — торговый старшина. Обыкновенно онъ избирается изъ среды наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ купцовъ. Избранный предста-

вляется уѣздному начальнику, который снабжаетъ его официальной печатью. Этимъ и ограничивается вліяніе администраціи на жизнь торговаго общества. На избраніе торговаго старшины власти вліянія не имѣютъ. Срокъ службы торговаго старшины не опредѣленъ, зависитъ всецѣло отъ торговаго общества, которое его выбрало, стало быть, прежде всего, отъ пригодности избранника къ веденію порученнаго ему дѣла, а затѣмъ, конечно, и отъ собственнаго его желанія. Есть старшины, которые служатъ лѣтъ по десяти. Но это рѣдко, а то больше годъ, два, три и только. Старшины, обыкновенно, получаютъ небольшое жалованье, рублей двѣсти въ годъ, но не лично имъ, такъ какъ старшины, обыкновенно, люди богатые, а на расходы, связанные съ исполненіемъ должности.

Обязанности торговаго старшины довольно сложны и состоятъ въ слѣдующемъ: прежде всего онъ свидѣтельствуеетъ разные договоры, прилагая къ нимъ свою официальную печать. Но это не очень часто, потому что письменные договоры у китайцевъ не въ обычаѣ, особенно между членами одной и той же корпораціи. Затѣмъ, онъ разбираетъ гражданскія дѣла, какъ между членами данаго торговаго общества, такъ и между ними и лицами, не принадлежащими къ обществу, если они того пожелаютъ. Къ числу этихъ дѣлъ относятся какъ претензіи по торговымъ сдѣлкамъ, такъ и другимъ гражданскимъ правоотношеніямъ, а также взаимныя обиды и недоразумѣнія. Принимаетъ участіе, вмѣстѣ съ другими членами корпораціи, въ раздѣлахъ и ликвидаціи торговыхъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда участники не могутъ прийти къ добровольному соглашенію; принимаетъ мѣры къ охранѣ интересовъ кредиторовъ, въ случаѣ несостоятельности того или другого члена общества; заботится о малолѣтнихъ сиротахъ умершихъ членовъ общества; завѣдуетъ выдачей пособій бѣднымъ, а равно благотворительными учрежденіями и капиталами корпораціи, если таковыя есть; наконецъ, онъ же завѣдуетъ раскладкой налоговъ на чле-

новъ корпораціи. Торговой старшина является посредникомъ и представителемъ интересовъ своего общества предъ властями. Въ случаѣ прѣида новаго начальника, онъ въѣзжаетъ его привѣтствовать отъ имени купцовъ. Начальство, въ свою очередь, обращается къ старшинѣ за совѣтомъ въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются торговцевъ и торговыхъ интересовъ. Дѣла у торгового старшины, такимъ образомъ, очень много и такъ какъ одному ему со всѣмъ этимъ дѣломъ, особенно съ письменной частью, не справиться, то при немъ всегда существуетъ небольшая канцелярія, называемая по-китайски гуиъ-ху-цзюй. Вся дѣятельность торгового старшины проходитъ на виду у всѣхъ чиновъ общества, которые имѣютъ полную возможность контролировать всѣ его дѣйствія. Члены общества устраиваютъ общія собранія для обсуждения своихъ дѣлъ нѣсколько разъ въ годъ, а кромѣ того, въ свободное время они собираются въ своихъ клубахъ, устраиваемыхъ при обществахъ, гдѣ могутъ обсуждать дѣла. Въ этихъ клубахъ участвуютъ не только члены торговыхъ обществъ, но и другія лица, напримѣръ, чиновники, происходящіе изъ той же провинціи, изъ уроженцевъ которой состоитъ клубъ.

Торговые старшины пользуются большимъ почетомъ среди торгового сословія. Уважаютъ ихъ, обычно, и китайскія власти, такъ что, въ случаѣ какихъ-либо торжественныхъ, официальныхъ обѣдовъ у властей, получаютъ приглашеніе и торговые старшины. Но кромѣ чюета, который, такъ сказать, уже соединяется съ этой должностью, особенно выдающіеся по своей дѣятельности торговые старшины получаютъ, по ходатайству избраннаго ихъ общества предъ начальствомъ, и чиновничьи отличія, въ видѣ чина, шарика той или другой степени и пера на шляпу, что является мечтой всякаго богатаго китайца.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Администрація у маньчжуровъ и инородцевъ. — Илійскій цзянцзюнь. — Его прежне и настоящее положеніе. — Помощникъ цзянцзюня — фуду-тунъ. — Мъвъ-амбаи и низшая администрація. — Торговецкіе князья. — Карашарскій ханъ. — Другіе торговецкіе князья. — Туркестанскіе ваны. — Ванъ хамійскій. — Ванъ турфанскій. — Князья въ Куча, Аку и Вафъ. — Таранчицкій хакимъ-бекъ въ Кульджаѣ.

Въ предыдущей главѣ я изложилъ обычное китайское административное устройство, существующее во всѣхъ провинціяхъ Срединной имперіи, въ томъ числѣ и въ Западномъ Китаѣ, то-есть въ Синьцзянской провинціи. Но въ Западномъ Китаѣ, кромѣ этой организаціи, существуютъ еще другія системы, принятія у маньчжуровъ и у нѣкоторыхъ инородцевъ. Теперь я и перейду къ изложенію этого административнаго устройства.

Принципально, маньчжуры не подчиняются китайскимъ властямъ и имѣютъ свою самостоятельную администрацію, устроенную по особому плану. Маньчжуры подобно тому, какъ и наши казаки, считаются и до сихъ поръ прирожденнымъ военнымъ сословіемъ, поэтому и управление ими устроено примѣнительно къ ихъ военному назначенію.

Главнымъ начальникомъ маньчжуровъ, проживающихъ въ Западномъ Китаѣ, является илійскій цзянцзюнь, имѣющій свою резиденцію въ городѣ Новомъ Суйдунѣ. До 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія илійскому цзянцзюню

былъ подчиненъ весь Западный Застѣнный Китай, китайской же администраціи совѣтъ не было. Но ошибки маньчжурской администраціи во время мусульманскаго возстанія, а затѣмъ злоупотребленія ея въ первые годы по усмирении края, выразившіяся въ самомъ безцеремонномъ расхищеніи маньчжурами-чиновниками казенныхъ и народныхъ средствъ, подорвали въ правительствѣ довѣріе къ маньчжурамъ-администраторамъ, и власть въ краѣ перешла къ китайцамъ, которые, кстати, этого уже давно добивались. Не безъ борьбы маньчжуры уступили китайцамъ столь долго занимаемую ими позицію, но пришлось уступить. Была создана новая Синьцзянская провинція, съ административнымъ устройствомъ по образцу Внутренняго Китая, а маньчжуры отошли на второй планъ.

Въ настоящее время илійскій цзянцзюнь имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи маньчжуровъ, монголовъ, киргизовъ и тѣхъ китайцевъ, которые живутъ временно или постоянно на земляхъ, отведенныхъ для жительства маньчжурамъ. Однако, и по отношенію къ этимъ народностямъ, на практикѣ, цзянцзюнь имѣетъ не полную власть, такъ какъ синьцзянскій губернаторъ тоже вмѣшивается въ дѣло, особенно по отношенію къ монголамъ. По своему положенію въ рядахъ китайской чиновной іерархіи, цзянцзюнь занимаетъ очень высокое мѣсто, онъ считается выше губернатора, но, на дѣлѣ, губернаторъ пользуется гораздо большимъ вліяніемъ, чѣмъ цзянцзюнь. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ онъ долженъ дѣлать доклады совмѣстно или съ синьцзянскимъ губернаторомъ, или иногда даже съ шэньганскимъ генералъ-губернаторомъ.

Такъ какъ цзянцзюнь стоитъ во главѣ народности спеціально военной, маньчжуровъ, военными же считаются и монголы, то онъ, по преимуществу, власть военная. Такъ это и понимается у китайцевъ. Но въ то же время онъ имѣетъ и власть гражданскую, какъ синьцзянскій губернаторъ, то есть административную и судебную, въ тѣхъ же случаяхъ исполняетъ и обязанности жреца.

Помощникъ цзянцзюня фуду-гунъ. Но роли оны, обычно, никакой не играютъ, только замѣняютъ отсутствующаго цзянцзюня и засѣдаютъ въ его совѣтѣ. Обыкновенно, должность эта есть не болѣе, какъ синекура для какого-нибудь изъ родственниковъ вліятельныхъ въ Пекинѣ маньчжуровъ. Случаевъ назначенія илійскаго фуду-гуна цзянцзюнемъ не бывало. Помощникомъ цзянцзюня считается также тарбагатайскій хэбэй-амбанъ, который завѣдуетъ маньчжурами и инородцами, проживающими въ Тарбагатайскомъ округѣ. Въ своей дѣятельности хэбэй-амбанъ пользуется большой самостоятельностью, хотя и считаетъ себя подчиненнымъ цзянцзюню.

Для непосредственнаго управленія отдѣльными народностями, подчиненными цзянцзюню, существуютъ особые чиновники, называемые по-маньчжурски мефнь-амбанъ, а по-китайски линь-дуй-да-ченъ. Такъ, есть элутскій, сибирскій, солонскій, киргизскій мефнь-амбани. По отношенію къ подчиненнымъ имъ народностямъ, мефнь-амбани пользуются той же властью, какъ даотай въ своемъ даотайствѣ. Они управляютъ, они же судятъ и наказываютъ, являясь высшей инстанціей по отношенію къ низшимъ властямъ, какъ ухэриды у монголовъ и маньчжуровъ и ахалакчи у киргизовъ. У этихъ послѣднихъ состоятъ подъ начальствомъ сотники и пятидесятники. Эти низшія власти большимъ вліяніемъ, однако, не пользуются, потому что въ дѣла, имъ подъдомственные, очень часто и охотно вмѣшиваются сами мефнь-амбани. Низшія власти у маньчжуровъ и инородцевъ не выборныя, а назначенныя высшей маньчжурской администраціей, то-есть мефнь-амбаниями. У маньчжуровъ, обязанныхъ военной службой, эти должностныя лица являются въ то же время и военными чинами, съ правами и положеніемъ офицеровъ.

Торгоуты находятся въ вѣдѣніи илійскаго цзянцзюня, но въ то же время имѣютъ свою особенную, національную власть, въ лицѣ наслѣдственныхъ князей. Въ Карашарѣ проживаетъ главный изъ торгоутскихъ князей, имѣющій

титуть хана, и пользуется большим уважением среди торгоутовъ. Во главѣ торгоутовъ, кочующихъ въ Тарбагатайскомъ округѣ, стоитъ цинь-ванъ; князь торгоутовъ, кочующихъ около Шихо, носитъ титулъ цзюнь-вана, князь въ Цзинхэ-байлэ. Торгоутскіе князья не подчинены карашарскому хану въ дѣлѣ управленія своими подданными, однако считаютъ его за старшаго и оказываютъ ему сочувствующіе знаки почтения.

Что касается положенія торгоутскихъ князей въ отношеніи илійскаго цзянцзюня и китайской администраціи, то карашарскій ханъ пользуется наибольшей самостоятельностью. Онъ, совершенно независимо отъ китайцевъ и маньчжуровъ, управляетъ своими подданными торгоутами, чинитъ надъ ними судъ и расправу и собираетъ съ нихъ подати въ свою пользу; имѣетъ самостоятельное войско, которое и охраняетъ границы его ханства. Онъ, такимъ образомъ, является по отношенію къ Китаю владѣтелемъ вассальнымъ. На поклонъ въ Пекинъ карашарскій ханъ однако не ѣздитъ, а только въ три года разъ посылаетъ туда своего адъютанта съ обычными для вассальнаго князя подарками. При всей самостоятельности карашарскаго хана, китайцы все-таки имѣютъ нѣкоторый надзоръ за нимъ. Съ этой цѣлью въ Карашарѣ всегда проживаетъ представитель провинціальной администраціи, официальное положеніе котораго китайцы опредѣляютъ, какъ чиновника для разбора претензій между китайцами и торгоутами; но, въ дѣйствительности, онъ слѣдитъ за дѣятельностью хана.

Другіе торгоутскіе князья такой свободой и самостоятельностью, какъ карашарскій ханъ, не пользуются. Хотя они тоже, повидимому, управляютъ своими подданными самостоятельно, судятъ ихъ и наказываютъ, но всегда могутъ ожидать вмѣшательства въ свои распоряженія, что и бываетъ. Такъ, напримѣръ, молодой сихускій князь былъ сосланъ въ 1902 г. китайцами въ Сининъ за плохое управленіе своими подданными, за эксплоатацию ихъ; хотя истинная причина гнѣва китайцевъ была совсѣмъ другая,

а именно та, что этотъ князь вступилъ въ компанію съ русскими подданными, торговцами изъ ташкентскихъ сартовъ, и открылъ среди своихъ подданныхъ торговлю русскими товарами. Обирательство торгоутовъ китайцы могли бы простить вану, но не въ компаніи съ русскими подданными; въ этомъ они увидѣли измѣну и наказали вана. Часть податей, взимаемыхъ со своихъ подданныхъ, торгоутскіе князья должны вносить въ китайскую казну. Черезъ каждые три года они должны ѣздить въ Пекинъ представляться богдохану. Эта обязанность одна изъ самыхъ тяжелыхъ для князей въ виду того, что самое путешествіе обходится князьямъ очень дорого, а еще дороже стоятъ подарки и взятки, которые приходится раздавать въ Пекинѣ. Чтобы покрыть всѣ эти расходы, князья вынуждены облагать своихъ подданныхъ громадными налогами; оттого, между прочимъ, и подчиненные имъ торгоуты живутъ значительно бѣднѣе, нежели карашарскіе, совсѣмъ не знающіе благъ китайскаго режима и вмѣшательства. Изъ князей наиболѣе бѣдный тарбагатайскій князь, который не имѣетъ даже постоянной ставки, а все время кочуетъ. Его сначала, во время его малолѣтства, обобралъ Цаганъ-гэгэнь, и продолжаютъ обирать еще мѣстныя маньчжурскія власти.

Низшая администрація у торгоутовъ устроена такъ же, какъ у маньчжуровъ, чахаровъ и т. д. Здѣсь мы находимъ сотниковъ, пятидесятниковъ. Роль этихъ властей небольшая, потому что всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла разбираютъ князь и его приближенные, не желающіе выпускать изъ своихъ рукъ вѣрный и порядочный доходъ.

У туркестанскихъ сартовъ и кульджинскихъ таранчей, на ряду съ китайской администраціей, существуетъ еще своя національная, хотя теперь уже и утратившая большую часть своихъ правъ. Это потомки прежнихъ владѣтельныхъ князей. Права и положеніе всѣхъ этихъ властей совершенно различны въ зависимости отъ того, насколько въ смутныя времена онѣ помогали китайцамъ. Нѣкоторые туземные князья помогали китайцамъ, другіе, наоборотъ,

стояли на сторонѣ ихъ враговъ; поэтому первые пользуются и теперь еще значительными правами и матеріальными средствами, а вторые—власть свою почти совсѣмъ уже утратили и пользуются лишь маленькой пенсіей изъ китайской казны.

Такъ, хамійскій ванъ имѣетъ власть надъ 5000 семействъ хамійскихъ сартовъ. Они платятъ ему подати и работаютъ на него, такъ что они являются какъ бы крѣпостными вана. Кромѣ того, ванъ разбираетъ между ними всѣ дѣла, до уголовныхъ включительно; но къ смертной казни присуждать онъ не можетъ; а долженъ на это каждый разъ испрашивать разрѣшенія китайскихъ властей. Но и тогда казнь совершается не у него, а осужденнаго онъ долженъ отправлять въ распоряженіе китайскихъ властей, которыя и приводятъ въ исполненіе приговоръ. Имѣя извѣстныя права относительно своихъ подданныхъ, ванъ имѣетъ въ отношеніи ихъ и обязанности; такъ, онъ долженъ заботиться о нихъ, помогать имъ въ случаѣ какихъ-либо несчастій и бѣдности. Однако, на дѣлѣ этого не бываетъ и ванъ заботится лишь о томъ, какъ бы побольше взять со своихъ подчиненныхъ; на содержаніе ему самому требуется не мало, а кромѣ того, приходится платить и центральному правительству и мѣстнымъ властямъ; наконецъ, на него возложены разныя повинности. На обязанности вана лежитъ содержаніе проходящихъ китайскихъ войскъ, т. е. доставленіе имъ провіанта и фуража; онъ же обязанъ доставлять подводы пробѣгающимъ по дѣламъ службы черезъ Хами китайскимъ чиновникамъ. Черезъ три года хамійскій ванъ долженъ ѣздить въ Пекинъ для представленія богдохану, что обходится очень дорого. Несмотря, однако, на всѣ эти повинности и расходы, хамійскій ванъ и до сихъ поръ еще очень богатый человѣкъ.

Турфанскій ванъ находится въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ хамійскій. Въ свое время, когда это было нужно, онъ не умѣлъ перейти на сторону китайцевъ и за то лишился почти всего, что имѣлъ раньше. А положеніе

его въ былыя времена было значительно лучше, чѣмъ другихъ туркестанскихъ князей. Турфанъ издавна пользовался самостоятельностью и игралъ значительную роль въ исторіи Восточнаго Туркестана, переходя то на одну сторону, то на другую въ теченіе дѣлаго ряда войнъ и столкновеній, свидѣтелемъ которыхъ былъ Восточный Туркестанъ.

Турфанскій ванъ имѣетъ въ подчиненіи 50 семействъ крѣпостныхъ, которые на него работаютъ и платятъ ему подати. Что касается остальныхъ сартовъ—жителей Турфана, то власть его надъ ними, хотя до извѣстной степени и существуетъ, но очень незначительна. Къ вану сарты относятся съ извѣстнымъ почтеніемъ, но почтеніе это сохраняется по традиціи. По закону, онъ имѣетъ право разбирать дѣла между сартами, но лишь тѣ, которыя могутъ быть разрѣшены по шаригату. Всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла разбираютъ китайскія власти. При всей незначительности власти, предоставленной вану, китайцы не оставляютъ его безъ ближайшаго надзора, для чего состоятъ при ванѣ постоянный дѣлопроизводитель изъ китайскихъ чиновниковъ. Черезъ три года турфанскій ванъ ѣздитъ на поклонъ въ Пекинъ.

Есть ванъ въ городѣ Куча; имѣетъ 10 семействъ крѣпостныхъ; но надъ остальными сартами въ городѣ власти не имѣетъ. Получаетъ отъ китайскаго правительства ежегодную пенсію въ 2000 ланъ.

Въ Акеу, въ Баѣ проживаютъ гуны. Они тоже получаютъ пенсію, но въ Пекинъ не ѣздятъ и представляются въ извѣстные сроки губернатору Синьцзянской провинціи. Люди они небогатыя, такъ какъ пенсія у нихъ маленькая, и потому они неоднократно уже просили помощи у китайскаго правительства, но безуспѣшно. Когда года два тому назадъ они обратились къ синьцзянскому губернатору, съ просьбой о матеріальной поддержкѣ, то, въ отвѣтъ на ихъ просьбу, онъ посовѣтовалъ имъ учиться и служить, чтобы зарабатывать средства къ жизни. Однако, совѣтъ этотъ имъ не понравился. Мы, сказали они губернатору,

мусульмане, китайского языка не знают и учиться не могут. Тѣмъ не менѣе, и теперь они продолжают хлопотать объ улучшеніи своего положенія, посылают просьбы въ Пекинъ, только едва ли что-нибудь изъ этого выйдет.

У илійскихъ таранчей есть также свое прирожденное начальство, въ лицѣ хакимъ-бека. Въ прежнее время таранчинскіе хакимъ-беки пользовалась большою властью надъ таранчами и большимъ вліяніемъ у китайскихъ властей, такъ что высшая китайская администрація въ краѣ должна была съ ними считаться. Но теперь съ учрежденіемъ должностей сянъ — старшинъ — у таранчей, которые непосредственно подчиняются уѣзднымъ начальникамъ, власть хакимъ-бека сильно уменьшилась, и отъ прежняго положенія остаются въ настоящее время только нѣкоторое традиціонное уваженіе со стороны таранчей, да нѣсколько деревень крѣпостныхъ таранчей, которые обязаны работать на хакимъ-бека.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Губернаторъ.—Высшій военный начальникъ въ провинціи.—Другіе военные начальники.—Арсеналъ въ Урумчи.—Способъ комплектованія войскъ.—Военная школа въ Урумчи и положеніе выходящихъ изъ нея офицеровъ.—Новая система комплектованія войскъ.—Милліція.—Войска изъ маньчжуровъ и монголовъ.—Возможность улучшенія военного дѣла у китайцевъ.

Военное дѣло въ Западномъ Китаѣ находится въ рукахъ синцзянскаго губернатора, такъ что губернаторъ является одновременно и высшей гражданской властью въ краѣ и командующимъ въ немъ войсками. Но какъ въ гражданской области права губернатора громадны, гораздо больше, чѣмъ у нашихъ генералъ-губернаторовъ, такъ и въ сферѣ военной полномочія губернатора гораздо обширнѣе, чѣмъ у нашихъ командующихъ войсками округа. Въ военной области губернаторъ почти независимъ отъ Пекина и военного министерство.—бинъ-бу—почти не заявляетъ о своемъ существованіи, по крайней мѣрѣ, вліяніе его въ провинціи почти совсѣмъ незаметно. Обыкновенно, войска въ каждой провинціи содержатся на доходы этой провинціи и губернаторъ распоряжается суммами на военное дѣло по своему усмотрѣнію. Синцзянская провинція, положимъ, не даетъ достаточно доходовъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей края, такъ что значительныя суммы высылаются въ пособіе изъ Внутренняго Китая, тѣмъ не менѣе

синьцзянскій губернаторъ такъ же, какъ и другіе, распоряжается устройствомъ военной части и расходованиемъ суммъ на нее по своему усмотрѣнію. Онъ только докладываетъ богдохану о важнѣйшихъ своихъ мѣропріятіяхъ въ этой области, но указанія изъ Пекина по военному дѣлу онъ получаетъ крайне рѣдко. Онъ самъ опредѣляетъ количество войскъ въ провинціи, ихъ вооруженіе и снаряженіе и расположеніе въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Однако, подчиненная губернатору военная администрація совершенно отдѣльна отъ гражданской, хотя въ то же время гражданскія власти имѣютъ возможность вліять на военное дѣло, не выѣшиваясь лишь во внутреннюю жизнь и распорядки отдѣльных воинскихъ частей. Самъ губернаторъ, обыкновенно, по своей службѣ человекъ не военный и военной подготовки не имѣетъ, но у китайцевъ считается, что разъ человекъ можетъ завѣдывать гражданскими дѣлами, то тѣмъ болѣе онъ можетъ завѣдывать военными. У китайцевъ гражданская служба считается и выше и почетнѣе и труднѣе военной.

Послѣ губернатора высшей военной властью въ провинціи является кашгарскій титай, который по своему рангу можетъ быть приравненъ къ нашему корпусному командиру. Однако, дальше Кашгарскаго округа, то-есть очень небольшой, сравнительно, территоріи, власть его не простирается, такъ что званіе титая—это скорѣе чинъ, чѣмъ должность; тѣмъ не менѣе, сравнительно съ другими военными начальниками болѣе низшихъ ранговъ, титай имѣетъ значительно больше войскъ подъ своей командой. Слѣдующій военный чинъ это чжэньтай. Чжэньтай есть въ Баркулѣ и въ Суйдунѣ. Чжэньтай можетъ соответствовать нашему начальнику дивизіи. Въ Урумци, Аксу, Чугучакѣ—бригадные командиры—сѣтай. Всѣ эти военачальники подчиняются непосредственно губернатору, а другіе отъ друга совершенно независимы. Только иногда губернаторъ посылаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ производить смотръ и ревизію тѣхъ или другихъ частей войскъ, при этомъ старшинство соблюдается,

такъ что сѣтай ревизуетъ чжэньтай, а чжэньтай—титай. Впрочемъ, такіа ревизія дѣло рѣдкое и вызываются лишь крупными злоупотребленіями того или другого военного начальника.

Въ вѣдѣніи синьцзянскаго губернатора находится арсеналъ въ Урумци. При основаніи арсенала предполагалось производить работы въ этомъ арсеналѣ въ большихъ размѣрахъ, но послѣ боксерскаго возстанія нѣтъ въ казнѣ денегъ и арсеналъ работаетъ очень мало. Рабочихъ 250 человекъ, которые изготовляютъ ружья, патроны къ нимъ, чинятъ поломанное оружіе. Работы производятся частью ручнымъ способомъ, частью—машинами, при чемъ двигатель водяной. Арсеналъ въ Урумци могъ бы приготовить и пушки и снаряды къ нимъ, есть всѣ нужныя для этого машины, но, за недостаткомъ средствъ, дѣло это пока не идетъ. Система комплектованія войскъ вербовочная, но такъ какъ военная служба почетомъ въ Китаѣ не пользуется¹⁾, то въ солдаты нанимаются неохотно и дѣло вербовки очень нелегкое. Вслѣдствіе этого въ ряды войскъ попадаютъ отбросы общества, которые отбились отъ честнаго труда и уже не надѣются на лучшее будущее. Большая часть офицеровъ изъ выслужившихся солдатъ. Поэтому, можно себѣ вообразить, что такое представляютъ изъ себя китайскіе офицеры. Въ военномъ дѣлѣ они совершенно не образованы; знаютъ только старый китайскій строй, никуда теперь негодный; мало того, они и по-китайски совершенно не образованы; нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ ни читать, ни писать по-китайски. При такомъ составѣ офицеровъ, китайскія войска, конечно, очень плохи, и главное—полное отсутствіе дисциплины, несмотря на жестокія

¹⁾ У китайцевъ существуютъ даже пословица, что «какъ изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, такъ хорошихъ людей въ солдаты не пойдеть». По-китайски это звучитъ такъ: хао тѣ бу да динъ, хао жень бу даъ бинъ.

тѣлесныя наказанія. Въ очень недавнее еще время въ Западномъ Китаѣ въ рядахъ войскъ служило много дунганъ. Это были храбрые, хорошіе солдаты, такъ какъ дунгане любятъ военное дѣло и потому въ ряды войскъ шли не одни только худые элементы. Но послѣ ряда возстаній дунганъ, въ которыхъ иногда принимали участіе и дунгане-солдаты, китайское правительство больше дунганамъ не довѣряетъ и въ солдаты ихъ больше не берутъ.

Для приготовления офицеровъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ основано въ Урумчи военное училище. Преподаютъ въ этомъ училищѣ китайцы, получившіе военное образование въ бывшей тьянцзинской военной школѣ, подъ руководствомъ нѣмецкихъ инструкторовъ. Окончившіе курсъ военного училища назначаются на должности офицеровъ въ войска, расположенныя въ Синцзянской провинціи. Эти сравнительно образованные офицеры ходу по службѣ, однако, не имѣютъ. Высшіе военные начальники—люди безъ всякаго военного и общаго образования—не могутъ благосклонно относиться къ этимъ новичкамъ, одно существованіе которыхъ говорить объ отсталости и, потому, ненужности этихъ самыхъ начальниковъ, не усвоившихъ европейскаго военного образования. Поэтому этимъ офицерамъ не даютъ никакихъ отвѣтственныхъ должностей, вообще, держатъ ихъ въ черномъ тѣлѣ. Такое же враждебное отношеніе они встрѣчаютъ и со стороны своихъ товарищей по службѣ, не получившихъ образования. Надъ ними смѣются, какъ надъ чужеземцами, ихъ притѣсняютъ и дѣлаютъ имъ всякія неприятности по службѣ. Вслѣдствіе этого, нерѣдки случаи, что такой образованный офицеръ, побившись нѣкоторое время съ общими недоброжелательствомъ окружающихъ, переходитъ въ лагерь своихъ притѣснителей—защитниковъ старыхъ порядковъ, забываетъ свою европейскую науку и мало того, даже начинаетъ съ особымъ ожесточеніемъ бранить все европейское, чтобы показать свое китайское правобѣріе. Я самъ видѣлъ такихъ офицеровъ, а слышалъ о нихъ еще болѣе. Впро-

чемъ, изъ Урумчинской школы за все время ея существованія выпущено очень немного офицеровъ, и вліяніе ихъ на образованіе и обученіе китайскихъ войскъ въ Западномъ Китаѣ очень мало замѣтно.

Въ послѣднее время, по указанію изъ Пекина, синцзянскій губернаторъ пробуетъ новую систему комплектованія войскъ, которая напоминаетъ наши прежнія военные поселенія. Опытъ производится среди сартовъ въ Турфанѣ. Дѣло ведется такъ: изъ каждой семьи, гдѣ 2 или 3 сына, одного сына, въ возрастѣ 20—23 лѣтъ, берутъ въ военную службу. Солдатъ получаетъ содержаніе и одежду отъ казны и, кромѣ того, получаетъ 1 рубль 80 копеекъ жалованья въ мѣсяцъ. Землю свою солдатъ сохраняетъ, но податей за нее во все время службы не платитъ. Наоборотъ, каждая семья солдата получаетъ отъ казны 30 барановъ, 2 лошадей, 2 рабочихъ быковъ, 1 корову. Кромѣ того, въ Турфанскомъ уѣздѣ на счетъ казны сдѣлано нѣсколько карьеръ для орошенія полей, въ которыхъ предположено построить инпани и казармы для помѣщенія солдатъ, чтобы имъ удобнѣе было обрабатывать землю и, такимъ образомъ, землепашество соединяетъ съ военной службой. Въ настоящее время солдатамъ для обработки земли даются отпуска. Срокъ дѣйствительной службы 5 лѣтъ, а затѣмъ солдатъ выходитъ въ запасъ. Однако, съ окончаніемъ этого срока службы, связь запаснаго съ военнымъ вѣдомствомъ не прекращается. Благодаря пособіямъ, солдатъ уже какъ бы закабаляетъ себя военной службѣ; дѣти его тоже должны будутъ служить въ военной службѣ и, такимъ образомъ, предполагается образоватъ наследственное военное сословіе.

Въ настоящее время въ Турфанѣ сформированъ отрядъ изъ мѣстныхъ сартовъ въ 500 человекъ, изъ нихъ 250 человекъ конницы и столько же пѣхоты. Высшее начальство китайцы, унтеръ-офицеры—сарты, строй европейскій. Службой своей сарты довольны. Китайская администрація дѣлаетъ все возможное, чтобы пріохотить сартовъ къ военной службѣ, такъ, наиримѣръ, за хорошую стрѣльбу и дру-

гие успехи по службе дают денежные награды. Если этот опыт удастся, то предполагается ввести эту же систему и среди китайцев. Но китайцы военной службы не любят и новую систему заранее уже осуждают, как непригодную. Такое враждебное отношение коренного китайского населения к новой реформе может свести всю реформу к нулю. Но китайские власти надеются на успех этой реформы и принимают пока все меры, чтобы провести ее успешно.

Начав свой опыт с организацией войска в Турфане, губернатор хотел то же самое сделать и в Илийском округе, для чего приказал илийскому даюта набрать отряд в 1000 человек из кашгарлыков и таранчей и организовать его на тех же основаниях, как и в Турфане. Но местный даюта отнесся совершенно отрицательно к этому проекту и употребил все меры к тому, чтобы отклонить губернатора от исполнения проекта. Мотивом этого он выставлял, во-1-х, недостаток средств, а во-2-х, ненадежность солдат из мусульман, которые могли получить скот, продать его и затять с деньгами скрыться. Эти ли мотивы повели на губернатора, или что-нибудь другое, только отряд из кашгарлыков и таранчей в Или так и не был сформирован. Организуя, таким образом, эти новые отряды из местных жителей, губернатор рассчитывал прежде всего сэкономить значительную сумму на содержание регулярных войск, которых предполагалось распустить, а затять — приобрести и надежных солдат, которые, принадлежа к местным обывателям, дорожили бы своим положением, получив возможность устроиться с семьями и мирно заниматься хлебопашеством. Местное илийское начальство взглянуло на дело иначе.

Кроме этих регулярных войск, в последнее время в Западном Китае образуется нечто в роде милиции. Для этого из наиболее удачно кончивших сельские училища учеников, которым при окончании дается в

награду медный шарик на шапку, уездный начальник выбирает нескольких и приговаривает их к занятию офицерских и унтер-офицерских должностей во время войны. Эти кандидаты 17 числа каждого месяца собираются в управлении уездного начальника и, под руководством опытных инструкторов, учатся стрельбе из ружей. Такую же подготовительную военную школу должны проходить и находящиеся в Урумчи кандидаты на должности чиновников, которые в большом количестве живут там, дожидаясь назначения на место. 18 числа каждого месяца производится смотр этим милиционерам. Иногда смотр производит сам губернатор. Подготовленные, таким образом, кандидаты также предназначаются к занятию офицерских должностей во время войны. В настоящее время эти упражнения пока серьезного характера не имеют; китайцы никак не могут привыкнуть ко всем этим новшествам; а военное дело им даже и не по душе. Но если китайцы не остановятся на опытах, а пойдут дальше, то мы можем совершенно неожиданно встретиться в Центральной Азии нового и серьезного противника.

Говоря о китайских войсках, формируемых как по старой, так и по новой системе, нельзя пройти молчаньем и знаменитые маньчжурские войска. Когда-то маньчжуры завоевали весь Китай; были грозой всего востока; они же, главным образом, участвовали и в покорении Западного Китая. Но теперь от прежней маньчжурской доблести ничего не осталось. Маньчжуры опустели, облыдели и только числятся военными. Время прошло для них как бы бесследно: у них тот же строй, который был у них, когда они завоевывали Западный Китай — Новую Линию, как она еще называется китайцами; те же фитильные ружья; сохранились даже луки и стрелы, умьем стрелять из которых они когда-то так славились. Маньчжуры крайне неохотно принимают все нововведения в военном деле, находя, что при старых

порядках жилось имъ гораздо лучше. Поэтому, ихъ особенно и не трогаютъ, такъ что въ то время, какъ въ китайскихъ войскахъ вводятся нѣкоторыя, хотя и небольшія, усовершенствованія, у маньчжуровъ остается все въ прежнемъ положеніи. Изъ нововведеній, которыя болѣе привились у нихъ, можно указать только на ружья новыхъ системъ. Что же касается строя, то онъ остается такимъ же, какимъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. У нихъ и теперь, чтобы получить офицерскій чинъ, нужно уметь стрѣлять изъ лука и знать нѣкоторые приемы стараго китайскаго фехтовальнаго искусства. Изъ этого ясно, что маньчжуры, какъ военная сила, въ настоящее время никакого значенія не имѣютъ.

Расчитываютъ китайцы еще на торгоутовъ, какъ на прирожденныхъ кавалеристовъ; но эти расчеты, мнѣ кажется, достаточнаго основанія не имѣютъ и основаны, несомнѣнно, съ одной стороны, на незнаніи китайцами торгоутовъ, ихъ военныхъ способностей, а съ другой—современнаго состоянія военнаго дѣла. Торгоуты, подъ влияніемъ исповѣдуемаго ими буддизма, сдѣлались совершенно мирнымъ народомъ, война и все военное имъ болѣе противны, чѣмъ самимъ китайцамъ, и сдѣлать изъ нихъ хорошихъ солдатъ, особенно при нынѣшнихъ условіяхъ военнаго искусства, весьма трудная задача. Болѣе пригодный матеріалъ для этой дѣли представляютъ киргизы. Они хорошіе наѣзники, храбры, довольно ловки и выносливы; но китайское правительство на нихъ не обращаетъ вниманія, да и киргизы едва ли охотно будутъ защищать Китай.

Впрочемъ, говоря о неудовлетворительномъ состояніи военнаго дѣла у китайцевъ въ настоящее время, мы не должны забывать, что до сихъ поръ на это дѣло китайцы не обращали надлежащаго вниманія и оттого оно стояло такъ плохо. Но теперь Китай начинаетъ просыпаться отъ своей многовѣковой спячки и неизвѣстно, въ какой формѣ выразится это пробужденіе. Судя по тому, что мы знаемъ

изъ исторіи другихъ народовъ, можно думать, что это пробужденіе начнется съ усовершенствованія военнаго дѣла. Уже всѣ знаютъ объ организаціи войскъ въ Чжилійской провинціи Юань-Шикаемъ. То же можетъ случиться и въ Западномъ Китаѣ. Тотъ негодный въ настоящее время матеріалъ, который мы видимъ въ лицѣ китайцевъ, маньчжуровъ и монголовъ, въ умѣлыхъ рукахъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться очень и очень годнымъ; и вотъ, въ одинъ прекрасный день на нашей границѣ съ Западнымъ Китаемъ мы можемъ увидѣть значительное, хорошо вооруженное и обученное китайское войско. Уже и теперь, какъ мы видѣли выше, дѣлаются попытки реорганизаціи арміи; а эти опыты могутъ принять и серьезный характеръ. За оружіемъ и инструкторами дѣло не станетъ, потому что японцы съ удовольствіемъ предлагаютъ свои услуги китайцамъ въ этомъ дѣлѣ и даже, навѣрно, дешевле, чѣмъ европейцы. Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя отрицать у китайцевъ способности организовать свое военное дѣло по европейскому образцу, а если это имъ удастся, то европейцамъ, а особенно намъ, русскимъ придется съ этимъ серьезно считаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отношеніе китайскаго чиновничества къ населенію.—Любовь къ пышности и недоступность китайскихъ властей.—Вѣточничество чиновниковъ.—Необеспеченность служилого класса и другія причины этого зла.—Соединеніе власти судебной и административной.—Отсталость китайскаго законодательства.—Медленность китайскаго дѣлопроизводства и обычный порядокъ его.

По китайскому официальному представленію, Китай это большая семья, въ которой власти это родители, а народъ это дѣти. Поэтому-то, напримѣръ, уѣздные начальники, которые по своей должности должны стоять всего ближе къ народу, и носить названіе фуму-гуанъ — отецъ-мать чиновникъ. Изъ такого представленія о родственныхъ отношеніяхъ властей къ населенію должны бы вытекать и всѣ многоразличныя проявленія ихъ взаимныхъ отношеній. Но все это существуетъ только въ официальномъ представленіи, а на дѣлѣ такія патріархальныя и сердечныя отношенія, если они когда-нибудь и существовали, то давно уже отошли въ область преданій.

Въ настоящее время китайскія власти окружаютъ себя большой пышностью и далеко держатся отъ народа. Каждый чиновникъ, занимающій болѣе или менѣе видное положеніе, всегда выѣзжаетъ ихъ дома окруженный болѣе или менѣе многочисленной свитой; впереди его экипажа несутъ официальный красный зонтикъ—знакъ его власти, а

солдаты или полицейскіе, сопровождающіе экипажъ, разгоняютъ палками народъ на улицахъ. Эта медленно двигающаяся процессія производитъ довольно внушительное впечатлѣніе. Маленькіе чиновники, не имѣющіе большого штата, а то и никакого штата, и тѣ выѣзжаютъ обязательно въ сопровожденіи одного или двухъ слугъ. Китайцы, да и вообще восточные люди, не могутъ и представить себѣ власти иначе, какъ въ ореолѣ вѣшной пышности и блеска. И чѣмъ выше занимаетъ мѣсто сановникъ, тѣмъ болѣе у него должно быть свиты, конвоя и вообще пышности. Такъ что, напримѣръ, губернатору выѣзжаетъ не иначе, какъ въ сопровожденіи отряда войска—пѣхоты и кавалеріи. При выѣздахъ его изъ дома и возвращеніи домой, каждый разъ дѣлается по три выстрѣла изъ пушки, такъ что всѣ въ городѣ знаютъ, что губернаторъ выѣхалъ изъ дома. Эта же почестъ отдается и даоаямъ, если они имѣютъ пребываніе въ другихъ городахъ, а не въ томъ, гдѣ живетъ губернаторъ. Всякій чиновникъ имѣетъ право на вѣшнюю обстановку, сообразно со своимъ служебнымъ положеніемъ и рангомъ. По понятіямъ китайцевъ, если чиновникъ не имѣетъ этой вѣшней внушительной обстановки, то, значитъ, это маленькій, мало вліятельный чиновникъ. Въ виду этого, для европейскихъ дипломатовъ, служащихъ въ Китаѣ, извѣстнаго рода пышность обстановки, торжественность и внушительность выѣзда не роскошь и прихоть, а необходимость.

Въ своемъ домѣ, оно же и управленіе, въ своемъ ямынѣ китайскій чиновникъ живетъ отдѣленный отъ остального міра цѣлымъ рядомъ стѣнъ. Чтобы добраться до него, нужно пройти черезъ цѣлый рядъ мытарствъ. Масса слугъ, разныхъ чиновниковъ и переводчиковъ, которымъ приходится дать взятку, иначе не пропустятъ. А затѣмъ, когда и попадешь въ пріемную начальства, приходится долго, долго ждать, пока да-лойѣ (его высокородіе) или да-жень (его превосходительство) соизволитъ допустить просителя къ себѣ. Наконецъ, просителю удастся предстать предъ

свѣтлыя очи начальства; онъ долженъ стать на колѣни, на колѣняхъ же подползаетъ къ креслу, на которомъ возсѣдаетъ начальство, и, оставаясь въ такомъ положеніи, излагаетъ свое дѣло. При этомъ проситель долженъ именовать себя и своихъ близкихъ, если о нихъ упоминаетъ, уничижительными именами, въ родѣ того, что «я, твой гадкій, низкій слуга, мои презрѣнные братья и т. д.». Вся эта уничижительная процедура не можетъ не возмущать европейца, привыкшаго къ другому обращенію съ людьми. Однако, на китайцевъ такое униженіе не производитъ никакого впечатлѣнія; они къ этому издавна такъ привыкли, что не находятъ ничего страннаго и унижающаго человѣческое достоинство, считая это нормальнымъ явленіемъ.

Но самое большое зло китайской администраціи это—взяточничество. И зло это, при теперешнемъ строѣ и порядкахъ Срединной имперіи, не можетъ быть даже и уничижено, если бы даже высшая китайская администрація этого и желала искренно, въ чемъ, впрочемъ, позволительно очень и очень сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что китайскіе чиновники очень плохо обезпечены правительствомъ; они получаютъ очень небольшое жалованье, не имѣютъ пенсій и, кромѣ того, назначаются на мѣсто на короткій срокъ, обычно на три года, а затѣмъ должны вновь хлопотать объ оставленіи на томъ же мѣстѣ или о новомъ назначеніи. При этихъ условіяхъ, чиновнику поневолѣ приходится такъ или иначе обезпечивать себя матеріально, чтобы не остаться безъ куска хлѣба, а чѣмъ другимъ обезпечить себя китайскому чиновнику, какъ не, такъ называемыми, безгрѣшными доходами, то-есть попросту взятками. Другая причина этого зла—всеобщаго взяточничества китайской администраціи—это продажа чиновъ, мѣстъ и должностей за деньги. Нерѣдко бываетъ, что само правительство продаетъ чины и должности, когда оно нуждается въ деньгахъ на какіе-либо особенные расходы. Затѣмъ, продажа мѣстъ постоянно совершается почти всѣми сановниками, отъ которыхъ зависитъ назначеніе на должности. Какой бы

ни былъ способный чиновникъ, безъ денегъ онъ не можетъ получить ничего. И стоитъ это очень дорого; стоимость мѣста находится въ зависимости отъ того, насколько доходное мѣсто покупается. Въ Западномъ Китаѣ считаются особенно доходными мѣста въ Китайскомъ Туркестанѣ. Тамъ чиновники наживаютъ хорошія деньги, и потому, чтобы получить тамъ мѣсто, кандидатъ приходится уплатить, кому слѣдуетъ, солидную сумму.

А платить нужно всѣмъ, отъ кого такъ или иначе можетъ зависѣть судьба назначенія. Но такъ какъ у кандидатовъ на должности денегъ часто не бываетъ или бываетъ очень мало, то существуютъ цѣлыя частныя компаніи, которыя даютъ деньги въ долгъ на покупку должностей, берутъ обязательства и, затѣмъ, получаютъ свое, когда должникъ наживаетъ нужную сумму на купленномъ имъ мѣстѣ. Для болѣе вѣрнаго обезпеченія возврата такой ссуды, кредиторы нерѣдко прикомандировываютъ къ получившему ссуду чиновнику свое довѣренное лицо, въ качествѣ секретаря, который и слѣдитъ за исправнымъ поступленіемъ платежей по ссудѣ. Секретари эти бываютъ, обычно, изъ дѣльцовъ, хорошо знающихъ служебное дѣло, очень часто гораздо лучше, чѣмъ тотъ, при комъ они состоятъ, и потому держатъ должниковъ въ рукахъ и распоряжаются въ управленіи, какъ имъ угодно. Чиновникъ посылается на свой постъ, обычно, на небольшой срокъ и потому, какъ онъ долженъ стараться, чтобы набрать достаточную сумму денегъ на погашеніе ссуды, а затѣмъ спешитъ еще кой-что и на будущее. Въ виду этого, ни одно дѣло безъ денегъ не рѣшается; а кромѣ того, еще само начальство старается возбуждать и раздувать дѣла. Самый обыкновенный для этого приемъ слѣдующій: какъ только новый начальникъ пріѣзжаетъ на мѣсто своей службы, черезъ довѣренныхъ лицъ онъ старается разузнать, нѣтъ ли среди населенія какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ, тяжбъ или недоразумѣній. Такія недоразумѣнія всего чаще бываютъ изъ-за земли, а въ Западномъ Китаѣ изъ-за пользованія водой для оро-

шения полей. Получив нужные сведения, начальство дает знать одной из сторон, что если эта сторона возбудит дело и даст соответствующее вознаграждение, то дело будет решено в ее пользу. Бывает иногда, что такое заманчивое предложение все-таки не соблазняет заинтересованное лицо, которое, зная китайские порядки, предпочитает устраивать дело как-нибудь своими средствами. Но чаще клиенты попадают на эту удочку и начинается дело. Противная сторона тоже дает выátku и тому же начальству, и дело затягивается до тех пор, пока у сторон есть желание платить, а иногда и до ухода хитрого администратора с места. Что такие факты нередкое в Китае явление, это видно из того, что они нередко упоминаются в пекинской официальной газете — «Цзинь-бао» — в помещаемых там откладах и указах. А если они попадают в «Цзинь-бао», то значит, что злоупотребления достигают больших размеров, так как только в этом случае китайское правительство, относящееся к злоупотреблениям чиновников довольно равнодушно, обращает на них свое внимание. Попадают, конечно, и в Китае такие честные чиновники, которые взяток не берут, но это величайшая редкость, своего рода подвиг, и о таких лицах слагаются в народы целые легенды, в роду арабских сказок; память о них живет долгие и долгие годы.

В китайской правительственной организации последовательно проведен принцип соединения в одном лице власти административной и судебной, так что каждый провинциальный администратор является в то же время и судьей. Только территориальный объем этой власти различен, распространяясь у каждого администратора на тот район, в пределах которого действует его административная власть.

Как в области административной, так и судебной предполагается, что власти действуют на основании зако-

нов. Но если у нас случается, что законодательство отстает от жизни, то у китайцев оно движется еще медленнее. Отсталость китайского законодательства особенно сильно проявляется теперь, с проникновением всюду в Китай иностранцев. Возникает на практикѣ масса таких отношений, которые и не снились китайским законодателям. За отсутствием законов, стараются действовать по прежним примѣрам, подгоняя эти примѣры къ данному случаю, большей частью искусственно, и находя аналогію там, гдѣ ея, въ дѣйствительности, и нѣтъ. А если подходящаго прецедента не находится, то начинаются запросы отъ низшихъ къ высшимъ, и въ высшемъ учрежденіи новый случай какъ-нибудь подгоняется къ дѣйствующему закону, а то и къ прежнему, уже забытому. Не къ этому приему низшія власти стараются прибѣгать возможно рѣже, чтобы поменьше беспокоить начальство, да и начальство подобныхъ запросовъ не любитъ. Это даетъ, на практикѣ, большую самостоятельность мѣстнымъ властямъ, тѣмъ болѣе, что и вообще принципъ децентрализаціи проведенъ очень послѣдовательно въ китайской правительственной системѣ. Несмотря, однако, на это, несмотря на большую самостоятельность китайскихъ администраторовъ разныхъ степеней, китайская административная машина дѣйствуетъ крайне медленно. Прежде всего, китайцы не цѣнятъ времени; для китайца время не деньги, и потому съ нашей точки зрѣнія кажется, что каждое дѣло въ китайскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ тянется безконечно медленно. Но китайцы находятъ это вполне естественнымъ и, наоборотъ, всякую поспѣшность въ казенныхъ дѣлахъ и торопливость нашли бы чѣмъ-то легкомысленнымъ. Европейская быстрота дѣйствій, эта нервность работы кажется китайцамъ совершенно чуждой и непонятной. Бумажное производство, однако, у китайцевъ развито гораздо менѣе, чѣмъ у насъ. Китайцы смотрятъ на всякую официальную бумагу, какъ на нѣчто очень важное, и потому пишутъ и посылаютъ бумаги только въ болѣе серьезныхъ случаяхъ.

Китайский чиновник старается сначала выяснить дело устно, а потом, когда вопрос выяснен достаточно, то он пишет бумагу, так сказать, закрепляет на письме результаты предыдущих устных переговоров и разъяснений. Все это делается, конечно, в том случае, если, по условиям места и времени, это возможно. Такой порядок, как мне приходилось не раз убедиться в моей консульской деятельности, имет за собой много хорошего, если только это воздержание от писания бумаг не переходит известную границу; а у китайцев, боясь выпустить официальную бумагу доходить иногда до утрировки. Прежде чем принять серьезно обсуждается между подержащими чиновниками; затем составляется проект бумаги, несколько раз поправляется; потом подписывается всеми чиновниками, участвовавшими в обсуждении, и тогда только идет в переписку. К переписанному, окончательному экземпляру прикладывается начальником учреждения печать, и тогда только бумага отсылается. Подписей на китайских официальных бумагах не полагается; их заменяет приложение печати. Вся эта процедура, разумеется, требует массу времени, и потому, обычное явление, что самая обыкновенная бумага находится в период составления недлю и болше. Все это ужасно затягивает производство и возмущает иностранцев, которым приходится имть дело с китайскими ямнями—правительственными учреждениями. К счастью, сами китайцы не любят переписки, стараются всё дело по возможности кончать устно, что несколько ускоряет и упрощает дело.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отличіе китайской юстиці отъ европейской.—Жестокій характеръ китайскаго уголовнаго кодекса.—Уголовный процесс.—Обязательность сознанія обвиняемаго.—Средства принужденія—пыткі.—Отсутствіе отдѣльнаго предварительнаго слѣдствія.—Порядокъ разбора дѣла и обстановка судебного засѣданія.—Исполненіе приговоровъ.—Отсутствіе апелляціоннаго и кассаціоннаго производствъ.—Недостатокъ гражданскихъ законовъ.—Обычное право, замѣняющее ихъ.—Разборъ гражданскихъ дѣлъ въ порядкѣ уголовномъ.—Разборъ дѣлъ у мусульманахъ.

Если въ сферѣ административной Китай значительно отличается отъ государствъ европейской культуры, то въ области судебной эта разница громадна, она поражаетъ европейца. Это относится какъ къ процессу уголовному, такъ и гражданскому.

Въ европейской уголовной юстиціи нашли выраженіе гуманные идеалы христіанства. Китайскій же судъ и законы именно и отличаются крайнимъ и логическимъ развитіемъ начала противоположнаго. Китайскій судъ отличается своей неумолимой жестокостью. Китайскій уголовный кодексъ самой низшей мѣрой наказанія считаетъ тюремное заключеніе, а самой высшей—смертную казнь, при томъ самыми мучительными способами. По китайскимъ законамъ, смертная казнь полагается за очень многія преступленія. У насъ же смертная казнь почти совсѣмъ вышла изъ употребленія, а тю-

ремное заключение считается уже серьезным наказанием. У китайцев тюремное заключение признается легким наказанием и потому всегда соединяется с каким-нибудь телесным наказанием, как, например, прикованием къ цепи, надвѣяніем колодокъ и т. д. Главную роль въ системѣ уголовныхъ китайскихъ наказаній, вообще, играютъ наказанія телесныя, членоредительство, а смертная казнь примѣняется въ самыхъ разнообразныхъ уточенно-жестокихъ формахъ, какъ, напримеръ, четвертованіе, разрываніе живого человѣка на части, перепиливаніе и т. д. Жестоки и болѣе легкіе виды наказаній у китайцевъ, которые примѣняются постоянно. Таково, напримеръ, наказаніе надвѣяніемъ канги. Такъ называется тяжелая доска, до полутора пуда вѣсомъ, съ отверстіемъ по срединѣ, которая надвѣяется на шею преступнику и затѣмъ запирается, чтобы онъ не могъ ее снять. Такую доску надвѣваютъ на разные сроки, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помимо того, что канга все время давитъ на плечи и стираетъ кожу, носитель канги совсѣмъ не можетъ прилечь, чтобы заснуть, такъ какъ размѣры доски шире плечъ и потому доска сдѣлать это не позволяетъ, такъ что все время несчастный преступникъ долженъ сидѣть въ полусидячемъ положеніи. Наказанные надвѣяніемъ канги днемъ иногда выпускаются изъ тюрьмы на улицу, такъ что въ китайскихъ городахъ нерѣдко можно встрѣчать эти странныя фигуры съ доской на шеѣ; китайцы на это не обращаютъ вниманія и никого это не трогаетъ. Затѣмъ еще болѣе тяжелое наказаніе это—заключеніе въ клѣтку, при чемъ голова преступника выставляется въ отверстіе въ крышкѣ клѣтки, такъ что онъ не имѣетъ возможности ни сидѣть, ни лежать, а все время долженъ стоять. Наказаніе вѣлками считается легкимъ, и китайцы выносятъ на своей спинѣ сотни и даже тысячи палочныхъ ударовъ. Конечно, подвергнутый такой экзекуціи представляеть изъ себя потомъ избитый и изорванный кусокъ мяса, но китайцы сносятъ и это. Жестокость уголовныхъ наказаній

цѣли, однако, не достигается, и число преступленій отъ того нисколько не уменьшается.

Самый уголовный процесс у китайцевъ носитъ розыскной характеръ и стремится добиться сознанія обвиняемаго, во что бы то ни стало. Безъ этого сознанія не можетъ быть постановленъ обвинительный приговоръ, хотя бы другими доказательствами вина его и была бы вполне ясно доказана. Свидѣтельскія показанія и другія улики въ уголовномъ процессѣ, хотя и играютъ роль, но рѣшающаго значенія въ дѣлѣ не имѣютъ, то-есть совершенно наоборотъ, чѣмъ у насъ. Но такъ какъ сознанія добиться часто невозможно, то прибѣгаютъ къ дыткамъ, и по части изобрѣтательности въ этомъ отношеніи китайцы не уступятъ нашимъ прежнимъ застѣвкамъ и средневѣковымъ пыткамъ инквизиціи. Такой старый народъ, какъ китайцы, за свою долгую исторію сумѣли дойти и въ жестокостяхъ до крайнихъ мѣръ и выводовъ. При этомъ, пытаются не только подозрѣваемаго или обвиняемаго въ преступленіи, но нерѣдко и свидѣтелей, чтобы добиться отъ нихъ правдиваго показанія, такъ какъ, по китайскому понятію, если не бить ихъ, то не скажутъ правды. Жестокая юстиція! Нѣтъ ничего удивительнаго, что китайцы бѣгутъ отъ суда, какъ отъ чумы. Свидѣтели факта отрицаютъ, что они что-нибудь знаютъ по дѣлу, всѣми мѣрами уклоняются отъ дачи показаній, и потому нерѣдко приходится доставлять свидѣтелей въ судъ приводомъ; а сами потерпѣвшіе предпочитаютъ все снести, чѣмъ идти съ жалобой къ начальству. Такъ какъ въ китайскомъ судѣ все направлено къ тому, чтобы добиться сознанія обвиняемаго, и для этого всѣ средства, даже самыя жестокия, дозволены, то иногда бываетъ, что человѣкъ совершенно невинный сознается въ такомъ преступленіи, котораго никогда не совершалъ. Сознаніе обвиняемаго, однако, не имѣетъ почти никакого вліянія на мѣру наказанія; оно все равно приводится въ исполненіе по закону.

Но такой порядокъ разбора дѣлъ примѣняется въ томъ случаѣ, когда обвиняемый или подозрѣваемый извѣстенъ и

задержаны. Если же виновный неизвестен, или успѣлъ скрыться, то дѣло значительно усложняется, особенно въ случаѣ преступлений болѣе важныхъ, какъ, напримѣръ, убійство, грабежъ, разбой, поджогъ и т. д. Объ этихъ преступленияхъ уѣздная власть, по закону, должны увѣдомлять высшую власть—давая, а послѣдній доносить губернатору, и высшія власти обязаны требовать, чтобы преступники были разысканы и наказаны, т. е. чтобы ни одно преступленіе не оставалось безнаказаннымъ. Обычно, начальствомъ назначается даже срокъ, въ теченіе котораго преступникъ долженъ быть разысканъ. Требованіе это, большей частью, сопровождается угрозой лишенія чина, а иногда даже и мѣста того мѣстнаго начальника, который не разыщетъ преступника. Тутъ ужъ принимаются самыя энергичныя мѣры—и угрозы и обѣщанія награды за содѣяніе, а когда и это дѣлу не помогаетъ, то, попросту, арестуютъ родственниковъ, друзей, сосѣдей скрывшагося преступника, подвергаютъ ихъ пыткамъ и такимъ способомъ добиваются или ареста обвиняемаго или вынужденнаго признанія кого-либо изъ его родственниковъ, что для высшей власти безразлично, лишь бы былъ найденъ виновный. А иногда бываетъ и такъ, что по особо важному преступленію нанимаютъ преступника, виновнаго въ какомъ-либо другомъ преступленіи, за которое все равно полагается смертная казнь, обезпечиваютъ его семью, онъ принимаетъ на себя вину и несетъ наказаніе за такое преступленіе, въ которомъ совсѣмъ не виновенъ. Такъ это нерѣдко дѣлалось и дѣлается въ случаяхъ нападенія на европейцевъ, особенно миссіонеровъ. Такимъ образомъ, требованіе начальства бываетъ исполнено, а подлежащая низшая власть сохраняетъ свое мѣсто и положеніе на службѣ.

Отдѣльнаго предварительнаго слѣдствія у китайцевъ не существуетъ; оно сливается съ судебнымъ слѣдствіемъ. Существуетъ только дознаніе, производимое низшими служащими, большей частью полицейскими чинами или старшинами—сянѣ, но дознаніе это существеннаго вліянія на

ходъ дѣла не имѣетъ. Всѣ тѣ судебныя дѣйствія, которыя у насъ подпадаютъ подъ понятіе слѣдствія предварительнаго, въ Китаѣ входятъ въ составъ судебного слѣдствія, какимъ бы пространствомъ и временемъ они не были отдѣлены одно отъ другого. Всѣ показанія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ записываются секретаремъ въ протоколъ. Не записывается только, кто и какимъ подвергнулся пыткамъ. Собранный такимъ образомъ матеріалъ и служитъ основаніемъ для постановленія приговора по дѣлу. Но приговоръ объявляется подсудимому не раньше, какъ передъ самымъ его исполненіемъ, такъ что подсудимый можетъ не знать до самаго этого момента, какая ему предстоитъ участь.

Всѣ дѣла, какой бы важности они ни были, разбираетъ и рѣшаетъ одинъ судья, единолично. Только протоколъ ведетъ секретарь, который вообще имѣетъ громадное вліяніе на ходъ дѣла. Секретарь часто, собственно, и разбираетъ и рѣшаетъ дѣло, такъ какъ очень нерѣдко самъ судья—уѣздный или другой начальникъ—законовъ совсѣмъ не знаетъ. Такъ какъ приговоръ постановляется и излагается не во время судебного засѣданія, а послѣ, въ канцелярии, то вліянію секретаря представляется полный просторъ. Нерѣдко случается, что и въ судебномъ засѣданіи весь допросъ ведетъ секретарь, а самъ судья сидитъ и слушаетъ, хотя, по закону, такой порядокъ и не допускается.

Обстановка судебного засѣданія внушительная. Судья и его секретарь сидятъ на возвышеніи, около нихъ атрибуты власти, какъ стрѣлы, аллебарды и прочее. Передъ судебскимъ столомъ на голой землѣ, на колыняхъ стоятъ участвующія въ дѣлѣ лица. Подсудимый находится впереди всѣхъ, связанной и окруженной стражей. Если неприятное впечатлѣніе производитъ на свѣжаго человѣка, незнакомаго съ китайскими порядками, вообще, видъ колѣнопреклоненныхъ передъ судомъ людей, то еще болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ видъ подсудимаго, который

является въ растерзанномъ видѣ, съ растрепанными, отросшими волосами, въ рваной, грязной одеждѣ, нерѣдко со слѣдами пытокъ на тѣлѣ, окровавленный, еле держащійся на ногахъ. Сердце сжимается при видѣ этого несчастнаго, иногда ни въ чемъ даже и невиноватаго. Китайцы, однако, остаются къ этому совершенно равнодушны. Не трогаютъ ихъ и стоны и крики пытаемыхъ людей, что производится и во время самаго засѣданія, большей частью гдѣ-нибудь поблизости, а иногда тутъ же на судебномъ дворѣ, въ присутствіи судьи и другихъ лицъ. Судья ждетъ спокойно, пока мучать преступника, а потомъ тотчасъ же возобновляетъ свой допросъ. Постороннія лица, присутствующія при всемъ этомъ, не выражаютъ ни сочувствія страдающему, ни негодованія по поводу жестокости; такъ жестоко чуютъ сердце жестокія публичныя наказанія.

Засѣданія китайскаго суда могутъ быть названы гласными, публичными, такъ какъ не воспрещается никому приходить на дворъ ямыня, гдѣ производится судъ, и слушать и видѣть, что тамъ дѣлается и говорится. Есть дѣла, которыя признаются властями почему-либо особенно важными и секретными; тогда разборъ ихъ производится въ какомъ-нибудь изъ внутреннихъ помѣщеній, келейно. Но, большей частью, разборъ дѣла производится во дворѣ ямыня-учрежденія, при чемъ самъ судья сидитъ подъ навѣсомъ надъ воротами, ведущими во внутреннія помѣщенія, а прикосновенныя къ дѣлу лица стоятъ передъ этимъ помѣщеніемъ подъ открытымъ небомъ, въ какую бы это погоду ни происходило. Несмотря на публичность засѣданій, охотниковъ присутствовать на нихъ находится немного. Зрителями бываютъ только вызванные по другимъ дѣламъ, да просители, которымъ поневолѣ приходится быть публичной на судебномъ засѣданіи.

Наказаніе, въ случаѣ преступленій менѣе важныхъ, гдѣ не полагается смертной казни, приводится въ исполненіе, обыкновенно, по изготовленіи приговора, хотя, конечно, можетъ быть и откладываемо, такъ какъ никакихъ указа-

ній на то въ законѣ нѣтъ. Если налагается тюремное заключеніе или какое-нибудь тѣлесное наказаніе, то пытки, которымъ подвергался преступникъ, и время, проведенное въ тюрьмѣ до суда, во вниманіе не принимаются.

Въ случаяхъ же болѣе важныхъ преступленій, когда полагается смертная казнь, приговоръ немедленно не приводится въ исполненіе, а все дѣло представляется на ревізію въ высшую инстанцію; смертный приговоръ утверждается уже губернаторомъ. Бываютъ случаи, правда, немногочисленные, когда смертный приговоръ представляется боддохану, но лишь съ дѣльною его отмѣной, такъ какъ самъ губернаторъ не имѣетъ права отмѣнять смертныхъ приговоровъ, когда по закону за то или другое преступленіе назначена смертная казнь. Въ этомъ случаѣ, въ Пекинѣ, въ министерствѣ юстиціи, составляется особый списокъ осужденныхъ на смертную казнь по всей имперіи, подносится императору, и онъ совершенно случайно отмѣчаетъ въ немъ красными кружками нѣкоторыхъ лицъ, которыя должны быть помилованы.

Ни апелляціоннаго, ни кассачіоннаго производства, въ нашемъ смыслѣ, китайскіе судебные уставы не знаютъ. По закону, ни потерпѣвшій, ни осужденный не имѣютъ права обжаловать рѣшенія, которое казалось бы имъ неправильнымъ, въ виду неисполненія закона, или нарушающимъ ихъ интересы. Дѣла по преступленіямъ, за которыя полагается смертная казнь, передаются въ высшую инстанцію для ревізій, независимо отъ того, правильно они рѣшены, или нѣтъ; и, конечно, высшая инстанція можетъ отмѣнить кажущійся ей несправедливымъ приговоръ; но стороны требовать этого пересмотра не могутъ. За сторонами и другими, прикосновенными къ дѣлу, лицами остается принадлежющее всему населенію право жаловаться высшему начальству на беззаконныя дѣйствія, вообще, того или другого мѣстнаго администратора, въ томъ числѣ и по судебной части. Человѣкъ съ хорошими средствами или связями въ чиновномъ мѣрѣ, разумѣется, можетъ добиться наказа-

нія несправедливаго чиновника; но въ частномъ случаѣ, по отношенію къ данному дѣлу, если преступленіе, о которомъ идетъ дѣло, не влечетъ за собой смертнаго приговора, толку отъ этихъ жалобъ не бываетъ никакого. Неправильно осужденный успѣваетъ отбыть свое наказаніе, такъ какъ, пока идетъ переписка по жалобѣ, пройдетъ достаточно времени, а исполненіе приговора подачей жалобы не останавливается, и только въ случаѣ смертныхъ приговоровъ, которые идутъ на утвержденіе къ губернатору, въ благоприятномъ случаѣ можно еще, хотя и рѣдко, добиться перерушенія дѣла и отмены несправедливаго приговора.

Что касается дѣлъ гражданскихъ, то нужно сказать, что гражданскіе законы въ Китаѣ находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Въ Китаѣ существуетъ, въ видѣ писаннаго закона, только право вѣчное и то далеко не разработанное; права же семейнаго и обязательственнаго, которое уже съ давняго времени получило такое развитіе въ Европѣ, въ Китаѣ официально какъ бы не существуетъ. И въ сферѣ права вещнаго значительнаго развитія достигло только право владѣнія недвижимостью, именно право владѣнія землею и жилыми зданіями. Законы о правѣ собственности на землю были вызваны къ жизни интересами фиска. Объектомъ обложенія въ пользу казны всегда служила въ Китаѣ земля, и для того, чтобы опредѣлить, кто, сколько и на какомъ основаніи долженъ платить за землю налоговъ государству, самому же государству было важно установить на прочномъ основаніи права отдѣльнаго хозяина на землю. Изъ этой-то потребности государства и вытекло довольно обстоятельное законодательство относительно права на вещь, именно права на землю, а отчасти и вообще на недвижимость.

Всякій китаецъ, владѣющій кускомъ земли на правѣ собственности, имѣетъ отъ правительства документъ на владѣніе этой землей по-китайски чжи-чжао. На основаніи этого документа онъ платитъ въ казну соответствующіе налоги, имѣетъ право продать, подарить свою землю или

вообще распорядиться ею, какъ ему угодно. Только онъ не имѣетъ права продавать землю иностранцамъ, это можетъ быть сдѣлано только съ разрѣшенія властей, которыя очень неохотно даютъ свое согласіе на такую продажу. Для того, чтобы фактъ продажи земли китаецемъ китайцу признавался государствомъ, необходимо каждый разъ сообщать о томъ подлежащему уѣздному начальнику, который дѣлаетъ отмѣтку въ книгахъ, хранящихся въ его управленіи, а также и на самомъ документѣ, чжи-чжао, или, въ особыхъ случаяхъ, выдаетъ и новый документъ, отбирая прежній. Для защиты своего права собственности китайскій подданный имѣетъ право обращаться къ властямъ, и власти, по закону, обязаны оказать ему надлежащее содѣйствіе.

Что же касается права семейственнаго и обязательственнаго, то китайское правительство не видѣло возможности извлекать какую-либо матеріальную пользу въ этой области, и потому не находило нужнымъ интересоваться имъ и дѣлать что-либо для его развитія и защиты. Но такъ какъ союзъ семейный въ Китаѣ, какъ и вездѣ, существуетъ, даже болѣе проченъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а затѣмъ, китаецъ, по самому своему характеру, народъ предприимчивый, промышленный и торговый то самой жизнью неизбѣжно должны были выработаться извѣстныя нормы права семейнаго и обязательственнаго, которыя и должны были войти въ жизненную практику. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Совершенно независимо отъ какого бы то ни было правительственнаго воздѣйствія и вмѣшательства, выработались въ Китаѣ опредѣленныя нормы, которыми и руководится населеніе, какъ установившимся обычаемъ. Есть у китаецей обычныя правила и относительно долговыхъ обязательствъ, и относительно залога недвижимости, и заклада движимостей, и покладаки, и поставки, и относительно наслѣдованія, и раздѣла имущества и т. д. Но все это существуетъ не въ видѣ писаннаго закона, а въ видѣ обычая, который, тѣмъ же менше, свято хранится и соблюдается въ тѣхъ кругахъ, гдѣ онъ можетъ находить свое примѣненіе. Особенно много

установившихся обычаев и правил в области коммерческой деятельности. Китайское правительство обычаями этими несколько не интересуется, власти их не знают, или, вѣрнѣе, не считают себя обязанными знать их, а вмѣстѣ и разбирать дѣла, возникающія изъ нарушенія этихъ обычаевъ, то-есть обычаевъ, касающихся правъ семейнаго и обязательственнаго. Но какъ нормы права гражданскаго, въ большей своей части, выработались практикой, помимо правительства, такъ и разбирательство дѣлъ, имѣющихъ въ основаніи эти обычаи, производится независимо отъ правительства и тоже по обычаю. Я уже говорилъ выше объ избираемыхъ торговыми обществами торговыхъ старшинахъ. Эти-то старшины и замѣняютъ для китайцевъ не существующіе у нихъ официально коммерческіе суды. Они, на основаніи обычаевъ, живымъ хранителемъ которыхъ является торговое общество, и разбираютъ дѣла между членами общества. Мелкія дѣла старшина разбираетъ единолично. Что же касается болѣе серьезные дѣла, то въ разборѣ участвуютъ наиболѣе почетные члены общества, указанные сторонами. По своему характеру, этотъ судъ можетъ быть уподобленъ нашему третейскому суду. Официальная власть въ деятельность коммерческаго суда не вмѣшиваются и никакого содѣйствія ему не оказываютъ; тѣмъ не менѣе, стороны безпрекословно исполняютъ его рѣшенія, такъ какъ, если бы кто-нибудь не пожелалъ исполнить рѣшенія, то ему нужно было бы прекратить дѣла въ данной мѣстности и уѣзжать: другіе купцы прекратятъ съ нимъ всякія дѣла. При изумительной солидарности китайскаго торговаго сословія, при силѣ традиціи и общественнаго мнѣнія, подвернуться такому остракизму не шуточное дѣло.

Что касается разбора дѣлъ лицъ, не принадлежащихъ къ торговому классу и не касающихся торговли, напримѣръ, земледѣльцевъ, то такія дѣла разбираются обыкновенно или старѣйшими рода, или почетными стариками селенія, или, наконецъ, иногда принимается участіе въ ихъ разбира-

тельствѣ и официальная власть деревни—сянь, если стороны пожелаютъ къ нему обратиться. И въ этой средѣ точно такъ же, какъ и въ торговой, лучшей гарантіей исполненія судебного постановленія является общественное мнѣніе. Какъ у судей—торговыхъ старшинъ, такъ и у другихъ частныхъ судей, все дѣло ведется устно; протоколовъ не пишется и самое рѣшеніе излагается на словахъ.

Итакъ, огромное большинство дѣлъ гражданскихъ разбирается въ Китаѣ частнымъ образомъ, не доходя до начальства. Но бываютъ случаи, когда и по гражданскимъ дѣламъ китайцы обращаются къ своимъ властямъ. Это, главнымъ образомъ, дѣла, касающіяся владѣнія недвижимостью. Затѣмъ, случается, что люди непорядочные обращаются къ властямъ по такимъ дѣламъ, относительно которыхъ они увѣрены, что въ народномъ судѣ они ничего не добьются, ввиду неосновательности исковъ. Власти за приличную взятку берутся разбирать такія жалобы и даже бываютъ очень рады случаю поживиться. Но отдѣльныхъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ у китайцевъ нѣтъ. Поэтому, къ разбору дѣлъ гражданскихъ примѣняются тѣ же процессуальные законы, правила и приемы, которые приняты при разборѣ дѣлъ уголовныхъ. Такъ, отѣтчика, свидѣтелей, а иногда и истца пытаются, если судья находитъ, что они не говорятъ правды. Затѣмъ, помимо возстановленія нарушеннаго права, виновную сторону почти всегда еще и наказываютъ, какъ за преступленіе. Но такъ какъ по гражданскимъ дѣламъ, и по-китайскому закону, наказаній не полагается, то наказание налагается по усмотрѣнію начальства, то-есть совершенно произвольно. Въ дѣлахъ гражданскихъ еще болѣе, чѣмъ въ уголовныхъ, взятка играетъ еще большую роль. Въ дѣлахъ уголовныхъ судья еще считаетъ себя обязаннымъ расслѣдовать дѣло, а въ дѣлахъ гражданскихъ онъ не признаетъ этой обязанности и дѣлаетъ какъ бы одоженіе сторонамъ, что разбираетъ дѣло; поэтому и считаетъ себя въ правѣ получать благодарность съ обѣихъ сторонъ, а особенно съ истца, кото-

рый рѣшился побезпокоить начальство своими дѣлами. Богатый и ловкій человекъ въ китайскомъ судѣ всегда выходитъ правымъ, а бѣдный проигрываетъ.

Въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, гдѣ очень много мусульманъ, почти всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ участвуютъ одни мусульмане, то-есть кашгарлыки, таранчи и дунгане, даже большая часть дѣлъ поземельныхъ, могутъ разбираться по обычаямъ и по мусульманскому шаригату муллами и старшинами — аксакалами, по-китайски сяньбѣ. Высшая администрація въ краѣ считаетъ себя некомпетентной въ дѣлахъ мусульманъ и очень благосклонно относится къ этому народному суду. И собственно говоря, мусульманамъ слѣдовало бы быть довольными этой самостоятельностью въ судебной области и ужъ никакъ не обращаться въ китайскіе суды, но кашгарлыки такъ любятъ судиться, что, не довольствуясь рѣшеніями своихъ религиозныхъ судовъ, массу дѣлъ, которыя отлично могли бы оканчиваться въ мусульманскомъ судѣ, переносятъ въ китайскіе ямыни, чѣмъ даютъ только случай наживаться китайскимъ чиновникамъ. Оттого-то мѣста въ Китайскомъ Туркестанѣ такъ и цѣнятся китайскими чиновниками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Общія условия земледѣльской культуры. — Искусственное орошеніе — арыки и карызы. — Трудность устройства карызей. — Влагодіятныя условия для земледѣнія въ Илійскомъ округѣ. — Сорта хлѣбныхъ злаковъ. — Обработка земли. — Огородничество и садоводство въ Илійскомъ округѣ.

Западный Застѣнный Китай представляетъ собой огромный, по своему пространству, край и, судя по картѣ, можно было бы думать, что онъ представляетъ неисчерпаемый источникъ земель для занятія всѣми отраслями сельскаго хозяйства; а жаркое южное солнце даетъ столь необходимые для всякаго растенія свѣтъ и тепло. Однако, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, лишь десятая часть этого громаднаго пространства способна къ культурѣ и то, лишь при созданіи трудами самого человека особенныхъ, искусственныхъ для того условий. При обиліи солнца и земли, Западному Китаю не хватаетъ воды. За недостаткомъ этой животельной влаги, пропадаютъ безъ пользы громадныя площади плодородной земли, которая безъ орошенія ничего дать не можетъ. Это громадная страна, въ которой лишь отдѣльныя мѣста могутъ быть культивированы, и то при искусственномъ орошеніи. А такъ какъ для искусственного орошенія пользуются тамъ силой паденія воды, а уголъ паденія воды наибольшій въ горахъ или мѣстахъ, близкихъ къ горамъ, то и культурные участки бывають рас-

положены или тоже въ горахъ, или хотя и въ долинахъ, но въ сравнительно недалекомъ отъ горъ разстояніи. Обыкновенно, пашни и вообще культурные участки располагаются по теченію рѣкъ и рѣчекъ, водами которыхъ пользуются для орошенія.

Принятая въ краѣ система орошенія это арычная. Она состоитъ въ томъ, что въ горной рѣчкѣ, гдѣ-нибудь выше расположенъ пашень или орошаемаго участка земли, устраивается плотина, а нѣсколько выше этой плотины изъ русла рѣчки выводятся подъ угломъ къ теченію каналы, по-туркски арыки, которые и приводятся къ пашнямъ. Рѣчная вода, встрѣчая на пути препятствіе своей быстрой струи въ плотинѣ, направляется по арыкамъ, изъ которыхъ такимъ образомъ получаютъ маленькія рѣчки съ быстро текущей водой. Отъ этихъ главныхъ арыковъ отводятся по сторонамъ болѣе мелкіе арыки, по которымъ вода также направляется, благодаря плотинамъ въ главныхъ арыкахъ, и такъ далѣе, пока вода не дойдетъ до пашни, гдѣ посредствомъ запрудъ въ бороздахъ и разливается по пашнѣ. Вся суть дѣла умѣть ориентироваться въ мѣстности, опредѣлить естественные уклоны почвы, для чего нуженъ, при отсутствіи техническаго образованія, большой опытъ, иначе совершенно правильно, повидимому, устроенный арыкъ не будетъ дѣйствовать, вода по нему не пойдетъ. Населеніе Западнаго Китая, особенно сарты и дунгане, великіе ирригаторы. Нужда научила ихъ пользоваться водой для орошенія, и они, не имѣя никакого теоретическаго гидротехническаго образованія, устраиваютъ огромныя оросительныя системы съ большимъ успѣхомъ.

Но особенной сложностью и трудностью отличается оросительная система во многихъ мѣстахъ Китайскаго Туркестана, гдѣ надземныхъ проточныхъ водъ для орошенія бываетъ недостаточно. Это, такъ называемая, система карызей. Она состоитъ въ томъ, что вода для орошенія выводится изъ нѣдръ земли на поверхность. Для этого прежде всего по разнымъ признакамъ опредѣляется то мѣсто въ

землѣ, гдѣ можетъ быть источникъ воды. Въ этомъ дѣлѣ существуютъ специалисты, которые почти безошибочно умѣютъ найти такое мѣсто. Когда мѣсто выбрано, начинаютъ на томъ мѣстѣ рыть узкій колодець, глубина котораго доходитъ иногда до 50 саженъ, пока не достигнута водоносная слоя. Затѣмъ, саженяхъ въ пяти отъ этого роютъ другой такой же колодець; но этотъ уже оказывается менѣе глубокимъ, такъ какъ роется по уклону мѣстности ниже перваго. Потомъ роется третій и т. д., пока не дойдутъ до такого пункта, когда изъ послѣдняго колодца можно уже будетъ выводить воду въ надземный арыкъ. Всѣ эти колодцы соединяются между собой, такъ что образуется нѣчто въ родѣ трубы—подземнаго арыка, съ нѣкоторымъ уклономъ по направленію къ послѣднему колодцу; и по этому арыку-трубѣ вода начинаетъ течь изъ перваго колодца, гдѣ она была найдена, въ слѣдующіе, за послѣдній и, наконецъ, въ надземный арыкъ. Этотъ надземный арыкъ является главнымъ и изъ него уже идутъ развѣтвленія въ разныя стороны такъ же, какъ и въ обыкновенныхъ арыкахъ. Работа карызей стоитъ очень дорого, такъ какъ, помимо громаднаго труда, сопряжена съ большой опасностью для жизни людей, работающихъ въ колодцахъ: часто случаются обвалы, и ни одинъ карызъ не обходится безъ человѣческихъ жертвъ. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карызи даютъ жизнь всякой растительности и безусловно тамъ необходимы, то у мѣстныхъ жителей мусульманъ устройство новыхъ карызей и поправка старыхъ считается дѣломъ богоугоднымъ и нерѣдко богатые благочестивые люди, для спасенія своей души, устраиваютъ карызи и дарятъ ихъ своимъ сосѣдямъ.

Западный Застѣнный Китай настолько обширенъ, что нельзя дать общей характеристики земледѣльческаго промысла. Нѣкоторая разность климата, почвенныхъ условій и другихъ естественныхъ данныхъ всего болѣе сказывается въ разнообразіи продуктовъ сельско-хозяйственной промышленности, которые свойственны той или другой мѣстности.

сти. Значительная разница существует в этом отношении между Тарбагатаем и Илийской долиной, а еще большая — между Тарбагатаем и Восточным Туркестаном. Вездѣ и всюду безусловно общее только одно, это — искусственное орошение полей, садов и огородов да яркое солнце большую часть года.

Самым лучшим мѣстомъ во всемъ Западномъ Китаѣ, по условіямъ земледѣлія и вообще сельско-хозяйственного промысла, долженъ быть признанъ Илийскій округъ, или, какъ онъ у насъ называется въ Средней Азии, Кульдженскій край. Окруженный съ трехъ сторонъ — съ сѣвера, востока и юга — высокими горами, онъ защищенъ этими естественными стѣнами какъ отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, такъ и отъ засушающихъ вѣтровъ пустынь востока и юга. Эти же горные кряжи, въ своихъ вѣчныхъ снѣгахъ, даютъ начало массѣ рѣкъ и рѣчекъ, воды которыхъ и орошаютъ поля и сады Илийскаго округа. Въ Илиской долинѣ воды еще настолько много, что она использована для орошенія далеко не вся. Правая сторона рѣки Или вся почти питается водами многоводнаго Каша, изъ котораго проведенъ огромный главный арыкъ, тянущійся съ востока на западъ на сто слишкомъ верстъ. Арыкъ этотъ, начинаясь значительно восточнѣе города Кульджи, кончается западнѣе Стараго Суйдуна, гдѣ остатки его водъ и разбираются на пашни и огороды. Арыкъ этотъ очень старый, долго не поправлялся, такъ что въ послѣдніе годы совсѣмъ засорился и сталъ давать вдвое меньше воды, чѣмъ прежде; нѣсколько деревень, которыя пользовались для орошенія водами Кашскаго арыка, остались безъ воды. Это, наконецъ, заставило китайскихъ властей принять мѣры по расчисткѣ арыка. Въ 1904 году арыкъ, при содѣйствіи русскихъ поданныхъ таранчей, былъ очищенъ и приведенъ въ надлежащій видъ, такъ что воды вполне достаточно. Но и кромѣ водъ рѣки Каша, въ Илиской долинѣ еще много свободной воды, а еще болѣе земли, такъ что въ этомъ край можетъ прокормиться население въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ теперь.

Самой распространенной отраслью сельскаго хозяйства въ Илискомъ округѣ является, собственно, земледѣштво, то-есть посѣвъ хлѣбныхъ злаковъ. Сѣется въ Или пшевица, рисъ, ячмень, горохъ, просо, кунжутъ, горчица, макъ для опиума, трава люцерна, для корма скота, называемая русскими въ Средней Азии клеверомъ, и немного овса. Овесъ и ячмень сѣются обыкновенно въ предгорьяхъ большихъ хребтовъ, гдѣ выпадаетъ достаточно атмосферныхъ осадковъ и нѣтъ нужды въ искусственномъ орошеніи.

Обработка земли для посѣва хлѣбныхъ растений какъ у китайцевъ, такъ и у таранчей производится первобытнымъ способомъ и первобытными орудіями. Китайцы, такъ славящіеся своей земледѣльческой культурой на родинѣ, во Внутреннемъ Китаѣ, гдѣ земли мало, являясь въ богатый землей и водой Илискій край, бросаютъ свой ручной и въ то же время въ высшей степени тщательный способъ обработки земли и переходятъ къ мѣстному первобытному и небрежному. Земли такъ много и родить она такъ обильно, что они находятъ излишнимъ нести тотъ каторжный трудъ по обработкѣ земли, какой они несли на своей родинѣ. Орудіе это первобытная соха, представляющая изъ себя заостренный обрубокъ дерева, острый конецъ котораго оканчивъ желѣзомъ, затѣмъ, обрубокъ этотъ прикрѣпленъ къ дышлу, къ которому припрягаются быки или лошади, и вотъ илискій плугъ и готовъ. Такая соха не пропахиваетъ почвы, а только ковыряетъ ее, да и то не глубоко. Послѣ пашни остается масса цѣлины, сохой не тронутыхъ. Единственно, что изъ хлѣбныхъ растений китайцы обрабатываютъ хорошо, такъ это рисовая поля, но и то по необходимости, потому что иначе рисъ совсѣмъ не будетъ родиться. Культура риса требуетъ цѣлаго ряда тщательныхъ работъ, безъ которыхъ ничего не можетъ выйти. Впрочемъ, риса въ Илискомъ округѣ сѣется немного и илискій рисъ невысокаго качества. Несмотря на плохую и небрежную обработку земли, условія земледѣльческаго промысла въ Илиской долинѣ настолько благоприятны, что

урожаи получаются очень хорошие. У меня есть свидетели об урожае в Илийском округе в 1904 году, когда урожай был средний, и вот, что мы видим: пшеница яровая уродилась сама пятнадцатая, овес и ячмень то же самое, кунжут—около того, просо само семнадцатое, рис—самый двадцатый, горох—самый девятый, горчица—сама пятнадцатая.

Хороший доход дают маковые поля, которые, поэтому, и обрабатываются китайцами особенно тщательно. Мак сбывается для приготовления опиума, а китайцы страстные курильщики опиума, и в настоящее время, можно без преувеличения это сказать, опиум для китайца является самым необходимым продуктом после хлеба; курить и женщины и даже иногда и дети. Поэтому, опиум всегда в хорошей цене, и китаец, в виду этого, особенно старательно воздвывает участок, занятый маком. Илийский опиум по своим хорошим качествам славится даже во Внутреннем Китае. В последнее время посевы мака в Или принимают все большие и большие размеры, около селений и городов вытесняя даже хлебные злаки. Китаец настолько дорожит маком, что он старается посеять такое ценное растение поближе к своему дому, чтобы больше иметь его под глазами и больше иметь возможности заниматься им. В период цветения мака, во второй половине мая, всюду около китайских селений видишь громадные цветочные ковры мака, так что получается очень красивая картина. На этом роскошном фоне вредного растения полезны хлебные и кормовые растения, не отличающиеся, обычно, красотой своего цвета и листьев, положительно теряются, оправдывая лишь половицу, что не все то золото, что блестит.

Другая отрасль сельского хозяйства, которая при том поставлена гораздо лучше, чем земледелие, это—огородничество. Китайцы, в массе, обыкновенно питаются овощами, да и вообще у южных народов овощи—главный пищевой продукт, и потому всегда на юге спрос на

зелень громадный. Оттого и огородничество получило в Илийском округе особенно сильное развитие. Как хорошие огородники, отличаются китайцы и из китайцев выходы из Тяньцзиня. Они проявляют удивительное трудолюбие. Например, чтобы вырастить редиску и огурцы возможно раньше, они сеют их как только сойдет снег, и чтобы предохранить растение от холодных утренников, покрывают каждый кустик глиняным горшком на ночь и, таким образом, получают эти овощи очень рано, а еще удивительнее то, что и бешеных ценят за эти овощи они не спрашивают. За лето усердный огородник успевает собрать с своего огорода два и три урожая. Положим, и лето на юге гораздо длиннее нашего, но многое тут зависит и от трудолюбия и искусства самих китайцев.

Сорта овощей не разнообразны, так как и спрос не разнообразен. Садят огурцы, каштуну, китайскую и русскую, баклажаны, чеснок, красную перец, бобы, редьку, редиску и еще кой-какие овощи, требующиеся главным образом в китайской кухне. У таранчей и даже дунганей нет такого благоустройства огородов, как у китайцев, которые в этом отношении и в Кульдже оправдывают свою славу хороших сельских хозяев и земледельцев.

Могло бы процветать в Или садоводство, потому что естественные условия для этого вполне благоприятны. Во время русской оккупации Кульджи садоводство действительно стало успешно развиваться; появились высшие сорта разных фруктов, привезены были разные ягодные кусты, которых в Или раньше не было и, впрочем, усовершенствованное садоводство привилось бы в крае. Но ушли из Кульджи русские, и все дело погибло. Прежде всего, выселились почти все те лица, которые что-либо сдбляли по части улучшения садоводства; местные же жители—таранчи—этого дела совсем не усвоили, а затем, многие фруктовые сады, особенно около Суйдуна, которые

остались, были вырублены китайскими солдатами, желавшими уничтожить всё слѣды русскаго владычества въ краѣ. Впослѣдствіи китайскія власти спохватились, и подъ страхомъ смертной казни воспретили вырубать фруктовыя деревья, но было уже поздно: все, что было лучшаго, уже было уничтожено.

Въ настоящее время садоводство въ Или количественно увеличивается, но качественно нѣтъ. Высокихъ сортовъ фруктовъ очень мало и для расширенія ихъ культуры ровно ничего не дѣлается. Всѣ лучшіе сорта фруктовъ у русскихъ торговцевъ въ Кульджи, которые выписываютъ прививки изъ русскихъ предѣловъ, всего болѣе изъ пограничнаго города Джаркента. Въ Или прекрасно вырѣваютъ виноградъ, персики, абрикосы, сливы, вишни, яблоки, гречіе орѣхи, груши. Могли бы вырѣвать тамъ многіе высшіе сорта различныхъ фруктовъ, но для этого ровно ничего не дѣлается; поэтому илискіе фрукты и не разнообразны по своимъ сортамъ и, большей частью, по своимъ качествамъ далеко не перваго сорта. Произведенія садоводства изъ Илискаго округа вывозятся мало, всѣ потребляются на мѣстѣ, такъ что промышленнаго значенія эта отрасль сельскаго хозяйства, собственно говоря, не имѣетъ.

При русскомъ владычествѣ въ краѣ были сдѣланы опыты разведенія хлопка; опыты были удачны и можно было рассчитывать на упроченіе хлопководства въ округѣ, но съ уходомъ русскихъ все прекратилось. Также кончило свое существованіе и начавшееся было развиваться шелководство, такъ что въ настоящее время осталось въ населеніи только воспоминаніе, что когда-то эти отрасли сельскаго хозяйства въ Или существовали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Условия земледѣлія въ Китайскомъ Туркестанѣ. — Хлопководство. — Сдѣйствіе со стороны правительства. — Дѣятельность ирискскаго цандзюни. — Улучшеніе хлопковыхъ сѣмянъ и очистки хлопка. — Посѣвъ хлопка. — Шелководство. — Садоводство. — Качество фруктовъ. — Сельское хозяйство въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Тяньшани и въ Тарбатагай. — Скотоводство. — Дикая лошадь, оселъ, верблюды. — Отношеніе кочевниковъ къ скотоводческому промыслу.

Слѣдующее мѣсто, по условіямъ земледѣльческаго промысла, должно быть отведено Китайскому Туркестану. Культурная часть Китайскаго Туркестана представляетъ изъ себя рядъ оазисовъ, раздѣленныхъ между собой бесплодными пустынями. Но общія условія этого края, представляющаго изъ себя котловину, окруженную съ нѣсколькихъ сторонъ горами, настолько однообразно и постоянно дѣйствуютъ во всѣхъ этихъ оазисахъ, что, говоря о земледѣльческомъ промыслѣ вообще, съ полнымъ правомъ можно говорить обо всѣхъ оазисахъ вмѣстѣ.

Климатъ Восточнаго Туркестана очень жаркій; атмосферныхъ осадковъ, необходимыхъ для растительности, крайне недостаточно; при этомъ и проточной воды для орошенія тоже мало; поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится пользоваться подземной водой для орошенія посредствомъ карызей. Но тамъ, гдѣ можетъ быть устроено искусственное орошеніе, результаты получаются блестя-

ще. Жаркое солнце, подходящая почва и достаточное искусственное орошение, все самые благоприятные условия, дали возможность развиваться здесь культурѣ болѣе цѣнныхъ растений. Посѣвы хлѣбныхъ растений занимаютъ здѣсь второе мѣсто, а первое принадлежитъ хлопководству, шелководству и садоводству.

Хлопководство существовало въ Восточномъ Туркестанѣ съ незапамятныхъ временъ. Издавна также славилась въ Средней Азии хлопчатобумажная туркестанскія надѣля, известная подъ именемъ маты или дабы. Но мѣстныя китайскія власти, да и вообще китайское правительство, по своему обыкновенію, до послѣдняго времени не обращали никакого вниманія на состояніе и развитіе этой отрасли промышленности, ограничиваясь лишь исправнымъ получениемъ налоговъ съ хлопковыхъ плантацій. Но являясь среди китайской администраціи разумный и предприимчивый человѣкъ и отношеніе властей къ хлопководству стало измѣняться. Это былъ илійскій цзянцзюнь Ма. Возвращаясь въ 1901 г. изъ Пекина, чрезъ Хами и Турфанъ, изъ которыхъ послѣдній оазисъ особенно славится своимъ хлопкомъ, цзянцзюнь Ма обратилъ свое вниманіе на то, что условия для культуры хлопка въ Турфанѣ, да и вообще въ Восточномъ Туркестанѣ, благоприятныя, хлопка много, а по мѣстнымъ условиямъ, его можетъ производиться и болѣе, но сбывать его трудно и сбытъ организованъ плохо. Въ виду этого, онъ и рѣшилъ оказать свое содѣйствіе къ развитію и усовершенствованію этой отрасли сельско-хозяйственной промышленности, надѣясь, что это подниметъ и благосостояніе мѣстнаго населенія и доставитъ хорошій доходъ казнѣ. Не послѣднюю роль тутъ игралъ и личный интересъ цзянцзюня, возможность нажитыся; онъ увидѣлъ, что если принять участіе въ хлопковомъ дѣлѣ, то можно заработать тутъ немало. Эти-то соображенія и заставили его обратить вниманіе на это дѣло синьцзянскаго губернатора, которому онъ доказалъ выгоду отъ казны поощренія хлопкового дѣла. Губернаторъ принялъ это къ

свѣдѣнію и тогда же рѣшено было принять мѣры къ увеличенію посѣвовъ хлопка и къ увеличенію сбыта его въ Россію и Внутренній Китай. Тогда же былъ открытъ казенный банкъ въ Турфанѣ, съ цѣлью содѣйствія хлопковому дѣлу. Банкъ былъ открытъ съ небольшимъ капиталомъ, такъ какъ большихъ денегъ въ провинціальномъ казначействѣ не оказалось. Содѣйствіе банка выражается въ томъ, что банкъ выдаетъ желающимъ ссуды на расширение посѣвовъ хлопка, т.-е. на пріобрѣтеніе сѣмянъ, на аренду земли и на обработку. Высшій размѣръ ссуды одному лицу не болѣе 1000 ланъ. Процентовъ по 3 фына съ 1 лана въ мѣсяцъ; значить, 36% годовыхъ. По-нашему, процентъ, конечно, большой, но въ Китаѣ самый обычный и, потому, никто не возмущающій. Срокъ ссуды отъ 6 до 9 мѣсяцевъ.

Вскорѣ послѣ этого цзянцзюнь Ма и самъ принялъ участіе въ хлопковомъ дѣлѣ. Онъ вступилъ въ компанію съ одной богатой китайской фирмой, для скупки хлопка на мѣстѣ, въ Восточномъ Туркестанѣ, и сбыта его, всего болѣе, въ Россію. Кромѣ того, вмѣстѣ съ этой же фирмой основалъ частный банкъ для содѣйствія хлопководамъ. Дѣятельность казеннаго банка оказалась неудовлетворительной, да и услуги его стоили дорого. Этотъ частный банкъ такъ же, какъ и казенный, выдаетъ ссуды хлопководамъ на расширение посѣвовъ хлопка. Процентъ менше, чѣмъ въ казенномъ банкѣ, всего только 2 фына съ одного лана въ мѣсяцъ, т.-е. 24% годовыхъ. Въ обезпеченіе ссуды банкомъ берется у клиента документъ на владѣніе землею. Срокъ платежа 6, 9 и 10 мѣсяцевъ. Дается иногда и отсрочка, особенно, если дѣло прибыльное и надежное. Но предѣлы отсрочки точно не опредѣлены; все зависитъ отъ личности клиента и другихъ обстоятельствъ. Далѣе, банкъ выдаетъ также ссуды на покупку земли для хлопковыхъ плантацій. Срокъ этихъ ссудъ отъ 2 до 5 лѣтъ. Въ ссуду дается, если заемщикъ желаетъ, даже полная стоимость покупаемой земли. Сдѣлка на покупку земли, при содѣйствіи банка, свидѣтельствуется узвѣднымъ начальникомъ.

Кромѣ этихъ операций, банкъ даетъ ссуды хлопководамъ подѣ будущій урожай хлопка. Въ томъ случаѣ, когда дается ссуда подѣ будущій урожай, съ тѣмъ, чтобы хлопокъ этотъ поступилъ въ распоряженіе банка, то банкъ даетъ за хлопокъ только 78% его рыночной стоимости, а 22% удерживаетъ въ свою пользу, какъ процентъ по ссудѣ. Наконецъ, самъ банкъ покупаетъ за свой счетъ хлопокъ и перепродаетъ его большей частью русскимъ купцамъ, которые отправляютъ его въ русскіе предѣлы. Хлопокъ покупается банкомъ большей частью не очищенный. Для очистки хлопка банкъ имѣетъ заводъ, на которомъ очистка производится машиннымъ способомъ. Машины доставлены изъ Ташкента. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается дѣло расширить и поставить на болѣе прочную почву. Дѣятельность основаннаго цзянцзюнемъ банка приноситъ пользу хлопководству, такъ какъ содѣйствуетъ расширенію хлопковыхъ плантацій.

Высшая провинціальная администрація, кромѣ основанія банка, принимаетъ еще кой-какія мѣры для содѣйствія хлопководству. Такъ, въ 1904 году синьцзянскій губернаторъ послѣ поѣздки своей въ Восточный Туркестанъ для ревизіи, ассигновалъ 100000 ланъ на устройство новыхъ карызей. Когда эти карызы будутъ устроены, то предполагается воду этихъ карызей отдавать въ пользованіе за извѣстную плату хлопководамъ для орошенія плантацій. Первые карызы на эти деньги предполагается устроить въ Пичанскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ говорятъ, устраивать ихъ легче. Лукчунскій князь еще раньше выкопалъ нѣсколько карызей. Эти карызы тоже взяты въ казну и будутъ отдаваться въ аренду хлопководамъ. Лѣтомъ 1904 года были посланы изъ Урумчи въ Пичанскій уѣздъ два чиновника, которые должны сдѣлать описаніе земель, годныхъ для хлопковыхъ плантацій.

Вся эта дѣятельность провинціальной администраціи на пользу хлопководства явленіе совершенно случайное, необычное для китайскихъ администраторовъ и все, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, сдѣлано, благодаря синьцзянскому губернатору Пань. Это человекъ умный и для ки-

тайца очень просвѣщенный, кромѣ того, отлично знающій Западный край, гдѣ онъ провелъ большую часть своей службы. Съ уходомъ его, вѣроятно, и все его начинанія на пользу края погнубутъ, какъ это постоянно наблюдается въ Китаѣ при переѣвѣ администраторовъ. Цзянцзюнь Ма тоже можетъ скоро уйти, и тогда хлопковое дѣло, вѣроятно, будетъ предоставлено его собственнымъ силамъ. Банкъ же, основанный имъ, можетъ обратиться въ ростовщическое учрежденіе, служащее не къ пользѣ, а къ вреду клиентовъ.

До послѣдняго времени хлопокъ, получавшійся въ Китайскомъ Туркестанѣ, былъ невысокаго качества. По признанію нашихъ фабрикантовъ, онъ годится на выдѣлку только низшихъ сортовъ хлопчатобумажныхъ тканей и на подкладку. Отчего зависятъ невысокія качества туркестанскаго хлопка, точно не установлено. Вѣроятная причина—это плохіе мѣстные сѣмена хлопка, а затѣмъ плохая его очистка ручнымъ способомъ. Но то и другое препятствіе къ улучшенію сорта туркестанскаго хлопка могутъ быть постепенно устранены. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ турфанскіе сарты, ѣздившіе на поклоненіе въ Мекку, привезли съ собой немного сѣмянъ американскаго хлопка, которыя постепенно теперь распространяются между хлопководами. Въ Кашгарѣ отдѣленіе Русско-китайскаго банка также выисало значительное количество сѣмянъ американскаго хлопка и раздаетъ ихъ населенію даромъ. Результаты посѣновъ американскаго хлопка въ большинствѣ мѣстностей прекрасные, особенно тамъ, гдѣ жарче и не бываетъ раннихъ заморозковъ; такъ это, напримѣръ, наблюдается въ турфанскомъ районѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ къ югу отъ Кашгара, т.-е. Хотанѣ, Яркендѣ и т. д. Въ Кашгарѣ хлопокъ даетъ хорошій ростъ, но не дозрѣваетъ. Начинаясь появляться и машины для очистки хлопка¹⁾,

¹⁾ Въ Турфанѣ существуетъ 6 хлопкоочистительныхъ заводовъ, два изъ нихъ принадлежатъ русскимъ подданнымъ, и къ употребленію до тысячи ручныхъ машинъ.

хотя пока замѣтнаго улучшенія хлопка при очисткѣ машинами не замѣчается, такъ какъ мѣстные жители не умѣютъ обращаться съ машинами; но это дѣло, несомнѣнно, наладится. Такъ, представитель русской фирмы «Коконитъ» и Басовъ открыли въ Турфанѣ хлопкоочистительный заводъ, гдѣ хлопокъ очищается машинами, рабоче опытные. По ходатайству и благодаря стараніямъ управлявшаго консульствомъ въ Урумчи А. П. Кохановскаго, въ минувшемъ году отведено мѣсто для постройки этого завода, и губернаторъ приказалъ турфанскимъ властямъ оказывать всякое содѣйствіе управляющему заводомъ. Администрація завода также предполагаетъ распространять среди населенія сѣмена американскаго хлопка.

Хлопокъ сѣютъ большей частью на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше была посеяна пшеница или ячмень. Хлѣбъ сѣютъ въ октябрѣ, снимаютъ въ началѣ мая, а затѣмъ сѣютъ хлопокъ. На новыхъ мѣстахъ хлопокъ сѣютъ раньше. Люди состоятельные удобряютъ почву, предназначенную для посева хлопка, землей, взятой изъ озеръ. Вѣдныя этого не дѣлаютъ, а вмѣсто того оставляютъ поля на два года подъ паромъ. Если земля удобряется, то сѣютъ каждый годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Мѣстные жители считаютъ, что самая лучшая вода для орошенія хлопковыхъ плантацій это вода изъ карызей. Насколько это справедливо, сказать трудно, потому что никто сравнительныхъ опытовъ съ той и другой водой не производилъ.

Шелководство въ Восточномъ Туркестанѣ тоже отрасль промышленности, издавна существующая и нѣкогда даже процвѣтавшая. Выкормка шелколичныхъ червей и размотка шелка существуетъ и теперь во всѣхъ мѣстностяхъ Восточнаго Туркестана. Выкормка червей это дѣло исключительно стариковъ и дѣтей, а размоткой шелка заняты уже взрослые, главнымъ образомъ женщины. Все дѣло ведется по старинѣ, примитивными способами, тѣмъ не менѣе, по всѣмъ отзывамъ, туркестанскій шелкъ отличается хорошими качествами. Часть его потребляется на мѣстѣ для выдѣлки

тканей и ковровъ, но сравнительно немного. Выгоднѣе продавать шелкъ-сырецъ. Поэтому, главная масса шелка вывозится изъ предѣловъ края, частью во Внутренній Китай, а еще больше въ Русскій Туркестанъ. На шелковомъ рынкѣ шелка изъ Китайскаго Туркестана не знаютъ, потому что, попадая въ нашъ Туркестанъ, онъ смѣшивается съ мѣстнымъ шелкомъ и идетъ въ продажу подъ именемъ русскаго туркестанскаго шелка. Естественныя условія производства шелка настолько выгодны, что если бы усилился спросъ на него и были нѣсколько улучшены приемы его размотки, то Китайскій Туркестанъ могъ бы давать гораздо больше шелку-сырца. Болѣе на шелколичныхъ коконахъ до сихъ поръ здѣсь никакихъ не замѣчалось.

Китайскія власти никакихъ мѣръ къ развитію шелководства не принимаютъ. Туземные князья иногда принимали мѣры въ этомъ направленіи, но никакой послѣдовательности въ этомъ дѣлѣ никогда не было. Если князья устраивали свои фабрики для выдѣлки шелковыхъ тканей, то они поощряли и населеніе къ приготовленію шелка-сырца; если никакой личной выгоды въ томъ не видѣли, то и на шелководство не обращали вниманія. Въ послѣднее время Русско-китайскій банкъ въ Кашгарѣ продаетъ выписываемую имъ изъ-за границы грену мѣстному населенію, которое очень охотно ее покупаетъ; поступаютъ все новыя и новыя просьбы о привозѣ и продажѣ грены. Шелководство обезпечена хорошая будущность.

Благоприятныя условія представляетъ Китайскій Туркестанъ также и для садоводства. Жаркій климатъ, продолжительное лѣто, сухость въ воздухѣ, при обильномъ въ то же время орошеніи корней, даютъ прекрасные результаты. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, туркестанскіе фрукты отличаются особенной своей сладостью и ароматомъ. Въ Туркестанѣ мы находимъ чудный виноградъ разныхъ сортовъ, изъ которыхъ славится мелкій, вродѣ коринки, черный и, наконецъ, безъ косточекъ, въ родѣ кон-

стантинпольскаго. Изъ другихъ фруктовъ тамъ есть персики, гранаты, абрикосы, по мѣстному — урюкъ, груши, яблоки, айва, грецкіе орѣхи, черешни, вишни и нѣкоторые другіе. Кашгарлыки удивительно умѣютъ сохранять фрукты свѣжими долгое время; для этого у нихъ существуютъ особенно устроенные амбары. Часть фруктовъ высушивается. Сушеные фрукты имѣютъ прекрасный вкусъ и долго сохраняются.

Воздѣлыванію хлѣбныхъ злаковъ, собственно земледѣльству, приходится отвести послѣднее мѣсто. Хотя вездѣ въ Китайскомъ Туркестанѣ сѣются хлѣба и населеніе пропитывается исключительно мѣстнымъ хлѣбомъ, но населеніе болѣе заинтересовано описанными сейчасъ высшими культурами, которыя, поэтому, я и поставилъ при описаніи на первомъ мѣстѣ. Площадь земель, пригодныхъ къ обработкѣ, очень ограничена и составляетъ, приблизительно, $\frac{1}{7}$ всей поверхности страны. Величина земельныхъ участковъ, находящихся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, колеблется отъ $1\frac{1}{2}$ до 5 десятинъ. Главнѣйшими хлѣбными злаками, воздѣлываемыми въ Кашгаріи, являются: кукуруза, пшеница, ячмень, просо, сорго, рисъ и горохъ. Средніе урожаи колеблются: кукуруза — самъ 30—40, пшеница — 9—15, ячмень — 12—16, рисъ — 8—18. Въ виду малой величины площади посѣвовъ, сборы хлѣбовъ могутъ удовлетворить лишь потребности мѣстнаго населенія и то только при условіи свободнаго и правильнаго распредѣленія зерновыхъ продуктовъ. Между тѣмъ китайцами установлено запрещеніе вывоза хлѣбовъ изъ одного уѣзда въ другой, что особенно вредно отзывается на населеніи уѣздовъ Кашгарскаго и Янги-шаарскаго.

Изъ кормовыхъ травъ воздѣлывается клеверъ-люцерна, но въ довольно ограниченнхъ размѣрахъ, потому что скота, именно лошадей, на кормъ которыхъ идетъ клеверъ, въ Восточномъ Туркестанѣ мало.

Изъ промышленныхъ растений сѣютъ хлопокъ, о чемъ я уже говорилъ подробно, коноплю, ленъ, макъ, табакъ, шафранъ, марену и кунжутъ.

Обработка конопли распространена въ оазисахъ Янги-шаарскомъ, Яркендскомъ и Каргалыкскомъ. Изъ этого растенія готовится наркотическое вещество, известное подъ именемъ «наши» (гашишъ), потребляемой мѣстнымъ населеніемъ и служившей долгое время однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза въ Индію. Съ 1897 года, со времени установленія высокой пошлины, вывозъ и воздѣлываніе этого продукта сократились. «Наша» ко ввозу въ русскія владѣнія запрещена. Изъ кунжута, посѣвы котораго очень распространены, выдѣлывается масло, идущее въ пищу и для освѣщенія. Табакъ употребляется только на мѣстѣ. Ленъ воздѣлывается въ небольшомъ количествѣ, а изъ мака дѣлается опиумъ, употребленіе котораго развито среди китайцевъ. Кашгарлыки употребляютъ вмѣсто опиума «нашу», хотя и среди нихъ начинаютъ появляться курильщики опиума. Продукты эти въ русскіе предѣлы не ввозятся.

Огородничество очень распространено. Особенно хороши дыни, арбузы, тыквы, капуста и другіе овощи, удовлетворяющіе мѣстнымъ потребностямъ. Дыни особенно вкусны и ароматны, но вывозить ихъ невозможно, такъ какъ онѣ очень нѣжны и не выдерживаютъ перевозки даже на недалекое разстояніе.

Округа къ сѣверу отъ Тяньшаня, какъ Урумчинскій, Гученскій и Баркульскій, вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія надъ уровнемъ моря, отличаются гораздо болѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ Или, а особенно Туркестанъ.

Здѣсь мы не встрѣчаемъ ни мѣстныхъ фруктовъ, ни даже фруктовыхъ деревьевъ въ дикомъ видѣ. Изъ хлѣбныхъ растений исчезаетъ рисъ, какъ требующій болѣе жаркаго климата. Свойственны этимъ мѣстностямъ пшеница, ячмень, овесъ, просо двухъ сортовъ, греча, гаолянъ.

Огороды есть вездѣ, но особенно они хороши поставлены около Урумчи, гдѣ благодаря тому, что это большой городъ, громадный спросъ на овощи со стороны городского населенія. Сорта овощей тѣ же, что и въ мѣстностяхъ,

описанных выше, только капуста, по преимуществу, китайская, то-есть листовая, а не наша кочанная. На обыкновенную, известную у нас капусту со стороны китайцев спрось очень малъ.

Одно время, по инициативѣ губернатора Пани, пробовали около Урумчи заняться выкормкой шелкоичныхъ червей; для этого было посажено въ деревьяхъ много тутовыхъ деревьевъ, но толку изъ того, кажется, не вышло никакого; по крайней мѣрѣ, китайскія власти о результатахъ этого опыта умалчиваютъ.

Къ сѣверо-западу отъ Урумчи, верстъ, приблизительно, черезъ сто, съ пониженіемъ мѣстности по мѣрѣ удаленія отъ Тяньшаня, климатъ дѣлается болѣе жаркимъ, а въ Шихо, напримѣръ, жаръ напоминаетъ Китайскій Туркестанъ. Здѣсь опять появляются виноградъ, персики и другіе фрукты жаркаго климата. Изъ хлѣбныхъ растений мы опять встрѣчаемъ рисъ, хотя рисъ изъ Шихо не считается хорошимъ, а затѣмъ видимъ тѣ же зерновые продукты, которые обычны для всего Западнаго Китая—пшеницу, овесъ, ячмень и т. д.

Совершенно особый характеръ имѣетъ Тарбагатайскій округъ и мѣстности, расположенныя къ сѣверу отъ Тарбагатайскаго хребта. Эта часть Западнаго Застѣннаго Китая расположена значительно сѣвернѣе, чѣмъ выше описанные округа, и, потому, по характеру своей растительности она значительно отличается отъ другихъ частей описываемой мною страны. До известной степени Тарбагатайскій округъ напоминаетъ округа, прилегающіе къ Тяньшаню съ сѣвера, то-есть Урумчинскій и друг. Изъ фруктовыхъ деревьевъ попадаются здѣсь только яблони, но только въ дикомъ состояніи, да и тѣ въ холодныя зимы вымерзаютъ, такъ что, чтобы предохранить ихъ отъ вымерзанія, приходится тщательно закрывать ихъ на зиму; вообще, садоводства здѣсь не существуетъ. Изъ хлѣбныхъ растений сѣются пшеница, овесъ, ячмень, просо; особенно много того сорта, который называется кунакъ. Это мелкое желтоватое просо;

употребляется на кормъ скоту, именно лошадямъ, и считается прекраснымъ кормомъ. Въ послѣднее время стала появляться яровая рожь, по мало. Риса совсѣмъ не сѣютъ, такъ какъ вырѣвывать ояъ въ Тарбагатаѣ не можетъ. Зато много сѣютъ маку для опіума. Изъ кормовыхъ травъ много мѣста занято люцерной-клеверомъ.

Обработка земли поставлена въ Тарбагатаѣ плохо. Говоря о земледѣліи въ Илійскомъ округѣ, я уже описывалъ то орудіе, которымъ тамъ пахутъ землю. Здѣсь то же самое. Но такъ какъ и здѣсь хорошая лесовая почва, примѣняется искусственное орошеніе арыками, а лѣтомъ жаркое солнце, то урожай тоже получаются хорошіе, хотя уже и не такіе обильные, какъ въ Илійскомъ округѣ или Туркестанѣ. Урожай пшеницы самъ 9—12.

Огородничество въ Тарбагатаѣ тоже стоитъ хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Западнаго Китая. Климатическія условія нѣсколько хуже, лѣто нѣсколько короче; а потому и двухъ урожаевъ снимать не можетъ быть. Затѣмъ, и спроса большого на овощи нѣтъ, потому что единственный городъ въ округѣ Чугучакъ, городъ это маленькій, и потому большого сбыта овощей не можетъ быть. Въ нашемъ русскомъ приграничьи славится Тарбагатай своими арбузами, которые здѣсь достигаютъ громадныхъ размѣровъ и отличаются своей сладостью.

Западный Застѣнный Китай какъ бы самой природой предназначенъ для скотоводства. Громадныя пространства свободной земли, хотя и не вездѣ покрыты богатыми травянымъ покровомъ, но, во всякомъ случаѣ, въ значительной своей части обладающія достаточнымъ количествомъ корма для мѣстнаго скота, не избалованнаго лучшими условіями, на ряду съ этимъ обиліе горъ, на высотахъ и въ ущельяхъ которыхъ въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы скотъ находитъ пастбища съ прекрасной питательной травой и прохладу,—все это представляетъ достаточное количество хорошихъ данныхъ для скотоводства. И дѣйствительно, еще въ доисторическія времена эта часть Азіи всегда была из-

любленнѣмъ мѣстопребываніемъ разнаго рода кочевниковъ, главное занятіе которыхъ и есть скотоводство. Проходили здѣсь громадныя арміи, оставленныя изъ кочевниковъ, и всегда находили достаточно корма для массы лошадей и другихъ животныхъ.

Съ расширеніемъ въ краѣ осѣдлыхъ поселеній, съ развитіемъ хлѣбопашества, количество свободныхъ земель, годныхъ для скотоводства, стало, конечно, уменьшаться, такъ какъ мѣстности съ лучшей землей и орошеніемъ стали заниматься осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Однако, и теперь скотоводство является единственнымъ занятіемъ громадной части населенія и захватываетъ огромные районы по всему почти протяженію этого обширнаго края.

Скотоводство всего больше развито въ Тарбагатайскомъ округѣ, къ югу и къ сѣверу отъ Тарбагатайскаго хребта, такъ что въ этомъ районѣ участки воздѣланной земли являются лишь маленькими островками среди громаднхъ пространствъ, занимаемыхъ пастбищами. Затѣмъ слѣдуетъ Илійскій округъ, который обладаетъ не столь обширными свободными землями, годными для скотоводства, но зато пастбища по своему качеству здѣсь гораздо лучше Тарбагатайскихъ. Прекрасныя пастбища на Юлдузахъ и около Карашара, и потому весь Карашарскій округъ исключительно скотоводческой. Много скота въ Сихускомъ округѣ у торговцевъ, но пастбища здѣсь не такъ хороши. Есть мѣста, удобныя для скотоводства, въ западныхъ отрогахъ Тяньшаня, на границѣ Китая съ Семирѣчемъ и нашимъ Туркестаномъ, возможно скотоводство на Памирахъ и всего менѣе пригоденъ для скотоводства Восточный Туркестанъ, за исключеніемъ мѣстностей, находящихся въ предгорьяхъ Тяньшаня. Въ этомъ краѣ слишкомъ жарко, много песковъ и мало мѣстъ, покрытыхъ достаточной травяной растительностью и потому скотоводство въ большей части Туркестана существовать и развиваться не можетъ.

Но мѣста, непригодныя для скотоводства, для пропитанія домашнихъ животныхъ, оказываются вполнѣ удоб-

ными для дикихъ животныхъ, при томъ одной породы съ домашними. Такъ, въ пустыняхъ Китайскаго Туркестана водится дикій верблюдъ. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что дикій верблюдъ Китайскаго Туркестана это одичавшій въ давнія времена домашній. Въ Чжунгаріи водятся громадныя стада дикихъ ословъ-кулановъ и дикихъ лошадей, въ первый разъ открытыхъ покойнымъ Н. М. Прижевальскимъ. Они живутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стада кочевника не могутъ находить себѣ достаточно корма и питья. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что домашній скотъ все-таки нѣсколько изнѣженъ заботой, хотя и очень маленькой, о немъ человѣка и потому не можетъ переносить тѣхъ нерѣдко суровыхъ условій существованія въ пустыняхъ, гдѣ дикія животныя чувствуютъ себя прекрасно, такъ какъ эти условія для нихъ обычное дѣло. Приручить дикихъ животныхъ до сихъ поръ не удавалось. Прежде всего крайне трудно ихъ поймать, такъ какъ они очень осторожны, отличаются быстротой бѣга и поэтому при видѣ охотника моментально скрываются. А затѣмъ, если и удастся поймать какое-либо молодое животное, то дикія животныя въ рукахъ человѣка скоро гибнутъ, все-таки нисколько не привыкнувъ къ своему повелителю—человѣку. Въ рукахъ человѣка культурнаго результата, можетъ быть, и были бы другіе, но европейцы такихъ опытовъ въ Центральной Азіи не производили.

Изъ домашнихъ животныхъ разводятся въ Западномъ Китаѣ лошади, рогатый скотъ, верблюды, бараны, козы. Все дѣло ведется самымъ примитивнымъ образомъ. Собственно говоря, само населеніе прилагаетъ очень мало старанія и вниманія къ этому дѣлу. Скотъ плодится и множится самъ по себѣ. Немногія обязанности, которыя исполняетъ владѣлецъ скота, это охрана стада противъ кражи да выборъ мѣстъ для пастбища. Корма на зиму не заготовляется, помѣщеній для скота, на случай особенно дурной погоды, не существуетъ. Круглый годъ, зиму и лѣто, скотъ довольствуется подножнымъ кормомъ, пасется подъ открытымъ

небомъ. Но эта беззаботность кочевника-скотовода приносит ему иногда непоправимый вредъ. Самый главный бичъ скотовода—это, такъ называемый, джутъ. Джутомъ называется вотъ что: бываетъ иную зиму, что послѣ того, какъ выпадетъ снѣгъ, выпадаетъ дождь и затѣмъ начинаются заморозки. Тогда почва покрывается болѣе или менѣе толстой ледяной корою, и бараны, а также и вообще молодой скотъ, не могутъ пробить копытами этой ледяной коры, чтобы достать находящуюся подъ нею сухую траву, и скотъ гибнетъ отъ голода массами. Большое несчастье для скотовода также очень глубоки снѣга, которые въ нѣсколько лѣтъ разъ бываютъ и въ этихъ, обычно, мало-снѣжныхъ областяхъ. Въ этомъ случаѣ скотъ тоже съ трудомъ добываетъ себѣ изъ-подъ снѣга пинцу, отъ усилій очень ослабѣваетъ, такъ что весной гибнетъ отъ истощенія. Страдаютъ всего больше бараны. Для спасенія отъ этой бѣды и кочевники принимаютъ тогда нѣкоторыя мѣры: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пасутся бараны, пастухи выкапываютъ въ снѣгу дорожки; по этимъ дорожкамъ бараны и находятъ себѣ кой-какой, хотя и скудный, кормъ.

При такомъ беззаботномъ отношеніи скотовода къ его единственному богатству—скоту, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ улучшеніи породы скота. А между тѣмъ, кромя указанныхъ, есть еще обстоятельства, которыя могутъ понижать качества скота. Это прежде всего то, что очень рано начинаютъ ѣдять и работать на молодыхъ животныхъ, не давая имъ вырасти и окрѣпнуть. Такъ, напримѣръ, ѣдятъ уже на годовыхъ телятахъ; на коровахъ также все время работаютъ, не сообразуясь ни съ чѣмъ. Жеребятъ не докармливаютъ и тѣмъ ихъ обезсиливаютъ. Какъ известно, всѣ кочевые народы изъ кобыльего молока приготавливаютъ любимый напитокъ—кумысъ и такъ много берутъ для этого молока, что жеребятамъ питаться нечѣмъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ скотъ получается мелкій и слабосильный. Но при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, скотъ могъ бы получаться очень хорошей,

бенно лошади; напримѣръ, киргизская лошадь довольно хорошаго сложенія, отличается быстротой бѣга, живостью и выносливостью. Она не можетъ считаться особенно хорошей, какъ рабочая лошадь, для этого она слабосильна и не достаточно крупна, но для верховой ѣзды въ ней масса прекрасныхъ качествъ. У богатыхъ скотоводовъ-кочевниковъ изъ табуна всегда выбирается нѣсколько лошадей для собственнаго употребленія хозяина; за этими лошадьми хорошо ходятъ, лучше кормятъ и, благодаря такому, даже незначительному, уходу, получаются очень хорошия верховыя и даже упряжныя лошади, особенно для легкой ѣзды.

Исключеніемъ изъ всѣхъ кочевниковъ этой части Азіи являются карашарскіе торгоуты. Они очень любятъ лошадей и каждый изъ нихъ выращиваетъ для себя лично нѣсколько хорошихъ лошадей. На Юлдузахъ и въ Карашарѣ водится прекрасная лошадь, которая славится по всему Западному Китаю. Эта лошадь небольшая, но красиво сложенная, съ широкой и крѣпкой грудью и ногами. Копыта у карашарской лошади, благодаря пастбищамъ въ горахъ и среди скалъ, настолько крѣпки, что не приходится даже ихъ ковать. Въ виду прекрасныхъ качествъ карашарскихъ лошадей и цѣнятся онѣ значительно дороже, почти вдвое дороже, чѣмъ другія мѣстныя лошади. Хорошая лошадь отъ 100 до 200 рублей.

Но самымъ цѣннымъ животнымъ считается въ Западномъ Китаѣ верблюдъ. При выючномъ большей частью способѣ перевозки товаровъ, верблюдъ долженъ играть большую роль, какъ животное, наиболее приспособленное для этой цѣли. Есть мѣста въ Западномъ Китаѣ, а кромя того бываетъ и такой періодъ въ году, когда все перевозится только на верблюдахъ. Такъ, напримѣръ, это бываетъ зимой, когда выпадаетъ на высокихъ мѣстахъ глубокой снѣгъ. Вообще, верблюдъ незамѣнимый помощникъ чловека въ этихъ широтахъ Азіи. Относительно корма онъ не требователенъ. Колочка-травы, которой не ѣсть ни одно домашнее животное, оказывается отличнѣмъ кормомъ для вер-

блюда; а во многих мѣстахъ пустыни только и можно найти эту колючку. Верблюдь можетъ долго оставаться безъ питья и въ то же время совершать съ выюкомъ громадные переходы, а это въ пустынѣ такъ важно. Въ виду всѣхъ этихъ качествъ, верблюдь особенно цѣнится въ пустыняхъ Азіи; кочевникъ-скотодомъ, да и осѣдлое население особенно дорожитъ верблюдомъ и ухаживаетъ за нимъ гораздо больше, чѣмъ за остальнымъ скотомъ; напримѣръ, во время дурной погоды молодыхъ верблюжатъ кочевники нерѣдко держатъ въ своей юртѣ, чтобы они не погибли. Въ Западномъ Китаѣ водится двугорбый верблюдь.

Бараны, разводимые въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, довольно крупные, съ громаднымъ жировымъ курдюкомъ. Шерсть барановъ довольно хорошая, но годится лишь на болѣе грубая суконная ткань, тонкаго сукна изъ нея дѣлать нельзя. Болѣе тонкой и нѣжной шерстью отличаются бараны изъ Южной Монголіи. Эта шерсть идетъ и на болѣе тонкіе сорта суконъ.

Бросая общій взглядъ на состояніе скотоводства въ Западномъ Китаѣ, можно сказать, что въ качественномъ отношеніи скотоводство нисколько не идетъ впередъ, а количественно оно развивается и будетъ развиваться до тѣхъ поръ, пока будетъ достаточно свободныхъ земель. Въ настоящее время такихъ земель еще много, и потому въ разныхъ мѣстностяхъ этого огромнаго края пасутся огромные табуны и стада скота разнаго рода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Минеральные богатства края.—Залежи каменнаго угля.—Организація добычи угля.—Разработка залежей желѣза.—Мѣсторожденіе мѣди и добыча ея.—Серебро-свинцовыя залежи.—Мѣсторожденіе золота и разработка золотыхъ приисковъ.—Мелкіе золотонисатели и поддержка ихъ правительствомъ.—Нефть и попытки къ ея добычѣ и очисткѣ.

Западный Застѣнный Китай отличается обиліемъ разнаго рода минеральныхъ богатствъ. Здѣсь мы находимъ во многихъ мѣстахъ и въ громадномъ количествѣ каменный уголь. Есть мѣди, желѣзо, свинець, серебро, нефть, и, наконецъ, извѣстно и разрабатывается нѣсколько мѣсторожденій золота; изъ нихъ нѣкоторыя выполнены благонадежны. Большая часть этихъ богатствъ не эксплуатируется и ждетъ предпринимателя, который бы приложилъ свой трудъ, знанія и капиталъ къ этому дѣлу.

Въ Восточномъ Туркестанѣ мѣсторожденія каменнаго угля находятся близъ развалинъ рабата Канъ-су, на Ошской дорогѣ; въ долинѣ Марканъ-су (урочище Конгрень); на Яркендѣ-Дарьѣ и близъ городовъ Аксу, Куча, Курля; около Турфана, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ, по преимуществу въ предгорьяхъ Тяньшяня. Разрабатываются залежи конгренскія, ойтгаскія, канъ-суйскія, кучинскія и другія, снабжая углемъ населеніе ближайшихъ городовъ и селеній, а всего больше китайскіе гарнизоны.

Большия залежи каменнаго угля находятся по всему Тяньшаню, въ частности очень много угля около г. Урумци. Здѣсь мы находимъ уголь самыхъ разнообразныхъ сортовъ, отъ самаго низкаго сорта до высшаго бездымнаго. Есть уголь около г. Манаса, около Шихо, но здѣсь его пока не добываютъ, въ виду отсутствія спроса, такъ какъ достаточно дровъ. Въ Илійскомъ округѣ мощные пласты каменнаго угля тянутся по обомъ берегамъ рѣки Или на десятки верстъ; но въ настоящее время разрабатываются лишь немногія копи на правой сторонѣ р. Или, ближе къ Кульджаѣ. Въ Тарбагатайскомъ округѣ есть уголь въ горахъ Джаирь. Открыто также мѣсторожденіе бураго угля къ сѣверу отъ г. Чугучака, въ горахъ Тарбагатайскихъ, но пока уголь не разрабатывается, хотя и было нѣсколько попытокъ начать разработку.

Во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ, гдѣ производится работа, уголь добывается лишь въ небольшихъ размѣрахъ, только для мѣстнаго потребленія, а не для вывоза. А такъ какъ фабрикъ и заводовъ, для которыхъ могъ бы требоваться уголь, нѣтъ, то мѣстный спросъ небольшой, а потому и добыча небольшая. Разработка ведется безъ всякихъ научныхъ указаній, на основаніи опыта, домороженными техниками. Оттого много угля пропадаетъ, а кромѣ того, несчастія съ рабочими обычное явленіе. Часто бываютъ взрывы газа въ шахтахъ, а также и обвалы, потому что лампы самаго несовершеннаго устройства, надлежащихъ подпорокъ въ шахтахъ нѣтъ, такъ какъ устройство солидныхъ подпорокъ, за дороговизной и недостаткомъ лѣса, стоитъ дорого. Специальнаго класса горнорабочихъ, постоянно занятыхъ въ угольныхъ копяхъ, пока нѣтъ. Только немногіе руководители дѣла, мастера и немногіе другіе служащіе постоянно заняты этимъ дѣломъ. Что же касается остальныхъ, рядовыхъ рабочихъ, то это почти исключительно люди случайные. Обѣднѣетъ человекъ, а всего чаще проиграется въ кости и идетъ поправлять свои денежныя дѣла въ нѣдра земли. Работа въ каменноугольныхъ копяхъ

оплачивается гораздо выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, а особенно въ земледѣліи. Заработавъ нѣкоторую сумму, поправилъ немного дѣла и такой рабочій бросаетъ шахту, иногда чтобы черезъ нѣкоторое время опять сюда явиться. Но, какъ и вездѣ, трудъ въ угольныхъ шахтахъ считается весьма тяжелымъ, и потому всетаки не такъ много охотниковъ идти въ шахты. И дѣйствительно, трудъ рабочаго въ китайскихъ шахтахъ, по истинѣ, каторжный! Тамъ нѣтъ и обычая, какъ въ Европѣ, ежедневно возвращаться домой, выходить на свѣтъ Божій, а какъ спустится рабочій въ шахту, такъ и живетъ тамъ, не выходя, по нѣскольکو недѣль, а бываетъ, что и мѣсяцевъ. Тамъ нѣрѣдко спасаются отъ преслѣдованія своихъ кредиторовъ несостоятельные должники, а иногда и преступники, потому что не принято справляться о томъ, кто находится въ шахтахъ, да не принято и выдавать рабочимъ въ этихъ случаяхъ, такъ какъ владѣлецъ копи рабочими дорожитъ. Но въ такомъ случаѣ, конечно, и рабочій уже попадаетъ въ кабалу къ своему хозяину. Единственнымъ средствомъ сообщенія рабочихъ въ шахтахъ съ вѣншимъ міромъ является подъемная корзинка, въ которой поднимаются добытый уголь. Въ этой же корзинкѣ спускаются и поднимаются рабочіе въ шахту и обратно, въ ней же спускаются имъ и пища и питье. Корзинка поднимается и опускается посредствомъ ворота, приводимаго въ движеніе осломъ или лошадю, при которыхъ состоитъ единственный надсмотрщикъ и погонщикъ, какой-нибудь мальчишка. Вся эта подъемная машина устроена, обыкновенно, крайне плохо, и потому несчастные случаи при подъемѣ и опусканіи корзинки довольно таки-частое явленіе. То погонщикъ-мальчишка не досмотритъ, то испортится самая машина, то лопнетъ веревка—и несчастные люди летятъ внизъ съ громадной высоты. Но восточный человекъ, по природѣ крайній фаталистъ и потому совершенно спокойно идетъ въ шахту, гдѣ нѣрѣдко его сторожитъ смерть. Несчастный случай приписывается, обычно, не плохому

устройству шахты и плохой постановкѣ всего дѣла, а тому, что самое мѣсто несчастно. И потому, если въ одной и той же шахтѣ несчастные случаи становятся очень часты, то просто закрываютъ шахту и переносятъ работы въ другое мѣсто, благо, угля въ краѣ много. Сама по себѣ работа въ каменноугольныхъ копахъ, при самыхъ антигигиеническихъ условияхъ, особенно, когда рабочіе цѣлыми мѣсяцами не выходятъ изъ шахты, дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на организмъ рабочаго и скоро дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ работѣ въ копахъ.

Залежи желѣзной руды находятся во многихъ мѣстахъ края, но изслѣдованы изъ этихъ мѣсторожденій лишь очень немногія, и потому, относительно большинства изъ нихъ неизвѣстно, насколько они благонадежны. Всего вѣрнѣе, что большей частью это небогатая содержаніемъ желѣза руда, такъ какъ иначе китайцы разрабатывали бы ихъ, въ виду нужды въ желѣзѣ для населенія. Въ Восточномъ Туркестанѣ желѣзная руда разрабатывается въ настоящее время лишь въ ущельѣ Тоюнь-лыкъ, верстахъ въ десяти на юго-западъ отъ селенія Игизъ-яръ, Янгй-шарскаго уѣзда. Залежи бурого желѣзняка имѣются въ урочищѣ Базаръ-дара и, по слухамъ, въ другихъ мѣстностяхъ въ долині Іркендъ-дарыи. Въ Илійскомъ округѣ мѣсторожденіе желѣза есть недалеко отъ Кульджи, при чемъ эти залежи расположены всего въ одной верстѣ разстоянія отъ угольныхъ копей. Въ давнія времена копи эти разрабатывались; по крайней мѣрѣ, видны слѣды бывшихъ тутъ нѣкогда работъ. Но въ настоящее время копи эти заброшены, и работы въ нихъ не производятся. Затѣмъ, хорошія мѣсторожденія желѣза находятся около г. Гучена, въ Чжунсарскомъ уѣздѣ. Говорятъ, что чистаго желѣза въ этой рудѣ до 70%. Каменный уголь отъ этихъ желѣзныхъ копей очень близко. Здѣсь устроенъ казенный желѣзный заводъ, на которомъ обыкновенно работаетъ до двухсотъ человекъ наемныхъ рабочихъ. Если бываетъ нужно увеличить производство, то временно прикомандировываются

еще, въ качествѣ рабочихъ, солдаты. Изготавливаются на этомъ заводѣ, главнымъ образомъ, сельскохозяйственные орудія, которыя и продаются земледѣльцамъ; затѣмъ котлы, разные рабочіе инструменты. Иногда заводъ исполняетъ кой-какія несложныя работы для урумчинскаго арсенала. Одно время разрабатывалась также желѣзная руда верстахъ въ двадцати отъ Урумци. Но руда оказалась небогатая желѣзомъ; поэтому, когда открылось мѣсторожденіе желѣза около Гучена, урумчинскія копи были заброшены.

Залежи мѣди, и богатые, находятся во многихъ мѣстахъ Западнаго Застѣннаго Китая. Въ Восточномъ Туркестанѣ мѣдная руда добывается въ долині Кзымыль-су, въ урочищѣ Сары-Камышъ; въ ущельѣ Куча-дарыи и притока ея, Кунгейкокъ-су; въ долині Халастанъ-дарыи (верховья Тизнаба); въ долині Марканъ-су, въ урочищѣ Кокбулакъ и Когренъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ разрабатывается мѣдная руда исключительно правительствомъ и добываемая мѣдь идетъ частью на продажу частнымъ лицамъ, частью на чеканку мелкой мѣдной монеты.

Въ Илійскомъ округѣ богатые залежи мѣдной руды находятся въ сѣверныхъ предгорьяхъ Тиншяна. Эти залежи были извѣстны уже въ давнія времена и разрабатывались еще чжунгарами до завоеванія Новой Линіи, т. е. нынѣшняго Западнаго Застѣннаго Китая, китайцами. Во время продолжительныхъ смутъ и войнъ работы были оставлены, почти забыли даже о существованіи этихъ рудниковъ. Мысль о разработкѣ этихъ залежей мѣди подалъ китайцамъ нѣмецкій геологъ Мерцбахеръ. Въ 1892 году онъ былъ въ Кульджѣ, изслѣдовалъ эти рудники и нашелъ, что залежи мѣди тутъ настолько богаты, что даже при первобытныхъ способахъ добычи и обработки, какіе употребляютъ китайцы, дѣло это небезвыгодно. Китайцамъ понравилась эта мысль и они тотчасъ же рѣшили взяться за дѣло. Но, какъ и всегда, въ рукахъ китайской администраціи дѣло не пошло. Видѣсто того, чтобы нанять рабочихъ и поставить для руководства знающаго человека,

власти назначили завѣдывать этимъ дѣломъ перваго по-
павшаго чиновника, который далъ, кому слѣдуетъ, взятку
и котораго, поэтому, нужно было куда-нибудь пристроить;
заставили таранчей бесплатно работать; тѣ не хотѣли, ихъ
принудили и дѣло, при этихъ условіяхъ, конечно, провали-
лось. Было выплавлено всего только 200 пудовъ мѣди; ме-
таллъ оказался сильно пережженнымъ и оттого хрупкимъ,
не годился даже на чеканку китайской мѣдной монеты.
Поэтому дѣло было брошено, и деньги, такимъ образомъ,
были совершенно напрасно потрачены.

Въ большихъ размѣрахъ было начато дѣло на мѣдныхъ
рудникахъ около горы Богдо-ула. Эти рудники тоже были
давно извѣстны, но долгое время были заброшены. Въ
1885 году взялась за дѣло мѣстная администрація. Были
отпущены необходимыя для того средства. Было поставлено
на работы до 300 рабочихъ. Ежедневно вырабатывалось
отъ 30 до 40 пудовъ мѣди, которая шла на чеканку мѣд-
ной монеты. Однако, въ виду злоупотребленій завѣдую-
щихъ чиновниковъ и невѣжества въ горномъ дѣлѣ, дѣло
оказалось убыточнымъ для казны. Поэтому, рѣшено было
передать его въ руки частныхъ предпринимателей. Нашлась
компанія китайскихъ купцовъ, которая согласилась взять
дѣло въ свои руки. Условія были поставлены такія: ком-
панія вноситъ въ китайскую казну одновременно извѣст-
ную сумму за право эксплуатаціи рудниковъ, а затѣмъ,
по мѣрѣ разработки, вноситъ опредѣленную пошлину съ
каждаго цѣна—1¼ фунта—добытой мѣди. Компанія эта
работала лѣтъ пять. Дѣло пошло сначала хорошо, такъ
что цѣна мѣди съ 50 копеекъ за цѣнникъ опустилась до
32 копеекъ; прибыль была хорошая. Но потомъ началось
воровство, дѣло пошло худо, стало убыточнымъ. Чтобы
дѣло не погнбло совсѣмъ, чтобы спасти его, казна должна
была дать въ ссуду компаніи 200.000 рублей. Но, несмотря
на эту поддержку, дѣло все-таки погнбло. По поводу этого
краха было назначено слѣдствіе. Но главные руководители,
всего болѣе виноватыя, отравились, и самый заводъ былъ
закрытъ.

Въ настоящее время работы производятся только въ
нѣсколькихъ мѣстахъ въ Китайскомъ Туркестанѣ. Но мѣди
добывается мало, такъ что потребность не только населенія,
но даже правительства далеко не вполне удовлетворяется.

Залежи свинца обнаружены въ урочищѣ Кургашинь-
каны, въ горахъ Кара-теке, близъ селенія Кальшынгъ; близъ
Куча, въ урочищѣ Кань-булакъ; въ долинѣ Кара-таша,
выше укрѣпленія Шахидудла-ходжа и близъ Уртакыра, на
юго-востокъ отъ Хотана. Разработка копей въ Кургашинь-
кавѣ давно заброшена. Разрабатываются лишь залежи
близъ Куча въ Кань-булакѣ. Количество добываемой руды
незначительно.

Богатѣйшія свинцовыя залежи находятся по дорогѣ на
Лобъ-норь, къ югу отъ Токсуна, въ горахъ. Въ этой мѣст-
ности масса свинца въ горахъ, есть признаки мѣди, но
разрабатывается пока одинъ свинецъ. Разработка этихъ
рудниковъ сдана правительствомъ двумъ компаніямъ ки-
тайскихъ купцовъ, у которыхъ работаетъ до двухъ тысячъ
рабочихъ. Руда по содержанию свинца очень богатая. Рас-
сказываютъ даже, что попадаютъ будто бы куски свинца,
какъ самородки, такъ что не нужно ихъ и обрабаты-
вать. Работа ведется ручнымъ способомъ; машинъ нѣтъ.
Большая часть добытаго свинца сдается въ казну, кото-
рая платитъ 5 рублей за пудъ. Китайцы серьезно взялись
за это дѣло. Чтобы имѣть на рудникахъ достаточное коли-
чество постоянныхъ рабочихъ, рѣшено даже устроить около
присковъ нѣсколько селеній, гдѣ бы рабочіе могли жить
съ семьями постоянно, такъ какъ пришлые рабочіе нена-
дежны. Дѣло въ рукахъ купцовъ идетъ прекрасно и даетъ
предпринимателямъ хороший доходъ.

Въ 250 верстахъ къ сѣверу отъ Гучена, въ мѣстности
Бурлутугай, была найдена серебро-свинцовая руда. Раскап-
ываютъ, что на 100 цѣнновъ руды оказывается 90 цѣн-
новъ свинца, и остальное серебро. Въ концѣ девяностыхъ
годовъ минувшаго столѣтія администрація начала было
разработку этихъ рудниковъ, но неудачно. Прежде всего,

естественные условия работы оказались неблагоприятными: топливо не оказалось, так как лесу нет, а каменный уголь далеко; воды вблизи тоже не оказалось и приходилось возить ее издалека. Къ этому присоединилось воровство завѣдывавших работами чиновниковъ и дѣло погубило. Затрачено было масса денегъ, говорятъ, до милліона рублей. Большое количество руды такъ и осталось на мѣстѣ не обработаннымъ. Виновные въ этой неудачѣ были привлечены къ суду, но еще до суда успѣли принять ядъ, и судить было некого.

Серебро-свинцовые рудники находятся въ горахъ Борохоро, около озера Сайрамъ-норъ, гдѣ сосѣдніе чахары добываютъ серебро, но что это за рудники и богаты ли они, никто не изслѣдовалъ.

Были открыты залежи свинца около Кутуби; начали ихъ разрабатывать, но залежи оказались бѣдными, и работы были оставлены.

Квасцы добываются въ богатыхъ копяхъ въ горахъ, на сѣверо-востокъ отъ г. Куча, близъ Балдира, въ долинѣ Ташъ-Курганъ-дарьи, и поселка Тумай, въ Керійскомъ уѣздѣ. Квасцы вывозятся въ значительномъ количествѣ въ наши предѣлы.

Нашатърь добывается близъ г. Куча и составляетъ издавна предметъ вывозной торговли.

Сѣра добывается въ горахъ Кугуртъ-тагъ, къ югу отъ Камынына, близъ г. Куча и въ урочищѣ Губолькъ, къ югу отъ Полу. Существуетъ незначительный вывозъ этого предмета въ наши предѣлы.

Селитра добывается изъ развалинъ древнихъ городовъ близъ Аксу и Карашара.

Мѣсторождения золота известны во многихъ мѣстахъ Западнаго Застѣннаго Китая. Въ Восточномъ Туркестанѣ известны слѣдующія мѣсторождения золота: 1) въ бассейнѣ рѣки Хотанъ-дарьи, по рѣкамъ Юрунъ-кашу и Кара-кашу; 2) по рѣкѣ Хаши-дарьѣ—приски Чокартъ, Кара-ташъ и Капсаланъ; 3) приски Каръ-агды, по рѣкѣ Курабу, недалеко

отъ Полу; 4) приски Соургакъ, въ верховьяхъ Ниш-дарьи; 5) по рѣкѣ Шеммалыкъ-су; 6) по рѣкамъ Чижанъ-су и Талкалыкъ-су; 7) приски Канъ-булакъ по рѣкѣ Сарыкъ-тузъ; 8) въ верховьяхъ Мольчки; 9) приски Копа; 10) приски Ходалыкъ-сай; 11) приски Тугры-сай, въ пяти дняхъ пути отъ послѣдняго лѣтнаго стойбища въ долинѣ рѣки Черченъ-дарьи; 12) приски Акка-тагъ въ Тибетскомъ нагорьѣ. Кромѣ указанныхъ мѣсторождений, золото находится еще въ долинѣ рѣки Яркендъ-дарьи, выше Косараба; въ ущельѣ рѣки Динара, къ сѣверу отъ г. Куча и въ Курукъ-тагѣ, по дорогѣ изъ Курли къ Дураду.

Эти росыши до послѣдняго времени разрабатывались частными лицами совершенно свободно, но въ 1903 году вновь назначенный кашгарскій даотай привезъ съ собою мастеровъ, и работы начаты, подъ наблюдениемъ правительственныхъ чиновниковъ, въ Зайлигѣ, Соургакѣ и другихъ прискахъ близъ Кери. Кромѣ того, есть свѣдѣнія о томъ, что даотай намѣренъ закупать золото, добываемое и частными лицами, какъ это практикуется и въ другихъ мѣстахъ края.

Въ другихъ мѣстностяхъ Западнаго Застѣннаго Китая золото находятъ въ Манаскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Гань-юу, притоку рѣки Манаса, въ 70 верстахъ отъ города Манаса, къ югу; въ рѣкѣ Шичанѣ, тоже къ югу отъ Манаса; въ горахъ Джарскихъ. Есть золото въ Илійскомъ округѣ, по рѣкамъ Хоргосу и Алимту, но очень небогатое, такъ что не заслуживаетъ и разработки. Изъ этихъ присковъ на Джаирѣ работаетъ исключительно китайская казна, хотя вообще китайское правительство относится очень благосклонно къ частной предпримчивости въ золотомъ дѣлѣ. На Джаирѣ, напримѣръ, работалъ одно время въ компаніи съ китайскимъ правительствомъ семипалатинскій купецъ г. Москвинъ. Но дѣло это не принесло ему ожидавшихся имъ прибылей. Поэтому изъ компаніи онъ вышелъ, ликвидировавъ свою часть, и теперь работаетъ на Джаирѣ одно только китайское правительство, такъ какъ достаточно со-

лидных частных предпринимателей не находится. Дѣло идетъ плохо, такъ какъ нѣтъ знаній, да и денегъ отпускается мало. Пока работала компания, были выисаны изъ Россіи машины для разработки руднаго золота, которыми начали уже работать, но теперь большая часть машинъ уже испортилась; починить некому, и китайцы не знаютъ, что съ ними дѣлать.

Тамъ, гдѣ работаютъ частныя лица, а не казна, крупныхъ предпринимателей совсѣмъ нѣтъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что группа мелкихъ золотоискателей, числомъ человекъ до двадцати, соединяется въ артель и отправляется работать на какую-нибудь золотоносную рѣчку. Всѣ золотоносныя рѣчки, — а ихъ много въ Тяньшанѣ, — разрабатываются такими артелями. Артель беретъ, обыкновенно, провизію на мѣсяць и отправляется на работу. За мѣсяць усердной работы обыкновенный золотоискатель можетъ получить до тридцати рублей чистой прибыли.

Китайское правительство къ этимъ мелкимъ золотоискателямъ, какъ и вообще къ частной предпринимчивости въ золотомъ дѣлѣ, относится очень благосклонно. Оно, положимъ, контролируетъ ихъ до извѣстной степени, въ цѣляхъ взиманія съ нихъ пошлинъ въ казну, но зато, въ случаѣ нужды, и помогаетъ имъ. Съ этою цѣлью посылаются въ мѣста, гдѣ производится добыча золота, особые надсмотрщики, которые взимаютъ пошлины съ добытаго золота, въ размѣрѣ 3% съ валовой его добычи. Но эти же надсмотрщики обязаны, въ случаѣ нужды и просьбы, доставлять бѣднымъ золотоискателямъ провиантъ, орудія и пр., конечно, за извѣстную плату. Они же занимаются скупкой за счетъ правительства у золотоискателей золота по рыночной цѣнѣ. Но послѣдніе вольны продавать золото и частнымъ лицамъ. Поэтому купцы оказываютъ сильную конкуренцію казнѣ въ скупкѣ золота. Купцы, конечно, покупаютъ золота гораздо больше, потому что надсмотрщики нерѣдко допускаютъ много злоупотребленій. Золото, добываемое въ Западномъ Китаѣ, идетъ во Внутренній Китай. Въ Россію и въ Индію вывозится очень немного.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что Западный Западный Китай имѣетъ немало мѣстороженій золота, изъ которыхъ многія отличаются богатымъ содержаніемъ золота, но золотопромышленность стоитъ пока на самой низкой ступени развитія. Нѣтъ знаній, нѣтъ предпринчивыхъ людей въ этой области, нѣтъ свободныхъ капиталовъ. Было бы хорошо, если бы наши русскіе предприниматели обратили на это дѣло свое вниманіе, хотя на это надѣяться, мнѣ кажется, пока довольно трудно. Тѣ купцы, которые занимаются торговлей въ Китаѣ теперь, такъ мало культурны, что не рѣшаются заняться новымъ дѣломъ, а золотопромышленникамъ въ Россіи и своего дѣла пока достаточно. Въроятнѣе всего, и это дѣло возьмутъ въ свои руки иностранцы.

Кромѣ вышеописанныхъ минеральныхъ богатствъ, мы находимъ въ Западномъ Китаѣ мѣстороженія камня нефрита, мѣстороженія нефти, горнаго воска и асфальта.

Нефритъ прекраснаго качества находится въ Куэньлунѣ, въ среднемъ теченіи Яркендъ-дарьи, по Кара-кашу, въ Люши-тагѣ, Карангу-тагѣ, Токузъ-даванѣ, въ верховьяхъ Кара-мурана и въ Астынь-тагѣ, по рѣкѣ Татлыкъ-су. Въ недавнее еще время существовалъ большой вывоз этого продукта во Внутренній Китай; но съ открытіемъ залежей въ Юаньской провинціи, вывозъ очень сократился, и разработка продолжается лишь по рѣкѣ Юрунь-ташу, Каракашу и по Тизнабу, близъ Каргалыка.

Мѣстороженія нефти находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: близъ города Куча; около города Урумци, верстахъ въ 15 къ западу отъ города; между станціями Куйтунъ и Аньцзихай, по пути отъ Шихо въ Манастъ, отъ дороги къ западу; наконецъ въ горахъ Уркашаръ.

Около Урумци нефть выступаетъ на поверхности воды одной рѣчки. Подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей нефти появляется больше. Нефть снимаютъ съ поверхности воды черпаками; слой ея не толстый. Тутъ пробовалъ добывать нефть одинъ русскій предприниматель, по профессіи часовой мастеръ, при пособіи со стороны казны. Но предприниматель этотъ нефтяное дѣло зналъ плохо, да и

нужных приборов и орудий у него не было, такъ что изъ этого предприятия толку не вышло. Затѣмъ и этотъ предприниматель уѣхалъ изъ Урумчи. Пробовали по его примѣру работать сами китайцы, но результаты получились не лучше. Керосинъ получался желтый, горѣлъ желтоватымъ пламенемъ и, кромѣ того, при горѣнн давалъ много копоти. Добыча и очистка обходились дорого; оттого былъ дорогъ и керосинъ; покупать его не стали. Въ виду этого, дѣло было оставлено.

Нѣсколько лучше дѣло пошло на участкѣ между Куйтуномъ и Аньцзихаемъ. Источникъ нефти оказался гораздо богаче, такъ что стоило его и разрабатывать. Поэтому, синцзянскій губернаторъ очень охотно далъ деньги на это дѣло и назначилъ для заведыванія имъ одного чиновника, который раньше велъ нефтяное дѣло совмѣстно съ упомянутымъ русскимъ предпринимателемъ и кой-чему научился. Чиновникъ этотъ машины для очистки нефти привезъ изъ Россіи. Нефть здѣсь оказалась желтоватаго цвѣта, тогда какъ около Урумчи была почти чернаго, и легче поддавалась очисткѣ. Но очистка на мѣстѣ добычи не производится, а добытая нефть привозится въ Урумчи, гдѣ на специальномъ заводѣ и очищается. Но керосинъ даже изъ этой нефти получается плохой, вѣроятно, благодаря неумѣлой очисткѣ. Въ виду этого, спросъ на этотъ керосинъ совсѣмъ слабый, да и цѣна очень высокая на мѣстѣ, около 5 рублей пудъ. При очисткѣ нефти получается особое вещество въ родѣ парафина, который китайцы употребляютъ на приготовленіе свѣчей.

Въ Восточномъ Туркестанѣ имѣются мѣсторожденія горнаго воска и асфальта; это въ урочищѣ Кызылъ-ой, на Ошской дорогѣ.

Провинціальная администрація очень бы хотѣла поставить нефтяное дѣло на широкую ногу, но нѣтъ знающихъ людей. Китайцы очень охотно приглашали бы иностранныхъ инженеровъ, но не желаютъ имъ платить дорого; поэтому дѣло такъ и не двигается впередъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Обрабатывающая промышленность и низкій ея уровень. — Выдѣлка хлопчатобумажныхъ надѣлй въ Восточномъ Туркестанѣ. — Шелкоткацкое производство. — Выдѣлка ковровъ. — Винокуренные заводы. — Маслوبيяные заводы. — Производство бумаги изъ травы. — Производство войлока. — Ремесла.

Изъ очерка добывающей промышленности, изложеннаго въ предыдущей главѣ, мы уже видѣли, что промышленность эта въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ стоитъ на очень низкой ступени развитія. Не въ лучшемъ положеніи находится и обрабатывающая промышленность. Фабрикъ и заводовъ, даже незначительныхъ размѣровъ, въ томъ видѣ, какъ мы привыкли представлять ихъ себѣ въ Европѣ, здѣсь мы не видимъ. Обрабатывающая промышленность, конечно, существуетъ, но она носитъ характеръ кустарнаго производства. Да по мѣстнымъ условіямъ, иначе пока и быть не можетъ. Населенъ край слабо, и это населеніе разбросано на громадномъ пространствѣ края; при чемъ одинъ населенный пунктъ отдѣленъ часто отъ другого пустынями. При этихъ условіяхъ, трудно рассчитывать на развитіе обрабатывающей промышленности въ крупныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время большая часть потребностей мѣстнаго населенія въ фабрично-заводскихъ произведеніяхъ удовлетворяется иностраннымъ ввозомъ. Существующая мѣстная промышленность играетъ въ этомъ снабженіи край

продуктами лишь второстепенную роль и въ некоторых случаях даже страдаетъ отъ конкуренціи съ иностранными произведеніями.

Какъ и вездѣ, промышленность развивается естественнымъ путемъ; она развивается тамъ, гдѣ существуютъ благоприятныя условия для ея существованія и развитія. Такъ и въ Западномъ Китаѣ. Здѣсь промышленность достигла нѣкотораго развитія въ томъ районѣ, гдѣ естественныя условия для ея существованія оказались наиболѣе подходящими, именно въ Восточномъ Туркестанѣ. Это наиболѣе промышленный, да, пожалуй, и единственный промышленный районъ во всемъ краѣ. Здѣсь родится хлопокъ, здѣсь есть шелкъ; сравнительно густое населеніе, то-есть вообще-то, по отношенію ко всему пространству Китайскаго Туркестана, населеніе очень рѣдкое, но каждый оазисъ въ отдѣльности населенъ очень густо. Оттого и развилась здѣсь обрабатывающая промышленность.

Изъ туркестанскаго хлопка вырабатывается бумажная ткань, извѣстная подъ именемъ маты или дабы. Эта ткань довольно грубой работы и невысокаго качества, но зато она очень дешева и подходитъ по своей цѣнѣ мѣстному небогатому покупателю-сарту, такъ что можетъ конкурировать даже съ нѣкоторыми сортами нашихъ дешевыхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, которыхъ въ Западный Китай ввозится, вообще, большое количество. Нѣкоторые правовѣрные мусульмане, такъ тѣ считаютъ грѣхомъ носить наши издѣлія, какъ произведенія невѣрныхъ—кяфирскія произведенія. Поэтому такіе фанатики и сами носятъ и другимъ усленно рекомендуютъ мѣстныя хлопчатобумажныя издѣлія для одежды. Однако, проповѣдь эта большого успѣха не имѣетъ, и всякій сартъ побогаче старается приобрѣтать кяфирскія произведенія; они и цѣной не дороже, да и красивѣе. Мѣстныя издѣлія бываютъ только бѣлаго и синяго цвѣтовъ, безъ всякихъ рисунковъ, а любителю щегольства кашгарлыку гораздо болѣе нравится все кричащее, пестрое и цвѣтное, хотя бы оно и было сдѣлано руками невѣрныхъ.

Выдѣлкой маты занимаются понемногу вездѣ въ Китайскомъ Туркестанѣ. Но главными пунктами, гдѣ производство это особенно развито, являются оазисы Кашгарскій, Яркендскій, Хотанскій и Аксуіскій, гдѣ въ каждой деревнѣ и городѣ занимаются праяей хлопка и тканьемъ маты; а кромѣ того, есть селенія, гдѣ этимъ промысломъ занимаются поголовно. Такъ какъ большая часть маты, направляемой въ русскіе предѣлы, проходитъ черезъ Кашгаръ, то у насъ говорятъ, что мата выдѣлывается въ Кашгарѣ, хотя это и не совсѣмъ такъ. Выдѣлкой бумажныхъ тканей заняты, по преимуществу, женщины. Мужчины принимаютъ очень небольшое участіе. Они болѣе заняты полевыми работами и вообще работами внѣ дома. Производство исключительно кустарное и сосредоточено въ отдѣльныхъ семьяхъ. Семья вырабатываетъ ежегодно небольшое количество маты, а затѣмъ мата эта забирается скупщиками. Производители маты находятся въ полной зависимости отъ скупщиковъ, которые нерѣдко пользуются зависимымъ положеніемъ кустарей. Поэтому положеніе ихъ довольно тяжелое. Имъ достается очень немного за ихъ трудъ и трудъ не легкій.

Другая отрасль обрабатывающей промышленности въ Китайскомъ Туркестанѣ это—шелко-ткацкое производство. Это производство сосредоточено въ Кашгарскомъ, Яркендскомъ и Хотанскомъ округахъ. Шелкъ-сырецъ производится во всемъ Восточномъ Туркестанѣ, но, обыкновенно, въ сыромъ же видѣ и идетъ въ продажу. Турфанскій ванъ основалъ было одно время шелко-ткацкую фабрику въ Турфанѣ; потомъ фабрику эту взяло китайское правительство. Производство велось ручнымъ способомъ, при чемъ вырабатывались легкія шелковыя ткани, но фабрика существовала не долго, такъ какъ дохода она не приносила и сама по себѣ, а кромѣ того, появилась конкуренція въ видѣ шелковыхъ тканей, привозимыхъ изъ Внутренняго Китая. Эти ткани оказались и лучше и дешевле. Въ виду убыточности дѣла, фабрика просуществовала нѣсколько лѣтъ и закрылась.

Шелко-ткацкое производство ведется кустарнымъ способомъ, также какъ и хлопчатобумажное. Нѣтъ ни одной фабрики, подобной даже упомянутой турфанской. Сбытъ и самое производство организованы по тому же типу, что и хлопчатобумажныхъ издѣлій. Выдѣлываются платки, шарфы, шаи, дуры, совершенно похожіе на тѣ, которые приготавлиются въ нашемъ Туркестанѣ. Остатки шелка и очески идутъ на выдѣлку ковровъ. Прежде туркестанскіе шелка отличались прочностью своихъ красокъ; но теперь, со введеніемъ въ употребленіе анилиновыхъ красокъ, краски скоро выцвѣтаютъ. Впрочемъ, и самое шелко-ткацкое производство падаетъ. Оно оказывается невыгоднымъ, во-1-хъ, потому, что на шелкъ-сырецъ спросъ больше и болѣе постоянный; во-2-хъ, приходится считаться съ конкуренціей заграничныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, которыя и прочнѣе и дешевле, чѣмъ шелковыя матеріи, и болѣе до средствъ средняго покупателя. Ковровое производство существуетъ главнымъ образомъ въ Хотанскомъ оазисѣ, почему и ковры, выдѣлываемые въ Восточномъ Туркестанѣ, известны въ Западномъ Китаѣ подъ именемъ хотанскихъ. Попадая въ русскіе предѣлы, ковры эти получаютъ названіе бухарскихъ, подъ какимъ названіемъ и известны въ торговлѣ.

Въ очень недавнее еще время хотанскіе ковры славилась прочностью ткани, прочностью своихъ красокъ и въ то же время дешевойю. Но послѣдніе годы качество ковровъ стало ухудшаться. Китайцы говорятъ, что причина этого—увеличеніе налога на ковры, для уплаты контрибуціи европейцамъ, что особенно тяжело отразилось на ковровомъ производствѣ, такъ какъ съ этого производства стали брать особенно много. При прежней цѣнѣ ковра, напримѣръ, въ 6—8 рублей, налога берутъ 1—2 руб. Но одна ли эта причина тутъ дѣйствуетъ, или есть еще и другія, ковры во всякомъ случаѣ стали гораздо хуже. Прежде хотанскій коверъ могъ держаться много годы, оставаясь вполне крѣпкимъ, а главное—не выцвѣтая. Теперь же ковры скоро рвутся и, попавши на солнце, быстро выцвѣ-

таютъ. Работа ихъ стала хуже, а потомъ и краски не такія прочныя, только рисунки остались тѣ же, что и прежде. Рисунки на коврахъ хотя и отличаются пестротой, но имѣютъ въ себѣ много оригинальнаго, и любители этого рода произведеній восхищались ими.

Вырабатываются въ Хотанѣ два сорта ковровъ—шерстяные и шелковые; тѣ и другіе на бумажной основѣ. Шерстяные ковры бываютъ очень большихъ размѣровъ, шелковыхъ же ковровъ большихъ размѣровъ не встрѣчается. Оттѣнковъ цвѣтовъ немного. Всего чаще встрѣчаются красный, желтый, бѣлый и синий цвѣта въ разныхъ комбинаціяхъ. Рисунки несложные. Производство ковровъ имѣетъ домашній, кустарный характеръ, фабрикъ нѣтъ. Работаютъ исключительно сарты. Работаютъ на скупщиковъ, которые болѣею частью доставляютъ и матеріалъ для работы. Матеріальное положеніе рабочихъ-ковровщиковъ печальное.

Хотя въ послѣднее время ковровое производство и падаетъ; хотя качество ковровъ и стало хуже, но совсѣмъ погибнуть оно не можетъ, потому что спросъ не уменьшается. Очень ужъ въ восточные люди, особенно сарты, любятъ украшать свои жилища коврами; у нихъ коверъ болѣе необходимая принадлежность въ домѣ, чѣмъ мебель, и, потому, спросъ на ковры никогда не прекратится, если бы даже производство ковровъ и еще болѣе ухудшилось, чего ожидать, впрочемъ, нельзя.

Производства, свойственныя всему Западному Китаю, это винокурение и приготовленіе растительнаго масла; винокуренные и маслوبيнные заводы есть во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ, а иногда даже и селеніяхъ края. При этомъ винокурение болѣе развито тамъ, гдѣ преобладающее населеніе китайцы и вообще не мусульмане. Мусульмане пить вина не могутъ, и, потому, напримѣръ, въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ населеніе, по преимуществу, мусульманское, винокуренные заводы встрѣчаются только въ болѣе значительныхъ городахъ, гдѣ есть

довольно много китайцевъ. Винокуренные и маслособойные заводы обыкновенно небольшіе, такъ что заводъ, имѣющій до 50 человекъ рабочихъ, считается уже крупнымъ. Иногда не бываетъ даже и наемныхъ рабочихъ, а все дѣло ведется силами одной семьи.

Водку готовятъ изъ гаоляна, изъ ячменя и риса. Водка самаго низкаго качества, съ сильнымъ запахомъ сивушнаго масла и производить на человѣка одуряющее впечатлѣніе. Люди, не привыкшіе къ китайской водкѣ, подъ влияніемъ ея, быстро теряютъ сознание, дѣлаются какими-то бѣшеными и въ такомъ состояніи способны на что угодно. Нерѣдки случаи и смерти отъ употребленія непривыкшимъ къ ней человекомъ китайской водки. Особенно вредное дѣйствіе производить эта водка, если пить ее холодной. Поэтому, китайцы всегда пьютъ ее подогрѣтой. Вообще, китайцы очень трезвый народъ. Пьютъ они только въ свои большіе праздники, да и то умеренно. На улицѣ пьянаго китайца увидѣть нельзя. Если же въ близкой компаніи, на торжественномъ обѣдѣ китайцевъ и выпьетъ нѣсколько больше, чѣмъ обыкновенно, то держится прилично. Если же мы встрѣчаемъ пьяныхъ китайцевъ, на примѣръ, въ Маньчжуріи, то въ этомъ сказывается наше русское влияніе. На обѣдахъ, гдѣ участвуютъ и китайцы, русскіе образованные люди нерѣдко находятъ забаву въ подшаваніи китайцевъ. Китайцы же, видя, что у насъ много выпивается вина, думаютъ, что у русскихъ самое большое удовольствіе, какъ можно, больше выпить, и пьютъ иногда, чтобы сдѣлать пріятное своимъ гостямъ русскимъ. Но, въ дѣйствительности, они осуждаютъ и это пьянство и тѣхъ, кто пьетъ.

Но кто любитъ водку, такъ это монголы и не окитаившіеся еще маньчжуры. Среди монголовъ встрѣчаются типичные алкоголики. Въ состояніи опьянѣнія мирные, обыкновенно, монголы дѣлаются буйными и опасными. Монголы и маньчжуры живутъ обособленно и, потому, нужно поближе познакомиться съ ними, чтобы видѣть, какіе глубокіе корни

пустилъ среди нихъ алкоголизмъ. Такъ какъ монголы большіе любители выпить, то каждый монголъ умѣетъ готовить хмельные напитки, и примитивныя принадлежности для этого есть въ хозяйствѣ каждаго зажиточнаго торгоута.

Маслособойные заводы существуютъ всюду. Масло необходимое пищевой продуктъ для всякаго китайца, а кромѣ того, оно нужно и для освѣщенія жилища. Заводы небольшіе, съ небольшимъ количествомъ рабочихъ. Приготавливается на нихъ бобовое и кунжутное масло; бобовое масло хорошаго качества, такъ что оно не противно даже европейцамъ. Что же касается кунжутнаго масла, то оно имѣетъ очень непріятный запахъ и, при томъ, настолько сильный, что его чувствуешь, когда приближаешься къ китайской деревнѣ. Запахомъ кунжутнаго масла питантъ и самъ китаецъ, такъ что кажется, что этотъ запахъ какъ будто прирожденъ китаицу.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Западнаго Забѣннаго Китая существуетъ бумажное производство. Вырабатывается бумага оберточная и для приготовления китайскаго фейерверка. Писчей бумаги въ Западномъ Китаѣ не производится, вся она привозится изъ Внутренняго Китая или изъ Россіи. Материаломъ для приготовления бумаги служатъ двухъ сортовъ трава: одна въ родѣ ириса и растетъ на сухихъ мѣстахъ, а другая—въ родѣ камыша и растетъ на низкихъ, болотистыхъ мѣстахъ. Процессъ приготовленія бумаги изъ той и другой травы, какъ мнѣ удалось познаться, совершенно одинаковъ. Сначала собранную траву кладутъ кучей на рѣшетчатую настилку и снизу эту кучу подогрѣваютъ, такъ что трава парится. Затѣмъ ее мелютъ на жерновахъ и получившуюся муку моютъ въ проточной водѣ. Потомъ кладутъ ее въ ванну, наполненную водой, и помѣшиваютъ особымъ черпакомъ. Когда содержимое въ ваннѣ принимаетъ видъ жидкой кашицы, то кашницу эту складываютъ въ особую форму, съ дномъ вродѣ частаго рѣшета или сита. Вода свободно вытекаетъ черезъ такое дно, и на днѣ остается листъ бумаги, который снимаютъ

и наклеивается на стѣну фабрики для просушки. Такъ какъ стѣны фабрики для этого, обыкновенно, не хватаетъ, то пользуются стѣнами сосѣднихъ домовъ, въ уплату за что фабрикантъ оштукатуриваетъ сосѣднимъ стѣны. Бумага получается грязновато-сѣроватаго или желтоватаго цвѣта, неровная, съ комками, но прочная и для обертки вполне годится.

Изъ другихъ производствъ нужно отмѣтить производство войлоковъ, которое особенно развито у кочевниковъ-скотоводовъ, такъ какъ они сами прежде всего и нуждаются въ войлокѣ. У кочевника изъ войлока дѣлается его жилище—юрта; войлокъ онъ стелетъ вмѣсто ковра или деревяннаго пола на землю въ юртѣ; войлокомъ покрывается въ холодное время, вмѣсто одѣяла; тотъ же войлокъ служитъ ему и для упаковки вещей при перекочевкахъ. Существуетъ нѣсколько сортовъ войлока, начиная отъ самаго грубаго и чернаго до бѣлаго и тонкаго. Самый высшій сортъ войлока, плотный, бѣлый и прочный, носитъ названіе кашгарскаго, кашгарской кошмы. Но въ Кашгарѣ-то онъ, именно, и не готовится, а всего болѣе готовится въ Хотанѣ, а, затѣмъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но не изъ киргизской, а изъ монгольской шерсти, такъ какъ шерсть монгольскихъ барановъ отличается своей бѣлизной и тонкостью. Въ послѣднее время производство войлока достигло очень крупныхъ размѣровъ, такъ какъ, съ развитіемъ торговли съ Россіей, возросъ спросъ на войлокъ для упаковки товаровъ, вывозимыхъ изъ китайскихъ предѣловъ въ русскіе, а, затѣмъ, сильно увеличился и вывозъ самаго войлока въ русскіе предѣлы.

Выдѣлка войлока—кустарное производство. У монголовъ и киргизовъ этимъ дѣломъ заняты женщины и дѣти. Съ увеличеніемъ спроса на войлокъ, цѣны на него поднимаются, а въ то же время, къ сожалѣнію, падаетъ и его качество, такъ какъ не успѣваютъ хорошо выдѣлывать достаточнаго количества войлока.

Кромѣ указанныхъ болѣе крупныхъ производствъ, существуютъ еще мелкія—ремесла. Но ремесла въ Западномъ

Китаѣ удовлетворяютъ только неприхотливымъ требованіямъ мѣстнаго населенія, а для вывоза ничего не даютъ. Здѣсь мы не найдемъ тонкой, замысловатой работы, на которую такъ способны китайскіе ремесленники. На такія издѣлія здѣсь слишкомъ мало спроса. Работа, почти исключительно, простая и грубая, и если попадаются иногда въ продажѣ болѣе изящныя вещи, то все это привозится изъ Внутренняго Китая. Ремеслами занимается главнымъ образомъ кашгарлыки и таранчи, изъ остальныхъ народностей ремесленниковъ мало.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Торговля.—Характеристика торговцев—сартовъ и китайцев.—Любовь китайцев къ союзамъ и коопераціи.—Участіе служащихъ въ прибыли предпріятія.—Хорошая организація китайскихъ торговыхъ предпріятій.—Внепорядочность и неустойчивость предпріятій кашгарскихъ.—Денежное обращеніе.—Ямбовое серебро.—Серебряная монета.—Монетные дворы.—Мѣдная монета.—Казенные кредитные билеты.—Билеты частныхъ фирмъ.—Русскія деньги.—Мѣновая торговля.—Банки.

Въ каждой странѣ уровень развитія торговли, обыкновенно, соотвѣтствуетъ уровню развитія промышленности добывающей и обрабатывающей. Изъ очерка, изложеннаго въ предыдущей главѣ, мы уже видѣли, что промышленность въ Западномъ Китаѣ находится на очень низкой ступени развитія, существующіе естественные ресурсы ея почти совсѣмъ еще не использованы. Сообразно съ этимъ и торговля въ этомъ огромномъ краѣ развита пока, сравнительно, слабо. Тѣмъ не менѣе она все-таки существуетъ и развивается.

Какъ въ краѣ пограничномъ, торговля въ Западномъ Китаѣ распадается на двѣ части: внутреннюю—съ внутренними провинціями Китая, и вѣншнюю—съ Россіей, съ нашими Сибирью и среднеазиатскими владѣніями. Торговля съ Россіей находится почти исключительно въ рукахъ русскихъ подданныхъ, о ней мы скажемъ ниже особо, а пока

будемъ говорить о торговлѣ внутренней, въ которой господствуютъ исключительно китайскіе подданные—коренные китайцы или инородцы, по преимуществу сарты.

Но хотя китайцы и инородцы участвуютъ въ одной сферѣ дѣятельности, дѣло у тѣхъ и другихъ поставлено и ведется по-своему, различно. Каждая изъ этихъ двухъ народностей проявляетъ и въ этой сферѣ дѣятельности свои особенныя, ей присущія черты характера. Какъ въ своемъ мѣстѣ я указалъ, сарты отличаются своей крайней неуживчивостью, склонностью къ ссорамъ и клеузамъ. А это такія черты характера, которыя очень мѣшаютъ развитію духа товарищества, коопераціи. Два сарта, даже близкіе родственники, не могутъ ладить между собой. Оттого, всѣ они дѣйствуютъ вразбродъ, нѣтъ у нихъ не только крупныхъ, но даже и мелкихъ компаній, прочныхъ товариществъ. Каждый сартъ-кашгарлыкъ, прослуживъ нѣсколько времени приказчикомъ и наживъ небольшую сумму денегъ, первымъ дѣломъ старается сдѣлаться самостоятельнымъ и открыть хотя маленькую, но свою собственную отдѣльную торговлю. Поэтому, крупныхъ торговыхъ предпріятій сартовскихъ очень мало, а большинство существующихъ, болѣе значительныхъ предпріятій, стоятъ далеко не прочно.

Наоборотъ, китайцы имѣютъ особенную склонность къ дѣйствию сообща, къ коопераціи во всѣхъ видахъ. Я не могу сказать, чтобы китайцы отличались особеннымъ развитіемъ братскихъ, товарищескихъ чувствъ; напротивъ, китаецъ большой эгоистъ и очень черствый по натурѣ человекъ. Но китаецъ въ высшей степени человекъ практической, расчетливый и благоразумный. Длинная его исторія не прошла для него даромъ; она дала ему не мало полезныхъ уроковъ, которые онъ хорошо запомнилъ. Она выработала въ немъ благоразуміе, сознание, что въ единеніи сила. Поэтому, у китайцевъ въ ходу и процвѣтаютъ союзы всякаго рода. И въ сферѣ торговой дѣятельности издавна уже образовалась масса компаній. Есть компаніи,

которая захватили въ свои руки исключительно торговлю цѣлыхъ провинцій и даже цѣлыхъ громадныхъ районовъ. Это дѣлается такъ, что въ компанію привлекаются всѣ торговцы извѣстнаго района. Такъ что въ Китаѣ мы имѣемъ уже готовый образецъ современныхъ американскихъ трестовъ. Въ Западномъ Китаѣ дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, шаньсійскія и тьяньцзинскія фирмы, которыя, несомнѣнно, дѣйствуютъ по взаимному соглашенію, потому что конкуренціи между ними несомнѣнно.

Кромѣ того, и отдѣльныя предпріятія, большей частью, организуются на товарищескихъ началахъ. Это выражается въ томъ, что служащіе, приказчики извѣстной фирмы, не являются просто наемными людьми, какъ у насъ, а, наоборотъ, всѣ они являются участниками предпріятія, получающими извѣстный процентъ изъ доходовъ предпріятія, такъ что каждый приказчикъ въ то же время чувствуетъ себя и хозяиномъ предпріятія, заинтересованъ въ его успѣшномъ ходѣ. Одинъ или два изъ старшихъ приказчиковъ имѣютъ права довѣренныхъ, и представляютъ свою фирму, въ которой они состоятъ, предъ третьими лицами. Для этого они снабжаются печатью фирмы, которую они и прилагаютъ къ документамъ, взаимнѣ напихъ подписей. Подписи въ Китаѣ не приняты. При такомъ устройствѣ торговаго предпріятія, когда почти всѣ болѣе или менѣе значительные служащіе лично заинтересованы въ его прибыльности, дѣло, конечно, всегда пойдетъ успѣшно. И дѣйствительно, не приходится слышать о крупныхъ несостоятельностихъ китайскихъ торговыхъ фирмъ.

Въ веденіи самаго дѣла китайцы отлагаются большимъ порядкомъ и разумностью. Аккуратно ведутся торговныя книги, которыя, по китайскому обычаю, считаются доказательствомъ того, что въ нихъ записано, въ случаѣ правильности ихъ веденія. Торговля болѣе или менѣе крупная ведется по преимуществу въ кредитъ, при чемъ если въ томъ или другомъ случаѣ спеціального срока платежа не установлено, то по китайскому обычаю, равносильному для

китайскаго купца закону, платежъ производится передъ однимъ изъ четырехъ годовыхъ китайскихъ праздниковъ, то-есть передъ праздниками весны, лѣта, осени и зимы; первый совпадаетъ съ китайскимъ Новымъ годомъ. Передъ Новымъ годомъ полагается очищать всѣ счета и это довольно строго соблюдается. Долговые документы такъ, какъ они существуютъ у насъ, у китайцевъ не получили права гражданства. Основаніемъ всѣхъ расчетовъ служатъ торговныя книги да иногда торговныя письма. Векселей совсѣмъ нѣтъ. Въ послѣднее время, съ развитіемъ сношеній съ иностранцами, начинаютъ входить въ употребленіе расписки, но только въ сношеніяхъ съ иностранцами. Между китайцами это не прививается, да и иностранцамъ они выдаютъ расписки крайне неохотно. Китаецъ смотритъ на дѣло такъ, что если ему вѣрить, такъ пусть вполне вѣрятъ, а то иначе онъ не будетъ заключать и сдѣлки. Вообще нужно сказать, что китайцы-коммерсанты въ своей торговой дѣятельности отличаются большой честностью. На слово китайскаго купца положиться можно. Многолѣтній опытъ научилъ китайца, что въ торговомъ дѣлѣ честность выгоднѣе обмана. Съ давнихъ временъ у китайцевъ сложились многіе обычаи, которые въ торговой средѣ такъ же обязательны, какъ у насъ писанный законъ, и намѣренное и сознательное несоблюденіе тѣмъ или другимъ купцомъ этихъ обычаевъ равносильно на практикѣ исключенію купца изъ торговаго общества. Конечно, недоразумѣнія бывають и среди китайцевъ, но къ правительственному суду въ такихъ случаяхъ они не прибѣгаютъ, а судятся у своихъ выборныхъ торговыхъ старшинъ, которые и разбирають дѣла по обычаю. Только человѣкъ, уже потерявшій кредитъ въ торговомъ мірѣ, добровольно пойдетъ судиться къ китайскому чиновнику.

Въ противоположность этой устойчивости и определенности нормъ обычнаго торговаго права въ средѣ кореннаго китайскаго купечества, китайскіе купцы изъ сартова не выработали ничего опредѣленнаго. Торговля у нихъ не-

дятся беспорядочно; нѣтъ правильныхъ торговыхъ книгъ, такъ что сартъ даже не имѣетъ яснаго представления о состояніи своихъ торговыхъ дѣлъ. Честностью въ своихъ дѣлахъ они не отличаются. Поэтому, вѣроятно, письменный документъ и имѣетъ у нихъ такое большое значеніе. При всѣхъ сдѣлкахъ въ кредитъ выдаются письменные документы—расписки. Документъ для прочности пишется или при свидѣтеляхъ, или свидѣтельствуется каземъ-муллой. Но это ровно нисколько дѣлу не помогаетъ, такъ какъ, не смотря ни на какія письменныя или словесныя обязательства, сарты-кашгарлыки преисправно обманываютъ доверчивыхъ людей. Жизнь и ненадежность кашгарлыка настолько уже обычна, что въ случаѣ, если заключаютъ съ нимъ болѣе или менѣе значительную сдѣлку, то, большей частью, берутъ поручителей, которые уже и обязываются выполнить обязательство или уплатить долгъ за не исполнившаго обязательство контрагента. Нерѣдко бываетъ такъ, что кашгарлыкъ платитъ исправно годъ, два, такъ что пріобрѣтаетъ уже нѣкоторое довѣріе въ торговомъ мірѣ, а затѣмъ набираетъ сразу товару на большую сумму у разныхъ купцовъ, скрываетъ товаръ и объявляетъ себя несостоятельнымъ. На такую удочку всего чаще попадаютъ русскіе подданные купцы. Взыскать тогда что-нибудь бываетъ очень трудно. Кашгарлыкъ или совсѣмъ скрывается, или стонически переноситъ огромное количество палочныхъ ударовъ, если, конечно, не сумѣетъ отъ нихъ откупиться, давъ взятку подлежащему китайскому начальству. Въ дѣлахъ съ кашгарлыками и китайскимъ купцамъ приходится обращаться къ правительственному суду, но, въ общемъ, они очень осторожны, и особенно въ дѣлахъ съ кашгарлыками, и только въ крайнихъ случаяхъ представляютъ свои гражданскія дѣла на судъ начальства.

Орудіемъ торговаго объѣма въ Западномъ Китаѣ служатъ: китайское ямбовое (въ слиткахъ) серебро, китайская серебряная мѣстная монета, мѣдная мелкая монета, русскими называемая чохами, или ярмаками, казенныя бумаж-

ныя деньги (тѣцзы), билеты частныхъ банковъ и нѣкоторыхъ фирмъ—частныя тѣцзы, и, наконецъ, въ округахъ, лежащихъ вблизи русской границы, русскіе кредитные билеты и монета.

Всѣмъ, хоть сколько-нибудь интересующимся Китаемъ, конечно, хорошо извѣстно, что въ Китаѣ не существуетъ определенной монеты и денежной единицы. Китайскій серебряный ланъ, на который производится счетъ во всемъ Китаѣ, это единица вѣса и, при томъ, далеко не одинаковая въ разныхъ провинціяхъ. Такъ что вѣсъ лана различенъ, и въ виду этого, когда одна изъ торгующихся сторонъ называется цѣну вещи столько-то ланъ, то нужно осведомиться, какихъ это ланъ, такъ какъ въ зависимости отъ того, о какомъ ланѣ идетъ рѣчь, и истинная стоимость вещи, при одинаковомъ числѣ ланъ, можетъ быть различна. Такъ, есть вѣсъ лана купинъ, сяньбинъ и т. д. Ланъ по вѣшнему виду это слитокъ серебра. Обыкновенно, онъ отливается въ видѣ лодочки. Такіе слитки начинаются отъ пяти ланъ (номинально 10 руб.) и болѣе до пятидесяти ланъ. Последній слитокъ носитъ названіе ямба—передѣлка китайскаго названія юаньбао. Меньше пяти ланъ слитки бываютъ уже различной формы, въ видѣ кусочковъ, большей частью приближаясь къ формѣ куба; но бываютъ и неправильной формы. И вотъ, чтобы расплатиться ямбовымъ серебромъ за что-нибудь, приходится взвѣшивать на вѣсахъ большія ямбы. А если нужно бываетъ заплатить какую-нибудь небольшую сумму, то приходится отрубать соответственный кусокъ серебра и тоже взвѣшивать. Конечно, вся эта процедура крайне мѣшкотна и неудобна. У неопытнаго человѣка могутъ быть, да часто и случаются, значительныя ошибки, особенно при несовершенствѣ китайскихъ вѣсовъ. Но еще болѣе важный вопросъ—это опредѣленіе доброкачественности серебра. Слитки серебра—ямбы—приготовляются обычно извѣстными крупными торговыми или банкирскими фирмами, которыя на слиткахъ ставятъ клейма. Фирма уже и ручается за добро-

качественность серебра. Но поддѣлка здѣсь возможна болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; вѣдь клеймо фирмы можно поддѣлать, и съ этимъ клеймомъ можно выпустить въ обращеніе ямбы низкопробныя. Затѣмъ, еще чаще бываетъ такъ, что внутренность слитка вынимается, наливается въ пустоту свинецъ; снаружи все приводится въ прежній видъ и ямба можетъ свободно обращаться, пока не попадетъ въ руки знающаго человѣка, который откроетъ эту поддѣлку. Поэтому, къ ямбамъ, повидимому, совершенно правильнымъ, нужно относиться съ большою осторожностью. Китайцы—кушцы справляются съ этимъ дѣломъ очень хорошо; отлично умѣютъ опредѣлять качество серебра, а попадаются впрасакъ всею чаще неопытные русскіе подданные торговцы.

Ямбовое серебро имѣетъ хожденіе по всѣмъ провинціямъ Китая, но роли монеты не играетъ, да и играть не можетъ.

Серебряная монета существуетъ далеко не во всѣхъ провинціяхъ и обращается лишь въ той провинціи, въ которой и для которой она выпущена, такъ что, напримѣръ, урумчинская монета имѣетъ хожденіе только въ предѣлахъ Западнаго Китая. Въ Синьцзянской провинціи существуетъ серебряная монета: въ 10 коп., 20 коп., 60 коп. и 1 рубль. Эта оцѣнка, конечно, лишь приблизительная по отношенію къ цѣнности нашего рубля. Вся эта монета высокопробная, очень похожа на нашу серебряную монету, но сдѣлана очень грубо. Въ обращеніи ея немного и, во всякомъ случаѣ, безусловно недостаточно для удовлетворенія спроса. Въ Урумчи эту монету еще можно имѣть, а также и въ Кашгарѣ; но, напримѣръ, въ Чугучакѣ и Кульджѣ она является уже рѣдкостью.

Для чеканки монеты имѣются два монетныхъ двора: одинъ въ Урумчи, другой въ Кашгарѣ. Урумчинскій монетный дворъ синьцзянскій губернаторъ Пань предполагалъ передать въ руки Русско-китайскаго банка, когда отдѣленіе его будетъ открыто въ Урумчи. Работа на монет-

номъ дворѣ ведется большей частью ручнымъ способомъ. Есть только самая простая машина. Поэтому изготовляется монеты очень немного. Всѣ дѣла находятся исключительно въ вѣдѣніи мѣстныхъ властей, и центральное китайское правительство въ дѣло денежнаго обращенія въ провинціяхъ до сихъ поръ совершенно не вмѣшивалось. Настоящій синьцзянскій губернаторъ Пань отлично понимаетъ несовершенство постановки денежнаго обращенія въ Китаѣ и въ своей провинціи намѣренъ ввести нѣкоторыя улучшения, но выйдетъ ли что-нибудь изъ его добрыхъ намѣреній, неизвѣстно. Вѣдь и самъ онъ, неизвѣстно, долго ли просидитъ на мѣстѣ.

Для мелкихъ расчетовъ существуетъ мелкая мѣдная монета, которую въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ мусульмане, а за ними и русскіе, называютъ ярмакъ, или джармакъ, а въ Маньчжуріи, напримѣръ, называютъ чохами (испорченное китайское цянъ). Ярмакъ, или чохъ, представляетъ изъ себя кружокъ съ четырехугольнымъ отверстиемъ по срединѣ для нанизыванія на веревку, такъ какъ чохи носятъ связками, въ родѣ нашихъ баранокъ. Стоимость ярмака въ разныхъ мѣстностяхъ провинціи различна; такъ, въ Чугучакѣ, напримѣръ, одинъ ланъ, приблизительно нашихъ два рубля, считается равнымъ 400 ярмакамъ; въ Илійскомъ краѣ 800 ярмакамъ; въ Урумчи почти 1,000 ярмакамъ и т. д. При этомъ курсъ, по которому мѣняется серебро на мѣдную монету, въ каждой мѣстности постоянно мѣняется, въ зависимости отъ того, сколько того или другого орудія платежа находится въ данный моментъ въ данной мѣстности. При недостаточности денежныхъ знаковъ, вообще, въ Западномъ Китаѣ, очень нерѣдко бываетъ, что курсъ на ярмаки сильно поднимается, что даетъ поводъ къ игрѣ на повышение и пониженіе, которой китайцы большіе любители. Игра эта преслѣдуется мѣстными властями, но, разумеется, цѣли это никогда не достигаетъ.

Ярмаки имѣютъ обращеніе лишь въ той мѣстности, для которой они предназначены, такъ что, напримѣръ, кульдж-

жинские не пойдутъ въ Чугучакъ, и наоборотъ. Положимъ, они и неудобны для перевозки на болѣе или менѣе дальнее разстояніе, въ виду своей тяжести. Такъ, напримѣръ, чтобы перевезти изъ одной мѣстности въ другую сто рублей ярмаками, нужно нагрузить ими цѣлый возъ. Но при всѣхъ этихъ неудобствахъ, ярмаки удовлетворяютъ своему назначенію. Потребности простого народа въ Китаѣ настолько невелики, что для платежей нужна самая мелкая монета, болѣе крупные монетные знаки, какъ 10 коп. и выше, мало даже и прививаются; обдѣные китайцы, получая такую монету, стараются ее поскорѣ сбыть, такъ какъ она кажется для нихъ чересчуръ крупной, въ родѣ какъ для нашего крестьянина пятирублевая или десятирублевая бумажка. Только слѣдовало бы уменьшить размѣры, а слѣдовательно, и вѣсъ ярмака. Это будетъ особенно необходимо, если ярмаки будутъ обращаться во всей провинціи.

Другимъ узаконеннымъ орудіемъ платежа являются казенные кредитные билеты, по-китайски тѣнзы. Эти билеты представляютъ изъ себя не что иное, какъ вырѣзанные изъ плотной, бѣлой бумажной матеріи, почти всегда русской, продолговатые четырехугольники. Для прочности они проклеиваются еще какимъ-то лаковымъ клеемъ, который придаетъ имъ грязно-желтый цвѣтъ. На билетѣ отпечатывается крупными буквами, что это тѣнца правительственная, затѣмъ, сколько она стоитъ: обыкновенно, равняется лану или двумъ; стоимость исчисляется на ярмаки; ставится номеръ, прикладывается къ ней печать, при чемъ это дѣлается такъ, что половина печати оттискивается на билетѣ, а другая въ соответствующемъ мѣстѣ кредитной книги, въ которой она значится записанной. Поэтому, чтобы провѣрить, не фальшивая ли тѣнца, стоитъ приложить ее къ тому мѣсту въ книгѣ, гдѣ находится вторая половина печати, и вопросъ выясняется, подлинная ли то тѣнца, или поддѣльная. Способъ этотъ, положимъ, не очень остроумный, однако, пока единственный въ своемъ родѣ. Знайки и по другимъ признакамъ умѣютъ отличать поддѣль-

ная тѣнца отъ настоящихъ, но это только знатоки. Поддѣлка строжайшимъ образомъ карается, а преступника открыть не трудно, такъ какъ тѣнзы выпускаются въ небольшомъ количествѣ и имѣютъ очень ограниченный районъ обращенія.

Тѣнзы выпускаются, большей частью, уѣздными начальниками, по закону, съ обязательнымъ обеспеченіемъ въ равной суммѣ серебромъ и обязательнымъ свободнымъ размѣномъ въ мѣстномъ казначействѣ. Но на дѣлѣ этого почти никогда не бываетъ: обеспечение бываетъ не полное и размѣнъ очень затрудняется подъ самыми разнообразными предлогами. Отъ выпуска тѣнцъ мѣстныя власти получаютъ хорошую прибыль: скопившееся въ казначействѣ серебро они пускаютъ частнымъ образомъ въ обращеніе на свои и чужія коммерческія предпріятія, а расплачиваются бумажками, и, такимъ образомъ, получаютъ хорошій процентъ на казенный капиталъ. Но такъ какъ за такіе коммерческіе обороты подлежащія власти, обыкновенно, не хвалятъ, то, сдѣлавши операцію, уѣздный начальникъ старается извлечь лишніи выпущенныя тѣнзы назадъ, что дѣлается довольно скоро и безъ особенныхъ затрудненій, такъ что казенныя тѣнзы, особенно въ небольшихъ городахъ, то появляются въ обращеніи, то исчезаютъ. Обмѣнъ тѣнцъ на серебро все-таки, конечно, производится, но только для лицъ вліятельныхъ или почему-либо власти удобныхъ. А кромѣ того, при обмѣнѣ въ казначействѣ взимаются еще разные незаконные сборы, во-1-хъ, за промѣнъ, во-2-хъ, на веревки для связыванія ярмаковъ. Эти сборы идутъ уже въ пользу казначейскихъ чиновниковъ.

Въ послѣднее время синцзянскимъ губернаторомъ былъ сдѣланъ опытъ выпуска бумажныхъ денегъ для всей провинціи. Эти новыя тѣнзы представляютъ изъ себя нѣкоторое подражаніе нашимъ кредитнымъ билетамъ; такъ, напримѣръ, билетъ въ 5 ланъ или 10 рублей номинальныхъ розоваго цвѣта такъ же, какъ и наша десятирублевка. Размѣнъ

провинциальных тѣвъ долженъ производиться во всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ провинціи. Эта мѣра, разумѣется, представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ упорядоченія денежнаго обращенія въ краѣ, но прививается она плохо. Во-1-хъ, противодѣйствуютъ ей уѣздныя власти, которая теряютъ доходъ и значительный, отъ изыятія изъ ихъ рукъ выпуска кредитныхъ билетовъ; ихъ противодѣйствіе, конечно, не гласное; а во-2-хъ, и население относится къ новой мѣрѣ крайне недоувѣрчиво. Тутъ играетъ роль и это недружелюбное отношеніе уѣздныхъ властей, которыя въ этомъ смыслѣ вліяютъ и на населеніе, а затѣмъ, и вообще, недоувѣріе ко всякимъ казеннымъ начинаніямъ, которыя, обыкновенно, невыгодно отражаются на самомъ населеніи, для пользы котораго они, повидимому, дѣлаются. Населеніе думаетъ, и совершенно справедливо, что если уѣздныя тѣвзы трудно объяснить, то еще труднѣе провинціальныя, такъ какъ, если на злоупотребленія уѣзднаго начальника можно жаловаться губернатору, то на губернатора жаловаться уже некому. Поэтому казенныя тѣвзы, вообще, доувѣріемъ среди населенія не пользуются.

Большимъ доувѣріемъ пользуются билеты частныхъ банковъ и разныхъ торговыхъ фирмъ. По внѣшнему виду они очень походятъ на казенныя тѣвзы, только вмѣсто надписи, что тѣвца казенная, написано названіе фирмы, выпускающей тѣвцу. Выпускъ частныхъ тѣвъ дѣлается съ разрѣшенія уѣзднаго начальника, подъ обезпеченіе серебромъ въ извѣстной суммѣ, но не сполна. Кромѣ того, отъ выпускающей тѣвзы фирмы требуется поручительство нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ, извѣстныхъ своей благонадежностью. Поручительство это дается въ управленіи уѣзднаго начальника. Если бы фирма оказалась несостоятельной и прекратила размѣвъ билетовъ, то фирмы-поручительницы обязаны выполнить обязательство несостоятельной фирмы. Въ случаѣ уклоненія отъ этого обязательства, представители этихъ фирмъ подвергаются наказанію. Выпускъ тѣвъ очень выгоденъ для купцовъ, а кромѣ

того служить къ облегченію и торговаго оборота; поэтому болѣе крупныя фирмы охотно ихъ выпускаютъ. Власти это хорошо знаютъ и этимъ случаемъ пользуются для наживы. Каждая фирма, кромѣ обезпеченія серебромъ и поручительства другихъ торговыхъ фирмъ, должна за право выпуска уплатить еще, въ видѣ благодарности, значительную сумму властямъ. Но выполненіе всѣхъ этихъ условій нисколько не гарантируетъ, съ одной стороны, публику, принимающую частныя тѣвзы, отъ потерь, а съ другой—прочности права выпускающаго тѣвзы, такъ какъ бываетъ, что за взятку разрѣшается выпускать тѣвзы безъ надлежащаго поручительства и безъ обезпеченія, а кромѣ того, часто достаточно незначительнаго повода, чтобы право это было отнято начальствомъ. Иногда совершенно неожиданно власти вдругъ даютъ приказъ объ изыятіи тѣвъ, и тѣвзы исчезаютъ изъ обращенія. Тѣмъ не менѣе, частныя тѣвзы существуютъ и пользуются даже большимъ доувѣріемъ и распространеніемъ, чѣмъ казенныя. И это понятно. Въ большомъ округѣ, въ которомъ вращаются тѣвзы, хорошо знаютъ состоятельность той или другой фирмы, а потому, въ случаѣ разстройства дѣлъ ея, легко могутъ обвинить тѣвзы на серебро. Тѣвзы богатыхъ фирмъ, имѣющихъ отдѣленія во многихъ мѣстностяхъ Китая, принимаются во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся эти отдѣленія; такимъ образомъ, районъ ихъ распространенія очень расширяется, что очень важно въ торговомъ дѣлѣ. Прекращеніе размѣна билетовъ частныхъ банковъ и торговыхъ фирмъ явленіе, сравнительно, не частое, такъ что къ тѣвзамъ этимъ можно относиться съ значительнымъ доувѣріемъ.

Въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Россіей, въ ходу также русскіе кредитные билеты и наша монета, серебряная и мѣдная. Бумажки наши ходятъ по курсу, который довольно часто мѣняется. Но это имѣетъ значеніе только для болѣе крупныхъ платежей; въ обиходѣ же и мелкихъ платежахъ колебаніе курса почти незамѣтно. Пограничное населеніе Китая уже привыкло къ русскимъ деньгамъ и

очень охотно их принимает. Но я думаю, что послѣ нашей неудачной войны съ Японіей курсъ нашихъ денегъ въ Западномъ Китаѣ будетъ сильно колебаться, что уже теперь и замѣчается. И въ обыкновенное время бываетъ значительное измѣненіе курса, но большей частью периодически. Это бываетъ передъ ярмарками Ирбитской и Нижегородской. Въ это время нашимъ купцамъ, торгующимъ въ Китаѣ, нужны бываютъ кредитные билеты для платежей на ярмаркахъ. Они стараются добыть передъ отъѣздомъ возможно большее количество русскихъ денегъ, обываютъ серебро, и понятно, когда предложеніе, такимъ образомъ, увеличивается, курсъ серебра падаетъ, а кредитные билеты повышаются. Послѣ ярмарки, когда начинается закупка мѣстныхъ товаровъ на серебро, возникаетъ спросъ на серебро, и тогда серебро въ цѣнѣ повышается, а кредитные билеты падаютъ.

Кромѣ торговли на деньги, очень еще распространена въ Западномъ Китаѣ мѣновая торговля. Въ Западномъ Китаѣ очень много кочевниковъ-скотоводовъ, единственное богатство которыхъ стада скота, а серебра и вообще денежныхъ знаковъ у нихъ мало. Поэтому, среди нихъ господствуетъ мѣновая торговля. Всѣ товары обываются кочевникамъ въ обмѣнъ на скотъ и произведенія скотоводства. Для опредѣленія цѣнности товара и скота при куплѣ-продажѣ должна быть, конечно, какая-нибудь единица цѣны, по отношенію къ которой и устанавливалась бы стоимость продаваемого или покупаемаго предмета. Довольно-таки трудно вообразить себѣ такую единицу цѣнности по отношенію къ скоту, однако, все же она есть. Въ степи установилось правило цѣнить все на бараны. Такъ, напримеръ, говорится, что кусокъ какого-нибудь ситца стоитъ три барана, два барана и т. д., даже полбарана. Также стоимость крупнаго скота и другихъ товаровъ исчисляется на количество барановъ. Бараны, затѣмъ, продаются въ городѣ на деньги и, такимъ образомъ, реализуется стоимость этой единицы цѣнности. Конечно, такой способъ

оцѣнки далеко не совершенный и открываетъ широкое поле для злоупотребленій въ ту и другую сторону. Однако, степь пока не придумала ничего другого въ этой области, и мѣновой торгъ господствуетъ.

Въ Китаѣ, какъ и у насъ въ Европѣ, къ услугамъ торговцевъ есть банки. Главная операція, которой занимаются банки, это переводная—переводъ денегъ. Если у насъ эта операція одна изъ важныхъ въ дѣятельности банковъ, то тѣмъ болѣе она играетъ такую роль въ Китаѣ, гдѣ общей монетной единицы даже и нѣтъ, а серебро перевозить и пересылать и трудно и не безопасно. Но переводъ денегъ черезъ банки стоитъ не дешево, гораздо дороже, чѣмъ у насъ. Переводовъ по телеграфу нѣтъ, а только по почтѣ, да и почта содержится нерѣдко на средства самого же банка: казенной почтой въ Западномъ Китаѣ лица неофициально пользоваться не могутъ. Затѣмъ, слѣдуетъ операція ссудная. Ссуды выдаются торговцамъ за поручительствомъ нѣсколькихъ другихъ торговцевъ. Процентъ по ссудамъ высокій, 3% въ мѣсяць обычное явленіе. Но китайцы такой процентъ находятъ естественнымъ. Учета векселей, какъ и самыхъ векселей, въ Китаѣ не существуетъ. Въ смыслѣ развитія торговли китайскіе банки существенной роли не играютъ. Китайскіе купцы за ссудами въ банки обращаются лишь въ крайности, а стараются обходиться собственными капиталами. Развитіе у нихъ кооперативнаго начала въ торговлѣ даетъ возможность безъ помощи банковъ, тѣмъ болѣе такихъ дорогихъ, какъ китайскіе, находить для дѣла нужные капиталы. Китайцы, конечно, отлично понимаютъ пользу банковъ, но китайскіе банки въ Западномъ Китаѣ совсѣмъ не приспособлены къ тому, чтобы служить двигателями торговли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Товары, ввозимые изъ Внутренняго Китая въ Западный. — Торговля чаемъ — монополія правительства. — Китайскіе магазины и манера китайцевъ покупать и продавать. — Товары, вывозимые изъ Западнаго Китая во Внутренній — хлопокъ, маралы рога, золото и друг. — Невозможность собрать точныя статистическія данныя о китайской торговлѣ въ Западномъ Китаѣ.

Ознакомившись предварительно съ тѣмъ, кто производитъ торговлю въ Западномъ Застиномъ Китаѣ и какъ ее ведетъ, а также съ денежнымъ обращеніемъ, перейдемъ теперь къ самой торговлѣ, именно, тѣмъ тамъ торгуютъ, откуда привозятъ товары въ край и что оттуда вывозится въ другія части Китая и за границу.

Привозятся въ Западный Китай изъ Внутренняго главнымъ образомъ, конечно, произведенія чиста китайскія, а затѣмъ, довольно много и иностранныхъ. Послѣдніе годы привозъ иностранныхъ издѣлій, да отчасти и китайскихъ, значительно сократился. Наложенная на Китай послѣ безпорядковъ контрибуція имѣла слѣдствіемъ увеличеніе налоговъ; введенъ былъ между прочимъ и въ Западномъ Китаѣ ли-цзинъ — внутреннія таможенные пошлины. Это удорожило товары, а затѣмъ, вслѣдствіе большихъ налоговъ и народъ обѣднѣлъ, покупательная сила его уменьшилась, такъ что спросъ на товары, особенно предметы китайской роскоши, сократился.

Изъ китайскихъ произведеній ввозятся въ край: китайскіе шелка, фарфоръ, издѣлія клуазоне (фалань по-китайски), разные предметы домашняго обихода для чело-вѣка съ среднимъ достаткомъ и, конечно, для людей богатыхъ, чай и, наконецъ, разные пищевые продукты, входящіе въ торжественное меню богатаго китайца, которыхъ въ Западномъ Китаѣ достать нельзя, какъ-то: знаменитыя ласточкины гнѣзда, трепанги, разные креветки и червячки, пряности и соуса, большей частью все это для европейца чуждое и странное, а иногда даже прямо внушающее отвращеніе.

Съ понятіемъ о Китаѣ у насъ соединяется всегда представленіе о чаѣ и объ обилии его всюду. По отношенію къ Западному Китаю представленіе это будетъ совсѣмъ не соответствующимъ дѣйствительности: тамъ чай не только не растетъ, но и въ продажѣ его мало. Дѣло въ томъ, что еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія китайское правительство взяло въ свои руки монополію торговли чаемъ въ Западномъ краѣ и поставку этого чая предоставило купцамъ Хунаньской провинціи. Въ виду этого, чай изъ другихъ провинцій не могутъ сюда ввозиться. А такъ какъ монополія даетъ возможность съ вкусами покупателей не считаться, то ввозятся самыя низкіе сорта, которые могутъ находить распространеніе только среди бѣднаго люда, да и то плохо. Мѣстныя власти, по приказанію изъ Пекина, насильно стараются распространять монополичный чай, обязываютъ купцовъ покупать его, выдаютъ иногда этимъ чаемъ жалованіе чиновникамъ и солдатамъ. Но все это дѣлу мало помогаетъ, и казенный чай никѣмъ не одобряется. Сами мѣстныя власти недовольны этой монополіей, такъ какъ она лишаетъ мѣстныя казначейства пошлины, взимаемыхъ съ частныхъ чаевъ. Нѣсколько разъ дѣлался губернаторомъ доклады въ Пекинъ объ отмигнѣ монополіи, но все напрасно. Въ сбытѣ монопольнаго чая заинтересованы многія высокопоставленныя лица въ Пекинѣ, близкія ко двору, и потому монополія продолжаетъ существо-

нать. Вслѣдствіе этого развилась и существуетъ въ громадныхъ размѣрахъ контрабандная торговля частными чаями. Такие чаи ввозятся въ край подъ именемъ лекарства. Власти, не сочувствующія монополіи, контрабандѣ этой покровительствуютъ, тѣмъ болѣе, что за свое смотрѣніе на контрабанду сквозь пальцы онѣ получаютъ надлежащую благодарность отъ заинтересованныхъ лицъ. Но все-таки это дѣло невѣрное, потому что бываетъ иногда, что центральное правительство узнаетъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, посылаетъ строгіе указы, и тогда страдаютъ и чиновники-покровители, а тѣмъ болѣе и сами купцы, которымъ приходится проститься съ контрабанднымъ товаромъ, конфискуемымъ въ пользу казны. Благодаря этимъ стѣсненіямъ, получается то, что въ Западномъ Китаѣ невозможно достать высухихъ сортовъ чая, конфискація которыхъ могла бы причинить особенно сильныя убытки, а только сорта болѣе дешевые. Такъ что нисколько не анекдотъ, а истина, что русскіе служащіе въ Западномъ Китаѣ выписываютъ себѣ чаи изъ ближайшихъ русскихъ городовъ, гдѣ можно найти и хорошіе сорта чая.

Всѣ китайскіе магазины въ Западномъ Китаѣ имѣютъ характеръ универсальный, въ каждомъ изъ нихъ найдешь все, что ввозится въ край изъ Внутренняго Китая. Китайскій магазинъ представляетъ изъ себя помѣщеніе, со стороны улицы на день совершенно открытое, и тутъ видишь, что на подкахъ вдоль внутренней задней стѣнки, противъ входа, расположены тщательно завернутые въ бумагу куски шелковыхъ матерій. Иностранная хлопчатобумажная издѣлія такимъ почему не пользуются и потому лежатъ кучками на полу, лишь прикрытыя бумагой. У одной изъ боковыхъ стѣнокъ открыто располагаются фарфоровыя издѣлія: чашки, чайники, вазы и такъ далѣе. На противоположной стѣнкѣ въ стеклянномъ шкапѣ принадлежности женскаго наряднаго туалета: цвѣты, грбенки, бусы, разныя украшенія, тутъ же трубки, мундштуки, приборы для куренія опиума и мужскія парад-

ныя и не парадныя шляпы; при самомъ входѣ, почти уже на улицѣ, располагаются пищевые продукты, тѣ тонкости китайской кухни, которыя такъ любятъ китаецъ. Разныхъ сортовъ, разныхъ цѣвъ лежатъ тутъ китайскіе деликатесы, возбуждая аппетитъ и зависть у пробѣжныхъ и прохожихъ китайцевъ. Да съ этой цѣлью, вѣроятно, они и ставятся на особо видное мѣсто. Трудно устоять и не купить этихъ прелестей, когда онѣ такъ раздражающе бросаются вамъ въ глаза. Вотъ типъ китайскаго магазина, общій для всѣхъ городовъ Западнаго Китая.

Но все, что мы видимъ въ самомъ магазинѣ, это только для выставки, напоказъ. Главное находится въ комнатахъ сзади магазина и въ обширныхъ складахъ; тамъ же производятъ и всѣ болѣе или менѣе крупныя торговыя дѣлки.

При входѣ въ китайскій магазинъ невольно поражаетъ обиліе служащихъ, продавцовъ, которымъ, повидному, и дѣлать тутъ нечего, такъ какъ покупателей, обыкновенно, и не видно. Но это объясняется тѣмъ, что почти всѣ эти служащіе въ то же время и пайщики и потому считаютъ своимъ долгомъ присутствовать въ магазинѣ, замѣняя часть наемныхъ приказчиковъ. Даже въ лучшихъ китайскихъ магазинахъ рѣдко можно встрѣтить большое скопленіе покупателей, въ противоположность тому, что мы наблюдаемъ у насъ. Дѣло въ томъ, что китайцы не имѣютъ обычая рыться въ товарахъ, выбирая то, что понравится. Положительный по натурѣ китаецъ, идя въ магазинъ, заранее отлично знаетъ, что именно ему нужно купить, знаетъ, что въ какой лавкѣ онъ найдетъ. Поэтому, приходя, онъ спрашиваетъ то, что ему нужно, платитъ деньги и уходитъ. При этихъ условіяхъ, скопленія покупателей, конечно, не можетъ быть. Зато и китайскіе приказчики не привыкли, что называется, показывать товаръ лицомъ. Покупателей они не зовываютъ, не бросаются показывать вамъ то, что нужно и что не нужно; наоборотъ, даже не любятъ показывать свои товары. У нихъ такое предположеніе: возьми, что тебѣ нужно, и уходи, а рыться не по-

лагается. Поэтому европейца поражает отсутствие предупредительности въ китайскомъ торговцѣ, а китайца еще болѣе поражаетъ эта манера рыться въ товарахъ, перерывать весь магазинъ, а затѣмъ, ничего не купить и уйти. Они видятъ въ этомъ признакъ нашей неустойчивости, легкомыслія, вообще, признакъ дурного тона. Бываетъ и такъ, что иному назойливому покупателю-европейцу, который много смотритъ, да мало покупаетъ, прямо отказываются показывать и продавать товары. Тамъ, конечно, гдѣ китайцы имѣютъ много дѣла съ европейцами, они уже привыкли къ обычаю европейцевъ рыться въ товарахъ, а въ Западномъ Китаѣ, гдѣ европейцевъ мало, особенно вдали отъ границы, они никакъ не могутъ къ этому привыкнуть и очень этому удивляются.

Вывозится изъ Западнаго Китая во Внутренній очень мало. При слабомъ развитіи добывающей и обрабатывающей промышленности, иначе и быть не можетъ. Могли бы вывозиться изъ этого края произведенія скотоводства и, вообще, сырье, какъ они вывозятся въ русскіе предѣлы, но и это дѣло, одно время было начавшееся, не достигло пока значительнаго развитія. Всѣ эти продукты нужны исключительно за границей—въ Америкѣ и Европѣ, куда они вывозятся черезъ портовые города Китая; но имъ приходится пройти такой дальній путь черезъ весь Внутренній Китай, а произведенія эти настолько громоздки или тяжелы, что перевозка ихъ ложится черезчуръ большимъ расходомъ на это дѣло, и, потому, поглощаетъ громадную часть возможной отъ него прибыли. Да, если бы въ Китаѣ существовали не переносимые пути сообщенія и не вьючный способъ перевозки, а водные или желѣзные пути сообщенія, то вывозъ сырья былъ бы выгоденъ.

Но все-таки кой-что вывозится съ Запада и во Внутренній Китай. Въ числѣ предметовъ вывоза мы должны поставить на первомъ планѣ, по количеству и цѣнности, хлопокъ, который идетъ въ сосѣднюю провинцію Ганьсу и употребляется частью на выдѣлку бумажныхъ матерій,

а гораздо болѣе на подкладку подъ зимнюю китайскую одежду. Это объясняется тѣмъ, что во Внутренній Китай попадаетъ только хлопокъ низшаго качества и плохой очистки, который на приготовленіе матерій не годится.

Затѣмъ, идутъ маралы рога. Молодые маралы рога идутъ на приготовленіе особеннаго лекарства, которое, по убѣжденію китайцевъ, поднимаетъ жизненную энергію у стариковъ и содѣйствуетъ продленію жизни. Китайцы довольно усиленно растрчиваютъ свою жизненную энергію, то благодаря куренію опиума, то благодаря другимъ сильнымъ удовольствіямъ, и поэтому уже издавна искали и, по ихъ мнѣнію, нашли средства къ восстановленію утраченныхъ силъ, одно изъ которыхъ маралы рога. Не знаю, насколько, въ дѣйствительности, помогаетъ лекарство изъ маралыхъ роговъ, но вѣра въ него среди китайцевъ сильная, спросъ большой, и они очень дорого цѣнятся на рынкѣ. Цѣнятся особенно рога дикихъ мараловъ, но идутъ и рога домашнихъ. Домашнихъ въ Китаѣ, впрочемъ, разводится мало. Цѣна пары маралыхъ роговъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ, предъявляемымъ китайцами требованіямъ, до двухсотъ рублей на мѣстѣ. Въ послѣднее время, однако, цѣна ихъ понизилась, такъ какъ, вѣроятно, менѣе стало людей, могущихъ заплатить большія деньги за средство, восстанавливающее жизненные силы, или вѣра въ это средство уменьшилась.

Въ частности изъ Китайскаго Туркестана вывозятся во Внутренній Китай сушеные фрукты и въ довольно большомъ количествѣ.

Исключительно изъ Хотанскаго округа вывозится знаменитый китайскій камень юй, по-русски нефритъ. У китайцевъ съ даними еще временемъ этотъ камень въ большомъ почетѣ. О немъ часто упоминается въ китайскихъ классическихъ книгахъ. На мѣстѣ издѣлій изъ него встрѣчается очень мало, а внутри Китая изъ него готовится много изящныхъ вещей, конечно, въ китайскомъ вкусѣ, напримѣръ, изображенія боговъ, разные амулеты, украшенія и т. д.

Все почти добываемое в край золото, за исключением небольшого его количества, вывозимого в Россию, вывозится во внутренние провинции Китая. Вывозится туда как золото, поступающее с казенных приисков, так и скупаемое у мелких золотоискателей частными людьми и казной. Цена золота внутри Китая значительно выше той, которую дают наши торговцы в Западном Китае. Так, наши торговцы платят в среднем за золотник золота 4 р. 50 коп., а китайцы дают до 6 рублей. Вполне понятно, поэтому, что золото и минует русские руки.

Сколько именно и на какую сумму ввозится и вывозится в Западный Китай китайцами товаров разного рода, на этот вопрос ответить невозможно, даже приблизительно. У китайцев не существует никакой статистики. Могли бы служить некоторым основанием к определению количества ввозимых товаров сведения внутренних таможен, взимающих ли-цзинг; но сведения эти безусловно недоступны. Общей сводки их по всей провинции не дается, а данные отдельных таможен не только не публикуются, а тщательно китайскими властями скрываются. При этом, и эти данные, если бы удалось их достать, имеют малую долю достоверности. Чиновники за взятки пропускают многие товары безопишино, не записывая в книги. А сколько именно таким образом скрывается, учесть невозможно.

Куда лучше в этом отношении дело стоит в портовых городах Китая. В морских таможнях, руководимых европейцами, статистика привоза и вывоза товаров поставлена прекрасно. Отчеты таможенные, с обильными объяснениями, печатаются и доступны всем. Поэтому, стоит иностранному консулу познакомиться с этим печатным материалом, и без особенной работы и усилий можно составить очень обстоятельный отчет, снабженный богатым цифровым материалом и солидными необходимыми к нему пояснениями. Совсем в другом положении находятся русские консулы в Западном Ки-

тае, кстати сказать, пока единственные там иностранные представители. Консул, серьезно относящийся к своему делу, желающий принести пользу русской торговле в край, должен потратить массу труда, чтобы добиться и тех сведений о местной китайской торговле, которые иногда встречаются в отчетах некоторых наших консулов в Западном Китае. А сведения о китайской торговле, ее размерах и движении для нас, русских, ведущих более или менее успешно торговлю почти исключительно с Западным Китаем, весьма интересны и полезны. Но вследствие вышеуказанных причин, и в настоящем труд приходится довольствоваться только теми общими данными о китайской торговле, которые можно было собрать на месте при внимательном личном наблюдении, а от точных цифровых данных, по необходимости, пришлось отказаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Торговля съ англо-индійскими владѣніями съ Россіей.—Краткій очеркъ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ Западнымъ Китаемъ: начало сношеній; время съ кузнецкаго трактата до дунганскаго восстанія; время русской оккупации; послѣ заключенія с-петербургскаго договора 1881 г., и дальѣе.—Татары и сарты.—Порядокъ веденія дѣлъ у тѣхъ и другихъ.—Значеніе ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской для русскихъ торговцевъ въ Китаѣ.—Организація сбыта товаровъ.—Торговля на кредитъ.—Русско-китайскій банкъ.

Вывозная и ввозная торговля изъ Западнаго Китая за границу и обратно направляется по двумъ направленіямъ: въ-1-хъ, часть товаровъ вывозится на югъ, въ англо-индійскія владѣнія, а во-2-хъ, другая часть, и гораздо большая, идетъ на западъ, въ русскіе предѣлы.

Торговлю съ англо-индійскими владѣніями ведутъ почти исключительно англійскіе подданные, индусы; китайскіе подданные принимаютъ въ ней самое незначительное участіе. Торговля ведется главнымъ образомъ изъ Кашгара черезъ Яркендъ и Хотанъ. Ввозятся въ китайскіе предѣлы изъ Индіи хлопчатобумажная издѣлія разныхъ сортовъ, немного чая и другіе товары. Торговля съ Индїей годъ отъ году развивается, чему много помогаетъ содѣйствіе англо-индійскаго правительства и особенно агента его въ Кашгаръ, фактически исполняющаго тамъ обязанности англійскаго консула.

Вывозная торговля изъ Западнаго Китая въ русскіе предѣлы, а равно и ввозная въ край находится главнымъ образомъ въ русскихъ рукахъ. Китайскіе подданные торговцы играютъ въ ней, сравнительно, небольшую роль, и, говоря о торговлѣ Западнаго Китая съ Россіей, приходится имѣть въ виду именно только русскихъ подданныхъ, въ ней участвующихъ, и ихъ обороты.

Русская торговля съ Западнымъ Китаемъ существуетъ уже съ давнихъ поръ. Еще Петръ Великій, слышавшій о богатомъ хотанскомъ золотѣ, стремился завязать торговныя сношенія съ этимъ богатымъ краемъ. Была снаряжена даже военная экспедиція, которой было указано достигнуть этой золотоносной страны и овладѣть ею. Хотанская экспедиція, конечно, не достигла, да и свѣдѣнія о томъ, гдѣ именно находится этотъ округъ, были совершенно неопредѣленны. Тѣмъ не менѣе экспедиція эта имѣла большое практическое значеніе, хотя и въ другомъ отношеніи, именно, благодаря ей, стали заниматься нами земли вверхъ по теченію рѣки Иртыша. Такъ какъ въ то время весь этотъ прииртышскій край былъ неспокойный, тамъ были и воинственные киргизы и не менѣе воинственные чжунгары, то край для охраны отъ этихъ беспокойныхъ сосѣдей сталъ заселяться военно-служилымъ элементомъ—казаками. Такъ образовался постепенно по Иртышу рядъ казачьихъ станицъ и поселковъ, которые и были началомъ нашей колонизаціи края и базой для движенія на югъ.

Казаки и сами народъ предприимчивый, а въ особенно-сти они были такими въ прежнее время, когда въ среду ихъ вливалось добровольно много вольнолюбиваго, предприимчиваго люда изъ разныхъ слоевъ русскаго общества. Воюя съ сосѣдями, они заводили въ то же время и торговья съ ними сношенія, которыя оказались весьма выгодными. А кромѣ того, за военными людьми пошли торговые люди, которые, опираясь на казачьи поселенія, шли съ торгомъ дальше на югъ и востокъ. Движеніе наше на югъ и востокъ продолжалось и въ слѣдующія царствованія: мы за-

нимали въ Средней Азiи все новыя и новыя территорiи. Такимъ образомъ, получилось, что меньше чѣмъ за полтора столѣтiя со времени экспедицiи для завоеванiя Хотана Россiя раздвинулась до предѣловъ Западнаго Китая. Въѣстъ съ тѣмъ расширился и районъ нашихъ торговыхъ операцiй. Двигаясь изъ Сибири на югъ, русскiе люди сначала завязали сношенiя съ населенiемъ земель, расположенныхъ къ сѣверу и югу отъ Тарбагатайскаго хребта. Затѣмъ, когда русскiя владѣнiя дошли уже до Семирѣчья, завязались торговыя сношенiя съ Кульджей и, наконецъ, съ присоединенiемъ къ Россiи Туркестана, стала развиваться торговля съ Кашгарiей—Китайскимъ Туркестаномъ.

Но долгое время торговля Россiи съ Западнымъ Китаемъ носила случайный характеръ; не было увѣренности въ прочности этой торговли. То грабежи кочевниковъ, черезъ земли которыхъ приходилось проходить торговымъ караванамъ, то притѣсненiя китайскихъ властей, которыя заграничной торговлѣ никогда не покровительствовали, нерѣдко лишали торговцевъ всѣхъ ожидавшихся имъ выгодъ отъ этого дѣла, а иногда и совсѣмъ разоряли, и только дѣйствительно сильныя и предприимчивыя люди рисковали вкладывать свой трудъ и капиталъ въ это дѣло, которое могло оказаться совершенно убыточнымъ. И лишь съ тѣхъ только поръ, когда были заключены съ китайскимъ правительствомъ договоры о взаимной торговлѣ въ Западномъ Китаѣ, русская торговля получила для себя нѣкоторое основанiе и стала развиваться болѣе правильно. На основанiи кульджинскаго трактата 1851 г., было предоставлено Россiи право открыть консульства въ Кульдждѣ и Чугучакѣ и опредѣлены права русскихъ торговыхъ людей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ предоставлено было право заниматься торговлей. Положимъ, права, предоставленныя на основанiи этого трактата русскимъ торговцамъ, были довольно ограниченны, но и это уже былъ большой шагъ впередъ, въ сравненiи съ хаосомъ и безправiемъ, царствовавшими прежде. Вскорѣ послѣ того были основаны русскiя торговыя фак-

торiи въ г. Кульдждѣ и Чугучакѣ. Затѣмъ заключено было еще нѣсколько договоровъ съ Китаемъ, изъ которыхъ каждый вносилъ какое-нибудь улучшенiе въ сферу торговыхъ отношенiй подданныхъ двухъ государствъ между собою. Все это произвело замѣтно благопрiятное влiенiе на развитiе русско-китайской торговли по нашей восточной границѣ. Но въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтiя вспыхнуло во Внутреннемъ Китаѣ извѣстное восстанiе мусульманъ; распространилось оно и на Западный Китай; въ 1866 г. былъ разрушенъ и разоренъ восставшими Чугучакъ, а еще раньше произошло восстанiе въ Кульдждѣ. Русскiе подданные лично при всѣхъ этихъ волненiяхъ почти не пострадали, но материально понесли большiе убытки, и русская торговля, при такихъ условiяхъ, само собою разужьется, временно прекратилась.

Вновь возникаетъ прекратившаяся было русская торговля въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтiя, съ занятiемъ нами Кульджи. Явившiеся вслѣдъ за русскими войсками въ Кульджду русскiе торговцы заводятъ скоро торговыя сношенiя и съ землями, лежащими какъ къ востоку, такъ и къ югу отъ Илійскаго края. Но особенно значительнаго развитiя достигаетъ эта торговля въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда къ Илійскому краю начинаетъ приближаться китайская армiя, которая усмиряетъ Западный Китай и идетъ занимать послѣ русскихъ Кульджду. Эта армiя, идущая по разоренной уже восстанiемъ странѣ, во всемъ нуждается, тутъ-то русскiе торговцы и русскiя произведенiя и являются на сцену. Это время и до сихъ поръ считается у нашихъ кульджинскихъ торговцевъ золотымъ вѣкомъ русской торговли въ Западномъ Китаѣ.

Въ 1881 г. былъ заключенъ въ С.-Петербургѣ новый договоръ съ Китаемъ. На основанiи этого договора, были открыты консульства въ Кашгарѣ, Кульдждѣ и Чугучакѣ, было рѣшено открыть консульство въ Турфанѣ, были предоставлены разныя льготы русскимъ подданнымъ, торгующимъ въ Западномъ Китаѣ, и одна изъ главныхъ —

право беспошлинной торговли по всему этому обширному краю. Петербургскій трактатъ остается въ силѣ и въ настоящее время и послужилъ основаніемъ къ установленію торговыхъ отношеній двухъ государствъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и въ данное время. Съ этого же времени и наше правительство начинаетъ обращать усиленное вниманіе на развитіе нашей вывозной торговли въ Западный Китай. Даются разныя льготы нашимъ купцамъ, ведущимъ торговлю съ этимъ краемъ; выдаются даже своего рода преміи; такъ, устанавливается премія въ видѣ возвращенія пошлины за хлопокъ при вывозѣ въ Западный Китай мануфактурныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій; возвращается акцизъ на спички и, наконецъ, возвращается акцизъ на сахаръ при вывозѣ этихъ русскихъ товаровъ въ предѣлы Западнаго Китая. Всѣ эти мѣры принимаются съ цѣлю поддержать нашихъ торговцевъ въ ихъ конкуренціи съ иностранными товарами, которые съ восьмидесятихъ годовъ начинаютъ появляться въ Западномъ Китаѣ въ большомъ количествѣ и начинаютъ даже вытѣснять русскія произведенія. Мѣры эти цѣли своей достигли, явились могущественной поддержкой нашей торговлѣ въ Западномъ Китаѣ. Благодаря этимъ мѣрамъ, конкуренція иностранныхъ товаровъ была ослаблена, а затѣмъ, и помимо этого, вслѣдствіе другихъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, иностранные товары стали исчезать изъ обращенія, и русскія произведенія заняли на рынкахъ Западнаго Китая первое мѣсто.

Въ настоящее время главнѣйшими пунктами русской торговли въ Западномъ Китаѣ являются: Чугучакъ, Кульджа, Кашгаръ и Урумчи. Изъ нихъ первые три являются въ то же время и главными складочными пунктами, откуда уже и разсылаются русскіе товары по разнымъ мѣстамъ этого обширнаго края. Здѣсь сосредоточиваются и тѣ товары, которые вывозятся изъ Западнаго Китая и затѣмъ поступаютъ на рынки Европейской Россіи.

Торговлей въ Западномъ Китаѣ занимаются русскіе подданные мусульмане—татары и туркестанскіе сарты. Коренные русскіе принимаютъ въ этой торговлѣ очень незначительное участіе. Всѣ эти представители русскихъ торговыхъ интересовъ въ Китаѣ народъ, въ общемъ, за немногими исключеніями, совсѣмъ не культурный, общаго положенія дѣла они не понимаютъ, о развитіи русской торговли разумными мѣрами не заботятся, и даже о дальнѣйшемъ будущемъ своего дѣла заботятся мало. Каждый изъ нихъ старается сорвать возможно больше прибыли въ данный моментъ, нисколько не думая о томъ, не принесетъ ли эта чрезмѣрная прибыль въ текущемъ году большихъ убытковъ въ будущемъ. Несомнѣно, всѣ они, и татары и сарты, къ торговлѣ способный народъ, что называется, природенные торговцы, но большинство изъ нихъ годятся для маленькаго дѣла; для большаго дѣла у нихъ не хватаетъ ни практическаго размаха, ни широты умственного кругозора. Несомнѣно, если бы всѣмъ этимъ господамъ дать надлежащее развитіе и образованіе, то изъ нихъ вышли бы крупныя коммерсанты-предприниматели. Но только этого нѣтъ, и пока они живутъ еще интересами и понятіями мусульманина XVIII вѣка, въ то время какъ у насъ уже двадцатый вѣкъ, возлагать на нихъ большія надежды въ дѣлѣ развитія и расширенія русской торговли въ Китаѣ, безъ сильной правительственной поддержки и до извѣстной степени руководства, нельзя. Но, давая, вообще, неблагоприятный отзывъ о мусульманахъ, какъ двигателяхъ русской торговли въ Западномъ Китаѣ, и тутъ нужно сдѣлать нѣкоторое исключеніе, и среди мусульманъ есть не только отдѣльныя лица, но даже группа лицъ, которая могутъ быть названы болѣе культурными, чѣмъ другіе ихъ единовѣрцы-торговцы. Это можно сказать о татарахъ. Большинство татаръ должны быть выдѣлены изъ среды другихъ мусульманъ, торгующихъ въ Западномъ Китаѣ, особенно нашихъ туркестанскихъ сартовъ. Сартовъ, какъ по способу веденія торговыхъ дѣлъ, такъ и по общей культурности, нужно поставить на послѣднее мѣсто.

Сарты ведутъ дѣло самымъ беспорядочнымъ образомъ. У нихъ нѣтъ ни торговыхъ книгъ, ни правильной отчетности. А если у кого и заведены торговля книги, то ведутся онѣ такъ, что и сами хозяева не въ состоянн въ нихъ разобратся. Поэтому обыкновенно торговцы-сарты совершенно не знаютъ состоянн своихъ дѣлъ; дѣло ведутъ ощупью. Если сартъ ѣздитъ хорошо, одѣвается нарядно, въ домѣ всего довольно, веселее ко взысканн не предъявляютъ, то онъ себя, да и друге его считаютъ богатымъ человѣкомъ, настоящимъ баемъ. Но на самомъ дѣлѣ, ни этотъ бай, ни его окружающе не имѣютъ никакого понятн о состоянн его дѣлъ, какой у него оборотъ, какой доходъ; все это для нихъ совершенно неизвѣстно. Поэтому иногда и бываетъ, что богатый, повидимому, купецъ, неожиданно для него самого, оказывается не въ состоянн, при самой незначительной заминкѣ дѣла на рынкѣ, заплатить кредиторамъ какую-нибудь пустую сумму. У сартовъ замѣчается даже какая-то непонятная боязнь и отвращенн къ общепринятому порядку веденн коммерческихъ дѣлъ.

Татары, при всей своей малой культурности, куда выше сартовъ. У всѣхъ у нихъ, даже у маленькихъ торговцевъ, ведутся торговля книги. А больше купцы, такъ тѣ начинаютъ заводить въ своихъ дѣлахъ правильную бухгалтерн. Многие изъ болѣе цивилизованныхъ татаръ-торговцевъ не разъ мнѣ говорили, что по старинѣ теперь дѣло вести невозможно; народъ сталъ не тотъ, чтобы вести дѣло на слово, да на память, говорятъ они, какъ разъ попадешься впросакъ съ простотой. Приказчики и доверенные у татаръ всегда служатъ по письменному договору и на жалованн, такъ что взаимныя отношенн у нихъ ясны и опредѣленны, тогда какъ у сартовъ не разберешь, да они и сами не знаютъ, участвующн въ ихъ торговлѣ лица есть ли приказчики, или компаньоны. Договоровъ о наймѣ служащихъ никакихъ, жалованн опредѣленнаго тоже нѣтъ, какня, вообще, ихъ взаимныя права

и обязанности, ни самъ хозяинъ, ни его приказчикъ или компаньонъ не знаютъ. Такой служащн пользуется и столомъ, и одеждою, и прочимъ отъ хозяина, совершенно не разсуждая, столько ли ему слѣдуетъ, или больше, или меньше. Зато часто и случается, что пока дѣла у торговца идутъ хорошо, то такой служащн считаетъ себя компаньонномъ; а какъ дѣла пошатнулись и нужно платить и, вообще, отвѣчать по общему торговому дѣлу, то онъ заявляетъ, что онъ не компаньонъ, а приказчикъ и, при этомъ, требуетъ заслуженной имѣ, какъ приказчикомъ, платы за нѣсколько лѣтъ, иногда даже за десять, а между тѣмъ и самъ не знаетъ, сколько ему и причитается, и часто объявляетъ совершенно произвольную и несообразную сумму. То же самое случается, когда приказчикъ умираетъ, и приходится разрѣшать вопросъ о наслѣдствѣ. Въ такомъ случаѣ путаница получается еще больше. Иногда раздѣлъ бывшихъ компаньоновъ или удовлетворенн приказчиковъ ведетъ къ упадку состоятельный торговый домъ; и однако, удивительное дѣло, всѣ эти факты нисколько сартовъ уму-разуму не научаютъ. Они всѣ какъ-то бояться свѣта и опредѣленности въ своихъ дѣлахъ и продолжаютъ идти по тому же неправильному пути. У татаръ подобныя порядки крайне рѣдкое явленн. Хотя они тоже не могутъ быть названы людьми культурными и передовыми, но и на старинѣ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, не настаиваютъ, какъ сарты. Оттого и наблюдается такое явленн, что крахи у сартовъ обычное явленн, а у татаръ—нѣтъ. У сартовъ нѣрѣдко самостоятельный хозяинъ-бай дѣляется приказчикомъ, и сарты къ этому какъ-то привыкли, а у татаръ это считается величайшимъ несчастнємъ и позоромъ.

Сказанное о сартахъ относится и къ таранчамъ. Они ведутъ торговое дѣло еще хуже, чѣмъ сарты. Дунгане, тѣ гораздо лучше и скорѣе могутъ быть приравнены къ татарамъ. Но торговцевъ дунганъ и таранчей немного, сравнительно съ торговцами изъ другихъ національностей.

Товары, ввозимые въ Китай, наши торговцы закупали прежде исключительно на ярмаркахъ Ирбитской и Нижегородской, такъ что время этихъ ярмарокъ и было опредѣленнымъ и постояннымъ періодомъ пополненія запасовъ нужныхъ для Китая русскихъ товаровъ. Въ настоящее время, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ ускореніемъ и облегченіемъ способовъ перевозки, ярмарки перестаютъ играть прежнюю роль единственныхъ мѣстъ пріобрѣтенія товаровъ, и значительная часть товаровъ пріобрѣтается купцами непосредственно въ Москвѣ или въ другихъ крупныхъ фабрично-заводскихъ пунктахъ Россіи. Иногда купцы даже и не ѣздятъ въ эти пункты, а дѣлаютъ заказы товарамъ письменно. На ярмарки, однако, они попрежнему продолжаютъ ѣздить и даже считаютъ это для себя необходимымъ, и это въ виду того, что, во-1-хъ, они тамъ сбываютъ свое сырье, вывозимое изъ Китая, а во-2-хъ, заводятъ личное знакомство со многими фабрикантами и коммерсантами, съ которыми они иначе не могли бы и встрѣтиться. Ярмарки для нихъ являются какъ бы всероссійской биржей и мѣстѣ выставкой товаровъ. Здѣсь купцы знакомятся съ людьми, узнаютъ цѣны товаровъ, знакомятся съ самими товарами и, при желаніи, могутъ указать и собравшимся на ярмарку фабрикантамъ, что именно болѣе всего требуется и идетъ въ Западномъ Китаѣ. Въ виду всего этого, ярмарки Нижегородская и Ирбитская и до сихъ поръ имѣютъ большое значеніе для русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Китаѣ, и такое значеніе онѣ будутъ имѣть, вѣроятно, еще долгое время.

Всѣ закупаемые или заказываемые на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ товары идутъ въ Западный Китай частью сухимъ, частью воднымъ путемъ и попадаютъ прежде всего въ одинъ изъ указанныхъ мной складочныхъ пунктовъ: Чугучакъ, Кульджу и Кашгаръ. Отсюда уже и начинается обращеніе ихъ по всему Западному Китаю. Часть товаровъ сбывается тутъ же на мѣстахъ путемъ продажи изъ лавокъ и складовъ, а большая часть расходуется по другимъ

городамъ и селеніямъ края. Въ организаціи сбыта товаровъ существуютъ двѣ системы, именно: тотъ или другой торговецъ продаетъ товары или черезъ своихъ приказчиковъ за свой страхъ и рискъ, или черезъ мелкихъ комиссіонеровъ, гдѣ главная отвѣтственность падаетъ уже на этихъ комиссіонеровъ, которые являются, хотя и маленькими, но самостоятельными торговцами. Первая система, въ случаѣ удачнаго хода дѣлъ, выгоднѣе для торговца, потому что всю прибыль отъ торговыхъ оборотовъ онъ получаетъ тогда въ свою пользу, но зато, въ случаѣ неудачи, онъ же и рискуетъ; вторая система не такъ выгодна, но зато болѣе безопасна, потому что тогда рискъ ложится на комиссіонера. На практикѣ та и другая система имѣютъ одинаковое распространеніе, такъ что у одного и того же купца сбываютъ товары и приказчики и комиссіонеры, а иногда бываетъ и такъ, что лицо, получающее опредѣленное жалованье, т. е. приказчикъ, бываетъ въ то же время и комиссіонеромъ. Но это сравнительно рѣдкій случай, допускаемый обычно по отношенію къ особенно заслуженнымъ приказчикамъ, которымъ хотятъ дать нажитья.

Въ степи, среди кочевниковъ, господствуетъ развозный торгъ. Приказчикъ или комиссіонеръ навьючить товарами двѣ или три лошади или верблюда и разѣзжаетъ на нихъ изъ аула въ аулъ, сбывая вездѣ свой товаръ. Если кочевники перекочевываютъ, перекочевываетъ и онъ со всѣмъ своимъ магазиномъ. Продать, такимъ образомъ, весь свой товаръ, и возвращается въ городъ за новымъ.

Принимаютъ этихъ разносчиковъ въ степи очень хорошо. При однообразіи степной жизни и любопытствѣ дикарей-кочевниковъ, пріѣздъ такого торговца цѣлое событіе, вносящее громадное разнообразіе въ жизнь. Если кочевникъ товара, положимъ, и не купитъ, то посмотрѣть товаръ составляетъ для него величайшее наслажденіе. Кромѣ того, торговецъ является съ новостями изъ другого міра, до которыхъ степнякъ такой охотникъ, и потому, если разносчикъ ведетъ дѣло мало-мальски честно, то онъ поль-

зуются всякимъ вниманіемъ и поддержкой со стороны степняка. Кочевники ходятъ и караулятъ его лошадей, кормятъ ихъ, а богатые люди такъ нѣрѣдко и самого торговца.

Почти вся торговля ведется въ кредитъ. Въ оптовой торговлѣ сроки платежа опредѣляются особо каждый разъ, при заключеніи каждой сдѣлки. Въ торговлѣ болѣе мелкой, особенно тамъ, гдѣ выступаютъ комиссіонеры, платежи производятся по обычаю, и обычный срокъ платежа это суббота. Но платежи по субботамъ совсѣмъ не значить, что въ ту или другую опредѣленную субботу покупатель уплачиваетъ все за взятый имъ отъ крупнаго торговца товаръ; а значить только то, что въ субботу именно, а не въ другой день, онъ обязанъ внести своему кредитору известную сумму въ уплату долга. При этомъ внести онъ столько, сколько за недѣлю наторговалъ. Поэтому, платежи такъ и затягиваются отъ субботы до субботы и, такимъ образомъ, мелкій торговецъ состоитъ въ вѣчномъ долгу у крупнаго. Последніе, впрочемъ, отъ того ровно ничего не теряютъ и ничего не имѣютъ противъ этого затягиванія платежей. Неаккуратность эта даетъ имъ основаніе накидывать на стоимость товара, а кромѣ того, удерживаетъ въ ихъ рукахъ постояннаго покупателя.

Доказательствомъ торговой сдѣлки и отдачи товара въ кредитъ являются торговая книга продавца, если, конечно, онъ ведется. Въ маленькой розничной торговлѣ дѣло ведется на слово, только потомъ, когда происходитъ какаинибудь заминка въ платежахъ, то иногда берется расписка съ неисправнаго покупателя. Въ крупныхъ сдѣлкахъ, если дѣло идетъ между двумя русскими торговцами, то выдаются и берутся векселя, которые начинаютъ въ последнее входить въ большую моду среди русскихъ торговцевъ Западнаго Китая. Платежи производятся той монетой, какой это бываетъ условлено.

Въ степи торговля тоже производится въ кредитъ, и тамъ ни о какихъ распискахъ не можетъ быть и рѣчи. Записи въ книгахъ, конечно, существуютъ. Но степняки,

въ общемъ, очень честный народъ и неплатежъ по нежеланию платить, а не по бѣдности, крайне рѣдкое явленіе. Мало того, часто бываетъ такъ, что торговецъ, выручивъ за свои товары нѣкоторое количество скота, совершенно спокойно оставляетъ его пастись въ стадѣ покупателя, и пока не слышали, чтобы хозяинъ табуна присвоилъ себѣ этотъ скотъ. По степнымъ понятіямъ, такой поступокъ считался бы величайшимъ позоромъ.

Чаще бываетъ, что сами торговцы обманываютъ кочевниковъ. Тѣ, положимъ, на это не идутъ жаловаться начальству. Но отъ того обманщику не лучше. Обманывая въ степи, онъ роетъ самъ себѣ яму, потому что, какъ только степняки убѣждаются въ постоянной недобросовѣстности торговца, такого господина скоро выжибаютъ изъ степи; онъ не находитъ себѣ пристанища въ гостеприимной, обычно, юртѣ кочевника и, поневолѣ, долженъ бываетъ оставить торговлю въ томъ мѣстѣ, гдѣ обманъ его бываетъ обнаруженъ. Въ виду этого, честное отношеніе къ дѣлу предпринимается интересами самого же продавца; оно приноситъ гораздо большій процентъ, чѣмъ обманъ.

Торговля въ степи почти исключительно мѣновая. Товары продаются въ обмѣнъ на скотъ и произведенія скотоводства. Какъ и почему это дѣлается, я уже изложилъ въ своемъ мѣстѣ, говоря о способахъ расплаты въ торговлѣ; поэтому повторять здѣсь не буду. Скажу только, что мѣновую торговлю въ степи наши торговцы находятъ для себя болѣе выгодною, чѣмъ денежную.

Для содѣйствія русской торговлѣ и торговцамъ, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ въ послѣдніе годы открылось нѣсколько отдѣленій Русско-китайскаго банка. Прежде всего открылось отдѣленіе въ Кашгарѣ, затѣмъ въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ. Предполагается открыть отдѣленіе въ Урумци, которое должно было бы быть открыто еще два года тому назадъ, о чемъ я настойчиво просилъ банкъ въ интересахъ торговли, но русско-японская война этому помѣшала. Вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ отдѣленіе въ

Урумци все-таки откроется. Необходимость въ кредитномъ учрежденіи уже давно чувствовалась въ Западномъ Китаѣ. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ, достать ихъ было совершенно негдѣ. Нужно, напримѣръ, было купцу приобрести партію товара на наличныя, нужно было учесть вексель, и обратиться было некуда, такъ какъ даже частныя лица учетомъ векселей не занимались. Но помимо этихъ, общихъ для всякой мѣстности и страны требованій торговли, необходимость въ открытіи банка вызывалась еще мѣстными условиями. Дѣло въ томъ, что въ Западномъ Китаѣ покупки товаровъ и торговые расчеты производится, смотря по мѣстнымъ условіямъ и смотря по тому, съ кѣмъ ведется дѣло, то русской монетой, то китайскимъ серебромъ. Когда спросъ на то или другое орудіе обмѣна возрастаетъ или падаетъ, то курсъ то китайскаго серебра, то русскаго рубля или сильно падаетъ, или повышается, что не можетъ не отражаться вредно на русской торговлѣ. Банкъ же, имѣя запасы и рублей и серебра, всегда можетъ регулировать курсъ, уменьшать рѣзкость этихъ вредныхъ для дѣла скачковъ. Стало быть, роль его въ дѣлѣ торговли безусловно полезна. Но удивительное дѣло, когда стали открываться отдѣленія банка въ Западномъ Китаѣ, то большая часть нашихъ купцовъ встрѣтила ихъ враждебно, хотя нѣкоторые хлопотали объ открытіи банка и открытію были очень рады. Враждебность эта объясняется общей некультурностью купцовъ, банозно всякихъ новшествъ. Но теперь враждебность прошла и торговцы весьма охотно пользуются услугами банка.

Операциа Русско-китайскаго банка въ Западномъ Китаѣ состоятъ въ слѣдующемъ: прежде всего, банкъ выдаетъ ссуды подъ обезпеченіе товарами и безъ этого обезпеченія, учитываетъ векселя. Однако, учетно-ссудная операциа пока большаго развитія не достигла, такъ какъ и банкъ ведетъ дѣло осторожно, да и купцы остерегаются прибѣгать къ кредиту. Гораздо болѣе развита переводная операциа. Въ переводахъ черезъ банкъ всегда чувствовалась большая нужда. Въ виду этого, несмотря на то, что переводы черезъ

банкъ не такъ уже дешены, переводная операциа быстро развивается; кліенты банка, главнымъ образомъ, русскіе торговцы. Китайскихъ подданныхъ мало. Да это пока самое благоразумное. Когда операциа банка получать достаточное развитіе среди русскихъ торговцевъ, то тогда уже можно перейти и къ китайскимъ. При существующихъ китайскихъ административныхъ и судебныхъ порядкахъ, это и безопасно. Затѣмъ, банкъ ведетъ нѣкоторыя операциа за свой счетъ; такъ, онъ выписываетъ серебро и продаетъ китайцамъ; выписываетъ нѣкоторые товары, напримѣръ, сахаръ. Я уже говорилъ, что въ Кангарѣ банкъ выписываетъ сѣмена американскаго хлопка и гречу и частью раздаетъ ихъ бесплатно, а частью продаетъ мѣстному населенію. До сихъ поръ дѣятельность отдѣленій Русско-китайскаго банка въ Западномъ Китаѣ была безусловно полезна. Она ускоряетъ торговый оборотъ и тѣмъ содѣйствуетъ оживленію торговли и ея прибыльности. Операциа банка могутъ еще расширяться; напримѣръ, онъ можетъ взять на себя коммисіонерскія обязанности по выпискѣ товаровъ для торговцевъ и т. д. И если отдѣленія банка будутъ солидарны и пойдутъ рука объ руку съ русскими консульствами въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, то при внимательномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу, они могутъ оказать громадное содѣйствіе дѣлу развитія русской торговли въ этой части Китая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ввозъ русскихъ произведений въ Западный Китай. — Мануфактурныя произведения. — Ухудшеніе качества хлопчатобумажныхъ издѣлій. — Ввозъ желѣза. — Ввозъ сахара и спичекъ. — Другіе товары. — Вывозъ въ русскіе предѣлы. — Скотъ и произведенія скотоводства. — Разныя мѣла. — Вывозъ хлопка. — Вывозъ шелка. — Вывозъ чая и отсутствіе данныхъ для развитія чайной торговли черезъ западную границу Китая. — Другіе товары.

Среди ввозимыхъ въ Западный Китай русскихъ произведеній первое мѣсто по количеству и цѣнности занимаютъ мануфактурныя хлопчатобумажныя издѣлія. Ввозятся сюда разныя ситцы, киргизинъ, молескинъ, кретонъ, бязь, манчестеръ и многія другія матеріи. Каждый народъ имѣетъ свои особенныя вкусы относительно матерій; поэтому нашимъ купцамъ приходится дѣлать подборъ товаровъ, хотя бы приблизительно соотвѣтствующій вкусу покупателя. Раньше долгое время наши торговцы въ Западномъ Китаѣ, а за ними и фабриканты въ Россіи не обращали никакого вниманія на вкусы покупателей — китайскихъ подданныхъ, предлагая имъ все, что вздумается. Но начиналася было одно время конкуренція иностранныхъ товаровъ, которые начали было вытѣснять съ рынковъ нашу мануфактуру, заставила нашихъ торговцевъ, хотя немного, вѣстись за умъ и приравниваться ко вкусамъ покупателей. Появились тогда матеріи на вкусъ китайцевъ, хотя и не вполне

пригодныя, но сносныя, матеріи для монголовъ и т. д. Но дѣло усовершенствованія дальше первыхъ шаговъ не пошло, а на томъ и остановилось.

Китайцы любятъ матеріи, по своему цвѣту и рисунку напоминающія китайскій шелкъ. Мечта каждого китайца одѣваться въ шелка, а такъ какъ китайскій шелкъ для китайца дорогъ, для большинства не по средствамъ, то китаецъ старается замѣнить его бумажной матеріей, похожей по рисунку и отбѣлкѣ на шелкъ. Изъ нашихъ бумажныхъ матерій эту роль играетъ такъ называемое дамассе. Но, къ сожалѣнію, это все-таки очень слабое подражаніе шелку; нѣтъ специально китайскихъ цвѣтовъ этой матеріи, а рисунки безусловно не китайскіе. Въ этомъ отношеніи наши иностранные конкуренты далеко насъ опередили. Они предлагаютъ китайцамъ матеріи, которые точная копія по цвѣту и рисунку китайскихъ шелковыхъ матерій. Положимъ, по качеству матеріала эти иностранныя произведенія гораздо хуже русскихъ; ткань иностранныхъ матерій рѣдкая, слабая, а русскихъ плотная; краски также непрочныя, но зато сдѣлано все въ китайскомъ вкусѣ, и потому тамъ, гдѣ китаецъ приходится дѣлать выборъ между русской и иностранной мануфактурой, онъ выбираетъ послѣднюю, какъ болѣе ему подходящую. Для нашихъ фабрикантовъ не стоило бы труда взять образчики китайскихъ матерій и сдѣлать по нимъ бумажныя матеріи для китайцевъ. Такъ нѣтъ, этого они не хотятъ дѣлать. Зато нѣкоторые изъ нашихъ фабрикантовъ начинаютъ подражать въ послѣднее время другой чертѣ иностранныхъ издѣлій, именно, они начинаютъ выпускать съ фабрики издѣлія болѣе низкаго качества. Наши, прекрасныя прежде, бумажныя издѣлія, отличавшіяся прочностью ткани и красокъ, дѣлаются годъ отъ году хуже. Теперь начинаютъ дѣлать ткань рѣдкую, а для того, чтобы скрыть это, сильно крахмалятъ ткань, краски настолько плохи, что стоитъ только взять сырыми руками матерію, какъ рука уже окрашивается въ цвѣтъ матеріи. Такое ухудшеніе качества товара допускаютъ, ко-

нечно, не все русские фабриканты, но уже теперь не редкость такая плохая материя. При таком отношении к делу наших фабрикантов, конкурировать имъ съ иностранцами, разумеется, будетъ невозможно, и только усиленная покровительственная система внутри Имперіи и при вывозѣ товаровъ въ Китай будетъ удерживать нашъ вывозъ на томъ уровнѣ, на которомъ онъ стоитъ въ настоящее время. Стоитъ только отнять всякія льготы, какъ вывозъ нашихъ произведеній будетъ сразу же падать. Мало этого. Наши фабриканты ухитряются продѣлывать еще болѣе предосудительныя вещи. Въ крахмалъ, которымъ такъ обильно насыщаются ткани, они подбавляютъ крупнаго песку, чтобы сдѣлать ткань тяжелѣе. Для чего это именно дѣлается, точно я не знаю. Но торговцы наши въ Китаѣ объясняли мнѣ, что это дѣлается для того, будто бы, чтобы получить больше пошлины за хлопокъ, при вывозѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Китай, когда пошлина эта возвращается. Расчетъ производится по вѣсу выдѣланной матеріи, и стало быть, чѣмъ больше будетъ вѣсить матерія, тѣмъ болѣе казна выдастъ денегъ въ возвратъ пошлины за хлопокъ, употребленный на эту матерію. Такъ ли это въ действительности, я не знаю. Но что песокъ подмѣшивается въ крахмалъ, это вѣрно.

Вместѣ съ хлопчатобумажными издѣліями въ Западный Китай ввозится вѣкоторое количество русскихъ суконъ. Сукно русское китайцы ставятъ очень высоко, и каждый китаецъ такъ же охотно надѣнетъ суконное платье, какъ шелковое. Суконное платье это даже своего рода шикъ. Къ сожалѣнію только, русское сукно дорого для китайцевъ. Приходится имъ, въ виду этого обстоятельства, довольствоваться сукнами иностранныхъ фабрикъ, попадающими въ Западный Китай. Иностранная сукна очень невысокаго качества и, главное, прочностью не отличаются. Мнѣ самому нѣсколько разъ приходилось наблюдать, что какъ только немного потянешь сукно, такъ оно и рвется, и рвется безъ всякаго усилія, какъ будто

сдѣланное изъ гнилыхъ нитокъ. Въ действительности оно, вѣроятно, такъ и есть. Но китайцы покупаютъ его охотнѣе русскаго, такъ какъ оно и гораздо дешевле, а затѣмъ по своей ширинѣ вполне приоровлено къ покрою китайскаго платья. Китайцы, да и вообще восточные люди, носятъ широкую одежду. А иностранная сукна и сдѣланы большой ширины, такъ что не нужно много рѣзать сукна, чтобы выкроить платье, и не нужно много шивать полотнищъ. Наме же сукно гораздо уже и китайцамъ это не нравится. Иностранная сукна бывають, обыкновенно, темнаго или краснаго цвѣта разныхъ оттѣнковъ. Наши сукна, попадающія въ Западный Китай, всевозможныхъ цвѣтовъ, но красное-то встрѣчается всего рѣже. Я не знаю, можно ли удешевить сукно, но при настоящихъ цѣнахъ это роскошь, доступная только состоятельнымъ китайцамъ, и на большой сбытъ суконъ нельзя рассчитывать.

Второе мѣсто по ввозу нашихъ произведеній въ Западный Китай, принадлежитъ желѣзу въ издѣліяхъ и не въ издѣліяхъ. Хотя желѣзо и занимаетъ второе мѣсто, сразу послѣ мануфактуры, въ действительности же ввозится его не такъ ужъ много, особенно, по сравненію съ мануфактурой. Если у насъ въ Россіи желѣза такъ мало расходится среди массы населенія, то вполне естественно, что въ Западный Китай требуется его еще меньше. Въ домѣ небогатаго китайца желѣза нигдѣ не видно, а тамъ, гдѣ въ благоустроенныхъ домахъ употребляютъ, обычно, желѣзо, китайскій подданный довольствуется деревомъ. Вѣдять небогатый китаецъ безъ желѣзныхъ шингъ, дошадей подковываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и только для своего первобытнаго плуга обязательно нуждается въ небольшомъ кускѣ желѣза. Земледѣльческія орудія и разныя инструменты дѣлаются, конечно, уже изъ желѣза, тутъ деревомъ уже не обойдешься. Ввозится въ Китай желѣзо подсосовое и листовое. Последнее всего болѣе идетъ на приготовленіе переносныхъ желѣзныхъ печей, которыя начинаютъ входить въ большое употребленіе среди китайцевъ.

Больше идут некоторые изделия из железа, как-то: котлы, ведра и т. д.; а последнее время находят хорошей сбыть желбаная эмалированная посуда, чайники, котлы, равная кухонная посуда и т. д. Всё находить эту посуду и практичной по своей прочности и сравнительно недорогой.

Большие старания прилагались одно время к расширению сбыта на рынках Западного Китая наших сахара и спичек. Для этого было установлено сложение акциза с этих произведений, при вывозе их в Китай. Мера эта должна была значительно удешевить сахар и спички и, стало быть, соответственно сильно увеличить и их сбыт. Однако, последнего результата достиг не удалось. Сахара стало продаваться в Западном Китае больше, чем прежде, однако такого крупного увеличения вывоза, на который рассчитывали, не замечается. И причины этого лежат, прежде всего, в самих русских купцах, а затем в условиях рынка. Купцы поняли эту меру, как благоприятие правительства специально в их пользу, а не ради интересов торговли. Поэтому, получая от сахара они стали по дешевой цене, благодаря сложению акциза, а продавая старались по прежней, или очень немного пониженной, так что они-то прибыль хорошую получали, а торговля наша ровно ничего от этой меры не выигрывала. В виду этого, когда, например, я был в Кульдже, то должен был принимать специальные меры против этой несправедливой наживы, и неоднократно объяснял русским купцам ее смысл и значение. Теперь, конечно, цены на сахар значительно упали, вследствие усиленного подвоза этого продукта, однако большого прогресса в сбыте не замечается. Вторая причина — местные условия. Китайцы употребляют сахару в пищу очень мало. Это большая роскошь, допускаемая лишь у людей состоятельных, а у остального населения только в торжественных случаях. При том, грязный китайский сахар нравится китайцам гораздо больше, потому что, во-1-х, он все-таки дешевле

русского, а, во-2-х, он кажется им слаще. Кроме того, китайцы предпочитают или песочный сахар, или леденец, а наши купцы привозят или в пиленых кусках, или в головках. Головного сахара китайцы почти совсём не покупают. Больше идет русской сахар среди китайских подданных мусульман. Но и для них это предмет роскоши, а не обычного употребления. Любят также мусульмане и наши сладости, конфеты и прочее, покупают их охотно; но для большинства это предмет роскоши и большого спроса не может быть. Конфеты наши покупают также и китайцы, но меньше, чем мусульмане.

Наши безакцизные спички совершенно вытеснили с рынков Западного Китая иностранные спички, водворившиеся было там. Но это товар малоценный и потому в общей сумме нашего ввоза в Китай крупной цифры не представляет.

Впрочем, собственно говоря, напрасно это наше стремление снабжать китайцев сахаром и спичками по дешевой цене в то время, как наш крестьянин, живущий тут же на границе, должен платить за них гораздо дороже. Крестьяне возмущаются этой аномалией и это вполне естественно. И что же мы видим? Что крестьяне, да и интеллигенция, приходя в Чугучак и Кульджу по делам, стараются провезти оттуда в русские пределы контрабандой безакцизные русские же сахар и спички. Русской промышленности эта льгота существенной пользы не приносит, да едва ли скоро будет и приносить, при небольшом сравнительно спросе и сбыте наших сахара и спичек в Западном Китае; казна терпит убыток при возвращении акциза, и наживается только небольшое число русских сахарозаводчиков и торговцев.

Из других товаров, возимых в Западный Китай, стоит отметить швейные машины. Ввозится их, положим, немного, но ввоз все-таки год от году увеличивается. Некоторое затруднение встречает распространение швейных машин в отсутствие руководителей к ним на ки-

тайскомъ языкѣ, хотя это, при желаніи, легко было бы устранить.

Кромѣ того, идетъ въ Западный Китай писчая бумага, которая употребляется для письма мусульманами-сартами. У китайцевъ на нее значительный спросъ для оклеиванія стѣнъ и потолковъ въ домахъ. У китайцевъ тоже есть для этой цѣли бѣлая бумага, но бѣлая; побѣлка эта скоро сходитъ, и бумага принимаетъ грязножелтый цвѣтъ. Съ русской бумагой этого не случается, и потому китайцы очень охотно покупаютъ ее для оклейки. Ввозъ бумаги годъ отъ году возрастаетъ.

Замѣтно постоянное увеличеніе ввоза нашего керосина. Китайцы предпочитаютъ этотъ освѣтительный продуктъ разнаго рода масламъ въ родѣ кунжутнаго, которыми употреблялись раньше. Керосинъ дорогъ, но все-таки находятъ достаточное количество покупателей. Жаль только, что наши торговцы не содѣйствуютъ сбыту керосина, а какъ будто даже препятствуютъ этому. Ввозится недостаточное количество лампъ и то по дорогой цѣнѣ, а особенно мало стеклокъ къ нимъ. При этомъ, если кто-нибудь приходитъ въ лавку за покупкой новаго стекла вмѣсто разбитаго, то ему не продаютъ стекла отдѣльно, а заставляютъ покупать его вмѣстѣ съ лампой, которая покупателю совсѣмъ не нужна. Изъ-за этого нерѣдко происходятъ цѣлые скандалы съ покупателями, которые считаютъ, что если торговецъ разъ продалъ имъ лампу, то долженъ снабжать и принадлежностями къ ней, а то, по ихъ понятію, это выходитъ какъ бы обманъ. Особенно часто такіе случаи подальше отъ русской границы, особенно въ Кашгарѣ, куда провозъ стекла труденъ и стоитъ дорого. Конечно, такая система не можетъ содѣйствовать развитію нашего ввоза, а какъ разъ наоборотъ. Но большинство нашихъ торговцевъ и не заботится о развитіи торговли; нажать бы сегодня, а тамъ — что будетъ, имъ безразлично. Замѣтъ, необходимо доставлять керосинъ не въ деревянныхъ бочкахъ, какъ это дѣлается теперь, а въ желѣзныхъ ящикахъ. Бочки въ дорогѣ скоро

портятся, керосинъ при этомъ вытекаетъ; а кромѣ того, и естественное испареніе его совершается быстро, особенно дѣтомъ. Оттого получается только убытокъ для самихъ торговцевъ и вздорожаніе керосина для покупателей. Можно было бы привозить керосинъ въ желѣзныхъ банкахъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Маньчжуріи. Помимо того, что при такой укрупнѣнѣтѣ утечи и испаренія керосина, достигающихъ иногда громадныхъ размѣровъ на партію, керосинъ въ желѣзныхъ ящикахъ удобно перевозить вьючнымъ путемъ куда угодно, а вьючная перевозка именно и преобладаетъ въ Западномъ Китаѣ. Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Западномъ Китаѣ, я уговаривалъ многихъ нашихъ купцовъ выписывать своею содѣйствіемъ въ этомъ случаѣ, общая написать нашимъ крупнымъ экспортерамъ керосина о томъ, чтобы они отправляли керосинъ въ Западный Китай не въ бочкахъ. Торговцы сначала отказывались, говоря, что будетъ ли это удобно, да не будутъ ли брать дорого за ящики и т. д., но потомъ со мною согласились и просили меня помочь имъ, но въ это время я перешелъ въ Маньчжурію, и что изъ этого вышло, не знаю. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, кажется, и до настоящаго времени везутъ керосинъ въ бочкахъ, которые крайне громоздки, неудобны для вьючной перевозки и часто портятся. Въ Маньчжуріи керосинъ въ желѣзныхъ ящикахъ-банкахъ охотно покупаютъ еще и потому, что потомъ, когда керосинъ будетъ издержанъ, то банки эти употребляются, какъ ведра для воды и другихъ потребностей; а то, желѣзо идетъ еще и на подѣлки. Въ Западномъ Китаѣ желѣзо еще нужнѣе и дороже, поэтому, навѣрно, многіе скупали бы даже эти банки. Что касается бочекъ, то употребляютъ ихъ въ дѣло потомъ неудобно, потому что они страшно пропитываются керосиномъ, запахъ керосина держится упорно и сообщается всему тому, что кладутъ потомъ въ такую бочку.

Идетъ въ Китай немного русскаго фарфора и стекла: чайныхъ чашекъ, чайниковъ и особенно вазъ, которыхъ китайцы такіе любители. Русскій фарфоръ куда лучше китайскаго, ввозимаго въ Западный край, и оттого китайцы очень охотно покупаютъ русскій фарфоръ; только онъ все-таки для нихъ дорогъ. А издѣлія изъ стекла, особенно цвѣтного, китайцы очень любятъ и слѣдовало бы усилить его ввозъ въ Китай; стеклянныя вазы наши они употребляютъ, какъ жертвенные сосуды. Между прочимъ можно отбить ввозъ стеклянныхъ подставокъ для ролей, которыя употребляются для растиранія туши.

Затѣмъ, стала ввозиться въ послѣднее время наша вѣнская мебель, которую очень охотно покупаютъ китайскіе чиновники и богатые купцы.

Наконецъ, ввозятся въ Западный Китай разныя другіе товары; но cadaго товара ввозится небольшое количество, на небольшую сумму и потому отдѣльнаго упоминанія они не заслуживаютъ. Вообще, въ Западномъ Китаѣ могутъ пойти и другіе товары, лишь бы ихъ показать китайцамъ. Китайцы очень любопытны, любятъ разныя заморскія новинки и охотно ихъ покупаютъ, когда ихъ видятъ. Такъ, напримѣръ, я знаю, что въ Урумчи и Чугучакѣ одно время очень охотно раскупились наши игрушки, особенно заводныя, музыкальныя ящики, и т. п.; нарасхватъ брали машинки для рубки мяса, разный столлярный инструментъ и т. д. Жаль только, что наши торговцы-мусульмане очень мало догадливы и предприимчивы, не слѣдятъ внимательно за потребностями покупателей, и предпочитаютъ идти по проторенной дорожкѣ, продавая китайцамъ мануфактуру да желѣзо, желѣзо да мануфактуру, не обращая вниманія на другое. Зато, если случайно кто-нибудь изъ русскихъ торговцевъ привезетъ какой-нибудь новый товаръ, и товаръ этотъ окажется ходкимъ, то все бросятся ввозить его и роняютъ его цѣну. Такъ, напримѣръ, много такихъ подражателей, и по правдѣ сказать, довольно неудачныхъ, явилось среди мусульманъ у одного предприимчиваго рус-

скаго купца Ботвина, который сталъ привозить разнообразный, по преимуществу мелочной, товаръ для китайцевъ. Въ Западномъ Китаѣ, какъ и вездѣ, кромѣ капитала, требуется знаніе рынка, умѣнье приспособиться къ спросу и даже вызывать его и предприимчивость, а этихъ-то качествъ у нашихъ купцовъ и недостаточно.

Вывозятъ изъ Западнаго Китая въ русскіе предѣлы главнымъ образомъ скотъ и произведенія скотоводства. Произведенія скотоводства это кожи, шерсть, волосъ; мясо, сало, кишки и т. д., въ торговлѣ они иначе называются еще жировыми товарами. Все почти эти товары идутъ на русскіе заводы и лишь небольшая часть, особенно козлины, идутъ черезъ Россію за границу.

Какъ мы увидимъ изъ ниже помѣщенныхъ таблицъ, первое мѣсто среди произведеній скотоводства, вывозимыхъ въ русскіе предѣлы, принадлежитъ овчинамъ и козлинамъ. Затѣмъ идутъ шкуры рогатаго скота и конскія. Все это вывозится въ сыромъ, не выдѣланномъ видѣ. Много также прогоняется въ русскіе предѣлы разнаго скота.

Долины и ущелья многочисленныхъ горъ Западнаго Китая даютъ убѣжище большому количеству пушнаго звѣря и обширное поле для дѣятельности охотника-звѣролова. Охотой на пушнаго звѣря занимаются почти исключительно кочевники киргизы и монголы. Изъ Западнаго Китая вывозятся мѣха лисецъ — красной и чернобурой, куницъ, выдръ, медвѣдей, волковъ, дикихъ козъ и т. д. Въ консульскихъ отчетахъ показываются еще иногда мѣха соболей, какъ вывозимые изъ Западнаго Китая. Но соболей въ этомъ краѣ нѣтъ, и соболы мѣха ввозятся изъ Монголіи, такъ что черезъ Западный Китай они проходятъ только транзитомъ.

Въ послѣдніе годы стало много ввозиться въ русскіе предѣлы изъ Восточнаго Туркестана хлопка. Вывозъ хлопка изъ Западнаго Китая имѣетъ для насъ очень большое значеніе. Прежде всего, это усиливаетъ покупательную способность населенія, которое приобретаетъ большую возмо-

ность покупать наши произведения, отчего увеличивается сбыт наших товаров; а затѣмъ—хлопокъ для насъ очень и нуженъ. Фабрики наши питаются отчасти среднеазиатскимъ хлопкомъ, а всего больше—американскимъ. Между тѣмъ хлопка, даваемого плантациями нашей Средней Азии, далеко недостаточно для потребностей нашихъ фабрикъ, и едва ли въ скоромъ времени можно ожидать большого увеличенія его производства; а это обстоятельство ставитъ насъ въ зависимость отъ Америки, которая въ одинъ прекрасный день можетъ или совсѣмъ прекратить отпускъ намъ хлопка, или сильно поднять на него цѣны, что сдѣлаетъ его недоступнымъ. Поэтому, намъ, помимо развитія хлопководства въ Средней Азии, нужно всемѣрно заботиться объ усиленіи вывоза хлопка и изъ Китайскаго Туркестана. Все это дастъ намъ возможность быть въ меньшей зависимости отъ американцевъ, что для насъ очень важно. Даже высшія мѣстныя китайскія власти, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, охотно пойдутъ намъ навстрѣчу. Они понимаютъ выгоду и для казны и для населенія развитія хлопкового дѣла, принимаютъ, какъ мы уже видѣли, для этого мѣры, и синцзянскій губернаторъ въ Урумчи какъ-то меня лично спрашивалъ, какъ бы усилить сбытъ хлопка въ Россію. Конечно, тутъ работать нужно не русскому правительству, которому вмѣшиваться въ это дѣло было бы даже и неудобно, а частнымъ предпринимателямъ.

Изъ другихъ товаровъ, вывозимыхъ изъ Западнаго Китая въ русскіе предѣлы, нужно отмѣтить шелкъ, фарфоръ и чай.

Шелковыхъ матерій вывозится немного. Матерій мѣстнаго производства очень мало и, кромѣ того, онѣ не отличаются особенно высокими качествами. Изъ Внутренняго Китая хорошія матеріи на рынки Западнаго Китая почти совсѣмъ не поступаютъ; ихъ некому тамъ покупать. Затѣмъ, рисунокъ и цвѣтъ китайскихъ матерій не соответствуютъ русскому вкусу. Громадные круги, цвѣты, рыбы, бабочки и разныя разводы нашимъ дамамъ нравятся не

могутъ. Кромѣ того, большой недостатокъ китайскихъ шелковыхъ матерій тотъ, что плохо закрѣпляются нитки, отчего шелкъ быстро высыпается. Для китайцевъ это ничего, у нихъ швовъ въ одеждѣ мало, а у насъ приходится рѣзать матерію на большіе куски, и это высмане шелка крайне неудобно. Больше всего идетъ въ наши предѣлы крашеная и не крашеная чесуча. Хотя кушчи наши говорить, что сбытъ чесучи выгоды имъ никакой не приноситъ и на чесучу спросъ небольшой, потому что теперь въ самой Россіи выдѣлываютъ шелковую матерію, очень похожую на китайскую чесучу, которая обходится дешевле китайской. Въ послѣднее время, вообще, замѣчается ухудшеніе качества китайскихъ шелковыхъ матерій, что также уменьшаетъ вывозъ ихъ въ Россію. Прежде всего, часто встрѣчается, что показной конецъ куска бываетъ одного достоинства, а внутренній другого. Первый—плотный, хорошій, а второй—рѣдкій и непрочный. А такъ какъ у китайцевъ не принято развертывать куски матерій, то извѣтъ этотъ при покупкѣ замѣтить невозможно. Затѣмъ, въ чесучѣ, напрямѣръ, стали прибавлять бумагу, или, какъ говорить нѣкоторые, нитки изъ крапивы, такъ что матерія, продаваемая подъ именемъ шелковой, иногда оказывается совсѣмъ не шелковой, а на половину бумажной.

Гораздо лучшей сбытъ находятъ въ русскихъ предѣлахъ шелкъ-сырецъ и шелковыя нитки. Послѣднія, впрочемъ, тоже невысокаго качества, такъ какъ окрашены непрочными красками, которыя быстро линяютъ и пачкаютъ руки. Шелкъ-сырецъ идетъ изъ Китайскаго Туркестана въ нашъ Туркестанъ, откуда уже подъ именемъ туркестанскаго и поступаетъ на внутренніе рынки Россіи.

Китайскаго фарфора вывозится немного. Мѣстнаго фарфорового производства совсѣмъ не существуетъ, а то, что привозится въ край изъ Внутренняго Китая, и крайне невысокаго качества и очень дорого. Идутъ въ нашъ Туркестанъ по преимуществу чашки. У китайцевъ въ этихъ чашкахъ подаются кушанья, а наши сарты находятъ ихъ очень

удобными для питья чая. Вывозятся въ небольшомъ количествѣ китайскія вазы и блюда, послѣднія идуть для подаванія пилава нашимъ сартамъ, а также вѣшаются, какъ украшенія, на стѣны; то и другое идетъ большею частью въ Туркестанъ.

Относительно торговли чаемъ я уже сказалъ въ своемъ мѣстѣ, что она страшно стѣснена, благодаря правительственной монополіи. Китайцы, поэтому, торгуютъ чаемъ съ большой осторожностью. Наши торговцы до послѣдняго времени находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ, такъ какъ китайскія власти не рѣшались особенно строго къ нимъ относиться, изъ опасенія недоразумѣній съ русскими консулами. Поэтому, русскіе подданные пользовались въ этомъ отношеніи сравнительной свободой, и могли какъ торговать чаемъ въ самомъ Западномъ краѣ, такъ и вывозить чай въ русскіе предѣлы. Но, кромѣ этой, такъ сказать, нелегальной торговли, наши купцы могутъ торговать имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Чугучакѣ и самымъ законнымъ образомъ. Для этого они закупаютъ чай въ Кобдо и даже Калганѣ, гдѣ правительственной монополіи не существуетъ, а затѣмъ везутъ ихъ по Монголіи въ Чугучакъ и другія мѣста, находящіяся въ пятидесятиверстной полосѣ отъ границы, гдѣ, на основаніи петербургскаго договора 1881 г., торговля всякими товарами свободна и беспошлинна. Однако, хорошихъ чаевъ и у нашихъ торговцевъ нѣтъ. Привозятся изъ Калгана по преимуществу кирпичные чай, или даже, такъ называемые, полѣнные, а байховые—только самаго низкаго достоинства. Эти же сорта, конечно, ввозятся и въ Россію и то, сравнительно, въ небольшомъ количествѣ. При настоящихъ условіяхъ, лучшіе сорта чая и не могутъ попадать въ Западный Китай, а оттуда въ русскіе предѣлы, потому что ихъ приходится везти слишкомъ далеко, по пустынямъ, что обходится очень дорого, а затѣмъ, при вывозѣ въ русскіе предѣлы, нужно уплатить въ русской таможнѣ большую пошлину. При этихъ условіяхъ, цѣнныхъ чаевъ и везти не

стоитъ, а можно везти только чай низкаго качества, какъ товаръ болѣе ходкій. Да и эти низшіе сорта чаевъ дальше Туркестана, по преимуществу Семирѣчья, и Семипалатинской области не проникаютъ, такъ какъ они встрѣчаютъ сильную конкуренцію въ лучшихъ чаяхъ, привозимыхъ по Сибирской желѣзной дорогѣ изъ Кяхты.

Наши купцы, торгующіе въ Западномъ Китайѣ, все время жалуются на стѣсненіе торговли чаемъ и очень бы желали, чтобы были отмѣнены также и таможенная пошлины на чай на русской границѣ. Что касается устраненія стѣсненій торговли чаемъ въ китайскихъ предѣлахъ, то это, конечно, очень желательно и слѣдовало бы этого добиваться, хотя въ вопросѣ о торговлѣ чаемъ заинтересованы въ Западномъ Китайѣ не столько русскіе, сколько китайскіе подданные. Но отмѣнять или понижать таможенныя пошлины при ввозѣ чаевъ изъ Западнаго Китая въ русскіе предѣлы было бы совершенно неосновательно. Конечно, если бы, вообще, были понижены пошлины на чай, ввозимые изъ Китая, то мѣру эту нужно было бы примѣнить и къ ввозу чаевъ изъ Западнаго Китая. Понижать же пошлину только для этого края это значило бы искусственно создавать новый путь для чайной торговли. Въ первое время это принесло бы большую выгоду мѣстнымъ русскимъ торговцамъ, но никому другому, для развитія же нашей торговли въ Западномъ Китайѣ это совсѣмъ не было бы полезно, а какъ разъ наоборотъ, т. е. вредно, и вотъ почему. Наши купцы, конечно, бросились бы все на чайную торговлю, какъ болѣе вѣрную и выгодную, а торговлю другими товарами забрали бы; а это дало бы возможность утвердиться въ Западномъ Китайѣ иностранной торговлѣ вмѣсто нашей. Между тѣмъ и торговля чаемъ, созданная искусственно, при первомъ же неблагоприятномъ случаѣ упала бы и, такимъ образомъ, наши торговцы совсѣмъ утратили бы свое выгодное положеніе въ краѣ. Слѣдовательно, искусственно поощрять и развивать торговлю чаемъ по границѣ съ Западнымъ Китаемъ рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній, и

жалобы наших торговцев на стѣсненіе торговли чаемъ въслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ не заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Въ послѣдніе годы значительно усилился вывозъ изъ Западнаго Китая сушеныхъ фруктовъ. Всего больше вывозится фруктовъ изъ Восточнаго Туркестана въ нашъ Туркестанъ. Затѣмъ, часть фруктовъ идетъ на Семипалатинскъ. Дальше этихъ областей китайскіе фрукты не проникаютъ, да и тутъ встрѣчаютъ конкуренцію со стороны нашихъ фруктовъ, такъ что на большой вывозъ ихъ въ наши предѣлы нельзя рассчитывать.

Изъ другихъ товаровъ, вывозимыхъ въ русскіе предѣлы, можно отмѣтить войлокъ, или кошму, котораго годъ отъ году вывозится больше и больше и на значительную сумму. Затѣмъ идетъ кашгарская мата, или даба — бумажная ткань низшаго качества. Эта матерія идетъ изъ Китайскаго Туркестана и направляется почти исключительно въ нашъ Туркестанъ и Семирѣчье, гдѣ покупается киргизами и сартами. Дальше этихъ областей мата не идетъ.

Свѣдѣнія о ходѣ русской торговли въ Западномъ Китаѣ излагаются въ отчетахъ нашихъ консуловъ, представляемыхъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ удалось воспользоваться новѣйшими изъ этихъ отчетовъ, именно: отчетами консуловъ въ Кашгарѣ за 1902 г., въ Урумчи за 1903 годъ и отчетомъ консула въ Кульджѣ за 1904 годъ. Къ сожалѣнію только, не оказалось отчетовъ по консульству въ Чугучакѣ за послѣдніе годы. Нижеслѣдующія таблицы, взятая изъ этихъ отчетовъ, даютъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какіе товары ввозятся въ названные консульскіе округа, какое количество ихъ и на какую сумму. Такъ какъ эти три округа обнимаютъ большую часть Западнаго Застѣннаго Китая, то свѣдѣнія эти достаточно ясно представляютъ ходъ русской торговли въ этой части Китая. Что касается Чугучакскаго округа, обнимающаго остальную и самую незначительную часть Западнаго края, то, за отсутствіемъ консульскихъ отчетовъ, у меня нѣтъ

подробныхъ официальныхъ свѣдѣній о ходѣ русской торговли въ этомъ округѣ, есть только частныя свѣдѣнія относительно общей суммы ввоза и вывоза въ этотъ округъ. Но такъ какъ торговля въ Чугучакѣ по роду товаровъ, относительному количеству ихъ и цѣнности совершенно подобна торговлѣ въ Урумчи и Кульджѣ, то пробѣлъ этотъ не можетъ измѣнить общей характеристики русской торговли въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, хотя, конечно, жаль, что нѣтъ этихъ подробныхъ данныхъ. Также весьма было бы желательно, чтобы цифровыя данныя по всѣмъ четыремъ консульскимъ округамъ относились къ одному и тому же изъ самыхъ послѣднихъ годовъ, но, къ сожалѣнію, достать такія свѣдѣнія не представлялось никакой возможности.

Ввозъ товаровъ въ Кашгарію въ 1902 году.

Мануфактуры	на 1,599,850 руб.
Сахаръ, медъ, конфеты	> 90,700 >
Сички	> 39,838 >
Сѣчки	> 2,628 >
Шеаковыя и полушелковыя ткани мѣстнаго тур- кестанскаго производства	> 7,160 >
Желѣзо	> 54,834 >
Сталь	> 15,996 >
Краски	> 14,190 >
Всего на 1,899,680 руб.	

Вывозъ товаровъ изъ Кашгаріи въ русскіе предѣлы въ 1902 г.

Хаопчатобумажныя издѣлія	на 1,349,928 руб.
Шерсть	> 54,131 >
Войлокъ и ковры	> 594,227 >
Шелкъ-сырецъ и чески	> 62,450 >
Кипши	> 16,833 >
Хлопокъ	> 80,769 >
Кожы	> 193,691 >
Мѣха	> 145,569 >
Фрукты	> 95,551 >
Кораллы	> 110,552 >
Кожанныя издѣлія	> 48,151 >
Всего на 2,924,261 руб.	

Общий оборот торговли по границѣ съ Кашгаріей — 4.823,941 руб. Это приблизительно средній годовоі оборотъ русской торговли за пять лѣтъ по границѣ съ Кашгаріей. Самая большая сумма, которой достигалъ оборотъ, была въ 1901 году, когда ввезено и вывезено было товаровъ изъ Восточнаго Туркестана на 5.664,778 рублей.

Вывозъ товаровъ изъ Россіи въ Кульджинскій консульскій округъ въ 1904 году выражается слѣдующими цифрами:

Привезено.

А) изъ Москвы, Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ. Разныхъ мануфактурныхъ издѣлій	84,308 куска, 5,871 д. и 1,694 шт.	на 641,631 р. 59 к.
Металловъ и издѣлій изъ нихъ		> 74,570 > 47 >
Разныхъ предметовъ.		
Сахару 6,948 пуд.	на 60,096 р. 13 к.	
Свѣчей стearиновыхъ 426 ящикъ	> 11,232 > — >	
Спичекъ 200 ящикъ	> 800 > — >	
Керосину 430 пуд.	> 2,150 > — >	
Конфетъ 740 пуд. 4 ф.	> 7,096 > 31 >	
Меду 101 вуд.	> 606 > — >	
Бумаги писчей и оберточной 5,279 стопъ	> 6,720 > 70 >	
Табаку и папиросъ	> 2,018 > 76 >	
Гильзъ папиросныхъ	> 2,963 > 50 >	
Парфюмеріи разной	> 3,216 > 60 >	
Обуви	> 15,465 > 26 >	
Одежды	> 2,350 > 45 >	
Арахчина	> 1,114 > 24 >	
Посуды эмальированной	> 4,880 > 66 >	
Посуды фарфоровой, фаянсовой и стеклянной	> 7,221 > 76 >	
» деревянной	> 1,461 > 10 >	
Лампы	> 1,132 > 80 >	
Сундуковъ и шкапуловъ	> 1,874 > 10 >	
Швейныхъ машинъ	> 2,481 > 50 >	
Нитокъ и гарусу	> 12,627 > 90 >	
Письменныхъ принадлежностей	> 425 > 30 >	
Кроватей	> 723 > 81 >	
Зеркаль	> 638 > — >	
Часовъ	> 727 > — >	
Мѣшковъ и веревкѣ	> 5,128 > — >	

Гармоній	на 330 р. — к.
Чаю	> 4,268 > — >
Мѣховъ	> 860 > — >
Эшпажей	> 1,560 > — >
Клеенки	> 448 > — >
Стекла	> 440 > — >
Кожъ выдѣланныхъ	> 9,228 > 30 >
Игольного, галантерейнаго товара и мелочей	> 25,773 > 41 >
Вакалейнаго, москательнаго товаровъ и консервовъ	> 9,838 > 49 >
Спиртныхъ напитковъ	> 12,540 > 76 >
Муки	> 560 > 25 >
Детто	> 459 > — >
Серебра 166 пуд.	> 107,540 > — >
Кредитныхъ билетовъ	> 425,536 > — >

Всего на 758,090 р. 94 к.

Б) изъ Туркестана и Семирѣчья привезено	на 45,320 р.
Всего же привезено	> 1,519,613 р. 94 >

Вывезено изъ Кульджинскаго округа въ Россію:

Шерсти бараньей 17,279 пуд.	на 99,016 р. 20 к.
Шерсти коровьей и верблюжьей 322 пуд.	> 486 > 75 >
Конскаго волоса 948 пуд.	> 13,550 > 83 >
Пуху козьяго 615 пуд.	> 6,064 > 40 >
Овчинъ 107,798 шт.	> 50,469 > 34 >
Козлинь 86,916 шт.	> 75,531 > 55 >
Кожъ яловыхъ 7,976 шт.	> 46,680 > 50 >
» конскихъ 25,598 шт.	> 57,704 > — >
» маральнихъ и оленнихъ 584 шт.	> 2,886 > — >
Лисицъ 4,077 шт.	> 16,498 > 60 >
Варсукъ 10,417 шт.	> 5,764 > 75 >
Куницъ 63 шт.	> 314 > 68 >
Вудры 250 шт.	> 2,250 > — >
Соболей 43 шт.	> 178 > 45 >
Медвѣжьихъ шкуръ 13 шт.	> 91 > — >
Волчьихъ » 63 шт.	> 378 > — >
Козлинь дикихъ 97 шт.	> 29 > 10 >
Сурковъ 9,484 шт.	> 948 > 40 >
Саксаковъ 968 шт.	> 193 > 60 >
Разныхъ мѣховъ и шубъ 10,730 шт.	> 32,190 > — >
Войлока 4,551 кус.	> 13,316 > 76 >
Хлопка 28,188 пуд.	> 221,727 > 45 >

Ковровъ 675 шт.	на	11,750 р. 85 к.
Войлочныхъ шляпъ 19,950 шт.	>	8,770 > — >
Китайской фарфоровой посуды 44 ящ.	>	3,735 > 60 >
> шелковыхъ матерій	>	7,815 > — >
Бараньихъ кишекъ	>	7,787 > — >
Роговъ маральихъ	>	7,470 > — >
Сада бараньяго и сальныхъ свѣчей 1,109 пуд.	>	5,420 > — >
Мыла 611 пуд.	>	2,180 > — >
Масла коровьяго 101 пуд.	>	707 > — >
Чаю	>	56,480 > — >
Маты 21,480 кус.	>	10,740 > — >
Выдѣланныхъ кожъ 778 шт.	>	8,865 > — >
Фруктовъ сушеныхъ 2,015 пуд.	>	9,276 > — >
Овса и клевера 80,000 пуд.	>	15,000 > — >
Каменнаго угля 3,520 пуд.	>	528 > — >
Разныхъ товаровъ	>	4,681 > — >
Лошадей 8,972 гол.	>	146,606 > — >
Барановъ 52,006 гол.	>	215,066 > 55 >
Рогатаго скота 5,072 гол.	>	73,960 > — >
Кредитныхъ билетовъ	>	525,756 > — >

Всего вывезено въ Россію на 1.763,314 р. 11 к.

Складывая цифру вывоза съ цифрой ввоза, получаемъ— 3.282,928 рублей. Эта цифра и выражаетъ оборотъ нашей торговли въ Кульджинскомъ консульскомъ округѣ въ 1904 году. Изъ отчета консула въ Кульджѣ, изъ котораго и беру эти цифры, видно, что 1904 годъ по торговлѣ не отличался ничѣмъ особеннымъ: не было ни пониженія, ни повышенія торговыхъ оборотовъ нашихъ купцовъ. Поэтому, приведенную цифру оборота можно считать очень близкой къ средней за ближайшія пять лѣтъ.

Наша торговля въ Урумци выражается слѣдующими цифрами.

Привезено русскихъ товаровъ въ Урумци въ 1903 году:

Мануфактуры 69,285 кус.	на	664,787 руб.
Холста для мѣшковъ 1,600 арш.	>	1,200 >
Галантерейнаго товара	>	11,820 >
Швейныхъ машинъ 62 шт.	>	1,629 >
Желѣза въ надѣлахъ и не надѣлахъ 9,337 пуд.	>	56,546 >

Телеграфныхъ принадлежностей	на	461 руб.
Посуды эмальированной	>	4,680 >
Посуды фарфоровой	>	2,280 >
Вакалейнаго товара	>	3,988 >
Сахару 306 пуд.	>	2,100 >
Винъ русскихъ 2,480 бут.	>	4,921 >
Свѣчей стеариновыхъ 196 пуд.	>	3,634 >
Спичекъ 1,380 ящ.	>	5,940 >
Керосина 50 пуд.	>	200 >
Бумаги писчей 3,522 стопы	>	5,146 >
Серебра лѣбоваго	>	3,400 >
Разнаго товара	>	1,280 >

Итого на 773,899 руб.

Вывезено въ русскіе предѣлы изъ Урумци въ 1903 году.

Шерсти бараньей 28,199 пуд	на	171,185 руб.
Шерсти верблюжьей 696 пуд.	>	4,073 >
Вѣлыхъ бараньихъ мѣховъ 12,016 шт.	>	36,377 >
Овчинъ не выдѣланныхъ 59,450 шт.	>	41,370 >
Овчинъ выдѣланныхъ 736 шт.	>	500 >
Мериушекъ 14,808 шт.	>	6,177 >
Козлинь 30,652 шт.	>	35,631 >
Лисиць 8,784 шт.	>	44,596 >
Куницы 383 шт.	>	2,814 >
Корсаковъ 150 шт.	>	300 >
Выдръ 2,690 шт.	>	23,000 >
Леопардовъ 26 шт.	>	2,100 >
Конскихъ кожъ 819 шт.	>	2,168 >
Кожъ лвовыхъ 736 шт.	>	3,352 >
Кожъ верблюжьихъ 30 шт.	>	120 >
Кожъ выдѣланныхъ кашгарскихъ 390 шт.	>	2,570 >
Ковровъ 571 шт.	>	9,617 >
Войлока 17,108 шт.	>	10,914 >
Маты 2,940 шт.	>	1,494 >
Шелковыхъ матерій и тесьмы	>	6,603 >
Волоса конскаго	>	2,205 >
Бараньихъ кишекъ	>	680 >
Войлочныхъ шляпъ 29,800 шт.	>	14,567 >
Посуды фарфоровой	>	1,208 >
Разнаго мелочнаго товара	>	6,468 >
Сушеныхъ фруктовъ 4,813 пуд.	>	17,600 >
Чаю	>	39,305 >

Хлопка 105,949 пуд	на 635,649 руб.
Лошадей 650 гол.	> 14,000 >
Барановъ 9,000 гол.	> 45,538 >
Вывозъ и верблюдовъ	> 1,050 >

Итого на 1.182,300 руб.

Складывая цифру ввоза съ цифрой вывоза, мы получаемъ 1.956,199 рублей, каковая цифра и выражаетъ оборотъ русской торговли въ Урумци въ 1903 г. Можно ли эту цифру считать близкой къ средней за нѣсколько лѣтъ, сказать очень трудно, потому что за другіе ближайшіе годы торговыхъ отчетовъ по консульству въ Урумци не имѣется.

У меня нѣтъ точныхъ цифръ относительно русской торговли въ Чугучакѣ за послѣдніе годы. Но по имѣющимся у меня частнымъ свидѣніямъ, средній годовою оборотъ русской торговли въ Чугучакѣ около пяти милліоновъ рублей.

Чтобы получить цифру годового оборота русской торговли во всемъ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, нужно сложить указанная мною отдѣльныя цифры оборота въ четырехъ консульскихъ округахъ, и мы будемъ имѣть близкую къ истинѣ цифру этого оборота. Мы имѣемъ годовою оборотъ въ Кашгарѣ около пяти милліоновъ, въ Кульджѣ—около трехъ милліоновъ, въ Чугучакѣ—около пяти милліоновъ, въ Урумци—около двухъ милліоновъ. Стало быть, годовою оборотъ русской торговли во всемъ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ равняется приблизительно пятнадцати милліонамъ рублей. Но если прибавить къ этому стоимость товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ въ русскіе предѣлы китайскими подданными, что выразится цифрой свыше пяти милліоновъ, то общій оборотъ торговли будетъ свыше двадцати милліоновъ рублей.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Пути сообщенія въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. — Рѣки какъ пути сообщенія. — Непрогодность для судоходства рѣки Тарима. — Неудачная попытка пароходства по рѣкѣ Или.—Полезность судоходства по рѣкѣ Или.—Значеніе рѣки Иртыша.—Путь отъ рѣки Иртыша къ Урумци.—Плохое состояніе грунтовыхъ дорогъ въ Западномъ Китаѣ. — Путь отъ Урумци до Чугучака, Кульджи и Кашгара.—Пути изъ Западнаго Китая въ Россію.—Способы перевозки товаровъ—вьючный и гужевой.—Дороговизна фрахтовъ.—Почтовые сообщенія у китайцевъ и китайскія станции.—Телеграфъ.

Пути сообщенія страны, способы передвиженія товаровъ и людей и условия ихъ имѣютъ громадное значеніе въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній, ихъ успѣшности или неуспѣшности. Поэтому, говоря о торговлѣ въ Западномъ Китаѣ, жѣстной и иностранной, по преимуществу русской, необходимо сказать и о путяхъ сообщенія, и о способахъ и условияхъ передвиженія.

Самыми лучшими и дешевыми путями сообщенія вездѣ считаются естественные, именно пути водные. Изъ отдѣла этой книги, касающагося гидрографии описываемой мной страны, мы уже знаемъ, что Западный Застѣнный Китай не богатъ рѣками и озерами. Мы видѣли только три значительныя рѣки, которыя отличаются большимъ обліемъ воды, чѣмъ всѣ остальные, и текутъ на большомъ протяженіи, это—Иртышъ, Или и Таримъ.

Таримъ, протекающій съ запада на востокъ въ Китайскомъ Туркестанѣ, почти на всемъ своемъ протяженіи пробѣгаетъ по песчанымъ и, мало того, совершенно пустыннымъ мѣстностямъ; при этомъ несетъ такое незначительное количество воды, имѣетъ столько песчаныхъ мелей и неудобныхъ для судоходства мѣстъ, что судоходной рѣкой ни въ какомъ случаѣ считается не можетъ.

Рѣка Или, орошающая Кульджинскій округъ, а затѣмъ часть нашей Семирѣченской области, могла бы быть судоходной, но пока таковой быть не можетъ. Рѣка Или несетъ массу воды, большей частью отличается достаточной глубиной, но въ то же время и быстротой своего течения. Благодаря этой быстротѣ течения, которое приводитъ въ движеніе значительное количество рѣчного песка, очень часто въ разныхъ мѣстахъ образуются песчаная мели; мели эти мѣняютъ свое положеніе ежегодно, что, конечно, должно представлять затрудненія для судоходства. Но при всемъ томъ судоходство по Или можетъ быть устроено. Для этого, прежде всего, нужно изучить рѣку, характеръ ея течения, мели обозначить знаками и слѣдить за измѣненіемъ ихъ мѣстоположенія. До сихъ поръ ничего серьезнаго въ этомъ направленіи не предпринималось. Въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, во время русской оккупации Кульджи, одинъ мѣстный купецъ, по имени Валихунъ Юдашевъ, по совѣту одного изъ извѣстныхъ русскихъ прожектеровъ, пробовалъ было завести пароходство по рѣкѣ Или, но ничего изъ этого предпріянія не вышло. Былъ построенъ на мѣстѣ пароходъ, который сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ или, вѣрнѣе, увеселительныхъ рейсовъ, да на этомъ дѣло и остановилось. Причиной этой неудачи была общая намъ всѣмъ небрежность, необдуманность въ веденіи дѣла. Прежде всего, не изслѣдовали силы течения воды, а затѣмъ и самое русло было осмотрѣно крайне плохо. Поэтому и оказалось, что пароходъ, построенный специально для рѣки Или, оказался слабосильнымъ, а затѣмъ часто наткнулся на мели. Самъ по себѣ онъ еще кой-какъ шелъ противъ

течения, а буксиромъ служить не могъ; а между тѣмъ тутъ и нуженъ былъ именно пароходъ для буксированія мелкихъ судовъ съ товарами, такъ какъ большіе пароходы ходить по рѣкѣ Или не могутъ. Послѣ первыхъ же опытовъ дѣло это такъ и было оставлено, а самый пароходъ долго стоялъ на берегу Или, постепенно разрушаясь и являясь нагляднымъ свидѣтелемъ отсутствія у насъ предпримчивости и надлежащей практической энергіи. Самъ владѣлецъ его живетъ въ г. Джаркентѣ, уже не столь богатъ, какъ прежде, и давно махнулъ рукой на это столь невыгодное дѣло.

Но этотъ первый неудачный опытъ судоходства по рѣкѣ Или нисколько не доказываетъ его безнадѣжности и практической бесполезности. Судоходство на этой рѣкѣ вполне возможно и нужно. Съ Кульджей Россія ведетъ значительную торговлю. Если же пройдетъ черезъ Семирѣчье желѣзная дорога на Ташкентъ, соединяющая русской Туркестанъ съ Сибирью, то торговля эта еще гораздо болѣе разовьется. Теперь товары идутъ отъ Семипалатинска или Ташкента до Кульджи исключительно или вьючнымъ, или гужевымъ способомъ. Это ничего для дѣльныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи, какъ, напримѣръ, мануфактура; но на товары громоздкіе и малоцѣнные, а также на сырье, вывозимое изъ Кульджи, высокая стоимость перевозки ложится значительнымъ бременемъ. Между тѣмъ, если бы русскіе товары доставлялись къ рѣкѣ Или и оттуда отправлялись затѣмъ въ Кульджу по этой рѣкѣ, то стоимость перевозки сдѣлалась бы дешевле. Особенно это было бы выгодно, если бы рѣку Или пересѣкла гдѣ-либо желѣзная дорога. Но даже и теперь устройство судоходства по рѣкѣ Или представило бы большое удобство и выгоду для насъ. У насъ въ Семирѣчьи, напримѣръ, мало топлива, такъ какъ лѣсу мало, да и каменнаго угля нѣтъ, тогда какъ въ Илійскомъ округѣ по обѣимъ берегамъ рѣки Или находятся громадные залежи каменнаго угля, добыча котораго обходится очень дешево. И разъ установилось бы

судоходство по рѣкѣ Или, мы могли бы отправлять въ Кульджу наши товары, а оттуда везти нужный намъ уголь, лѣсъ и, конечно, всякіе другіе товары. Уголь малоцѣнный продуктъ; перевозка его по грунтовымъ дорогамъ обходится, сравнительно съ его цѣнностью, дорого, но если бы его сплавляли внизъ по теченію рѣки, да вдобавокъ къ этому если бы пользовались для сплава силою теченія воды, то уголь обходился бы въ Семирѣчьѣ очень дешево. Теперь, напримѣръ, въ Джаркентѣ топливо страшно дорого. Саксаулъ, который употребляется тамъ на топливо, стоитъ очень дорого, и продается пудами и даже фунтами. Съ устройствомъ же судоходства, можно было бы доставлять уголь по рѣкѣ Или до меридіана г. Джаркента. Отъ Или до Джаркента сорокъ верстѣ; тутъ можно было бы устроить конножѣзную дорогу, что стоило бы не дорого, и такимъ образомъ, создавался бы удобный и дешевый путь для доставки изъ Кульджи въ Джаркентъ угля и другихъ малоцѣнныхъ товаровъ. Что касается товаровъ, идущихъ дальше въ Россію, то ихъ можно было бы сплавлять по рѣкѣ Или до поселка Илійскаго, гдѣ пересѣкаетъ Или большая дорога, идущая изъ Семипалатинска въ Вѣрный, и оттуда уже везти ихъ на телегахъ или вьючнымъ способомъ. Такимъ образомъ, судоходство по рѣкѣ Или и возможно и весьма полезно.

Третья рѣка Западнаго Китая, которая можетъ быть судоходной, это рѣка Иртышъ. Значеніе ея въ этомъ отношеніи въ настоящее время, пожалуй, даже больше рѣки Или. Положимъ, рѣка Черный Иртышъ протекаетъ лишь въ сѣверной части Западнаго Китая и, повидимому, могла бы обслуживать только Монголію. Однако, и для всего Западнаго Китая, особенно для Урумчи и мѣстностей далѣе къ югу и востоку, Иртышъ имѣетъ большое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время товары, направляемые изъ Россіи въ Урумчи и оттуда въ русскіе предѣлы, должны идти обознымъ или вьючнымъ путемъ черезъ г. Чугучакъ до Семипалатинска, гдѣ начинается водный путь. Отъ Урумчи

до Чугучака семьсотъ верстѣ; отъ Чугучака до Семипалатинска шестьсотъ верстѣ; стало быть, всего 1,300 верстѣ пути по грунтовымъ дорогамъ довольно сомнительнаго достоинства. Между тѣмъ товары могли бы идти сухимъ путемъ гораздо меньше. Для этого слѣдовало бы отправлять ихъ изъ Семипалатинска по рѣкѣ Иртыша до китайскихъ предѣловъ, выгружать гдѣ-нибудь на пристани рѣки Чернаго Иртыша и оттуда уже отправлять сухимъ путемъ въ Урумчи и далѣе. Отъ рѣки Чернаго Иртыша по направленію къ Урумчи существуетъ хорошій вьючный путь, выходящій на городъ Кутуби, къ сѣверо-западу отъ Урумчи. Этотъ вьючный путь считается не болѣе 500 верстѣ. Такимъ образомъ, получилось бы сокращеніе перевозки товаровъ по сухому пути на цѣлыхъ 800 верстѣ, а это сокращеніе пути имѣло бы громадное значеніе для торговли, какъ въ смыслѣ ускоренія перевозки, такъ и въ смыслѣ ея дешевизны. Въ 1904 г. одна семипалатинская пароходная компанія и имѣла было намѣреніе изслѣдовать и открыть этотъ новый путь, но намѣреніе это пока и остается намѣреніемъ. Представитель этой компаніи предлагалъ было транспортной компаніи «Надежда», контора которой имѣется въ Чугучакѣ, войти въ соглашеніе съ цѣлью перевозки грузовъ отъ рѣки Чернаго Иртыша прямо въ Урумчи, но «Надежда» отклонила это предложеніе. Причина этого та, что «Надеждѣ» пришлось бы сократить дѣятельность своей конторы въ Чугучакѣ, а главное — начинать совершенно новое дѣло, а это показалось и труднымъ и мало выгоднымъ. Такъ ничего пока изъ этого проекта и не вышло. Нужно думать, разумѣется, что прямой путь отъ рѣки Чернаго Иртыша къ Урумчи будетъ нами использованъ и, несомнѣнно, это принесетъ большую пользу дѣлу развитія нашей торговли въ Западномъ Забѣйномъ Китаѣ. Но съ открытіемъ этого пути, сильно упадетъ торговое значеніе Чугучака, который въ настоящее время играетъ большую роль, какъ складочный и транзитный пунктъ.

Такимъ образомъ, рѣки, какъ водные пути, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ пока никакой роли не играютъ. Слѣдовательно, остаются только грунтовые дороги, которыя и являются единственными путями сообщенія въ этомъ обширномъ краѣ.

Если у насъ въ Россіи грунтовые дороги оставляютъ желать много лучшаго, то можно себѣ представить, въ какомъ плохомъ состояніи находятся дороги въ Западномъ Китаѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что для устройства и поддержанія въ надлежащемъ состояніи этихъ путей сообщенія тамъ почти ничего не дѣлается. Дороги, ведущія изъ Внутренняго Китая въ Урумци, а оттуда въ Кашгаръ, Кульджу и Чугучакъ, носятъ названіе императорскихъ, т.-е. казенныхъ, однако, и для поддержанія ихъ въ сносомъ для ѣзды состояніи дѣлается очень мало. Лишь небольшіе участки этихъ дорогъ находятся въ казенномъ савѣдываніи, остальные части ихъ предоставлены всецѣло заботамъ самого населенія. Казенные участки находятся въ вѣдѣніи военныхъ властей, которые трудомъ солдатъ и должны поправлять дороги. Все исправленіе состоитъ только въ починкѣ мостовъ, находящихся вблизи городовъ. Мосты же подальше отъ городовъ не исправляются, не говоря уже о самой дорогѣ, даже и вблизи городовъ и стоянки воинскихъ частей. Но если военные исправляютъ дороги очень плохо, большей частью только по случаю проѣзда какихъ-либо важныхъ лицъ, что бываетъ не часто, то населеніе совсѣмъ уже не заботится объ исправности дорогъ. Обычный видъ китайскихъ дорогъ—огромныя ямы въ разныхъ мѣстахъ, глубокія колеи, которыя дѣлаются китайскими телѣгами, камни на дорогѣ, полуразрушенные, а то и совсѣмъ провалившіеся мосты. И это еще въ хорошую погоду. Въ грязь же дороги становятся совсѣмъ непроѣзжими даже для самыхъ пернобытныхъ китайскихъ экипажей. Что касается дорогъ въ горахъ и горныхъ перевалахъ, то тамъ путешествіе мученіе и для путешественниковъ и для упряжныхъ животныхъ.

Главные внутреннія дороги идутъ отъ главнаго города Западнаго Застѣннаго Китая Урумци къ русской границѣ по тремъ направленіямъ: на Чугучакъ, Кульджу и Кашгаръ. Дорога на Чугучакъ идетъ черезъ города Манасъ и Шихо. Въ Шихо отдѣляется дорога на Кульджу. Обѣ эти дороги годны для колеснаго движенія и у китайцевъ считаются хорошими. Но хорошими онѣ могутъ быть названы только съ китайской точки зрѣнія. Къ нимъ безусловно приложима сдѣланная мною общая характеристика китайскихъ дорогъ. Кромѣ того, на разстояніи между городомъ Шихо и горами Джаиръ есть станція, гдѣ дорога идетъ почти сплошь глубокими песками, такъ что лошади съ трудомъ тащатъ экипажъ. На одной изъ станцій, именно Куль, нѣтъ воды для питья. Есть тутъ небольшой колодезь съ солоноватой водой, но и этой воды мало, такъ что когда на этой станціи собирается много людей и животныхъ, то нечѣмъ бываетъ утолить жажду. Затѣмъ, нужно перевалить хребетъ Джаирскій, дорога черезъ который представляеть изъ себя рядъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, иногда по краямъ обрывовъ. Особенно знаменитъ по своему неудобству для колеснаго движенія перегонъ отъ станціи Ямату къ станціи Кульденъ. На этомъ участкѣ только туземныя телѣги, съ высокими колесами, могутъ проходить свободно, нашъ же тарантасъ встрѣчаетъ большія препятствія въ массѣ камней на самой дорогѣ. По дорогѣ въ Кульджу встрѣчаются пески около города Цзинъ-хъ. Затѣмъ, въ горахъ Ворохоро нужно перевалить Талкинскій переваль. Перевальъ этотъ нѣкогда былъ разработанъ нашими войсками, но теперь опять заваленъ камнями, которыхъ никто не убираетъ. Конечно, если сравнивать эти дороги съ другими, гдѣ на колескахъ ѣхать совершенно невозможно, то ихъ можно назвать удивлительными, потому что здѣсь, хотя и съ трудомъ, можно пробраться даже въ тарантасѣ, но только по сравненію съ болѣе еще ужасными дорогами; въ действительности же, эти дороги не удовлетворяютъ самымъ минимальнымъ требованіямъ, какія мо-

гутъ предъявляться приличному колесному пути. Путь отъ Урумци на Кашгаръ идетъ черезъ Тяньшань на Карашаръ и далѣе; вездѣ доступенъ для китайскихъ телѣгъ.

Дороги изъ Чугучака и Кульджи къ русской границѣ удовлетворительны. Но тотъ и другой городъ находятся не въ далекомъ разстояніи отъ границы: Чугучакъ изъ 17 верстахъ, Кульджа въ 100 верстахъ.

Что касается путей сообщения Кашгара съ русскими предѣлами, то они не только не удовлетворительны, но крайне трудны. Характеръ путей сообщения Кашгарии обусловливается существованіемъ въ ней горнаго пояса, охватывающаго страну съ трехъ сторонъ и дѣлающаго возможнымъ существованіе лишь вьючныхъ дорогъ, только на небольшихъ участкахъ, пригодныхъ для колеснаго движенія. Кромѣ того, въ виду климатическихъ условий, дороги эти бывають открыты не круглый годъ. Временемъ, наиболее удобнымъ для движенія каравановъ, являются осень и первая половина зимы. Во второй половинѣ зимы и весною многіе перевалы, черезъ которые пролегаетъ путь, становятся непроходимыми вслѣдствіе обилія снѣговъ; лѣтомъ же движеніе затрудняется разливомъ ручьевъ и горныхъ рѣчекъ. Нѣкоторыя дороги, наоборотъ, бывають открыты исключительно во время трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Главными исходными пунктами для русской торговли съ Восточнымъ Туркестаномъ являются: со стороны Ферганской области—городъ Ошъ, отстоящій на 375 верстъ отъ Кашгара, а со стороны Семирѣченской области—Нарынъ, до Кашгара 296 верстъ, и Пржевальскъ, находящійся отъ г. Аксу въ 384 в. На дорогѣ изъ Оша въ Кашгаръ приходится обязательно переваливать одинъ изъ трехъ горныхъ переваловъ: Талдыкъ, Шартъ и Терекъ-даванъ. Кратчайшимъ путемъ является дорога черезъ Терекъ-даванъ. Кутъ этотъ вьючный и особенно трудный. Самъ перевалъ очень высокъ (12.700 футовъ) и крутъ, въ особенности по сѣверному склону. Доступъ къ нему затруднителенъ. Тѣмъ не менѣе, наибольшее количество каравановъ направляется

черезъ него. Терекъ-даванъ совершенно открытъ девять мѣсяцевъ въ году. Движеніе временно становится особенно затруднительнымъ въ апрѣль, маѣ и іюнѣ, вслѣдствіе разлива горныхъ рѣчекъ; но и въ это время совершенно онъ не закрывается. Движеніе черезъ перевалы Талдыкъ и Шартъ совершается только въ три лѣтнихъ мѣсяца. Дорога изъ Нарына въ Кашгаръ пролегаетъ черезъ перевалъ Турругартъ. Движеніе по этому пути возможно круглый годъ; лишь лѣтомъ становится затруднительнымъ вслѣдствіе высокаго уровня воды въ рѣкѣ Суекѣ. По вѣснмъ этимъ дорогамъ часть пути можно ѣхать въ арбахъ, но большая часть этихъ дорогъ возможна только для вьючнаго движенія. Дорога изъ Пржевальска въ Аксу идетъ черезъ перевалъ Бедель и исключительно вьючная. Самый перевалъ крутъ и каменистъ, а южный склонъ его покрытъ кромѣ того льдомъ, который растаиваетъ лишь не надолго въ іюль мѣсяцѣ.

Часть товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Западный Китай, направляется на Семипалатинскъ и оттуда идетъ въ Чугучакъ и Кульджу, другая часть, предназначенная для Кашгарин, идетъ черезъ Ташкентъ. Въ послѣдніе годы нѣкоторые товары для Кульджи также пошли чрезъ Ташкентъ. До Чугучака и Кульджи товары большей частью доставляются въ телѣгахъ, а въ этихъ городахъ, если товары отправляются далѣе въ Китай, они перегружаются на верблюдовъ, рѣдко идутъ далѣе на телѣгахъ. Перевозка на верблюдахъ совершается очень медленно. Нельзя сказать, чтобы верблюды сами по себѣ шли медленно, но дѣло въ томъ, что на пути дѣлаются большія остановки для пастьбы верблюдовъ, которые никакого корма, кромѣ подножнаго, не получаютъ. Вслѣдствіе этого выходитъ, что верблюдъ въ среднемъ дѣлаетъ не больше 15 верстъ въ сутки, а то бывають и меньше, особенно, если случится непогода. Нагруженные телѣги двигаются значительно быстрее. Если въ телѣгѣ бывають запряжены быки, то суточный переходъ считается отъ 25 до 30 верстъ въ сутки. Лошадь

проходить отъ 35 до 40 верстъ въ сутки. Но перевозка на лошадахъ обходится дороже, чѣмъ на быкахъ и верблюдахъ, такъ какъ за лошады нужно въ дорогѣ внимательно смотрѣть, подкармливать овсомъ и клеверомъ, а быки часто довольствуются подножнымъ кормомъ, какъ и верблюды. Въ общемъ, перевозка какъ вьючнымъ, такъ и обознымъ путемъ совершается очень медленно, а кромѣ того, и не цѣлый годъ. Въ жаркое время года, въ июнѣ—июлѣ, верблюды уже не могутъ идти. Это же самое тяжелое время и для упряжныхъ животныхъ. Поэтому, въ срединѣ лѣта движеніе каравановъ сильно уменьшается, и только развѣ крайняя нужда заставитъ возчика тронуться въ путь.

Вслѣдствіе всѣхъ трудностей пути, перевозка товаровъ обходится дорого. Напримеръ, за провозъ отъ Урумци до Чугучака, 700 верстъ, берутъ около рубля за пудъ, а иногда и больше. Отъ Урумци до Кульджи перевозка обходится еще дороже. Отъ Чугучака до Семипалатиска берутъ съ пуда 40—50 к., а иногда и дороже. Отъ Кульджи до Ташкента гужомъ 2 р. 40 коп. съ пуда. Отъ Кульджи до Семипалатиска 1 р. 20 к. съ пуда и болѣе. Особенно высокіе фрахты существуютъ на торговыхъ путяхъ изъ русскихъ предѣловъ въ Кашгарію и обратно. Трудность пути, сопряженная для возчиковъ съ рискомъ лишиться вьючныхъ животныхъ, а иногда даже и собственной жизни, является причиной того, что плата, которую возчики получаютъ за доставку товаровъ, весьма высока сравнительно съ разстояніемъ. По Омско-Кашгарскому тракту ходятъ только вьючные лошади и плата за провозъ взимается не съ пуда, какъ вездѣ, а съ лошади, такъ что можно нанять лошадь, полъ лошади, четверть лошади и т. д. Плата за вьючную лошадь, нагружаемую обыкновенно 7—8 пудами, колеблется, сообразно со спросомъ и предложеніемъ, отъ 6 до 17 рублей, иначе, провозъ товара на 290 верстъ обходится отъ 75 к. до 2 р. съ пуда. Караванъ находится въ пути отъ 14 до 30 дней, смотря по состоянію дороги и времени года. По Нарынско-Кашгарскому пути ходитъ и

лошади и верблюды. Конечнымъ пунктомъ каравановъ, направляющихся по этому пути, служатъ гор. Вѣрный. Стоимость провоза на верблюдѣ, на разстояніи 850 верстъ, при вѣсѣ груза 12—14 пудовъ, 9—15 р. съ верблюда, т. е. 75 к.—1 р. 20 к. съ пуда.

Говоря о фрахтахъ на перевозку товаровъ въ Западный Китай изъ Россіи и обратно, нужно замѣтить, что фрахты эти раньше очень колебались и иногда совершенно неожиданно, что было крайне невыгодно для торговцевъ. Съ открытіемъ въ разныхъ городахъ конторъ транспортной комиссіи «Надежда», дѣло замѣтно улучшается, такъ какъ эти конторы, въ своихъ интересахъ, стараются устроить въ дѣлѣ фрахтовъ элементъ неожиданности и случайности. Конторы компаніи «Надежда» въ настоящее время есть въ Чугучакѣ, Кульджѣ и Урумци.

Хотя китайское правительство и очень мало заботится о путяхъ сообщенія и объ устройствѣ и улучшеніи сношеній между разными мѣстностями и городами, однако и оно вынуждено принимать нѣкоторые мѣры, безусловно необходимыя для поддержанія сношеній, главнымъ образомъ, между правительственными учрежденіями разныхъ городовъ имперіи. Съ этой цѣлью устроены телеграфъ и правительственная почта для пересылки казенныхъ бумагъ. Во Внутреннемъ Китаѣ правительственной почтой и телеграфомъ пользуются и частныя лица; въ Западномъ же Разстояніи 25—30 верстъ казенной почтой частныя лица—китайскіе подданные—пользоваться не могутъ, а телеграфомъ пользуются очень мало.

Организация перевозки почты въ Западномъ Китаѣ устроена такъ: почту возятъ верхомъ солдаты. Для этого устроены на разстояніи 25—30 верстъ другъ отъ друга станціи, гдѣ проживають по нѣскольку конныхъ солдатъ, которые и передаютъ почту со станціи на станцію. Обыкновенно, почта везется очень медленно. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда власти находятъ почему-либо нужнымъ ту или другую бумагу передать возможно скорѣе, то самый скорый срокъ 400 ли въ сутки, около 200 верстъ.

На этих станціях останавливаются также и должностныя лица, причѣмъ солдаты-почтари обязаны оказывать имъ всякое содѣйствіе, въ случаѣ нужды давать даже лошадей, хотя, обыкновенно, китайцы ѣздятъ на долгихъ, не пережѣнныя лошадей. На этихъ станціяхъ могутъ останавливаться и проѣзжающія частныя лица, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ частныхъ постоялыхъ дворовъ, могутъ получать за плату, конечно, фуражъ для скота и пищу для себя. Но частныя лица предпочитаютъ останавливаться на частныхъ постоялыхъ домахъ, гдѣ гораздо удобнѣе. Хотя, правду сказать, и въ тѣхъ и въ другихъ очень плохо. Прежде всего здѣсь поражаютъ всякаго невообразимая грязь, убожество и неустройство помѣщеній для людей. Животныя на постоялыхъ дворахъ пользуются большими удобствами, чѣмъ люди. Оконныя рамы съ разорванною въ нихъ бумагою, отчего холодный воздухъ улицы свободно входитъ въ комнату, а ночи, напримѣръ, даже и лѣтомъ холодныя въ этихъ широтахъ Авіи, не говоря уже о другихъ временахъ года. Отопления не полагаются, и если путешественникъ желаетъ согрѣть комнату и самъ согрѣться, то долженъ купить у хозяина постоялаго двора дровъ и истопить канъ (печку-лежанку) самъ. Канъ этотъ почти всегда при топкѣ дымитъ; комната наполняется дымомъ и вотъ каждую ночь въ дорогѣ приходится проводить въ такомъ ужасномъ помѣщеніи! А лучшаго въ Западномъ Китаѣ, да и во Внутреннемъ внѣ европейскіхъ поселеній, найти невозможно. Но путникъ, обязанный иногда ѣздить сотни верстъ проѣзжать по бесплоднымъ пустынямъ, бываетъ радъ отдохнуть и подѣ этимъ убогимъ кровомъ.

Частныя лица въ Западномъ Китаѣ правительственной почтой не могутъ пользоваться. Въ виду этого, существуютъ частныя почтовыя конторы, которыя и доставляютъ частную корреспонденцію изъ города въ городъ. Въ остальномъ Китаѣ китайцы могутъ пользоваться и правительственной почтой, но, несмотря на это, существуютъ тамъ и частныя конторы, такъ какъ китайцы предпочитаютъ поль-

зоваться ихъ услугами, считая частныя конторы надежнѣе казенныхъ.

Русскіе подданные въ отношеніи почтовыхъ сношеній поставлены въ Западномъ Китаѣ лучше, чѣмъ китайскіе подданные. Въ Чугучакѣ и Кульджѣ существуютъ русскія почтово-телеграфныя учрежденія, которыя доставляютъ корреспонденцію изъ Россіи и въ Россію. Въ Кашгарѣ корреспонденція отправляется до ближайшаго русскаго почтового учрежденія въ русскіхъ предѣлахъ консульствомъ. Въ Урумчи корреспонденція консульства, а вмѣстѣ и частныя письма, доставляются въ Чугучакъ китайскими властями, что онѣ обязаны дѣлать на основаніи трактатовъ.

Существуетъ въ Западномъ Китаѣ и телеграфъ, но китайскіе подданные услугами телеграфа пользуются очень мало. Отчасти это объясняется нежеланіемъ администраціи, а главнымъ образомъ — малымъ развитіемъ у китайцевъ потребности и привычки къ быстротѣ сношеній. Русскіе купцы очень охотно пользуются услугами китайскаго телеграфа, и китайскія администраціи тому не препятствуютъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Земля, как главный объект обложения в Китае.—Размѣръ налога съ пахотныхъ земель.—Налогъ на хлопковые плантаціи.—Налоги, взимаемые съ садовъ и огородовъ.—Организація взиманія поземельнаго налога. — Понинности. — Внутренніи таможенные пошлины—ли-цзингъ.—Организація взиманія ли-цзинна.—Другіе налоги.—Сборы съ торговцевъ.—Налоги, взимаемые съ кочевниковъ.—Общая сумма доходовъ въ Синцзянской провинціи; недостаточность ея и помощь другияхъ провинцій.—Главныя статьи расхода.

Китайская имперія всегда была и теперь остается страной почти исключительно земледѣльской. Поэтому, и налоги несеть по преимуществу земледѣліе. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая стала развиваться и заводско-фабричная промышленность; но для этой новой отрасли народнаго труда пока не выработано никакой опредѣленной системы налоговъ, и потому обложение ихъ до сихъ поръ носить случайный характеръ, примѣнительно къ разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Что касается обложенія земли, то въ этомъ отношеніи существуетъ опредѣленный порядокъ.

Всѣ пахотныя земли въ данной мѣстности раздѣляются по ихъ качеству на три разряда—лучшія, худшія и среднія и сообразно съ тѣмъ, къ какому разряду принадлежатъ земля, и взимаются съ нея налоги. Усадебные и садовые участки въ эти три разряда не входятъ и соста-

вляютъ особую группу, для которой нѣтъ установленной для всего края налоговой нормы, и размѣръ налога въ разныхъ городахъ, а иногда даже и въ селеніяхъ, различенъ. Въ Западномъ Китаѣ съ пахотныхъ земель налогъ взимается натурой зерномъ, а съ усадебныхъ мѣстъ и садовъ—наличными деньгами. Съ одного китайскаго му (му=132 кв. с.) земли перваго разряда взимается ежегодно въ казну $1\frac{1}{2}$ пуда зерна, средняго разряда—1 пудъ и низшаго— $\frac{1}{2}$ пуда. Послѣ китайскихъ безпорядковъ размѣръ этого налога временно нѣсколько увеличенъ для уплаты контрибуціи, но незначительно, приблизительно на $\frac{1}{10}$ часть обычнаго размѣра. Весь налогъ взимается пшеницей, даже съ полей, засѣянныхъ другими хлѣбами. Можно вносить земельный налогъ и деньгами, и по закону допускается вносить столько денегъ вмѣсто пшеницы, сколько стоитъ пшеница на базарѣ. Но это обходится плательщикамъ гораздо дороже вслѣдствіе злоупотребленій сборщиковъ и уѣздныхъ властей. Кромѣ этой подати, съ земледѣльцевъ, съ каждаго дома взимается ежегодно еще въ казну 800 цзинговъ дровъ валежника (каждый цзингъ равенъ $1\frac{1}{4}$ ф.) и еще по 100 сноповъ соломы. Налогъ этотъ очень тяжелъ для населенія, такъ какъ собрать достаточное количество топлива бываетъ нѣрѣдко очень трудно, притомъ далеко доставлять и потому приходится вносить вмѣсто матеріала деньги и въ очень большомъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, за 800 цзинговъ валежника берутъ около 10 руб., тогда какъ настоящая цѣна 70 к.—1 р. За солому берутъ 7—8 р. Сверхъ этого еще часть поступаетъ въ пользу уѣзднаго начальства.

Налоги съ хлопковыхъ плантацій взимаются тоже по тремъ разрядамъ, смотря по качеству земли, на которой воздѣлывается хлопокъ. По первому разряду взимается 7 шанъ хлопка съ одного му, что стоитъ около 2 р.; по второму—4 шана хлопка съ одного му и по-третьему—2 шана хлопка съ му. Подать эта берется не только съ той земли, которая засѣяна хлопкомъ, но даже и съ той,

которая почему-либо, но без достаточного основания, не использована. Это делается для того, чтобы побудить население тѣх мѣстностей, гдѣ произрастает хлопок, заняться этимъ выгоднымъ промысломъ, и чтобы пригодныя для того земли не пустовали.

Съ огородовъ и садовъ въ разныхъ мѣстахъ берется подать въ различномъ размѣрѣ. Напримеръ, съ огородовъ вблизи главнаго города провинціи Урумчи взимается до 20 ланъ въ годъ (20 ланъ — рублей 40) съ огорода, при среднемъ доходѣ огородника до 300 ланъ (600 р.) въ годъ. Въ Илійскомъ краѣ съ усадебъ и садовъ взимается около 20 коп. съ каждаго му. Въ Китайскомъ Туркестанѣ очень развито садоводство и оно тамъ доходно. Поэтому, эта отрасль промышленности платитъ свои особенные налоги, исчисляемые по особому основанію — съ фруктоваго дерева. Такъ, напримеръ, виноградники обложены слѣдующимъ образомъ: съ лозы перваго разряда берутъ въ казну 12 коп. на наши деньги, второго — 10 коп. и третьяго — 8 коп. Гранаты, груши, яблоки, персики — 6 коп. съ дерева, независимо отъ того, былъ ли урожай, или нѣтъ.

Всѣ эти налоги, падающіе на населеніе, нельзя не признать тяжелыми, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Только хорошіе урожаи, благодаря благопріятнымъ естественнымъ условіямъ, да низкій уровень жизненныхъ потребностей населенія даютъ возможность населенію справляться съ податными тягостями. Но, разумѣется, это насколько не содѣйствуетъ подъему благосостоянія земледѣльческаго класса. Въ результатѣ недоимки — обычное явленіе, особенно среди кашгарцевъ.

Самый сборъ податей въ принципѣ поставленъ вполне удовлетворительно, хотя на практикѣ много злоупотребленій. У каждаго земледѣльца есть книга, въ которой обозначено, сколько у него земли, въ какомъ она мѣстѣ, кто сосѣди, вообще, описаніе участка. Затѣмъ обозначается, сколько причитается поземельнаго налога съ участка. Въ этой же книгѣ отмѣчается, сколько уплачено податей. От-

мѣтки дѣлаетъ завѣдующій казеннымъ магазиномъ, который принимаетъ зерно въ подачу. Въ послѣднее время отмѣтки эти, однако, признаны неудобными, и признано нужнымъ замѣнить ихъ выдачей квитанцій, какъ это принято при взиманіи другихъ налоговъ, но порядокъ этотъ пока еще не введенъ. Сборъ поземельной подати начинается послѣ снятія урожая, приблизительно съ августа мѣсяца и продолжается до конца года; однимъ словомъ, производится постепенно. Тѣхъ, кто безъ уважительной причины не внесъ податей, строго наказываютъ, т.-е. бьютъ, сажая въ тюрьму и т. д. По истеченіи десятилѣтней давности, недоимки прощаются.

Кромѣ этихъ податей, населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей несетъ еще разныя казенныя повинности. Такъ, выше я уже говорилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе должно чинить дороги. Обычно, конечно, это почти не дѣлается, такъ что повинность эта можетъ быть признана фактически весьма легкой. Но если бы какому-либо китайскому администратору пришло въ голову заставить населеніе серьезно относиться къ обязанности чинить дороги, то это было бы ужаснымъ бременемъ, и дорожная повинность была бы крайне тягостна для населенія. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ подводная повинность, именно, населеніе должно перевозить чиновниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности, и казенные грузы. Плата за это крайне маленькая, такъ, напримеръ, за провозъ груза въ 100 цзинювъ на разстояніи 100 ли (50 в.) платится только 34 коп. что слишкомъ мало; да и эта плата болѣею частью остается въ карманахъ чиновниковъ, завѣдававшихъ этимъ дѣломъ. Не лучше обстоитъ дѣло и при перевозкѣ пассажировъ.

Изъ косвенныхъ налоговъ главное мѣсто занимаетъ ли-цзингъ — пошлины, взимаемыя на внутреннихъ таможахъ. Одно время пошлины эти были отмѣнены въ Западномъ Китаѣ, но послѣ беспорядковъ 1901 г. были опять восстановлены, хотя и не везде; такъ, въ Чугучакѣ, Кульджѣ, Кашгарѣ и Яркендѣ — ли-цзингъ такъ и не былъ введенъ. Это

исключение было сделано в виду того, что в этих городах, на основании трактатов, существует безпошлинная торговля русских купцов, и провинциальная администрация не хотела ставить китайских купцов в менее выгодные условия, чем те, в которых находятся русские. В остальных городах Западного Китая русские подданные тоже не платят никаких пошлин, но китайская администрация считает это несправедливым и рассчитывает привлечь и русских купцов к платежу пошлин. Таможни для визития лиц-циан существуют в Манасе, Урумчи, Гучен, Хами, Турфане, Карашаре, Куче, Аксу, Маралбаши, а менее значительные еще в некоторых городах.

Пошлина взимается в размере 3% стоимости товара. С этой целью существует определенная расценка всех товаров, ввозимых в Западный Китай. При этом она взимается с одного и того же товара не один раз, а по крайней мере два раза. Если, например, в Хами торговец заплатил пошлину и везет товар в Урумчи, то в Урумчи он снова должен заплатить такую же пошлину. Если часть этого товара, уже оплаченного пошлиной, будет отправлена далее, например, в Манасе, то при вывозе из Урумчи он платит пошлину, а затем такую же пошлину при ввозе в тот город, куда товар предназначен. В уплате пошлины выдается уплатившему из таможни свидетельство в этом, которое и предъявляется на промежуточных таможенных заставах. При уплате таможенных пошлин купцам нередко делаются значительные облегчения в виде расрочки этих платежей на разные сроки. Для этого требуется поручительство благонадежных купцов. Поручителями в этом случае всего чаще являются держатели постоянных дворов—дзяней, в которых останавливаются торговцы со своими товарами. Для уплаты дается срок от 4—5 месяцев, при чем можно уплачивать и помесячно.

По официальным китайским сведениям, ежегодно собирается в Синьцзянской провинции 33.000 лань (66.000 р.) таможенных пошлин. Но это только четверть того, что в действительности собирается в таможнях; остальные три четверти остаются в карманах чиновников. Например, одного чаю возится в Синьцзянскую провинцию приблизительно на полтора миллиона рублей. Но так как ввоз чая в провинцию воспрещен, то он в таможенных отчетах не показывается вовсе: берется за него пошлина как за лекарство, то-есть очень маленькая, а действительно взимаемая сумма, далеко не маленькая, идет в карманы администрации.

Из других косвенных налогов более значителен так называемый налог ло-ди-шуй—это сбор с продаваемого скота. Сбор этот взимается в таком размере: при продаже лошади уплачивается в казну 1 руб. китайским серебром с головы, с рогатого скота около 60 коп. и с барана 20 коп. с головы. Так как размер этого налога устанавливается местными властями, то размер его нередко и по произволу меняется. В Западном Китае производится очень большая торговля скотом, поэтому налог этот дает очень значительный доход; только в казну-то поступает не весь этот сбор. Дело в том, что сбор ло-ди-шуй отдается местными властями на откуп, а эти последние, входя в сделку с откупщиками, показывают гораздо меньшую сумму сбора и, таким образом, понижают доход казны.

Налог на добываемый в крае каменный уголь дает казне тоже некоторый доход. Налог этот взимается в сумме 1 коп. с каждой корзины в 8 пудов весом. В Синьцзянской провинции громадные залежи каменного угля и в разных местах; большинство селений и городов пользуются этим именно топливом; поэтому, добывается угля в общем довольно много и общий сбор значительный. Он мог бы быть еще значительно увеличен, но почему-

то на это не обращают внимания, хотя, может быть, не желают обременять бѣднѣйшую часть населенія.

Существуют налоги на добываемое золото, серебро и другія минеральныя богатства. Но изъ всѣхъ этихъ сборовъ даетъ кой-что только налогъ на добываемое золото; о другихъ же налогахъ не стоитъ и говорить, такъ какъ мѣсторожденія другихъ металловъ мало разрабатываются, да и то большей частью при помощи казны.

Затѣмъ, существуетъ въ городахъ вѣсовый сборъ со всего завѣшиваемаго въ городахъ товара. Сборъ этотъ отдается часто въ руки подлежащихъ уѣздныхъ начальниковъ, которые за пользование вѣсовымъ доходомъ обязаны содержать почтовое сообщеніе для проѣзда должностныхъ лицъ. Большею частью сборъ этотъ уѣздными начальниками отдается отдѣльнымъ лицамъ на откупъ. Въ Кульдѣжѣ, напримѣръ, мнѣ извѣстно, что откупщикъ платитъ уѣздному начальству около четырехъ тысячъ рублей ежегодно.

Торговый классъ въ Китаѣ, кромѣ ли-цзина, не платитъ никакихъ налоговъ въ государственную казну, которые падали бы именно на торговлю. До сихъ поръ китайское правительство не придавало этой отрасли народнаго труда значенія, какъ источнику казеннаго дохода. Если же теперь торговцы являются иногда плательщиками налоговъ, то лишь въ томъ случаѣ, когда выступаютъ въ качествѣ владѣльцевъ земли: такимъ образомъ, если торговецъ строитъ себѣ магазинъ, то онъ долженъ заплатить въ казну по 60 коп. съ «чжана». Чжанъ—это до извѣстной степени соответствуетъ нашимъ звеньямъ зданія или входамъ въ лавку. Если, напримѣръ, въ лавкѣ четыре такихъ звена или отдѣленія, то налогъ взимается за четыре звена. Китайскіе дома строятся звеньями, поэтому и установилась такая система взиманія по звеньямъ, и китайцы находятъ этотъ признакъ обложенія вполнѣ для себя удобнымъ.

Но освобожденные отъ налоговъ въ пользу казны купцы должны дѣлать взносы на общественныя и городскія нужды. Въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ, что въ Западномъ

Китаѣ существуетъ много клубовъ, въ которыхъ объединяются земляки-выходцы изъ одной провинціи. Въ клубы дѣлаются членскіе взносы. Но это дѣло, такъ сказать, частное. Кромѣ этого, каждый купецъ платитъ въ городскіе сборы извѣстную сумму и опять съ «чжана». Завѣдуетъ этими сборами администрація. Въ Урумчи, напримѣръ, съ «чжана» взимается ежегодно 60 коп. Собираемая такимъ образомъ сумма употребляется на устройство въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ мостовъ, поправку улицъ, арыковъ, на бѣдныхъ, на праздники, когда на эти деньги даются представленія въ театрѣ бесплатно для всѣхъ, на встрѣчу и проводы высшихъ должностныхъ лицъ мѣстной администраціи. Бываютъ, впрочемъ, иногда совершенно случайныя и неожиданныя налоги, то на мѣстныя нужды, то на общегосударственныя. Это носитъ названіе пожертвованій. Но въ дѣйствительности пожертвованія эти носятъ принудительный характеръ. Выходитъ такъ, что хочешь, не хочешь, а жертвуй. Таковы, напримѣръ, были пожертвованія во время китайско-японской войны, на юбилей императрицы-матери и т. д. Такого рода пожертвованія—далеко не рѣдкость, безусловно неопредѣленны по размѣрамъ, и потому тягостны для торговаго класса.

За исключеніемъ указанныхъ налоговъ и сборовъ, торговли и промышленности въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ никакимъ законнымъ сборамъ и повинностямъ не подлежатъ. Поэтому-то, несомнѣнно, и не существуетъ тамъ никакой ихъ правительственной регламентаціи и надзора: каждый торгуетъ, чѣмъ ему угодно и гдѣ угодно, и властямъ нѣтъ до этого никакого дѣла. Впрочемъ, все это въ теоріи и по закону; на самомъ же дѣлѣ китайскія власти берутъ съ населенія, а съ торговцевъ въ особенности, все, что возможно, и гдѣ только представится случай, и все это ни для кого не тайна.

До сихъ поръ мы говорили о налогахъ, которые падаютъ на осѣдлое населеніе провинціи, но на ряду съ осѣдымъ населеніемъ въ Западномъ Китаѣ обитаетъ много кочевни-

ковъ. У кочевниковъ же единственный доходъ идетъ отъ скотоводства; вслѣдствіе этого и прямые налоги падаютъ на скотъ. По закону полагаются платить по одной головѣ съ 10 головъ скота. Это налогъ очень большой и тяжелый для скотоводовъ; въ то же время и китайской казнѣ онъ далеко не приноситъ того, что могъ бы приносить. Дѣло въ томъ, что кочевники, въ виду тяжести налога, всѣми силами стараются скрывать истинное количество своего скота, а китайскія власти за извѣстную плату этому помогаютъ.

Изъ предыдущаго изложения мы уже видѣли, что китайское правительство эксплуатируетъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ очень мало источниковъ дохода. Край пока населенъ еще очень слабо, промышленность и торговля соответственно этому развиты очень мало, да и вообще-то въ Китаѣ онѣ очень немного даютъ казнѣ; поэтому общая сумма дохода въ Синцзянской провинціи очень незначительна и далеко недостаточна на покрытие всѣхъ расходовъ правительства въ краѣ. Всего собирается въ провинціи ежегодно около 600,000 ланъ (1.200,000 р.) приблизительно, а требуется на всѣ расходы около 3.000,000 ланъ (6.000,000 р.). Такимъ образомъ, недостаетъ почти 5 миллионовъ рублей. Эта сумма, по распоряженію центрального правительства, доставляется богатыми провинціями Южнаго Китая, ежегодно новой провинціей по извѣстной очереди. Деньги поступаютъ въ распоряженіе губернатора въ Урумци, который и даетъ имъ соответствующее назначеніе. Послѣ порядковъ 1901 г. сумма эта временно сокращена на 200,000 ланъ. Въ виду этого, мѣстной администраціи приходится очень трудно. Пришлось сократить расходы, а главное, распустить довольно много войска, столь необходимаго для поддержанія спокойствія и порядка въ этомъ, отдаленномъ отъ Пекина и пограничномъ съ Россіей, краѣ. Поэтому губернаторъ хлопочетъ о высылкѣ субсидій въ прежнемъ размѣрѣ и ищетъ новыхъ источниковъ дохода. Однако, и тѣ провинціи, на которыя падаетъ обязанность высылать субсидію въ Урумци, тяготятся этой обязанностью,

и уже много разъ ходатайствовали о сложеніи съ нихъ этой обязанности. Послѣ 1901 г. ходатайства эти сдѣланы еще настоятельнѣе, однако пока никакого успѣха они не имѣли. Пекинское правительство обѣщаетъ уменьшить требуемую сумму, но когда это будетъ сдѣлано,—неизвѣстно; вѣроятно, не скоро, такъ какъ едва ли можно въ скоромъ времени изыскать средства, которыя могли бы покрыть значительные расходы на администрацію Синцзянской провинціи.

Расходуются всѣ поступающія въ провинціальное казначейство суммы по усмотрѣнію губернатора. Всѣ подробности расходовъ опредѣляетъ онъ. Конечно, существуютъ извѣстныя нормы, выработанныя частію практикой, частію установленныя закономъ; но губернаторъ можетъ ими всеобщимъ не стѣсняться, если это находитъ нужнымъ по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Главный расходъ — это на содержаніе многочисленнаго штата администраціи; положимъ, китайскіе чиновники получаютъ небольшое жалованье, но ихъ очень много. Затѣмъ, большой расходъ на войска, которыхъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, какъ краѣ пограничномъ, содержится гораздо больше, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, и содержаніе ихъ стоитъ значительно дороже. Далѣе, не мало расходуетъ на содержаніе арсенала, монетнаго двора въ Урумци и другія промышленныя предпріятія правительства. Наконецъ, помощь бѣднымъ и другія потребности, частію постоянныя, частію случайныя и временныя, также вызываютъ расходы изъ государственной казны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Ненскої уровень благосостоянія значительной части населенія.—Слабое развитіе частной благотворительности.—Помощь бѣднымъ со стороны земляческихъ клубовъ.—Помощь правительства.—Организація этой помощи.—Благотворительность у мусульманъ.—Общество нищихъ «диванъ».

Матеріальное благосостояніе массы китайскаго населенія стоитъ далеко не на высокомъ уровнѣ. Отчего это происходитъ вообще въ Китаѣ, я не буду здѣсь разсматривать. Только каждый, кто жила въ Китаѣ, и болѣе или менѣе близко наблюдалъ китайскую жизнь, поражается той массой бѣдности и той глубиной этой бѣдности, которая встрѣчается въ Китаѣ. Въ Западномъ Китаѣ масса населенія живетъ гораздо богаче, чѣмъ во Внутреннемъ Китаѣ, и не встрѣчается такой поражающей своимъ количествомъ бѣдности, какъ тамъ, однако и здѣсь очень много бѣднаго люда. Синьзянская провинція это одинъ изъ пунктовъ, куда направляется китайское переселеніе. Переселяется сюда исключительно людъ неимущій, которому уже нѣтъ никакой возможности жить на родинѣ, и который ищетъ въ новомъ краѣ лучшей доли, а лучшая доля въ новомъ краѣ достается не сразу, да и далеко не всякому. Поэтому, воплоти естественно, что и тамъ, гдѣ люди думаютъ найти, и не безъ достаточнаго основанія, болѣе обезпеченное положеніе, встрѣчается масса бѣдняковъ и нищихъ. Къ этому нужно

присоединить мѣстныхъ жителей—кашгарлыковъ, среди которыхъ очень много нищихъ, чтобы получилась далеко не веселая картина положенія известной части населенія Западнаго Китая. Какъ и вездѣ, въ Китаѣ тоже принимаются нѣкоторыя мѣры для борьбы съ бѣдностью, при чемъ и здѣсь эти мѣры бываютъ трехъ родовъ: частная благотворительность, помощь со стороны организацій общественныхъ и, наконецъ, государства. Первый видъ помощи во всемъ мірѣ играетъ громадную роль. Человѣкъ европейской культуры не можетъ видѣть бѣдности равнодушно, у него невольно является состраданіе къ несчастному, котораго онъ встрѣчаетъ даже случайно, и желаніе такъ или иначе ему помочь. По крайней мѣрѣ, это наиболѣе частое явленіе. У китайцевъ же совершенно наоборотъ. Китаецъ совершенно спокойно проходитъ мимо несчастнаго, если только это ему не близкій человѣкъ. Своимъ близкимъ, да, онъ помогаетъ, потому что ихъ нищета поворила бы его самого, поэтому не помогать имъ неудобно. Китаецъ человѣкъ разсудка, а не сердца. Нѣтъ у него и христіанской сострадательности; по своей природѣ Китаецъ черствъ и эгоистиченъ. При видѣ покрытаго рубищемъ нищаго, у него не является желанія подать ему что-нибудь, которое невольно является даже у самаго черстватаго европейца. Китаецъ смотритъ на дѣло такъ, что если ты бѣденъ, то, значить, всецѣло самъ виноватъ въ этомъ, такъ какъ самъ не хотѣлъ или не умѣлъ лучше устроить свою судьбу; а, стало быть, не заслуживаешь и помощи. Поэтому и частная благотворительность развита въ Китаѣ слабо. Есть, конечно, и тамъ добрые люди, которые оказываютъ нѣкоторую помощь бѣднымъ, но такихъ немного. Скорѣе дѣйствуетъ на китайцевъ настойчивое приставаніе нищаго, почти требованіе дать ему что-нибудь. Тогда, хотя и неохотно, но даютъ. Большею частью даютъ въ лавкахъ и домахъ, куда обращаются съ просьбами нищие; и то чаще, чтобы отвязаться отъ назойливаго просителя, который можетъ вѣдь и украсть или причинить какую-либо другую непріятность. Даютъ

мало, ярмакъ—не болѣе. Прохожіе же, какъ это наблюдается у насъ, нищимъ совѣтъ не подаютъ. Поэтому я, проживъ уже съ десятокъ лѣтъ въ разныхъ городахъ Китая, никогда не видѣлъ на улицѣ, чтобы китаецъ что-нибудь подалъ бѣдному.

Судя по этому, конечно, нужно было бы думать, что всѣ безпомощные бѣдняки въ Китаѣ гибнутъ отъ голода и холода. Однако, этого все-таки не бываетъ. Если китаецъ, съ одной стороны, сухъ и безсердеченъ, то съ другой, онъ въ высшей степени практиченъ, и его практической умъ подсказываетъ ему, что голодный и холодный бѣднякъ въ своей массѣ представляетъ опасность для его собственного благополучія, такъ какъ съ отчаянія онъ можетъ броситься на своего богатаго сосѣда, и это заставляетъ зажиточнаго китайца отдавать часть своихъ средствъ на поддержку этой бѣдноты, для которой иначе онъ не считалъ бы себя обязаннымъ ничего сдѣлать. Отсюда возникаетъ китайская благотворительность, которая, такимъ образомъ, не является проявленіемъ доброты сердечной, а актомъ вынужденнымъ, актомъ благоразумія. Оттого-то она и выражается въ организаціи благотворительныхъ обществъ, при крайне слабомъ развитіи частной благотворительности. На ряду съ частными обществами дѣйствуетъ также и правительство.

Говоря по поводу землическихъ клубовъ въ Западномъ Китаѣ, я указалъ уже, что одною изъ цѣлей этихъ клубовъ является помощь своимъ членамъ, впавшимъ въ бѣдность. Средства для этого составляютъ изъ опредѣленныхъ взносовъ состоятельныхъ членовъ, а затѣмъ изъ случайныхъ пожертвованій ихъ же. Наконецъ, нѣкоторые члены, умирая безъ наслѣдниковъ, завѣщаютъ иногда все ихъ состояніе своему земляческому клубу на дѣла благотворенія. Но такихъ наслѣдственныхъ капиталовъ, какъ я слышалъ, не такъ много, потому что, при широтѣ родственныхъ связей, у китайца всегда почти находятся законные наслѣдники. Самая обычная форма помощи это пособие на выѣздъ на родину, во Внутренній Китаѣ; затѣмъ,

помощь на погребеніе; денежные пособия на китайскіе праздники; снабженіе одеждой и топливомъ въ холодное время года и, наконецъ, устройство богадѣленъ для бѣдныхъ. Но послѣдній способъ помощи всего менѣе симпатиченъ китайцамъ, потому что всякій китаецъ предпочитаетъ какъ-нибудь добраться до родины и кончить тамъ свои дни, чѣмъ жить въ чужомъ ему краю. Распределеніемъ пособій завѣдуетъ старшина соответствующаго клуба, при чемъ вся его дѣятельность контролируется всеми остальными членами клуба.

Но клубы помогаютъ только своимъ сочленамъ и своимъ землякамъ, между тѣмъ клубовъ въ Западномъ Китаѣ существуетъ немного, и потому много бѣдняковъ, которые не состоятъ членами клубовъ, оставались бы безъ всякой помощи. Въ этомъ случаѣ приходитъ на помощь само правительство. Для этого мѣстными властями ежегодно ассигнуется опредѣленная сумма изъ доходовъ провинціи. Кроме того, есть пожертвованные на этотъ предметъ капиталы. Такъ, императрица-мать, по случаю своего 60-лѣтняго юбилея, пожертвовала капиталъ въ 100.000 ланъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на пособія бѣднымъ Синьцзянской провинціи. Цзинь-титай (корпусный командиръ), служившій раньше въ Урумчи, оставилъ большой капиталъ на устройствѣ пріютовъ для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей. Этими капиталами, равно какъ и казенными суммами, предназначенными на пособіе бѣднымъ, завѣдуетъ помощникъ губернатора—фанътай, въ чемъ ему помогаетъ комиссія изъ купцовъ и чиновниковъ. Самые пожертвованные капиталы не расходуются, а только проценты съ нихъ. Чтобы получить эти проценты, капиталы отдаются въ ссуду разнымъ купцамъ, обыкновенно за небольшіе проценты. Деньги даются только влидѣ благонадежнымъ лицамъ, и то за поручительствомъ 10 богатыхъ купцовъ.

Самая помощь бѣднымъ организована такимъ образомъ: часть денегъ выдается безпріютнымъ старикамъ, не живущимъ

щимъ въ богадѣльняхъ, на руки, затѣмъ имъ дается теплая одежда зимой и по пуду хлѣба въ мѣсяцъ. Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ выдается по 300 цинновъ угля каждому для отопленія жилища. На этотъ же капиталъ содержится аптека и докторъ для бѣдныхъ. Затѣмъ, лица немущицы отправляются на родину, при чемъ даются деньги на наемъ подводъ, а пропитаніе дается на казенныхъ станціяхъ бесплатно. Къ сожалѣнію только, казенной благотворительностью пользуются, главнымъ образомъ, жители большихъ городовъ и ближайшихъ ихъ окрестностей. Въ мелкіе города, не говоря уже о селеніяхъ, пособия эти не попадаютъ. Въ виду этого, послѣднее время существуетъ тенденція всѣхъ бѣдныхъ изъ небольшихъ городовъ и селеній собирать въ большіе города и, главнымъ образомъ, въ главный городъ провинціи—Урумчи, гдѣ существуютъ и казенная и общественная организація благотворительности.

Другой видъ правительственной помощи бѣднымъ, по преимуществу занимающимся нищенствомъ, это помѣщеніе ихъ въ пріюты и богадѣльни. Первые носятъ характеръ рабочихъ домовъ и помѣщаются въ нихъ здоровые нищие, которые могутъ работать. Вторые, то-есть богадѣльни, предназначены для калѣкъ и стариковъ. Зимой всѣхъ ихъ кормятъ бесплатно, на казенный счетъ; даютъ имъ помѣщеніе, конечно, очень ужъ неважное, даже по китайскимъ понятіямъ. Кормятъ ихъ недостаточно и держатъ очень строго. Два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, призываемымъ разрѣшается выходить въ городъ съ тѣмъ, чтобы просить милостыню. Но китайцы подаютъ мало, гораздо больше даютъ мусульмане, которыхъ такъ много въ Западномъ Китаѣ. Если же призываемые въ другое время вздумаютъ просить милостыню и будутъ въ этомъ замѣчены, то подвергнутся строгимъ наказаніямъ. Всю зиму они проводятъ въ полной праздности, бродятъ по городу. Зато лѣтомъ всѣхъ способныхъ къ труду обитателей рабочихъ домовъ рассылаютъ по деревнямъ на казенныя и частныя работы. Если кто не хочетъ работать, тѣхъ на-

казываютъ. Заработанныя деньги идутъ въ пользу самихъ призываемыхъ. Благодаря этому, иногда бываетъ, что эти бѣдняки поправляются и начинаютъ жить самостоятельно, но, въ общемъ, это очень рѣдко.

Всѣ эти мѣры по призванію бѣдныхъ принимаются исключительно по отношенію къ китайцамъ. Мусульмане ни въ китайскіе пріюты, ни въ богадѣльни не попадаютъ. Зато у мусульманъ развитая частная благотворительность. Ихъ религіозный законъ—коранъ и шаріатъ—ставитъ дѣла благотворенія въ числѣ важнѣйшихъ добродѣтелей и особенно рекомендуетъ ихъ правовѣрнымъ. Поэтому, всякій мусульманинъ считаетъ своимъ долгомъ давать милостыню бѣднымъ, особенно по правникамъ. Нищѣ стоятъ около мечетей, ходятъ по лавкамъ и улицамъ и просятъ милостыню.

Отчасти благодаря этой любви мусульманъ къ дѣламъ благотворенія, среди мусульманъ развелась масса нищихъ, совершенныхъ тунеядцевъ, которые не работаютъ и не хотятъ работать. Въ Западномъ Китаѣ есть даже цѣлая организація у нищихъ, которая носитъ названіе «дивана», такъ же называются и сами члены этой организаціи. Центромъ этой организаціи является г. Кангаръ, гдѣ живетъ глава «дивана». Онъ завѣдуетъ всѣми членами этого общества нищихъ; рассылаетъ ихъ для сбора милостыни по всѣмъ городамъ Западнаго Китая; они ему представляютъ собранныя деньги, и онъ, затѣмъ, даетъ то или другое назначеніе этимъ деньгамъ. Званіе главы дивана наследственное. Члены-сборщики не имѣютъ права ничего брать въ свою пользу изъ собранныхъ денегъ, а на свое содержаніе и одежду получаютъ деньги отъ главы общества, но, разумеется, на практикѣ это правило не соблюдается.

Дивана ходитъ по мусульманскимъ домамъ, рассказываетъ сказки, поютъ разныя историческія пѣсни. Любимая у всѣхъ мусульманъ это о 12 имамахъ и другіе эпизоды изъ мусульманской исторіи. Затѣмъ, они же нерѣдко занимаютъся и врачебной практикой; предсказываютъ буду-

щее, выдаютъ себя за колдуновъ и этимъ умѣютъ внушить страхъ невѣжественному мусульманскому населению. Несмотря однако на это, дивана не пользуются расположеніемъ населенія; ихъ опасаются и какъ колдуновъ, и какъ людей, которые при случаѣ не прочь и поживиться чужой собственностью. Тѣмъ не менѣе, пользуясь невѣжествомъ населенія, дивана зарабатываютъ хорошія деньги, имѣютъ женъ и дѣтей, и живутъ на собранныя деньги у себя на родинѣ припѣваючи.

Для призрѣнія дѣйствительно бѣдныхъ существуютъ при нѣкоторыхъ мечетяхъ богадѣльни, которыя содержатся на частныя пожертвованія и находятся въ завѣданіи муллъ и старѣйшихъ мусульманъ общины. Однако, богадѣльни эти обезпечены плохо и содержатся въ нихъ мало народа. Больше практикуется выдача денегъ на руки, особенно во время мусульманскихъ праздниковъ. Но въ общемъ, при всей любви мусульманъ къ благотворительности, это дѣло поставлено у нихъ гораздо хуже, чѣмъ у китайцевъ. У китайцевъ, какъ мы видимъ, существуетъ цѣлая система призрѣнія бѣдныхъ, выработанная вѣками, и, если это дѣлается ими не отъ сердца, а разсудочно, то во всякомъ случаѣ разумно. Мусульмане же проявляютъ въ этомъ дѣлѣ болѣе сердечности, зато менѣе разумности и порядка. Отчего и получается, что при всей черствости китайцевъ, у нихъ въ Западномъ Китаѣ бѣдные получаютъ гораздо болѣе помощи, чѣмъ мусульмане, которые частнымъ образомъ раздадутъ, повидимому, значительно больше. У маньчжуровъ бѣдные получаютъ пособия изъ казенныхъ суммъ. У монголовъ общественная благотворительность никакъ не организована, зато частныя лица помогаютъ бѣднымъ охотно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Народное образованіе.—Уваженіе китайцевъ къ ученымъ и учености.—Характеръ китайскаго образованія — литературно-отвлеченный.—Свобода преподаванія и открытія школъ въ Китаѣ.—Вліяніе правительства на частныя школы черезъ экзамены.—Учебная администрація.—Организація высшихъ школъ и преподаванія въ нихъ.—Отсутствіе школъ для дѣвочекъ.—Средняя школа.—Государственные экзамены.—Образованіе у маньчжуровъ.—Образованіе у монголовъ.—Образованіе у китайскихъ мусульманъ.—Школы для изученія русскаго языка, военная, телеграфнаго дѣла.—Мисіонерскія школы.

Что касается положенія образованія въ Западномъ Китаѣ, то оно стоитъ на различной высотѣ и носитъ совершенно различный характеръ у разныхъ народовъ, населяющихъ область. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ хозяевамъ края—китайцамъ.

Китайцы очень высоко ставятъ ученость и ученыхъ. Ученому человѣку открыты всѣ двери, такъ что выдающийся ученый можетъ достигнуть высшихъ чиновъ и должностей на государственной службѣ, будучи даже самаго низкаго происхожденія. Но не только эти матеріальныя блага, которыя даетъ человѣку ученость, заставляютъ китайца учиться, а самая ученость пользуется въ Китаѣ необыкновеннымъ почетомъ, самыя занятія наукой очень почтенны. Поэтому, нисколько не удивительно, что китайцы такъ усердно учатся, и очень часто до очень почтеннаго

возраста, когда у нас уже думают о покоѣ и отдыхѣ. Хотя большая ученость и серьезныя занятія наукою доступны, конечно, только для людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, но всякій китаецъ все-таки мечтаетъ объ этомъ и даже люди бѣдные стараются дать своимъ дѣтямъ нѣкоторое образованіе, хотя бы въ предѣлахъ простой грамотности.

Китайское образованіе и науки носятъ совершенно особенный характеръ и нисколько не похожи на наши. Въ то время, какъ у насъ, европейцевъ, на ряду съ занятіями литературными и отвлеченными, громадную роль играютъ знанія реальныя, свѣдѣнія о природѣ и людяхъ, затѣмъ знанія техническія или носящія по преимуществу практической характеръ, — у китайцевъ образованіе снизу доверху носитъ исключительно литературный и отвлеченный характеръ; настоящая китайская школа не даетъ ничего, дѣйствительно нужнаго въ жизни. Въ основѣ всего китайскаго образованія лежатъ классическія конфуціанскія книги, которыя изучаются и комментируются въ китайскихъ школахъ и китайскими учеными. Самыя эти книги представляютъ изъ себя или собраніе историческихъ свѣдѣній весьма сомнительной достоверности, или собраніе древнихъ народныхъ стиховъ, напримѣръ, шидзювъ, или, наконецъ, рядъ правилъ житейской мудрости, родъ практической философіи, напримѣръ, дунной. Всѣ эти книги были составлены нѣсколько столѣтій тому назадъ и, конечно, не имѣютъ никакого отношенія къ современной жизни. Между тѣмъ, вся жизнь настоящаго китайскаго ученаго проходитъ въ изученіи этихъ книгъ и безчисленныхъ къ нимъ комментаріевъ. Изъ нихъ же китайцы стараются извлекать всю мудрость и руководящія начала для современной намъ жизни. Только съ недавняго времени начинаютъ появляться въ Китаѣ школы, устроенныя по европейскому образцу, но и то исключительно техническаго характера, такъ какъ китайцы пока признаютъ пользу для себя только такихъ специальныхъ школъ.

Китайское правительство не присваиваетъ себѣ монополіи обученія народа. Оно само основываетъ и содержитъ много школъ, въ которыхъ желающіе могутъ получить нужное имъ образованіе, но оно нисколько не стѣсняетъ и частнаго почина въ этомъ отношеніи. Всякій въ Китаѣ можетъ открывать гдѣ угодно и какія угодно школы, учить чему желаетъ и какъ желаетъ, и ни государственной, ни общественной власти нѣтъ до этого ровню никакого дѣла. Но при всемъ томъ, эта свобода не можетъ считаться абсолютной. Она остается лишь до тѣхъ поръ, пока школа задается только цѣлями исключительно просвѣдательными. Но разъ она желаетъ дать своимъ воспитанникамъ возможность служить на государственной службѣ, или получать правительственныя награды или отличія, обусловленныя образованіемъ, то она, обязательно, должна исполнять ту программу обученія, которая признается правительствомъ необходимой. Дѣло въ томъ, что, по закону, въ Китаѣ всѣ мѣста на государственной службѣ должны быть занимаемы только лицами, имѣющими извѣстную ученую степень. Кромѣ того, и для лицъ, на службѣ не состоящихъ, сообразно съ ученою степенью, даются вышнія отличія: право на чинъ извѣстнаго класса и соответствующую чину форму одежды, по-нашему мундиръ. А для полученія ученой степени, нужно выдержать экзаменъ въ одной изъ правительственныхъ комиссій, и это право производить экзамены, дающія указанныя привилегіи, принадлежитъ исключительно правительству. Между тѣмъ, китайцы большіе любители всякихъ вышнихъ отличій. Мечта всякаго китайца имѣть чиновничій шарикъ и форменную курму. Эта-то ихъ любовь къ отличіямъ, а также и вообще уваженіе китайцевъ къ учености и учености и побуждаетъ китайцевъ стремиться получить ученую степень, для чего нужно пройти черезъ рядъ трудныхъ экзаменовъ. Это же заставляетъ и частныя школы сообразоваться съ тѣми требованіями, которыя предъявляются правительственными комиссіями. А правительство требуетъ знанія конфуціанства,

изложеннаго въ классическихъ книгахъ, поэтому и частныя школы занимаются изученіемъ этихъ книгъ.

Хотя существуетъ достаточное количество казенныхъ школъ, но китайцы домашнее образование предпочитаютъ школьному. Въ школы казенныя идутъ почти исключительно люди бѣдные. Люди со средствами отдадутъ своихъ дѣтей въ частныя училища, а еще охотнѣе учатъ ихъ дома, нанимая учителей. Эти же учителя исполняютъ и обязанности гувернеровъ при своихъ ученикахъ; поэтому и живутъ въ ихъ домахъ. Если нѣтъ возможности нанять отдѣльнаго учителя, то нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ и нанимаютъ учителя сообще. Обученіе тогда происходитъ въ домахъ этихъ учениковъ по очереди, причѣмъ и сами дѣти и учитель переселяются вмѣстѣ изъ дома въ домъ. Положеніе учителя и въ домѣ, гдѣ онъ даетъ уроки, и въ школѣ очень почетное. На него охотнѣе, какъ на лицо, замѣняющее родителей. Поэтому, какія бы мѣры ни принималъ учитель въ отношеніи своихъ учениковъ, критиковать его дѣйствія считается неумѣстнымъ. Дерзость, сказанная учителю, неисполненіе его приказаній считаются столь же позорными, какъ неповиновеніе родителямъ. А извѣстно, на какой высотѣ стоитъ авторитетъ родительской власти въ Китаѣ. Равнымъ образомъ, и матеріальное обезпеченіе учителей очень хорошее, особенно сравнительно съ чиновничествомъ, которое казенное жалованье получаетъ очень маленькое.

Самая организація казенныхъ школъ такова: школы раздѣляются на низшія, среднія и высшія. Въ Синьцзянской провинціи находятся только среднія и низшія школы. Главное завѣдываніе учебнымъ дѣломъ принадлежитъ губернатору. Подъ его вѣдѣніемъ находится инспекторъ, одинъ на всю провинцію. Въ уѣздныхъ и другихъ городахъ школьнымъ дѣломъ вѣдаютъ уѣздные начальники и другія соотвѣтствующія имъ власти. Гдѣ есть даотай, тамъ, разумѣется, вѣдаютъ это дѣло они, какъ высшая власть на мѣстѣ. По закону, власть, завѣдующая школой, обязана посѣщать

школу, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ, производить тамъ испытанія познаній учениковъ и давать успѣвающимъ денежныя награды. Иные такъ это и дѣлаютъ, а большей частью надзоръ за школами существуетъ только на бумагѣ; особенно неохотно даются денежныя награды.

Преподается въ низшихъ школахъ первоначальная грамотность. Сначала изучается тысяча простѣйшихъ іероглифовъ, соединенныхъ въ краткія фразы изъ трехъ словъ, затѣмъ переходятъ къ изученію текста классическихъ книгъ, безъ всякихъ комментариевъ. Изученіе совершенно механическое отъ начала до конца курса. Учитель произноситъ по книгѣ извѣстное число іероглифовъ. Ученики должны повторить ихъ за нимъ. При этомъ имѣющимися у каждаго указками они указываютъ эти іероглифы въ своей книгѣ. Никакихъ объясненій, какъ составилъ іероглифъ, что онъ значитъ, не существуетъ. Ученикъ безъ помощи учителя на память долженъ усвоить начертаніе іероглифа и его произношеніе. Въ перемежку заучиванія іероглифическихъ знаковъ идетъ ихъ копированіе учениками. Это считается весьма важнымъ дѣломъ, и красное письмо высоко цѣнится въ Китаѣ. Поэтому на это дѣло тратится масса времени, труда и усилій и со стороны учителя и учениковъ. Заучиваніе іероглифовъ совершается цѣлымъ классомъ за разъ и полнымъ голосомъ. Каждый старается перекричать другихъ. Оттого шумъ бываетъ ужасный. Учитель не все время сидитъ въ классѣ. Покажетъ ученикамъ нѣсколько знаковъ и уйдетъ къ себѣ на квартиру, которая бываетъ, обычно, рядомъ со школой, и ученики уже сами заучиваютъ показанное учителемъ; а учитель, сидя въ своей комнатѣ, наблюдаетъ за тѣмъ, усердно ли занимаются его ученики. Если шумъ голосовъ, выкрикивающихъ іероглифы, стихаетъ, это знакъ, что усердіе ослабло, и онъ является въ классную комнату, чтобы возбудить усердіе у лѣнливыхъ. Иногда онъ приходитъ и спрашиваетъ, что учениками усвоено. Дисциплина въ школѣ очень суровая. Главная мѣра исправленія и возбужденія

вниманія это тѣлесныя наказанія. Учитель все время имѣетъ въ рукахъ бамбуковую палку съ плоскимъ концомъ, которой безъ милосердія бьетъ виновныхъ по ладонямъ, а то и по другимъ частямъ тѣла. Наказаніе это принимается и въ случаѣ лѣности, и плохихъ успѣховъ, и шалостей. Хотя послѣднее и рѣдко, потому что китайскія дѣти шалить очень мало.

Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ продолжаются цѣлый день, пока свѣтло. Въ течение дня дѣлается перерывъ на два часа для обѣда. Но и въ это время играть дѣтямъ не позволяется. Это считается совершенно недостойнымъ будущаго ученаго. Постоянное сидѣніе въ тѣсной, душной и притомъ грязной комнатѣ вредно отзывается на здоровьѣ дѣтей: они дѣлаются вялыми, апатичными, неподвижными. Китайскія дѣти школьнаго возраста производятъ впечатлѣніе маленькихъ старичковъ; а это родителямъ и нравится. Длинные каникулы въ школахъ бываютъ одинъ разъ въ годъ, по случаю новаго года, когда занятий не бываетъ въ течение цѣлаго мѣсяца. Затѣмъ, краткіе перерывы занятій бываютъ въ другіе китайскіе праздники, какъ-то: по случаю наступленія лѣта, осени, зимы. Но въ общемъ неучебныхъ дней очень мало. Продолжительность курса и возрастъ, въ которомъ дѣти начинаютъ учиться, совершенно не опредѣлены. Очень часто начинаютъ учить съ семи лѣтъ и учатъ до тѣхъ поръ, пока находятъ нужнымъ родители. Иногда бываетъ, что ученикъ въ теченіе курса женится, родятся у него дѣти, а онъ все еще числится въ школѣ. Вообще, у бѣдныхъ людей считается, что если мальчикъ научился разбирать и писать болѣе употребительные іероглифы, такъ что въ состояніи уже прочесть вывѣску на магазинѣ, объявленіе, простую записку, то это считается уже достаточнымъ, чтобы онъ могъ кончить первоначальное образованіе. Большая часть этими начатками и ограничивается.

Но все это относится къ образованію мальчиковъ. Что касается дѣвочекъ, то онѣ почти поголовно остаются не

только не образованными, но даже безграмотными. Общественныхъ школъ для нихъ не существуетъ, а дома только богатые люди даютъ нѣкоторое образованіе своимъ дочерямъ, при томъ не идущее дальше умѣнья читать и писать. Китайцы смотрятъ на женщину, какъ на существо низшее, отводятъ ей очень маленькую роль даже въ семейной жизни, и считаютъ образованіе для женщины лишней роскошью.

Порядки среднихъ школъ ничѣмъ не отличаются отъ низшихъ, о которыхъ мы только что говорили. Отличіе заключается лишь въ возрастѣ учениковъ, да въ меньшемъ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній. Взрослые ученики уже совсѣмъ не подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ. Здѣсь учатся уже не дѣти, а подростки и взрослые юноши, причемъ возрасты тоже смѣшиваются, такъ что на ряду съ 15-лѣтнимъ мальчикомъ видишь 25-лѣтнихъ, уже давно женатыхъ мужчинъ. Что касается самыхъ предметовъ, которые преподаются въ среднихъ школахъ, то это тоже классическія конфуціанскія книги, текстъ которыхъ изучался уже въ низшихъ школахъ. Только теперь онѣ читаются съ комментаріями, при чемъ эти комментарий изучаются такъ же, какъ и самыя книги, къ которымъ они относятся, т.-е. просто заучиваются. Учениковъ приучаютъ писать стихи, составлять сочиненія на темы изъ тѣхъ же классическихъ книгъ. Но все это сухо, отвлеченно и къ современной дѣйствительности никакого отношенія не имѣетъ. Зато все направлено къ одной цѣли — приготовить учениковъ къ государственнмъ экзаменамъ.

Въ Синьцзянской провинціи среднихъ школъ, въ родѣ нашихъ гимназій, всего только одна въ главномъ городѣ провинціи въ Урумчи. Учатся въ ней почти исключительно дѣти чиновниковъ; есть еще немного дѣтей богатыхъ купцовъ; а дѣтей низшихъ классовъ и совсѣмъ нѣтъ. Во Внутреннемъ Китаѣ, гдѣ населеніе очень густо, въ среднихъ школахъ можно встрѣтить представителей всѣхъ классовъ населенія.

Центромъ всего китайскаго образованія, цѣлью, къ которой направлена вся система обученія, являются государственные экзамены. Успѣшное прохожденіе этого искусства даетъ столько благъ, съ китайской точки зрѣнія, что всякій китаецъ мечтаетъ объ этихъ благахъ. Право на чины, на почетъ, обезпеченную жизнь, все это слишкомъ большаѣ приманка, чтобы не попробовать пройти черезъ государственное испытаніе. Отличіе на экзаменахъ дѣлаетъ отличившагося героемъ, имя гордится та мѣстность, откуда онъ родомъ. Знаменитые ученые дѣлаются славой даже цѣлой провинціи. Оттого и оказывается такая масса китаецевъ, желающихъ держать экзамены. Но изъ массы желающихъ много такихъ, которые не въ состояніи сдать экзамены удовлетворительно. Отсюда всевозможныя ухищренія и уловки, чтобы сдѣлать это по упрощенному способу, полегче. Это заставляетъ правительство принимать особенно строгія мѣры и быть особенно бдительнымъ, чтобы не было злоупотребленій при сдачѣ экзаменовъ. Известно, что экзаменующіеся и экзаменаторы запираются на время экзаменовъ въ особый помѣщеніи, чтобы они не могли имѣть сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, чтобы не могло быть помощи экзаменующимся со стороны и вліянія на экзаменаторовъ въ ту или другую сторону. Бывали случаи, что экзаменующіеся или экзаменаторы хворали, даже умирали въ экзаменаціонныхъ зданіяхъ, и ихъ не позволяли ни лечить, ни хоронить, изъ боязни нарушить справедливость экзаменовъ. И несмотря на всѣ эти предосторожности, злоупотребленія при экзаменахъ все-таки бываютъ. Какъ и вездѣ, богатые и вліятельные люди, при желаніи, пользуются разными льготами, помощью со стороны, встрѣчаютъ болѣе снисходительное отношеніе со стороны экзаменаторовъ. Бываетъ даже и такъ, что за деньги нанимаютъ держать экзамены другихъ лицъ. Но все это только для единицъ, поставленныхъ въ исключительно благоприятныя условія. Большинство же обыкновенныхъ смертныхъ приходится проходить тяжелей искусство безъ всякихъ по-

блажекъ, чтобы удостоиться тѣхъ благъ, которыя такъ дороги для всякаго китаеця. Многіе не выдерживаютъ этого искусства и дѣлаются больными, даже умираютъ отъ истощенія.

Въ Китаѣ существуютъ три ученыхъ степени, которыя достигаются экзаменами: первая—сю-цай—студентъ, вторая—цзю-жень—кандидатъ и третья—цзинши—магистръ, и каждую степень можно получить только по успѣшномъ выдержаніи соответствующаго экзамена. Экзамены на сю-цай производятся ежегодно въ главномъ городѣ провинціи, куда собираются къ назначенному сроку всѣ молодые люди, желающіе подвергнуться этому экзамену. Экзамены на цзю-жень бываютъ разъ въ три года въ одномъ изъ большихъ городовъ известнаго района, обнимающаго нѣсколько провинцій. Наконецъ, чтобы получить степень цзинши, нужно ѣхать въ Пекинъ, гдѣ и производится экзаменъ. Получившіе эту высшую степень записываются на мраморныя доски, поставленныя на дворѣ экзаменаціоннаго зданія, гдѣ отмѣчается ихъ имя, происхожденіе, и когда выдержалъ экзаменъ, такъ что память о такихъ счастливыхъ случаяхъ сохраняется на многіе годы.

Въ Урумчи держатъ экзаменъ только на сю-цай. Для этого собирается туда отъ 200 до 300 человекъ ежегодно. Экзамены бываютъ въ 5 лунѣ—въ маѣ—іюнѣ мѣсяцѣ. Главнымъ экзаменаторомъ считается мѣстный губернаторъ, но самъ онъ, обыкновенно, на экзаменѣ не присутствуетъ, а поручаетъ замѣнять себя дао-тао, затѣмъ—инспекторъ по учебной части. Кромѣ того, командирруется всегда еще ученый изъ г. Ланьчжоу, какъ представитель генералъ-губернатора. Въ Урумчи экзамены производятся по облегченному способу въ виду того, что это окраина и мало образованныхъ людей. Но говорятъ, что эта льгота скоро будетъ отмѣнена.

Экзамены на степень цзю-жень производятся въ г. Ланьчжоу, резиденціи генералъ-губернатора Ганьсусиньцзянъ. Однако, изъ Синьцзянской провинціи рѣдко кто

ѣздить туда экзаменоваться, въ виду отдаленности, такъ что вообще въ Западномъ Китаѣ лицъ, имѣющихъ эту ученую степень, очень мало.

Характеръ образованія у маньчжуровъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется ихъ ролью и значеніемъ въ государствѣ, какъ защитниковъ отечества. Поэтому, на ряду съ общимъ образованіемъ, маньчжуры получаютъ военное образованіе. Съ 10-лѣтняго возраста каждый маньчжурскій мальчикъ поступаетъ въ школу своего сумуна (станіцы), гдѣ сначала изучаетъ родную маньчжурскую грамоту и письменность, а затѣмъ переходитъ къ изученію наукъ, самую главную роль среди которыхъ играетъ уложеніе Дайцинской династіи. Одновременно съ научнымъ образованіемъ, его, какъ будущаго воина, обучаютъ военному дѣлу, какъ-то: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, бросать копье и дискъ, военной гимнастикѣ и т. д. Маньчжуры и сами сознаютъ, что такое военное образованіе нигде не годится; но измѣнить не могутъ, такова сила традиціи. Какъ по научной, такъ и по военной части производится нѣсколько разъ въ годъ экзамены. Для этого илискимъ цзянцзюнемъ, въ вѣдѣніи котораго находятся маньчжуры и маньжурскія школы, командироваются особые лица. При выпускѣ изъ школы, экзамены производятъ самъ цзянцзюнь, при чемъ на этотъ экзамень представляются только самые выдающіеся по успѣхамъ ученики. Тѣ изъ учениковъ, которые окажутъ особые успѣхи на этомъ послѣднемъ экзаменѣ, прикомандировываются къ различнымъ учрежденіямъ и готовятся тамъ къ практической дѣятельности, къ занятію разныхъ должностей, какъ по военной, такъ и гражданской части. Въ это же время они изучаютъ, подъ руководствомъ китайскихъ учителей, китайскій языкъ и письменность, но, большей частью, лишь въ размѣрахъ, необходимыхъ для переводчика въ казенныхъ учрежденіяхъ. Обученіе это срокомъ не ограничено, и оканчивается съ полученіемъ какого-либо штатнаго мѣста. Съ китайской точки зрѣнія маньжурское образованіе считается недоста-

точнымъ, и потому китайцы смотрятъ на маньчжуровъ, не получившихъ полнаго китайскаго образованія, какъ на неучей. Впрочемъ, многие изъ маньжуровъ сами считаютъ получаемое ими маньжурское образованіе недостаточнымъ, и начинаютъ давать своимъ дѣтямъ китайское образованіе; но только немногіе изъ маньжуровъ держатъ государственные экзамены, въ виду того, что и безъ экзамена они получаютъ хорошія мѣста.

Говоря о специально маньжурскомъ образованіи, я долженъ отмѣтить, что сказанное относится къ маньжурамъ, проживающимъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. Что же касается маньжуровъ, обитающихъ въ трехъ провинціяхъ Маньчжуріи и провинціяхъ Внутренняго Китая, то они почти совсѣмъ утратили свои особенности, забыли маньжурскій языкъ, говорятъ по-китайски, и по внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ природныхъ китайцевъ. Точно такъ же и образованіе, получаемое ими, въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ ничего специально маньжурскаго, какъ это мы еще до сихъ поръ видимъ въ Западномъ Китаѣ.

У калмыковъ и чахаръ дѣти получаютъ религиозное буддійское образованіе подъ руководствомъ ламъ. А такъ какъ очень много послѣдователей буддизма поступаетъ въ число ламъ, при чемъ значительная часть ихъ живетъ въ монастыряхъ, то грамотныхъ среди монголовъ очень много. Грамотность эта монгольская, съ содержаніемъ исключительно религиознымъ. Кромѣ простой грамотности, среди ламъ распространено еще изученіе тибетской медицины. Нѣкоторые ламы достигаютъ большого искусства во врачеваніи болѣзней, и нѣредко удачно вылечиваютъ такіа болѣзни, которыя европейскіе врачи признаютъ неизлечимыми. Впрочемъ, изученіе тибетской медицины не носитъ научнаго характера, а имѣетъ всѣ характеристическія черты знахарства: знанія медицинскія передаются далеко не всѣмъ желающимъ, даже и изъ ламъ, а только людямъ, заслуживающимъ довѣрія. Специально медицинскихъ школъ и учрежденій не существуетъ.

Немногие богатые монголы, а главное князья, изучают и китайскую письменность, но далеко не во всем размахом, как сами китайцы. Это дѣлается исключительно въ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ и лишь въ той мѣрѣ, насколько это необходимо для этой цѣли. Но, въ общемъ, монголы народъ очень некультурный и стоять на очень низкой ступени умственного развитія.

Изъ мусульманъ любовь къ ученію проявляютъ всего болѣе дунгане. Почти всѣ дунгане отдають своихъ дѣтей въ китайскія казенныя и частныя училища, а богатые приглашаютъ учителей на домъ. Наравнѣ съ китайцами они проходятъ всѣ китайскія науки, держатъ даже государственные экзамены и получаютъ ученые степени. Кромѣ того, дунгане отдають своихъ дѣтей и въ мусульманскія школы при мечетяхъ, медресе, для полученія религіознаго образованія. По-китайски дунгане грамотны почти поголовно.

Китайское правительство очень хлопотало о распространеніи китайскаго образованія и среди другихъ мусульманъ Синьзянской провинціи—кашгарльковъ, таранчей и киргизовъ, но старанія эти не дали ожидавшихся отъ нихъ результатовъ. Таранчи и киргизы не пошли въ открытія для нихъ китайскія школы и, вообще, учиться по-китайски не пожелали. Охотнѣе пошли навстрѣчу китайцамъ кашгарльки. Многие изъ нихъ стали учиться китайской письменности, дѣлають большіе успѣхи, нѣкоторые подвергались уже государственнымъ экзаменамъ, и есть даже нѣсколько человѣкъ, которые имѣють полученную по экзамену первую ученую степень си-цая. Знаніе китайскаго языка кашгарльки находятъ для себя безусловно выгоднымъ, такъ какъ это имъ даетъ возможность занимать не только мѣста переводчиковъ въ китайскихъ учрежденіяхъ, но даже возможность получать штатныя, хотя и небольшія, мѣста по администраціи.

Для изученія тюркской грамоты существуютъ училища при мечетяхъ, гдѣ преподають муллы. Киргизы и таранчи,

однако, неохотно идутъ и въ эти школы, такъ что грамотныхъ среди нихъ, даже и по-мусульмански, очень мало, особенно среди киргизовъ. Кашгарльки и по-мусульмански учатся охотнѣе своихъ единовѣрцевъ—таранчей и киргизовъ. Эти ихъ знанія даютъ имъ большія преимущества среди другихъ мусульманъ и позволяютъ имъ, благодаря ихъ связямъ съ китайскимъ правительствомъ, играть нѣкоторую роль среди своихъ единовѣрцевъ.

Несмотря на всѣ консерватизмъ китайцевъ, особенно въ дѣлѣ образованія, и имъ приходится усваивать нѣкоторыя европейскія знанія, хотя они смотрятъ свысока на всѣ европейскія науки. Сношенія съ иностранцами, которыхъ теперь такъ много уже въ Китаѣ, и пограничныя сношенія заставляютъ изучать иностранныя языки. Устройство телеграфовъ и военное дѣло также вызываютъ необходимость устройства школъ для подготовки соответствующихъ специалистовъ. Въ виду этого, и въ Западномъ Китаѣ существуютъ школы этого рода. Такъ, въ Урумчи есть школа для изученія русскаго языка. Школа эта существуетъ уже лѣтъ двадцать. Преподають въ ней китайцы, бывавшіе въ Россіи и сносно говорящіе по-русски. Но результаты получаются далеко не блестящіе. Китайцы выучиваются въ этой школѣ довольно порядочно читать и писать по-русски, но говорить очень плохо. Это объясняется тѣмъ, что и сами учителя не достаточно хорошо владѣють русскимъ разговорнымъ языкомъ. Дѣло шло бы, вѣроятно, гораздо успѣшнѣе, если бы учителя были русскіе, однако китайскія власти отъ этого отказываются, находя русскаго учителя для себя неудобнымъ. Ученики, поступающіе въ школу, должны имѣть не менѣе 18 лѣтъ отъ роду и уже знать китайскую письменность. Продолжительность курса не опредѣлена. Все зависитъ отъ успѣховъ ученика и усмотрѣнія учителя. Ученики во все время ученія числятся на государственной службѣ и получаютъ небольшое жалованіе. Число ихъ не болѣе двѣнадцати человѣкъ. По окончаніи курса, они получаютъ

мѣста переводчиковъ въ пограничныхъ съ Россіей городахъ и при управленіи губернатора, въ г. Урумчи.

Существуетъ русская школа въ Илійскомъ округѣ, въ Суйдунѣ. Тамъ содержится ея маньчжуръ, говорящій по-русски. Онъ имѣетъ субсидію отъ илійскаго цзянцзюня на это дѣло. Хотѣлъ было цзянцзюнь открыть казенную школу для изученія русскаго языка, но дѣло остановилось за хорошимъ русскимъ учителемъ. Хорошаго жалованья учителю дать не хочется, а на маленькое жалованье порядочный русскій учитель не идетъ. Теперь это дѣло, въ виду уменьшенія русскаго вліянія на дѣла Китая, вѣроятно, совсѣмъ заглохнетъ.

При телеграфной конторѣ въ Урумчи существуетъ телеграфное училище, для приготовленія телеграфистовъ. Туда принимается очень мало народу; могутъ поступать и мусульмане, такъ что есть уже телеграфисты-кашгарлыки, получившіе образованіе въ этой школѣ. Но школа эта плохо организована и прочнаго существованія не имѣетъ.

Относительно военной школы въ Урумчи я уже говорилъ въ главѣ о военномъ дѣлѣ, поэтому повторять не стану. Замѣчу лишь, что преподаваніе въ ней стоитъ не на высокой степени, какъ по части общихъ наукъ, такъ и специально военныхъ.

Говоря о народномъ образованіи въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, нужно упомянуть также о школахъ, содержащихся католическими миссіонерами. Всѣ эти школы находятся въ Илійскомъ округѣ, гдѣ католическая миссія дѣйствуетъ уже давно. Школъ этихъ нѣсколько и всѣ онѣ устроены по китайскому образцу, учатъ учителя-китайцы. Только религіозное образованіе находится въ рукахъ миссіонеровъ. Они же слѣдятъ и за нравственнымъ развитіемъ воспитанниковъ. Дѣти выходятъ отсюда, дѣйствительно, болѣе развитыми и даже по внѣшнему своему виду отличаются отъ другихъ китайскихъ школьниковъ: они всегда чисто вымыты и прилично одѣты. Но въ миссіонерскія школы поступаютъ, главнымъ образомъ, дѣти христіанъ.

Изъ среды другихъ китайцевъ встрѣчаются почти исключительно дѣти бѣдныхъ родителей, которые не имѣютъ возможности отдавать своихъ дѣтей въ китайскія училища, гдѣ все-таки приходится нести нѣкоторые расходы, тогда какъ въ миссіонерскихъ школахъ дѣти ихъ учатся безплатно и, кромѣ того, получаютъ разныя пособія. Другіе китайцы дѣтей своихъ въ миссіонерскія училища не отдаютъ, изъ опасенія, что они могутъ тамъ обратиться въ христіанство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Русские подданные въ Западномъ Китаѣ. — Появленіе ихъ тамъ и постепенное улучшеніе ихъ правового положенія. — Русскіе сарты, татары, дунгане, таранчи. — Искусственное привлеченіе таранчей въ русское подданство. — Ихъ бѣгство въ Китай и мѣры къ выдворенію. — Киргизы. — Безполезность выдворенія таранчей и киргизовъ изъ китайскихъ предѣловъ. — Коренныя русскіе.

Среди населенія Западнаго Застѣннаго Китая проживаетъ значительное число русскихъ подданныхъ. Это почти исключительно мусульмане — сарты, татары, дунгане, таранчи и киргизы; коренныхъ русскихъ очень мало. Русскіе подданные начинаютъ появляться въ Западномъ Китаѣ съ того времени, какъ русскія и китайскія владѣнія въ Средней Азійи начинаютъ сближаться между собою, то-есть приблизительно съ начала XIX вѣка. Первыми пришельцами въ китайскую землю являются, какъ и вездѣ, торговцы. Жажда наживы, столь присущая человѣку, погоня за новыми товарами и рынками, вотъ что всего болѣе гонитъ людей въ чужіе края. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Какъ только китайское владичество стало утверждаться въ Западномъ краѣ, стала развиваться тамъ китайская торговля, прослышали о томъ предприимчивые люди изъ русскихъ подданныхъ и потянулись со своими товарами въ новую землю. Въ главѣ о русской торговлѣ и уже говорилъ о томъ, какъ распространялась и утвер-

ждалась русская торговля въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. Теперь скажу, какъ создавалось постепенно правовое положеніе русскихъ подданныхъ въ этомъ краѣ.

Китайцы никогда не были благосклонны къ появленію иностранцевъ въ своихъ владѣніяхъ; такъ же они отнеслись и къ русскимъ подданнымъ. Трудно было нашимъ пионерамъ начинать сношенія съ китайцами. Много они претерпѣли и обидъ и притѣсненій какъ отъ самихъ китайцевъ, такъ равно и отъ разныхъ кочевыхъ народовъ, которые грабили и обижали въ пути мирныхъ торговцевъ. И только вышатаельство русскаго правительства сдѣлало, наконецъ, существованіе русскихъ подданныхъ въ Западномъ Китаѣ и условія торговли тамъ болѣе сносными. Кульджинскій трактатъ 1851 года долженъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается улучшеніе положенія русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Западномъ Китаѣ. Это былъ большой шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ безправнымъ положеніемъ русскихъ подданныхъ въ китайскихъ предѣлахъ. На основаніи Кульджинскаго трактата, русскіе подданные получили право торговать въ Кульджѣ и въ кульджинскомъ районѣ. Было дано право открыть въ Кульджѣ и Чугучакѣ русскія консульства, для защиты русскихъ подданныхъ и русской торговли. Но насколько тяжелы были условія торговли и жизни русскихъ въ Западномъ Китаѣ даже и послѣ заключенія этого договора, видно изъ того, напримѣръ, что и на основаніи этого договора русскіе караваны могли приходиться въ Кульджу только въ опредѣленное время, именно съ 25 марта по 10 декабря ¹⁾; купцы русскіе не могли отпускать китайцамъ товаровъ въ кредитъ ²⁾, не могли свободно выходить изъ предѣловъ русской факторіи въ Кульджѣ въ городъ ³⁾ и тому подобное. Такъ какъ мѣстныя китайскія власти нисколько не желали появленія чужеземцевъ у себя, то правила эти, особенно первое время, исполнялись съ особенной

¹⁾ ст. 8. ²⁾ ст. 12. ³⁾ ст. 9.

строгостью и усердіемъ, и только защита консульства предотвращала возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ, которые такъ нравились китайцамъ.

Во время мусульманскаго возстанія всѣ русскіе подданные должны были удалиться изъ предѣловъ Западнаго Китая. Они появляются здѣсь вновь, когда китайское владычество начинаетъ въ край возстановляться. На этотъ разъ они не встрѣчаютъ уже такого враждебнаго къ себѣ отношенія, какъ прежде. Главнѣйшей причиной этого болѣе благосклоннаго отношенія китайцевъ должна быть признана нужда въ услугахъ нашихъ торговцевъ. Для китайской арміи, занимающей край, нужны всевозможные товары и припасы, которыхъ въ опустошенной странѣ нѣтъ; приходится обращаться къ русскимъ подданнымъ; а значитъ, приходится и относиться къ нимъ получше. Поэтому, когда въ 1881 г. заключается между Россіей и Китаемъ С.-Петербургскій трактатъ, то въ Западномъ Китаѣ онъ уже находитъ довольно благопріятную почву для своего примѣненія. Петербургскій трактатъ, подтверждая всѣ права, предоставленныя русскимъ подданнымъ прежними договорами, даетъ еще новыя. Самое главное и существенное право—это право свободно жить и торговать во всемъ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, при томъ торговать беспошлинно. Трактатъ этотъ представлялъ настолько благопріятныя условія для развитія русской торговли въ Западномъ Китаѣ, что сразу же послѣ этого русская торговля начинаетъ замѣтно развиваться; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается тамъ и число русскихъ подданныхъ. Появляется много новыхъ торговцевъ, которые раньше никакихъ дѣлъ въ Западномъ Китаѣ не имѣли. Кромѣ того, заявляютъ себя русскими подданными многие туркестанскіе сарты, которые давно уже, еще во времена независимости нынѣшняго Русскаго Туркестана, переселились въ китайскіе предѣлы, и теперь, видя, что подъ русскимъ покровительствомъ живется лучше, рѣшаютъ воспользоваться этимъ покровительствомъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ болѣе значительныхъ

городахъ края, а особенно въ мѣстахъ пребыванія русскихъ консуловъ, образуются значительныя колоніи русскихъ подданныхъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждой группѣ русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Западномъ Китаѣ.

Русскіе подданные сарты встрѣчаются во всѣхъ городахъ Западнаго Китая, гдѣ вообще есть русскіе подданные, и вездѣ въ числѣ русскихъ торговцевъ они составляютъ большинство; во всего больше ихъ въ Кашгарѣ и другихъ городахъ Китайскаго Туркестана. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что эта область граничитъ съ Русскимъ Туркестаномъ. Въ Кашгарѣ нашихъ сартовъ зовутъ «анджиданцами», несомнѣнно оттого, что изъ Анджидана всего больше идетъ торговцевъ въ Кашгарію. Сарты, проживающіе въ Западномъ Китаѣ, народъ совершенно некультурный и, по своему нравственному облику, мало симпатичный. Въ этомъ отношеніи они очень похожи на своихъ сородичей—кашгарлыковъ, такъ что сказанное о кашгарлыкахъ можетъ быть до извѣстной степени приложено и къ русскимъ подданнымъ сартамъ. Сарты отличаются большою хитростью, полагаются на нихъ нельзя, легко обмануть. Затѣмъ сарты суетны и тщеславны: первое удовольствіе для сарта надѣть хорошій костюмъ и пройти по базару, чтобы показать себя. Сартъ будетъ не дождать, не допивать, а ужъ постарается обзавестись хорошимъ, пестрымъ халатомъ, а если есть средства, то и хорошей лошадыю. Показная сторона у сарта на первомъ планѣ не только въ костюмѣ, но и во внутренней жизни. Сарты кажутся очень религиозными и даже фанатичными; всякія мусульманскія секты, особенно такія, гдѣ главную роль играютъ какіе-нибудь особенные обряды, привлекающіе своей странностью вниманіе толпы, находятъ среди сартовъ усердныхъ послѣдователей. Такъ, напримѣръ, сильно распространена среди сартовъ секта «джагризъ». Послѣдователи этой секты по вечерамъ собираются вмѣстѣ для молитвы, послѣ которой хоромъ выкрикиваютъ разныя священныя слова, повторяя

ихъ безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые не потеряютъ сознанія. Шумъ и крики на этихъ собраніяхъ страшные, что привлекаетъ вниманіе постороннихъ, такъ что многіе, въ томъ числѣ и мусульмане, приходятъ просто посмотреть, что тутъ дѣлается, а участники собраній этимъ и довольны. Несмотря однако на весь видимый фанатизмъ, сарты, если представится случай, не прочь нарушить заповѣди Магомета; напримѣръ, они очень охотно выпьютъ и водки, конечно, потихонку, не откажутся съѣсть и колбасы, будто бы не зная, что она свинная. Но позволяя себѣ разныя вольности, сартъ жестоко осуждаетъ всякаго другого, кто будетъ замѣченъ въ томъ же самомъ. Въ семейной жизни сарты не отличаются добродѣтелями. Магометъ разрѣшилъ правовѣрнымъ многоженство, и сарты въ широкой степени пользуются этимъ правомъ. Многіе сарты, которымъ по торговымъ дѣламъ приходится жить въ разныхъ мѣстахъ, имѣютъ женъ всюду, гдѣ они живутъ болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, напримѣръ, я самъ знаю нѣсколько случаевъ, когда сартъ имѣлъ по 6—7 женъ въ разныхъ мѣстахъ. При такомъ обилии женъ, никакой нравственной связи между мужемъ и женами, конечно, не существуетъ, такъ что сартъ иногда забываетъ о этихъ женахъ и прижиткахъ съ ними дѣтяхъ. Сартянки, въ свою очередь, такъ же, какъ и кашгарлячки, вѣрностью своимъ мужьямъ не отличаются, разводы среди сартовъ тоже нерѣдкое явленіе, и иногда изъ-за невѣрности жены.

Сарты любятъ торговлю, и можно даже сказать, что каждый сартъ торговецъ въ душѣ, но крупныя дѣла въ ихъ рукахъ какъ-то не ладятся. Прежде всего у сартовъ-торговцевъ мало инициативы, а затѣмъ — нѣтъ умѣнья правильно организовать дѣло. Мнѣ много разъ приходилось близко знакомиться съ веденіемъ дѣла крупными торговцами изъ сартовъ, и я поражаюсь тѣмъ беспорядкомъ, который царствовалъ въ дѣлахъ. Говоря о русской торговлѣ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ, я уже отмѣтилъ, какъ плохо наши сарты ведутъ свои торговыя дѣла.

Хотя наши сарты давно уже стали русскими подданными и давно уже имѣютъ дѣла съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, однако русскаго они усвоили очень мало. По-русски говорятъ изъ нихъ немногіе, не говоря уже о русской грамотѣ. Обыкновенно, все знаніе русскаго языка ограничивается нѣсколькими простѣйшими фразами, необходимыми въ обиходѣ. Къ кореннымъ русскимъ, и вообще къ христіанамъ, сарты относятся недружелюбно, видя въ нихъ прежде всего невѣрныхъ «кяфировъ»; въ виду этого, они представляютъ прекрасный матеріалъ для проповѣди панисламизма. Враждебное отношеніе сартовъ къ русскимъ проявляется и на дѣлѣ, особенно тамъ, гдѣ это не грозитъ имъ дурными послѣдствіями. Напримѣръ, по отношенію къ консульству сарты почти всегда стоятъ въ оппозиціи, но только тайно; открыто свою враждебность русскимъ властямъ показывать они не рѣшаются. Зато, по отношенію къ кореннымъ русскимъ, не стоящимъ у власти, они не стѣняются выражать свои чувства. Мнѣ извѣстенъ не одинъ случай, когда сарты старались оказывать всякое противодѣйствіе русскимъ, желавшимъ начать какое-либо дѣло въ Западномъ Китаѣ. Дѣло доходило, напримѣръ, до того, что сарты ни за что не хотѣли отдавать внаймы русскимъ совершенно свободныя помѣщенія и только потому, что наниматели были русскіе; приходилось, поэтому, мнѣ самому выступать на защиту русскихъ, и только тогда дѣло улаживалось. Хорошо то, что у сартовъ и между собой нѣтъ достаточнаго единодушія и сплоченности, а то съ оппозиціей ихъ приходилось бы серьезно считаться.

Съ другими мусульманами, особенно съ татарами, сарты ладятъ плохо. Себя они считаютъ истинными мусульманами, въ полномъ смыслѣ слова правовѣрными, а правовѣріе другихъ мусульманъ у нихъ находится въ сильномъ подозрѣніи, и потому на остальныхъ своихъ единовѣрцевъ они смотрятъ свысока. Татаръ, напримѣръ, они считаютъ совсѣмъ плохими мусульманами за то, что тѣ водятъ зна-

комство съ русскими и, вообще, стараются жить по-европейски. Такое высокомерное отношение сартовъ, конечно, не можетъ привлекать къ нимъ симпатіи другихъ мусульманъ, которые, въ виду этого между прочимъ, сартовъ не любятъ, и при случаѣ довольно зло поддѣиваются надъ ними.

Татары, торгующіе и проживающіе въ Западномъ Китаѣ, выходцы или изъ среднихъ губерній Европейской Россіи, или изъ городовъ Сибири. Долгая совѣстная жизнь съ русскимъ народомъ и постоянныя сношенія съ нимъ не остались безъ вліянія на татарское населеніе. Если нельзя сказать, что татары совсѣмъ обрусѣли, то во всякомъ случаѣ многое заимствовали уже у русскихъ; а жизнь въ Китаѣ, среди чуждаго и для нихъ китайскаго населенія, заставляетъ ихъ еще болѣе держаться всего русскаго и считать себя частью великаго Россійскаго государства. Въ Россіи они, быть можетъ, и болѣе чуждались бы всего русскаго, и болѣе чувствовали племенную и религіозную рознь съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а на чужбинѣ эта рознь какъ-то сглаживается и исчезаетъ; по крайней мѣрѣ, такъ это наблюдается въ большинствѣ случаевъ. Всѣ татары говорятъ по-русски. Обстановка домовъ тоже русская. Болѣе состоятельные и культурные изъ татаръ выписываютъ даже русскія газеты. Многие изъ нихъ дѣтей своихъ обучаютъ русской грамотѣ, и находятъ это безусловно необходимымъ. Русскаго общества татары не чуждаются, и ужъ никакой враждебности ни къ чему русскому не проявляютъ. Есть, конечно, среди татаръ и исключенія; есть и фанатики, ненавидящіе всѣхъ невѣрныхъ; но, по большей части, это или муллы, или старики, которые больше всего заботятся уже о спасеніи души. Къ сожалѣнію только, при сближеніи съ русскими татары нерѣдко усваиваютъ и дурныя стороны русской жизни, именно: любовь къ спиртнымъ напиткамъ, а иногда и къ картамъ. Пиво пьютъ они всѣ открыто, и это не считается у нихъ дурнымъ, потому что, по ихъ словамъ, Магометъ запретилъ пить только

вино, а не пиво. Но кто пьетъ пиво, тотъ обыкновенно не откажется и отъ водки, что и бываетъ часто въ дѣйствительности, такъ что среди татаръ попадаются горькіе пьяницы.

Въ отношеніи религіи татары правовѣрные мусульмане, но фанатизмомъ не заражены. Разныя мусульманскія секты, въ родѣ упомянутой «джагріэ», находятъ среди нихъ мало послѣдователей, они даже подсмѣиваются надъ послѣдователями этой секты, хотя открыто этого, конечно, и не дѣлаютъ.

Въ семейной жизни татары также лучше сартовъ. Они почти совсѣмъ не пользуются правомъ брать по нѣскольку женъ. Они находятъ это практически неудобнымъ, и оттого у большинства татаръ мы видимъ, обыкновенно, одну жену, только у муллъ всегда по нѣскольку женъ. Жена у татаръ пользуется извѣстнымъ уваженіемъ со стороны мужа и нѣкоторымъ авторитетомъ въ семьѣ. Затворничество женщины далеко не такое строгое, какъ у сартовъ, и тѣмъ оно меньше, чѣмъ богаче таринь. Поэтому, у татаръ не рѣдкость, что жена выходитъ къ гостямъ своего мужа, только не къ мусульманамъ.

Въ торговыхъ дѣлахъ татары обнаруживаютъ большую практическую смѣтку. Самые крупные и серьезные русскіе подданные купцы въ Западномъ Китаѣ изъ татаръ. Конечно, нельзя расчитывать на то, что татары много могутъ содѣйствовать развитію русской торговли, но, во всякомъ случаѣ, среди мусульманъ, торгующихъ въ Западномъ Китаѣ, это болѣе надежный въ торговомъ отношеніи элементъ.

Дунгане появились въ числѣ русскихъ подданныхъ послѣ сдачи нами Кулѣджи китайцамъ, то-есть въ началѣ восьмидесятахъ годовъ минувшаго столѣтія. Часть кулѣджинскихъ дунганъ, боясь мщенія китайцевъ за возстаніе, пожелала переселиться въ русскіе предѣлы и принять русское подданство. Эти дунгане были поселены въ предѣлахъ Семирѣченской области, гдѣ проживаютъ и въ настоящее время.

За двадцать слишком лѣтъ своего пребыванія въ рускіхъ предѣлахъ дунгане, конечно, усвоили кой-что русское, по такому вліянію своихъ новыхъ соотечественниковъ, какому подверглись, напримѣръ, татары, они подвергнуться не могли. Двадцать лѣтъ слишкомъ маленькій срокъ въ жизни народности, въ особенности же такой устойчивой, какъ дунгане. Тѣмъ не менѣе русское вліяніе все-таки сказывается. Многие дунгане-мужчины умѣютъ говорить по-русски, а тѣ, которые прошли русскую школу, знаютъ и русскую грамоту. Но обыкновенный разговорный языкъ у дунганъ китайскій. Обычаи и нравы у русскихъ дунганъ тѣ же, что и у китайскихъ, такъ что то, что сказано выше о послѣднихъ, относится и къ первымъ. Только русскіе дунгане стали какъ-то мягче и открытѣе китайскихъ; вѣроятно, въ этомъ сказывается вліяніе болѣе справедливаго въ отношеніи дунганъ и мягкаго русскаго режима. Въ нихъ нѣтъ этой замкнутости и подозрительности, которыя наблюдаются у китайскихъ дунганъ. По внѣшнему виду русскіе дунгане также отличаются отъ китайскихъ. Китайскіе носятъ китайское платье и кошу, какъ знакъ подданства Дайцинской маньчжурской династїи, русскіе же дунгане косы не имѣютъ, и въ костюмѣ подражаютъ русскимъ мусульманамъ-татарамъ и сартамъ, то-есть носятъ халаты, голову бреютъ и покрываютъ ее маленькими шапочками-любетейками. Русскіе дунгане народъ спокойный, и отлично уживаются со своими сосѣдями, какъ русскими, такъ и мусульманами. Въ русскихъ предѣлахъ занимаются они, главнымъ образомъ, земледѣліемъ. Въ китайскіе предѣлы дунгане прѣзжаютъ или для торговли, или въ качествѣ возчиковъ, съ обозами. Въ китайскихъ предѣлахъ русскіе дунгане проживаютъ, главнымъ образомъ, въ Илійскомъ округѣ, откуда они къ намъ и переселились. Въ другихъ мѣстностяхъ Синьцзянской провинціи русскіе дунгане встрѣчаются рѣдко. Это объясняется тѣмъ, что крупной торговли русскіе дунгане въ Западномъ Китаѣ не ведутъ, а для мелкой торговли имъ достаточно и кульджинскаго района. Кромѣ того, тутъ

играетъ, кажется, нѣкоторую роль также и недобвіе дунганъ къ китайцамъ и взаимная ихъ антипатія.

Таранчи такъ же, какъ и дунгане, достались намъ послѣ сдачи Кульджи. Тогда ихъ переселилось къ намъ въ Семірѣченскую область свыше пятидесяти тысячъ душъ. Главная причина переселенія была та же, что и у дунганъ, т.-е. боязнь мести со стороны китайцевъ за участіе въ возстаніи. Но большую роль тутъ сыграло и вліяніе нашей мѣстной администраціи, которая старательно уговаривала таранчей принять русское подданство. Почему именно администраціи понадобилось привлекать таранчей въ русское подданство, трудно сказать съ полной достовѣрностью. Говорятъ, главнѣйшимъ мотивомъ было желаніе сдѣлать непріятное китайцамъ, именно обезлюдить край и хоть этимъ отомстить имъ за сдачу Кульджи, гдѣ нашимъ администраторамъ жило такъ хорошо и спокойно, и которую имъ такъ не хотѣлось оставлять. Хотя это мотивъ, повидимому, и невроятный, однако современники и свидѣтели сдачи Кульджи упорно это утверждаютъ. Другой же причиной искусственнаго привлеченія таранчей въ наши предѣлы, и это болѣе правдоподобно, было желаніе тотчасъ же заселить отошедшую къ намъ по петербургскому договору часть Семірѣчья. Но то или другое соображеніе было главнѣйшимъ мотивомъ привлеченія таранчей въ русское подданство, это было съ нашей стороны большой ошибкой и вотъ почему. Прежде всего, достаточнаго количества орошаемой земли въ Семірѣчьи не оказалось, и потому существовать таранчамъ съ самаго начала стало трудно; а затѣмъ, таранчи сами по себѣ настолько мало симпатичный и потому мало желательный элементъ, что появленіе ихъ въ числѣ русскихъ подданныхъ едва ли было для насъ выгоднымъ приобретеніемъ, а скорѣе наоборотъ. Говоря въ своемъ мѣстѣ о китайскихъ таранчахъ, я долженъ былъ сдѣлать очень неслестную для нихъ характеристику. Русскіе же подданные таранчи нисколько не лучше китайскихъ, а, по моему мнѣнію, даже хуже. За свое

двадцатилѣтнее пребываніе въ русскомъ подданствѣ они не сдѣлались болѣе культурными, чѣмъ были въ Китаѣ; они, мнѣ кажется, даже опустились ниже. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ оставшіеся въ китайскомъ подданствѣ таранчи получили въ свое пользованіе большіе земельные надѣлы, освободившіеся послѣ ухода части таранчей въ русскіе предѣлы, такъ что экономическое положеніе китайскихъ таранчей нѣсколько даже улучшилось, русскіе же таранчи, получивъ маленькіе надѣлы, въ массѣ стали жить бѣднѣе, чѣмъ въ Китаѣ, а голодному человѣку гдѣ же уснаивать какую-либо культуру.

Недостатокъ земли, а отсюда недостатокъ средствъ для существованія скоро же, въ первые же годы по переселеніи таранчей въ Россію, заставилъ ихъ вспомнить о родныхъ мѣстахъ, гдѣ было имъ такъ привольно и жилось въ послѣднее время, сравнительно, хорошо. И вотъ цѣлая масса таранчей, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ убогимъ скарбомъ потянулась назадъ въ Кульджу. Ихъ тянуло туда также и то, что у многихъ изъ нихъ остались въ Кульджѣ близкіе родственники, потому что, при переходѣ таранчей въ русское подданство, часто случалось такъ, что отецъ или одинъ изъ братьевъ оставался въ китайскомъ подданствѣ, а сынъ или другой братъ принималъ русское и уходилъ въ русскіе предѣлы. И такое раздѣленіе семей поощрялось даже нашими властями съ цѣлью, якобы, черезъ родственныя связи поддерживать русское вліяніе въ кулджинскомъ районѣ. Цѣль эта, какъ скоро же и показали опытъ, нисколько не достигалась, а только оказалась лишняя приманка для возвращенія таранчей на родину, въ китайскіе предѣлы. Тѣ таранчи, у кого въ Илійскомъ округѣ были родственники, очень скоро снова тамъ устранивались, иногда даже на прежнихъ своихъ пепелищахъ. Но и не имѣющіе родственниковъ могли, при иѣкоторомъ стараніи, сносно устроить свою жизнь, такъ какъ китайскія власти не только не препятствовали этому, а наоборотъ поощряли возвращеніе таранчей въ Китай. Благодаря этому покровитель-

ству, таранчи свободно могли заниматься земледѣліемъ и, вообще, всѣмъ, чѣмъ имъ было угодно. Вслѣдствіе этихъ самовольныхъ переселеній, число русскихъ таранчей въ Илійскомъ округѣ скоро дошло до десяти слишкомъ тысячъ человѣкъ.

Но какъ только таранчи стали бѣжать въ Китай, наши пограничныя власти стали принимать мѣры къ ихъ возвращенію въ Россію. Мѣры эти принимались въ виду того, что, съ уходомъ таранчей въ Китай, на таранчинскихъ обществахъ начали накапливаться податныя недоимки, такъ какъ уходящіе въ Китай, разумѣется, не находили нужнымъ посылать отсюда подати. Стали поступать въ наше консульство въ Кульджѣ требованія о розыскѣ и высылкѣ таранчей; стали посылаться по временамъ даже цѣлыя экспедиціи для розыска и выдворенія бѣглыхъ таранчей; и консульство изнемогало отъ переписки и хлопотъ по дѣламъ о выдвореніи таранчей. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, часть таранчей наконецъ выдворялась въ русскіе предѣлы, въ мѣсто ихъ приписки, и, такимъ образомъ, казалось, что цѣль какъ будто достигалась. Но что же изъ этого получалось на практикѣ? Сами выдворяемые часто совершенно разорялись, такъ какъ приходилось бросать въ Китаѣ на произволъ судьбы все хозяйство, а иногда и обработанныя уже поля, идти съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, подъ конвоемъ, въ свою деревню, гдѣ не было ни родныхъ, ни даже помѣщенія, гдѣ бы жить; гдѣ, поэтому, сразу же по возвращеніи приходилось голодать. Понятно поэтому, что какъ только выдворенные приходили на мѣсто приписки, такъ сейчасъ же или бѣжали, или уже задумывали бѣжать, несмотря на всѣ принимаемыя противъ этого бѣгства мѣры. Такимъ образомъ, выдвореніе таранчей съ самаго начала цѣли не достигало и не достигаетъ, а, наоборотъ, имѣеть безусловно вредные результаты: оно разоряетъ выдворяемыхъ и даетъ вамъ въ лицѣ ихъ нищихъ, что, конечно, совсемъ ужъ нежелательно; вызываетъ расходы со стороны казны и таранчинскихъ обществъ на ро-

зыски и выдворение таранчей; совершенно без пользы обременяет консульство въ Кульджѣ полицейскими обязанностями, а наконецъ и главное—озбодляетъ противъ насъ таранчей. Въ виду всего этого, по моему мнѣнію, принудительное выдворение таранчей изъ китайскихъ предѣловъ должно быть оставлено. Желающимъ изъ таранчей должно быть предоставлено право перейти въ китайское подданство; тѣхъ же таранчей, которые китайскаго подданства принять не пожелаютъ, можно оставить въ китайскихъ предѣлахъ съ тѣмъ, чтобы они послали въ ихъ волости причитающіяся съ нихъ въ русскихъ предѣлахъ подати, что и теперь иногда дѣлается. Но если даже и всѣ таранчи, проживающіе теперь въ китайскихъ предѣлахъ, пожелаютъ принять китайское подданство, то оттого убытка намъ никакого не будетъ, потому что намъ лучше имѣть въ китайскихъ предѣлахъ болѣе или менѣе расположенныхъ къ намъ китайскихъ подданныхъ, чѣмъ у себя дома враждебныхъ и нищихъ русскихъ подданныхъ. Въ 1900 году, когда я управлялъ консульствомъ въ Кульджѣ, я представилъ въ этомъ смыслѣ официальную докладную записку; но въ это время какъ разъ начались китайскіе безпорядки и было уже не до вопроса о таранчахъ въ Кульджѣ, такъ что вопреку о положеніи и выдвореніи бѣглыхъ таранчей и до сихъ поръ остается открытымъ.

Въ настоящее время въ Илійскомъ округѣ проживаетъ около шести тысячъ русскихъ подданныхъ таранчей. Небольшая часть ихъ занимается тамъ мелкой торговлей, а большинство—земледѣіемъ. Положеніе послѣднихъ однако теперь стало значительно хуже, чѣмъ прежде, такъ какъ китайскія власти теперь не находятъ уже нужнымъ поощрять переселеніе русскихъ таранчей въ китайскіе предѣлы, а въ особенности занятіе ихъ земледѣіемъ, такъ какъ земли нужны для переселенцевъ-китайцевъ. Власти заставляютъ таранчей или платить подати и исполнять всѣ повинности, то-есть признавать себя китайскими подданными, или уходить въ русскіе предѣлы. Но ни того, ни другого имъ

дѣлать не хочется. Часть таранчей все-таки платитъ подати, считается въ то же время русскими подданными, а большая часть отъ платежей уклоняется; если же китайскія власти начинаютъ притѣснять, то отдѣлывается взысками, даваемыми низшимъ властямъ, что улучшаетъ положеніе, конечно, не надолго. Кромѣ торговцевъ и земледѣльцевъ, среди русскихъ таранчей въ Илійскомъ округѣ еще довольно много ремесленниковъ, домашней прислуги, чернорабочихъ.

Экономическое положеніе русскихъ таранчей, проживающихъ въ китайскихъ предѣлахъ, въ общемъ удовлетворительное, особенно тѣхъ, что занимаются торговлей и земледѣіемъ. Но, кромѣ нихъ, постоянно проживаетъ тамъ много бездомнаго люда, который живетъ сегодняшнимъ днемъ, и не имѣетъ ни имущества, ни осядлости. Изъ этой группы и выходитъ самое большое число разнаго рода преступниковъ, оперирующихъ въ Илійскомъ округѣ. Эти господа доставляютъ не мало хлопотъ консульству и мѣстной китайской администраціи.

Киргизы издавна кочевали въ степяхъ Средней Азіи, занимая тѣ земли, которыя перебѣгаетъ теперь граница, отдѣляющая Западный Застѣнный Китай отъ нашихъ Семипалатинской и Семирѣченской областей. Въ поискахъ за удобными пастбищами для своего скота, они проходили большія пространства, двигались то на востокъ, по направленію къ Китаю, то на западъ, къ русскимъ предѣламъ. Никто имъ въ этомъ не препятствовалъ, потому что ни Китай, ни Россія не имѣли еще правъ на эти земли, гдѣ кочевали киргизы. Съ проведеніемъ государственной границы между Россіей и Китаемъ, часть земель, служившихъ для киргизскихъ кочевій, отошла къ Россіи, а часть къ Китаю; разнымъ образомъ, и киргизы были подѣлены между двумя государствами, и одни сдѣлались русскими подданными, а другіе—китайскими. Привыкнувъ однако кочевать на обширныхъ пространствахъ, переходя на далекое разстояніе въ ту и другую сторону отъ новой границы

между двумя государствами, киргизы не оставили этой привычки и теперь, да к стати не представляли себѣ и значенія подданства и государственной границы. Поэтому, они безразлично кочевали какъ въ русскихъ, такъ и въ китайскихъ предѣлахъ. Какъ и прежде, въ одномъ мѣстѣ они имѣли свои землія кочевья, въ другомъ—лѣтнія, часто въ предѣлахъ разныхъ государствъ. Первое время, то-есть въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія, власти наши смотрѣли на это сквозь пальцы, такъ какъ интересы казны отъ того не страдали. Но вотъ съ половины 90-хъ годовъ со стороны нашей пограничной администраціи начинаютъ приниматься мѣры къ возвращенію киргизовъ изъ китайскихъ предѣловъ и прикрупленію ихъ къ отведеннымъ имъ мѣстамъ въ русскихъ предѣлахъ. Посылаются иногда цѣлыя партіи для розыска и выдворенія бѣглецовъ, однимъ словомъ, повторится та же самая исторія, что и съ таранчами въ Кульдѣ. Между тѣмъ если трудно удержать на мѣстѣ осѣдлаго человѣка-таранчича, то тѣмъ болѣе трудно удержать кочевника-киргиза. И дѣйствительно, такъ это оказалось и на самомъ дѣлѣ: киргизы возвращались въ свои волости, конечно, только по принужденію, и, при первой же возможности, уходили назадъ въ китайскіе предѣлы. И удерживать киргизовъ не было никакой возможности, такъ какъ, кромѣ причинъ экономическихъ, именно недостатка свободныхъ земель для пастбищъ въ русскихъ предѣлахъ и происходящаго отсюда обѣдненія кочевника-скотовода, выступили на сцену причины, до извѣстной степени, политическія, именно борьба партій въ волостяхъ изъ-за обладанія вліятельными и доходными мѣстами въ волостномъ управленіи и притѣсненія, чинимыя побѣдителями побѣжденной партіи. Все это и гнало киргизовъ въ китайскіе предѣлы. Перекочевка русскихъ киргизовъ въ китайскіе предѣлы продолжается и въ настоящее время, и никакія мѣры не могутъ остановить этихъ перекочевковъ. Въ китайскихъ предѣлахъ лучше пастбища и гораздо больше свободныхъ земель для кочевовъ, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ, а это и нужно кочевнику-киргизу. Но какъ не слѣдуетъ удер-

живать въ русскомъ подданствѣ таранчей, не желающихъ быть русскими подданными, такъ не нужно удерживать и киргизовъ. Пусть уходятъ въ Китай тѣ, кому въ Россіи и тѣсно и худо, держать ихъ нѣтъ пользы, а уходъ ихъ будетъ даже полезенъ, такъ какъ освободившіся послѣ ухода ихъ земли будутъ заняты оставшимися, и экономическое положеніе оставшихся только улучшится.

Всего болѣе русскихъ киргизовъ кочуютъ въ Тарбагатайскомъ округѣ, затѣмъ—въ Или, есть немного въ прежней Чжунгаріи, въ Восточномъ же Туркестанѣ ихъ очень мало. Кромѣ этихъ кочующихъ киргизовъ, много ихъ приходитъ въ города Западнаго Китая на заработки. Это киргизы не кочующіе—большая часть изъ джатаковъ. Большинство русскихъ киргизовъ, проживающихъ въ предѣлахъ Западнаго Китая, занимаются своимъ излюбленнымъ дѣломъ—скотоводствомъ. Немногіе занимаются торговлей, исключительно мелкой. Крупныхъ торговцевъ среди киргизовъ нѣтъ. Мелкіе торговцы называются, по мѣстному, «абсартами», что соотвѣтствуетъ нашему «спрасоль». Возчики, погонщики при верблюжьихъ караванахъ точно также киргизы. Наконецъ, они же являются и въ роли чернорабочихъ, домашней прислуги и т. п., особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ таранчей.

Тѣ киргизы, которые приходятъ въ китайскіе предѣлы въ поискахъ за лучшими пастбищами, живутъ довольно зажиточно, бѣдныхъ во всякомъ случаѣ среди нихъ нѣтъ. Что же касается того класса ихъ, который приходитъ для заработковъ, то это все страшная бѣднота. Въдѣ только одна горькая и безысходная нужда можетъ заставить кочевника-киргиза промѣнять свою свободную жизнь на непривычную для него жизнь въ городѣ, а особенно въ услуженіи. Особенно много киргизской бѣдноты въ Тарбагатайскомъ округѣ и въ самомъ городѣ Чуугучакѣ, какъ самомъ близкашемъ къ Россіи китайскому городѣ, при томъ городѣ, гдѣ много мусульманъ. Многіе киргизы приходятъ сюда специально для сбора милостыни и не опи-

баются въ своихъ надеждахъ, потому что въ Чугучакѣ живетъ не мало состоятельныхъ торговцевъ-мусульманъ, которые охотно подаютъ бѣднымъ.

Русскіе подданные киргизы, такъ же какъ и китайскіе, народъ въ общемъ вполне мирный и довольно симпатичный. Но вопіющая бѣдность, которая многими изъ нихъ приводитъ въ китайскіе предѣлы, очень нерѣдко толкаетъ ихъ на путь преступленій, главнѣйшимъ изъ которыхъ является посягательство на чужую собственность. Воруютъ по преимуществу скотъ, но если попадется, то крадутъ и другое. Но, къ счастью, благодаря особымъ мѣстнымъ условіямъ, воровъ открывать бываетъ сравнительно легко, хотя и не всегда возможно возратить похищенное владѣльцу. Въ виду этой бѣдности, а оттого и склонности къ воровству многихъ изъ проживающихъ въ Западномъ Китаѣ русскихъ киргизовъ, остальные русскіе подданные относятся къ нимъ не совсѣмъ дружелюбно, а главное — довольно презрительно, какъ къ элементу не совсѣмъ надежному, что однако не лишаетъ киргизамъ чувствовать себя въ китайскихъ предѣлахъ вполне хорошо, и ужь, конечно, лучше, чѣмъ въ своихъ волостяхъ, гдѣ имъ приходилось чуть не умирать съ голоду.

Коренныхъ русскихъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ очень мало. Здѣсь мы прежде всего видимъ небольшую группу торговцевъ, при томъ богатые среди нихъ наперечетъ; затѣмъ, служащихъ въ разныхъ конторахъ и, наконецъ, личный составъ консульствъ и казаки конвои при нихъ. Тотъ фактъ, что въ Западномъ Китаѣ очень мало русскихъ торговцевъ, объясняется такъ: русскіе подданные встрѣчаютъ сильную конкуренцію со стороны элемента мусульманскаго, а со стороны сартовъ даже враждебность и противодействие. Въ этой конкуренціи русскіе большей частью уступаютъ мусульманамъ. Конечно, если бы дѣло шло только о торговлѣ изъ складовъ и магазиновъ въ городахъ, то русскіе не уступили бы мусульманамъ, а культурный русскій торговецъ стоитъ даже куда выше мусульманина. Но

дѣло въ томъ, что значительная часть товаровъ сбывается въ край развознымъ путемъ, въ степи и селеніяхъ. Въ этомъ случаѣ мусульмане находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Прежде всего, то населеніе, въ средѣ котораго приходится торговать, въ значительной части мусульманское, которое, конечно, болѣе симпатизируетъ своимъ единоверцамъ, русскимъ подданнымъ мусульманамъ, чѣмъ христіанамъ, а это значительно облегчаетъ дѣятельность первыхъ, сравнительно съ послѣдними. Затѣмъ, торговцы-мусульмане оказываются менѣе требовательными относительно жизненныхъ удобствъ, чѣмъ русскіе. Сарту, татарину, а тѣмъ болѣе киргизу нисколько не трудно жить и торговать въ грязной фанзѣ, валяться на землѣ въ дымной и холодной юртѣ, спать часто подъ открытымъ небомъ, питаться Богъ знаетъ чѣмъ, а для русскаго торговца, даже для мелкаго приказчика, это уже тяжело, или, во всякомъ случаѣ, далеко не безразлично; ему нужно и лучше помѣщеніе и больше содержаніе; если онъ возьмется за это дѣло, то потребуетъ и приличнаго вознагражденія, а это понижаетъ доходность дѣла. Наконецъ, и въ самой Россіи еще такъ много дѣла и дѣла выгоднаго и такъ великъ спросъ на толковыхъ приказчиковъ, что кому же захочется идти торговать въ Западный Китай. Вслѣдствіе-то этого мусульмане и играютъ главную роль въ нашей торговлѣ въ Западномъ Китаѣ въ настоящее время, оттого-то такъ и мало тамъ коренного русскаго населенія. Въ послѣдніе годы, однако, число русскихъ и торговцевъ и служащихъ въ Западномъ Китаѣ увеличивается, и есть основаніе думать, что и будетъ увеличиваться, хотя еще долгое время, вѣроятно, первое мѣсто въ торговлѣ будутъ занимать мусульмане.

виновности или вообще ответственности въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшается русскимъ консуломъ, или въ подлежащихъ случаяхъ консуломъ совместно съ китайскими властями, а не одними китайскими властями. Затѣмъ, если бы китайскія власти вздумали сдѣлать какое-либо распоряженіе, касающееся русскихъ подданныхъ, то онѣ могутъ это сдѣлать только съ согласія консула, иначе такое распоряженіе силы въ отношеніи русскихъ подданныхъ имѣть не будетъ.

Русскіе подданные не платятъ никакихъ податей въ китайскую казну и не несутъ никакихъ повинностей, за исключеніемъ того случая, когда они владѣютъ недвижимыми имуществами внѣ участковъ, отведенныхъ для жительства русскимъ подданнымъ. Такъ, напримѣръ, въ Кульджѣ они платятъ небольшой налогъ, если имѣютъ пашни и сады внѣ города. Въ частности въ Западномъ Китаѣ, начиная отъ границы съ Россіей до самой Великой стѣны, русскіе подданные пользуются правомъ безошпинной торговли, каковымъ правомъ не пользуются даже китайскіе подданные. Положимъ, китайская администрація не раздѣляла попытки и теоретически и на практикѣ ограничить право русскихъ подданныхъ на безошпинную торговлю, но, благодаря протестамъ консуловъ, до сихъ поръ ничего изъ этого не вышло. Такъ, напримѣръ, одно время китайцы очень настойчиво объясняли трактаты въ томъ смыслѣ, что, будто бы, русскіе подданные имѣютъ право торговать безошпинно только русскими произведеніями, но не китайскими, то-есть ограничивали нашу торговлю очень узкими рамками, начали было принимать и практическія мѣры въ этомъ смыслѣ, но энергичный протестъ нашихъ консуловъ въ Западномъ Китаѣ и посланника въ Пекинѣ скоро остановили эти попытки, такъ что въ настоящее время наши торговцы торгуютъ въ Западномъ Заблнномъ Китаѣ почти безъ всякихъ ограниченій и безошпинно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Право экстерриториальности русскихъ подданныхъ въ Китаѣ.—Право безошпинной торговли.—Отношеніе китайцевъ къ привилегіямъ русскихъ подданныхъ.—Русскія колоніи-факторіи.—Колонія въ Кульджѣ и въ Кангарѣ.—Устройство колоній въ Чугучакѣ и настоящей ея видъ.—Устройство колоній въ Урумчи: внѣшній видъ колоній.—Самоуправленіе въ факторіяхъ.

Русскіе подданные въ Китаѣ, на основаніи трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Китаемъ, такъ же, какъ и всѣ другіе иностранцы, на основаніи соответствующихъ трактатовъ, пользуются привилегированнымъ положеніемъ—они не подчиняются китайскимъ властямъ и законамъ. Обычно это выражается термномъ, что русскіе пользуются правомъ экстерриториальности, то-есть внѣземельности въ китайскихъ предѣлахъ. Какъ въ отношеніи административномъ, такъ и судебномъ, русскіе подданные подчиняются российскимъ консуламъ въ Китаѣ. Поэтому, ни одинъ русскій подданный не можетъ быть ни судимъ, ни наказанъ китайскими властями, судить и наказывать русскихъ подданныхъ можетъ только подлежащая русская власть, въ лицѣ консула, или другія учрежденія внутри имперіи. Конечно, это не значитъ, что русскій подданный можетъ не признавать дѣйствующихъ китайскихъ законовъ и безнаказанно нарушать ихъ, а значитъ только то, что если бы онъ нарушилъ китайскіе или русскіе законы, то вопросъ о его

Мѣстное населеніе къ факту изытія русскихъ подданныхъ изъ вѣдѣнія китайскихъ властей относится совершенно безразлично, считая такой порядокъ вполнѣ естественнымъ. Зато, что касается права безпошлинной торговли, то это всегда возбуждало неудовольствіе китайскихъ подданныхъ. Эта привилегія русскихъ подданныхъ ставить китайскихъ торговцевъ въ менѣе выгодныя условія, сравнительно съ иностранцами, въ своей же собственной странѣ, и потому китайскими купцами неоднократно подавались просьбы своему правительству объ уравненіи ихъ правъ съ правами русскихъ подданныхъ и, подъ влияніемъ между прочимъ этихъ просьбъ, китайская администрація неоднократно пыталась ограничить права русскихъ подданныхъ или уменьшить значеніе выгодныхъ условій, создаваемыхъ трактатами для русской торговли.

Къ числу привилегій, предоставленныхъ русскимъ подданнымъ, принадлежитъ также право устраивать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть русскія консульства, отдѣльныя отъ китайцевъ поселенія, которыя въ Западномъ Китаѣ называются факторіями. На территорію этихъ факторій совершенно не распространяется власть китайской администраціи, такъ что факторіи являются какъ бы уголками Россіи, гдѣ живутъ русскіе подданные; дѣйствуютъ исключительно русскіе законы и принимаются русскіе порядки. Право на занятіе отдѣльныхъ участковъ для устройства русскихъ колоній было дано намъ еще кульджинскимъ договоромъ¹⁾, и вскорѣ же по заключеніи этого договора были устроены факторіи въ Кульдѣжѣ и въ Чугучакѣ: были построены дома, лавки, а въ Чугучакѣ даже церковь при консульствѣ. Однако, эти факторіи существовали не долго, во время мусульманскаго возстанія онѣ были разорены, и вновь возникаютъ въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія послѣ договора 1881 года. На основаніи этого трактата, мы получаемъ право открыть консульства и устроить фак-

¹⁾ Ст. 13.

торій не только въ Чугучакѣ и Кульдѣжѣ, но также въ Кашгарѣ и Турфанѣ.

Въ Кульдѣжѣ еще раньше, во время русской оккупациі, жило много русскихъ торговцевъ. Многие изъ нихъ имѣли свои дома и лавки въ разныхъ частяхъ города, а всего болѣе около базара. Когда Кульдѣжу заняли китайцы, то часть купцовъ уѣхала въ Россію, а многіе остались; сохранили они, конечно, и свои права на дома, лавки и участки земли, которыми они владѣли во время русской оккупациі. Такимъ образомъ, сразу же по открытіи въ Кульдѣжѣ консульства, оказался тамъ значительная русская колонія. Неудобно было только то, что дома и участки русскихъ подданныхъ были въ разныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего нельзя было всѣхъ русскихъ подданныхъ сгруппировать въ одномъ мѣстѣ и образовать, такимъ образомъ, отдѣльное, исключительно русское поселеніе. Тѣмъ не менѣе русскіе подданные, по возможности, старались и стараются жить вмѣстѣ, такъ что въ Кульдѣжѣ все-таки есть русская часть, гдѣ живутъ почти одни только русскіе подданные. Консульство находится уже за городомъ, а не въ русской части. Но въ послѣдніе годы русскіе подданные стали арендовать земли у китайцевъ вблизи консульства и селиться тамъ, такъ что около консульства образовался еще новый русскій участокъ.

Русская часть города, по своему внѣшнему виду, хорошо отличается отъ китайской. Здѣсь мы видимъ чистенькіе домики европейской архитектуры. Около нѣкоторыхъ домовъ есть садики. Самый базаръ представляетъ изъ себя рядъ хорошихъ каменныхъ лавокъ, выходящихъ на крытую галлерею, и вообще похожъ на многіе гостинные дворы въ Россіи. Улицы русской части гораздо чище, чѣмъ китайской, потому что за этимъ наблюдаютъ и торговцы, да слѣдить и консулъ.

Консульство помѣщается въ громадномъ, вѣковомъ паркѣ, что производитъ пріятное впечатлѣніе, но самыя помѣщенія чиновъ консульства оставляютъ желать много

лучшаго. При консульствѣ есть казачій конвой при офицерѣ, школа для приготовления переводчиковъ и толмачей, и учреждена должность постоянного врача.

Въ Кашгарѣ отдѣльной русской факторіи не существуетъ, и русскіе подданные живутъ въ разныхъ частяхъ города. Вышло это случайно. Сначала китайскія власти не хотѣли давать того мѣста, которое просило консульство. Пока шли переговоры по этому вопросу, русскіе подданные уже устроились въ городѣ; въ участкѣ земли надобности уже не оказалось, и вопросъ объ устройствѣ факторіи былъ оставленъ. Русское консульство въ Кашгарѣ находится около стараго, мусульманскаго города, расположено на берегу рѣчки. При консульствѣ есть небольшой садикъ. Зданія, по вѣшнему своему виду, непривлекательны, но внутри устроены прилично. При консульствѣ есть казачій конвой, докторъ, нѣсколько таможенныхъ чиновниковъ, которые досматриваютъ товары, ввозимые въ русскіе предѣлы.

Русскіе подданные въ Чугучакѣ оказались въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Еще до заключенія петербургскаго договора, какъ только Чугучакъ послѣ разоренія сталъ заселяться китайцами, т.-е. приблизительно около половины семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, наши торговцы—татары и сарты—тоже явились въ Чугучакъ и, безъ всякаго разрѣшенія, стали торговать и строить дома недалеко отъ мѣста прежней русской факторіи, отъ которой оставались въ то время однѣ только развалины, такъ что образовался русскій поселокъ десятка въ два домовъ. Когда въ 1882 г. пріѣхалъ первый консулъ, и возникъ вопросъ объ отводѣ мѣста для русской факторіи, то мѣсто, занятое уже русскими подданными, и было отдано подъ факторію. Къ занятому былъ прибавленъ еще рядомъ находящійся, свободный участокъ земли, для будущихъ построекъ, и здѣсь стала устраиваться русская факторія.

Въ настоящее время русская факторія въ Чугучакѣ представляеть изъ себя длинную и узкую полосу земли, длиной около версты и шириной около полверсты. По сво-

ему вѣшнему виду, русская факторія въ Чугучакѣ не производитъ хорошаго впечатлѣнія. Это объясняется отчасти тѣмъ, что своевременно не было обращено никакого вниманія на правильность расположенія улицъ и площадей и на самую архитектуру домовъ, всякій строился, гдѣ хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Оттого мы теперь и видимъ кривыя улицы, такіе же кривые и узкіе переулки, въ которыхъ одинъ домъ стоитъ такъ, другой иначе; здѣсь на улицу высовывается уголъ дома, тамъ выдается какой-нибудь полуразрушенный сарай и т. д. Вообще, чугучакская факторія совершенная копія сартовскихъ селеній въ Средней Азій. Фасадовъ домовъ не видно, видны только сѣрые глинобитные заборы, да выдаются изъ-за заборовъ глиняныя крыши домовъ. Все сѣро и уныло. Въ послѣдніе годы выстроено нѣсколько домовъ въ европейскомъ вкусѣ и приличная мечеть; но эти зданія оказываются какъ-то нестати на общемъ уныломъ фонѣ факторіи и не улучшаютъ общаго вида. На улицахъ всюду такая же грязь, какъ и въ туземной части города, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи со стороны консульства, можно было бы русскій участокъ содержать въ совершенно приличномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что мусульмане, вообще, любятъ порядокъ и чистоту, и на дворахъ у нихъ всегда чисто.

Консульство помѣщается въ прекрасномъ деревянномъ домѣ. При домѣ довольно недурной садъ. Конвой очень маленькій, всего изъ 6 казаковъ. Когда я управлялъ консульствомъ въ Чугучакѣ, я устроилъ тамъ доктора для факторіи, на средства факторіи. Докторъ жилъ на русской границѣ, но пріѣзжалъ въ Чугучакъ въ опредѣленные дни недѣли, и къ нему могли бесплатно обращаться всѣ желающіе. На общественныя же средства была устроена и аптека. Населеніе, по желанію котораго это и было сдѣлано, было очень довольно устройствомъ медицинской части. Но когда я уѣхалъ изъ Чугучака, то сначала, вмѣсто доктора, было приглашенъ фельдшеръ, а въ послѣдніе годы уволенъ и фельдшеръ, такъ что медицинская часть совсѣмъ

уничтожена. А это очень жаль, потому что польза медицинской помощи несомнѣнна, а кромѣ того, содержаніе доктора ничего не стоило членамъ русской колоніи, такъ какъ на уплату жалованья доктору шель доходѣтъ отъ сдачи въ аренду общественныхъ вѣсовъ въ факторію, что съ избыткомъ окупало все содержаніе и доктора и аптеки.

Русская факторія въ Урумци образовалась лѣтъ восемь тому назадъ, послѣ открытія тамъ консульства; а раньше русскіе торговцы жили въ разныхъ частяхъ города. Получить землю для факторіи отъ китайскаго правительства было далеко не легкое дѣло. Мѣстныя власти ни за что не хотѣли, чтобы русское консульство утвердилось въ Урумци, и потому принимали всѣ мѣры, чтобы русскіе подданные не получили земли для устройства факторіи. Принципіально китайцы не отказывались дать участокъ, такъ какъ они обязаны были это сдѣлать на основаніи договоровъ, но предлагали такія мѣста, которыя взять никакъ было нельзя: было или болото, заливаемое ежегодно водой рѣчки, или совсѣмъ не было питьевой воды. Наконецъ, благодаря настойчивости и энергіи нашего консула г. Федорова, они дали подходящій участокъ; зато начали ставить всякія препятствія къ фактическому занятію участка, и только спустя годъ послѣ начала переговоровъ можно было считать участокъ уже вполнѣ русскимъ и приступить къ постройкѣ помѣщеній для консульства и домовъ русскихъ торговцевъ.

Русская факторія въ Урумци находится въ юго-восточной части города, расположена на высококомъ мѣстѣ, на берегу рѣчки. Факторія небольшая и по числу домовъ и по количеству населенія, но устроена хорошо, такъ какъ строилась по плану и указаніямъ консула. Она представляется изъ себя поселокъ въ одну улицу, по сторонамъ которой и расположены дома и магазины русскихъ подданныхъ. Одноэтажные небольшие дома частью выходятъ на улицу, частью находятся во дворахъ. По обѣ стороны улицы растутъ большія деревья, которыя образуютъ тѣнистую аллею. Своимъ внѣшнимъ видомъ факторія производитъ очень благоприятное впечатлѣніе.

Консульство занимаетъ большой участокъ на краю факторіи, и производитъ впечатлѣніе благоустроенной усадьбы. Разводится при домѣ садъ, но садъ еще малъ. Въ 1903 году начата мной, на собранныя деньги, постройка церкви въ саду консульства. Церковь уже подведена подъ крышу, но внутри ничего еще не сдѣлано, такъ какъ нѣтъ денегъ. Священникъ, однако, уже прѣхалъ. Быть можетъ, онъ приложитъ свои старанія, чтобы окончить постройку церкви.

По моему ходатайству, съ 1904 г. учреждена при консульствѣ на средства казны должность врача. Назначеніе врача было истиннымъ благодѣяніемъ для русскихъ подданныхъ, такъ какъ раньше ближайшій врачъ находился въ 700 верстахъ отъ Урумци, такъ что русскіе подданные въ медицинскомъ отношеніи были безпомощны. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, докторъ имѣетъ громадную практику среди китайцевъ, не говоря уже о русскихъ подданныхъ, что очень благоприятно отражается на отношеніяхъ китайскихъ подданныхъ къ консульству и, вообще, русскимъ подданнымъ.

При консульствѣ существуетъ конвой изъ 40 казаковъ при офицерѣ. Въ факторіи есть транспортная контора компаніи «Надежда». Предполагается открыть отдѣленіе Русско-китайскаго банка.

Для завѣдыванія общественными дѣлами факторіи и внѣшнимъ ея благоустройствомъ, во всѣхъ факторіяхъ существуетъ родъ самоуправленія. Во всѣхъ наиболее важныхъ случаяхъ члены русской колоніи собираются вмѣстѣ и обсуждаютъ вопросы, касающіеся дѣлъ этихъ двухъ категорій. Въ этихъ собраніяхъ принимаютъ участіе самостоятельные купцы или ихъ главные довѣренные; приказчики и остальные члены колоніи участія въ этихъ собраніяхъ не принимаютъ. Собранія созываются или по собственному почину купцовъ, или по требованію консульства. Руководитъ ими, обыкновенно, или торговый старшина—аксакалъ, или кто-нибудь изъ богатыхъ и почетныхъ купцовъ. На собраніяхъ обсуждаются всего чаще вопросы финансовые и хозяйственные, такъ, напримѣръ, относительно обложенія тор-

говцев на общественныя нужды факторіи: опредѣляется общая сумма обложения, и дѣлается раскладка между торговцами; обсуждаются вопросы о благоустройствѣ факторіи, то-есть о поправкѣ мостовъ, улицъ, арыковъ, которые часто портятся и требуютъ постоянного ремонта; о разбѣрахъ вознагражденія аксакаловъ, джигитовъ—полицейскихъ стражниковъ; объ ассигнованіи средствъ на содержаніе арестнаго дома при консульствѣ; на этихъ же собраніяхъ выбираются аксакалы, казначей, заведывающій общественными суммами, и бии—посредники при разрѣшеніи дѣлъ по мусульманскому шаригату и по народнымъ обычаямъ. Наконецъ, на этихъ собраніяхъ могутъ обсуждаться и другіе вопросы, касающіеся торговли и торговыхъ интересовъ или общественныхъ нуждъ факторіи, которые сами купцы найдутъ нужнымъ обсудить, или консулъ предложитъ имъ это сдѣлать. Никакого опредѣленнаго порядка ни въ обсужденіи, ни въ возбужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ не существуетъ. Постановленія дѣлаются устно, устно же они докладываются аксакаломъ или представителями торговаго общества консулу, который ихъ и утверждаетъ. Консулъ, при желаніи, можетъ имѣть громадное влияние на всѣ рѣшенія торговаго общества; иногда это влияние и необходимо и полезно; но, какъ показалъ опытъ, гораздо разумнѣе, если консулъ поменьше вмѣшивается въ постановленія торговцевъ, особенно по финансовымъ вопросамъ, такъ какъ это вмѣшательство не всегда бываетъ приятно торговцамъ и можетъ вызывать недоразумѣнія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Русскія консульства въ Западномъ Китаѣ.—Сложность и разнообразіе обязанностей консуловъ въ Китаѣ.—Консулы, какъ представители дипломатическіе.—Дѣятельность консуловъ въ этой сферѣ.—Порядокъ сношеній съ китайцами.—Условія успѣшности этихъ сношеній.—Консулъ, какъ торговый агентъ.—Изученіе мѣстной торговли—китайской и русской и трудность изученія китайской торговли для иностранца.—Содѣйствіе со стороны консула развитію русской торговли.

Для защиты русскихъ подданныхъ и русскихъ интересовъ, въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ учреждены четыре консульства: въ Кашгарѣ, Кульджѣ, Урумчи и Чугучакѣ. Первые консульства были учреждены въ Кульджѣ и Чугучакѣ, на основаніи кульджинскаго трактата 1851 г.¹⁾ и вскорѣ же по заключеніи этого трактата. Однако, консульства эти существовали не долго. Въ самомъ же началѣ мусульманскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ всѣ русскіе подданные и консулы уѣхали въ Россію, и консульства тамъ закрылись на долгое время. Къ русскимъ представителямъ и, вообще, къ русскимъ подданнымъ дунгане, собственно говоря, не проявили никакой враждебности, а, наоборотъ, даже предупредили ихъ, чтобы они уѣзжали, такъ что лично они даже и не пострадали, по-

¹⁾ Ст. 2.

платились только своим имуществом, которое пришлось бросить; но оставаться в оставшей стране, конечно, было невозможно. Долго оставались в цѣлости даже и здания консульствъ; и, напримеръ, домъ чугучакскаго консульства былъ разобранъ пограничными русскими крестьянами для своихъ построекъ въ началѣ семидесятихъ годовъ, когда русскія поселенія появились на китайской границѣ. Остатки помѣщений кульджинскаго консульства, которое было в Старой Кульдѣжѣ, были видны еще въ восьмидесятихъ годахъ минувшаго столѣтія, и только лѣтъ десять тому назадъ были частью разобраны мѣстными жителями, а частью смыты водами рѣки Или, перемѣнившей въ томъ мѣстѣ свое русло.

Послѣ оставленія Чугучака, секретарь чугучакскаго консульства поселился въ русскихъ предѣлахъ, въ 150 верстахъ отъ Чугучака, въ казачьей станицѣ Уджарской, гдѣ и было открыто чугучакское вице-консульство, которое существовало тамъ лѣтъ восемь. Въ 1875 г. это вице-консульство было совсѣмъ закрыто, за безполезностью и ненормальностью его существованія въ русскихъ предѣлахъ.

По трактату 1881 г., мы получили право открыть консульства въ четырехъ, указанныхъ выше, пунктахъ Западнаго Китая. Въ слѣдующемъ 1882 году и были открыты консульства въ Кашгарѣ, Кульдѣжѣ и Чугучакѣ, а консульство въ Урумчи было открыто много времени спустя, именно въ 1896 г. Замедленіе это произошло вотъ по какой причинѣ: по с.-петербургскому трактату мы получили право открыть консульство въ г. Турфанѣ; но Турфанъ небольшой городъ, и никакихъ нашихъ интересовъ тамъ не было; поэтому и открывать тамъ консульство не было никакого смысла. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени выяснилось важное значеніе Урумчи; тогда и признано было нужнымъ и своевременнымъ открыть консульство, вмѣсто Турфана, именно въ Урумчи. Китайское правительство очень не хотѣло открытія консульства въ Урумчи, такъ какъ, съ своей точки зрѣнія, оно находило неудобнымъ присутствіе пред-

ставителя иностранной державы въ главномъ городѣ Западнаго Китая и настаивало на открытіи консульства въ Турфанѣ. Однако, въ виду настояній нашего посланника въ Пекинѣ, должно было уступить и согласиться на наши требованія, и консульство открылось въ Урумчи.

Первое время по открытіи консульствъ въ Западномъ Китаѣ положеніе консуловъ, какъ и вообще всѣхъ русскихъ подданныхъ, было очень тяжелое. Консульства были навязаны Китаю. Китайцы не желали ни иностранцевъ, ни иностранныхъ консуловъ, и только подъ давленіемъ они согласились допустить у себя и тѣхъ и другихъ. Поэтому вполнѣ естественно, что они не могли любезно относиться къ этимъ непрошенымъ гостямъ. Въ консулахъ они видѣли шпионовъ, посланныхъ зачѣмъ-то слѣдить за ними и мѣшать имъ. Китайскія власти, связанные трактатомъ, до известной степени, конечно, признавали права консуловъ, хотя, при всякомъ удобномъ случаѣ, ихъ и нарушали, но простой народъ, не имѣвшій понятія о международныхъ договорахъ, нерѣдко открыто позволялъ себѣ выражать враждебность и къ русскимъ подданнымъ и къ русскимъ представителямъ. Четверть вѣка, протекшая со времени открытія первыхъ русскихъ консульствъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ до возобновленія ихъ въ восьмидесятихъ годахъ минувшаго столѣтія, не прошла безслѣдно и для китайскаго правительства. За это время Китай вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ иностранными государствами; было учреждено много консульствъ въ разныхъ городахъ Китая, и китайцы стали привыкать къ иностранцамъ и иностраннымъ представителямъ. Поэтому, когда въ 1882 году открылись наши консульства въ Западномъ Китаѣ, то консулы не встрѣтили уже того явно враждебнаго къ себѣ отношенія со стороны китайскихъ властей, которое наблюдалось прежде. Тѣмъ не менѣе, и теперь русскимъ консуламъ предстояла масса трудностей въ дѣлѣ защиты русскихъ интересовъ и русскихъ подданныхъ, такъ какъ, въ существѣ дѣла, и теперь китайцы остались все-таки ки-

тайцами, со всей их обособленностью, отчужденностью от иностранцев и непониманием чуждой им цивилизации.

Но и помимо этого, деятельность консулов на китайском Востоке является сама по себе очень сложной, трудной и, при добросовестном отношении к делу, требует массы знаний, такта и энергии. «Самый краткий обзор обязанностей, возложенных на консулов», говорит профессор Мартенс: «должен привести к убеждению, что задачи, им вверенные, чрезвычайно сложны и разнообразны и что вместе с тем их деятельность имеет огромное значение для развития социальных международных отношений, в особенности торговых и промышленных».

«Совершенно справедливо мнение, высказанное о роли консулов Талеираном, что будущность принадлежит им».

«Будучи искусным дипломатом,—говорил в 1839 г. Талеиран в похвалу одного умершего французского дипломата, бывшего также консулом,—сколько еще требуется, чтобы быть хорошим консулом? Обязанности консулов разнообразны до бесконечности, и он вполне отличается от функций других должностных лиц. Они требуют множества практических знаний, для усвоения которых необходимо специальное воспитание и приготовление»¹⁾.

Все это безусловно справедливо и совершенно верно характеризует деятельность консулов на Востоке. И действительно, в то время как в России русский подданный имеет к своим услугам целый ряд разных правительственных учреждений и должностных лиц, в Китае он имеет только одну русскую власть—консула, к которому ему и приходится обращаться по всевозможным делам. Но не только русские подданные, но и учреждения внутри империи постоянно обращаются к консу-

лам по разным делам, касающимся русских подданных, проживающих в Китае. Консулы, таким образом, имеют целый ряд учреждений, существующих в русских предлах, и обязанности консулов на Востоке гораздо сложнее, труднее и разнообразнее, чем обязанности консулов в Европе и государствах цивилизованных.

Консулы на Востоке, прежде всего, являются представителями дипломатическими, каковыми не являются консулы в государствах цивилизованных. Поэтому на Востоке консулы назначаются иногда даже в такие места, где очень мало русских подданных, нет торговли, а есть интересы политические. Роль консулов в Китае, как представителей дипломатических, особенно велика, в виду той самостоятельности, которой пользуются генерал-губернаторы и губернаторы провинций по отношению к центральному правительству. В качестве представителя дипломатического, консулы в своем округе преследует те политические цели, которые в тот или другой момент признаются важными нашим правительством. Разумеется, ни один консулы не может проводить никакой самостоятельной политической программы; но он является исполнителем указаний министерства иностранных дел и посланника в Пекин в той мере, в какой это касается находящейся в сфере его влияния части Китайской империи. Поддержание престижа России на должной высоте, само собой разумеется, есть первая и священная обязанность каждого консула, так как, помимо необходимости этого с общей политической точки зрения, от этого зависит успешность деятельности и самого консула во всех отношениях. Затем, защита прав и законных интересов русских подданных вообще и отдельных лиц в частности—другая и не менее важная и существенная обязанность консула. Права и преимущества русских подданных в Китае основываются на трактатах, заключенных Россией с Китаем. Но трактаты эти знают только

¹⁾ Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. Том II, стр. 80.

высшіе чиновники, низшіе же, если иногда их и знают, то едва ли достаточно ясно понимают, что это за международные акты и какаѣ ихъ сила и значеніе; вслѣдствіе этого нерѣдко и нарушаютъ права русскихъ подданныхъ, вытекающія изъ этихъ трактатовъ. Кромѣ того, и сами высшіе представители власти, часто совершенно сознательно нарушаютъ трактаты, или даютъ имъ такое толкованіе, которое нарушаетъ права русскихъ подданныхъ. Я уже указалъ одинъ случай такого неправильнаго толкованія, говоря о правѣ русскихъ подданныхъ торговать безпошлинно разными товарами. Въ виду этой склонности китайцевъ къ нарушенію нашихъ правъ, приходится постоянно быть на сторожѣ, и борьба на этой почвѣ у консуловъ съ китайцами постоянная. Сегодня слышишь, гдѣ-нибудь арестовали русскаго подданаго, на что китайскія власти права не имѣютъ; завтра—кого-нибудь наказали; тамъ заставляютъ отбывать какія-либо повинности, напримѣръ, требуютъ лошадей для проѣзда чиновниковъ или что-нибудь другое, чего требовать отъ русскихъ подданныхъ не имѣютъ права; въ другомъ мѣстѣ запрещаютъ русскимъ подданнымъ пасти скотъ на отведенныхъ для этого мѣстахъ и т. д. Особенно часты случаи притѣсненій со стороны китайскихъ властей по отношенію къ нашимъ торговцамъ, что и понятно, потому что большая часть русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Западномъ Китаѣ, занимается торговлей. Обычный видъ этихъ притѣсненій это—требованіе съ русскихъ торговцевъ пошлинъ—ли-цзиня и задержка каравановъ въ таможеняхъ. Когда свѣдѣнія о подобныхъ притѣсненіяхъ и нарушеніяхъ трактатовъ доходятъ до свѣдѣнія консуловъ, то они никогда не оставляютъ ихъ безъ протеста предъ китайскими властями и, большей частью, нарушенное право восстанавливается, а иногда и виновные въ томъ несутъ наказаніе. Иногда возникаютъ и крупныя инциденты, благопріятное разрѣшеніе которыхъ требуетъ большой выдержки, умѣнья и настойчивости со стороны консула. Мнѣ лично не разъ приходи-

лось бывать въ очень трудномъ положеніи. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ въ Чугучакѣ, когда я управлялъ тамъ консульствомъ. Дѣло было въ слѣдующемъ: на основаніи трактатовъ, русскіе подданные имѣли около Чугучака пастбище, гдѣ они пасли купленныхъ ими скотъ до отравленія его въ Россію для проѣзжаки. Пастбище это было безусловно для насъ необходимо, потому что Чугучакъ это сборный пунктъ, куда съгоняется весь скотъ, покупаемый въ Тарбагатайскомъ округѣ, и пасется тамъ нѣкоторое время, пока соберется достаточная партія, чтобы можно было гнать на одну изъ ярмарокъ; такъ что отнятіе пастбища было бы равносильно сокращенію на половину нашей торговли въ Чугучакѣ. И вдругъ я узнаю, что мѣстныя китайскія власти, вопреки трактатамъ, и не предупредивъ меня, рѣшили отобрать у насъ это пастбище и уже начали раздавать его подъ пашню. Я предъявилъ протестъ, ссылаясь на трактаты и на долговременное пользованіе нами этимъ пастбищемъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, уѣздный начальникъ приказалъ кангарлыкамъ поскорѣ запахивать участокъ, а вмѣсто него предложилъ другой, маленькій, гдѣ вдобавокъ не было ни воды, ни травы. Я сталъ настаивать на отмѣнѣ распоряженія и возвращенія пастбища. Но никакія мои убѣжденія дѣли не достигали; власти ни за что не уступали, участокъ постепенно запахивался, хотя и не заставлялся, а пригоняемый скотъ голодалъ. Тогда я обратился къ синьцзянскому губернатору. Тотъ принялъ сторону чугучакскихъ властей, и, кромѣ того, въ ихъ освѣщеніи представилъ дѣло въ Пекинъ, такъ что когда я, въ свою очередь, тоже обратился въ Пекинъ, къ посланнику, то посланникъ былъ уже освѣдомленъ о дѣлѣ съ китайской точки зрѣнія, и мнѣ стоило большого труда доказать ему полную законность нашихъ требованій. Всѣ эти сношенія велись, конечно, по телеграфу. Наконецъ, по настоянію посланника, былъ посланъ китайскими министрами приказъ въ Чугучакъ о возвращеніи намъ пастбища. Тутъ ужъ китайцамъ пришлось уступить, и такъ какъ часть пастбища была уже запахана, то я на-

стоялъ, чтобы за это прибавили еще большой участок, так что пастбище наше стало больше, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, была одержана полная побѣда надъ китайцами. Но какихъ это трудовъ мнѣ стоило, и сколько пришлось пережить неприятныхъ минутъ, особенно въ виду того, что среди населенія Чугучака, которое было заинтересовано въ этомъ вопросѣ, стало замѣтно сильное возмущеніе, результаты котораго могли быть очень печальныя.

Когда я былъ въ Кульджѣ, то тамъ тоже пришлось вести борьбу съ китайцами изъ-за нѣсколькихъ участковъ земли, принадлежащихъ русскимъ подданнымъ, которые власти хотѣли отнять, пользуясь оплошностью владѣльцевъ; отбрали было уже у нихъ и передали китайскимъ подданнымъ. Но въ Кульджѣ китайскія власти оказались не столь упорными, какъ въ Чугучакѣ, и побѣда досталась легче, такъ что и въ Пекинѣ не пришлось обращаться.

Что касается тѣхъ китайскихъ властей, къ которымъ консулы обращаются по всѣмъ дѣламъ, то въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть даотан, они ведутъ дѣло съ даотаями, какъ въ Урумци, Кульджѣ и Кашгарѣ. Въ Чугучакѣ же, гдѣ даотая нѣтъ, тамъ всѣ переговоры ведутся съ мѣстнымъ уѣзднымъ начальникомъ—тунчжи или съ маньчжурскимъ вице-губернаторомъ—хэбай-абманемъ. При желаніи и въ случаѣ нужды, консулы имѣютъ право обращаться и непосредственно къ высшимъ властямъ края—губернатору и цзянцзюню. По менѣе важнымъ, текущимъ дѣламъ обращаются и къ уѣзднымъ начальникамъ, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть даотай, особенно, если уѣздный начальникъ заслуживаетъ довѣрія; а бывають случаи, что иного уѣзднаго начальника приходится намѣренно игнорировать и обращаться по всякимъ дѣламъ къ даотаямъ.

Въ сферѣ сношеній съ китайскими властями на практикѣ установился свой опредѣленный порядокъ, который во всѣхъ консульствахъ Западнаго Застѣннаго Китая, приблизительно, таковъ: сначала дѣлается полуофициальное сообщеніе подлежащей власти черезъ переводчика или акса-

кала. Отвѣтъ дается или тотчасъ же чрезъ посланное консуломъ лицо, или, если не сразу, то бываетъ чаще, то черезъ китайскаго переводчика. Посланные съ той и другой стороны являются всегда съ визитною карточкою посланнаго ихъ лица, которая служитъ удостовѣреніемъ, что они явились, дѣйствительно, по порученію этого лица. Иногда такимъ путемъ вопросъ и выясняется. Это бываетъ, конечно, въ томъ только случаѣ, если дѣло не важное и китайскія власти не находятъ нужнымъ защищать свою особенную точку зрѣнія на предметъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приходится писать бумагу даотая или замѣняющей его власти, отвѣтомъ на которую бываетъ или командированіе въ консульство какого-нибудь довѣреннаго чиновника для объясненій, или пріѣзд самого даотая. На этомъ свиданіи вопросъ часто и выясняется такъ или иначе и, по взаимному согласію, устанавливается, приблизительно, содержаніе той отвѣтной бумаги, которую китайцы должны послать консулу въ отвѣтъ на его бумагу. Но это въ благопріятномъ случаѣ, когда китайцы считаютъ нужнымъ идти на уступки. Но нерѣдко бываетъ и такъ, что они не соглашаются съ консуломъ, и тогда переписка и переговоры затягиваются надолго. Впрочемъ, не нужно думать, что переговоры съ китайцами и при личномъ свиданіи вести легко. Даже и въ благопріятномъ случаѣ, это нелегкое дѣло, потому что китайскія власти считаютъ своимъ долгомъ, что бы ни надѣлали ихъ подчиненные, защищать ихъ. Это происходитъ, во-1-хъ, оттого, что власти, большей частью, въ душѣ сами сочувствуютъ нарушителямъ правъ русскихъ подданныхъ, а, во-2-хъ, оттого, что китайцы, въ томъ числѣ и ихъ начальство, смотрять худо на такого чиновника, который, хотя бы и справедливо, но уступаетъ русскимъ; по китайскому понятію, это значитъ, что чиновникъ этотъ или продался русскимъ, или совершенно глупъ; а то и другое очень опасно для карьеры чиновника. Вотъ почему китайцы упорствуютъ даже въ такихъ дѣлахъ, справедливость которыхъ очевидна для всякаго. Въ тѣхъ

же случаяхъ, когда по дѣлу возникаютъ какія-либо сомнѣнія, то переговоры и переписка крайне затягиваются и запутываются. Счастье для насъ еще то, что китайцы не любятъ писать бумагъ, такъ какъ всякой официальной бумагѣ они придаютъ очень большое значеніе, и потому пустыя бумаги они писать избѣгаютъ, а то переписка затягивалась бы до безконечности. Зато разговоры и лично и черезъ посланныхъ бываетъ достаточно. Случается иногда, что никакія усилія консульства убѣдить китайскихъ властей дѣла не достигаютъ, тогда приходится переносить вопросъ на разрѣшеніе нашего посланника въ Пекинѣ съ китайскими министрами. Соответствующее предписаніе изъ Пекина, большей частью, тотчасъ же заставляетъ мѣстныхъ властей разрѣшить вопросъ въ желаемомъ нами смыслѣ. Но жалобы на мѣстныхъ властей въ Пекинѣ это мѣра крайняя, и къ ней нужно прибѣгать только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ, во-1-хъ, частое обращеніе въ Пекинѣ пріучаетъ и пекинское правительство относиться къ подобнымъ жалобамъ невнимательно, а, во-2-хъ, раздражаетъ и мѣстныхъ властей, которыя въ данномъ-то случаѣ ваше требованіе исполняютъ, зато найдутъ достаточно другихъ поводовъ, чтобы сдѣлать непріятность русскимъ поданнымъ, а чрезъ то и консульству. Здѣсь, какъ и вездѣ, гораздо лучше достигать цѣли мѣстными средствами, такъ какъ въ этомъ случаѣ общій результатъ дѣятельности консульства будетъ лучше. Конечно, гораздо спокойнѣе всѣ трудности сваливать на посланника, такъ какъ окончаніе всѣхъ дѣлъ на мѣстѣ требуетъ отъ представителей консульской власти и такта, и умѣнья, и настойчивости; иногда приходится пережить не мало непріятныхъ и даже тяжелыхъ минутъ; но что жъ дѣлать? Такова ужъ наша служба. Зато намъ оказываютъ большое довѣріе и предоставляютъ большую самостоятельность въ сферѣ нашей дѣятельности. Что касается меня лично, то за всю мою, уже довольно продолжительную, службу, и жаловался въ Пекинѣ только одинъ разъ, именно по поводу пастбища въ Чугучакѣ,

о чемъ я сказалъ выше, и думаю, что поступать правильно, такъ какъ видѣлъ неблагоприятные результаты жалобъ нѣкоторыхъ своихъ коллегъ по службѣ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что первое условіе возможности и успѣшности окончанія дѣла на мѣстѣ это хорошія отношенія съ мѣстными властями. Установленіе же хорошихъ отношеній зависитъ уже отъ личности, отъ тѣхъ или другихъ данныхъ условій, и дать какія-либо указанія на этотъ счетъ очень трудно. Во всякомъ случаѣ, общее правило то, что всегда и всюду прежде всего необходимо все свое родное русское ставить высоко, относиться къ своему съ уваженіемъ, не поддаваться подъ китайскіе вкусы и обычаи; а затѣмъ, въ каждомъ данномъ случаѣ ясно представлять себѣ ту цѣль, къ которой стремишься, и проявлять разумную настойчивость и послѣдовательность въ достиженіи этой цѣли. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, особенно въ Маньчжуріи, что русскіе чиновники, желая установить хорошія отношенія съ китайцами, старались поддаваться подъ китайскій вкусъ, напримѣръ, старались усваивать китайскія правила вѣжливости, ѣсть, яко бы съ наслажденіемъ, китайскія блюда, перевозносили все китайское, особенно сравнительно съ русскимъ, и ничего хорошаго изъ этого никогда не выходило: расположенія китайцевъ такими мѣрами они никогда не пріобрѣтали, а, наоборотъ, теряли въ глазахъ китайцевъ. Это стараніе поддаваться подъ китайскій вкусъ походило на то, какъ если бы какой нибудь мужчина надѣлъ дамскій костюмъ и говорилъ бы, что это удобно и изящно. Всѣ искусственные попытки сблизиться съ китайцами вызываютъ только смѣхъ китайцевъ, а то, что возбуждаетъ смѣхъ, уваженіе къ себѣ возбудить не можетъ. Нужно прежде всего уважать себя и свое отечество, тогда будутъ уважать и другіе. Это первое правило въ сношеніяхъ съ китайцами. Этому правилу, какъ мнѣ пришлось наблюдать, на Востока слѣдуютъ англичане, и поэтому-то они, между прочимъ, и пользуются такимъ уваженіемъ на Дальнемъ Востока.

Затѣмъ, консулъ является торговымъ агентомъ русскаго правительства и, въ качествѣ такового, обязанъ заботиться о поддержаніи и развитіи русской торговли и защитѣ русскіхъ торговыхъ интересовъ въ предѣлахъ своего консульскаго округа. Въ этомъ случаѣ его обязанности совпадаютъ съ обязанностями нашихъ консуловъ въ государствахъ цивилизованныхъ, гдѣ консулы являются, главнымъ образомъ, торговыми агентами. Эта обязанность очень серьезная и важная, и отъ консула требуется не мало знаній и усердія, чтобы надлежащимъ образомъ исполнять ее.

Для того, чтобы сдѣлать что-либо для развитія торговли, нужно сначала знать состояніе ея въ данномъ мѣстѣ въ тотъ или другой данный моментъ, а это въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ далеко не легкая задача. Въ какихъ благоприятныхъ условіяхъ находится въ этомъ отношеніи консулъ въ Западной Европѣ, желающій изучить торговлю и промышленность известной мѣстности! для этого онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу средствъ и способовъ, именно: и отчеты отдѣльныхъ предиріятій, и отчеты торговыхъ палатъ, и правительственные обзоры, и, наконецъ, огромныя данныя общей и специальной прессы, при чемъ свѣдѣнія эти часто есть не просто собраніе голыхъ цифръ и фактовъ, а обстоятельно составленныя монографіи, съ объясненіемъ причинъ и слѣдствій того или другого состоянія промышленности и торговли данной страны. Стоить консулу обратиться къ этимъ источникамъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ или другомъ вопросѣ. Наши консулы въ портовыхъ городахъ Китая находятся почти въ такихъ же условіяхъ. Они имѣютъ къ своимъ услугамъ отчеты морскихъ таможенъ, большинство которыхъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, даютъ богатый и прекрасно обработанный матеріалъ для сужденія о торговлѣ въ различныхъ китайскихъ портахъ и прилегающихъ къ нимъ обширныхъ районахъ. Во всѣхъ почти портовыхъ городахъ существуетъ рядъ газетъ на европейскихъ языкахъ, которыя

также много вниманія уделаютъ вопросамъ торговли и промышленности въ Китаѣ. Кромѣ того, и сами европейскіе купцы настолько тамъ культурны, что не отказываются дать свѣдѣнія о торговлѣ, по крайней мѣрѣ не скрываютъ того, что само по себѣ не составляетъ секрета. Совершенно въ другихъ условіяхъ находятся наши консулы въ Западномъ Китаѣ. Тамъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ источниковъ, которыми пользуются консулы въ Западной Европѣ и портовыхъ городахъ Китая: нѣтъ ни прессы, ни правительственныхъ, ни частныхъ обзоровъ и изслѣдованій торговли; нѣтъ даже простѣйшихъ цифровыхъ данныхъ, которыми можно было бы воспользоваться. Китайское правительство вообще, а всѣ мѣстныя власти въ особенности очень мало интересуются торговлей, ходомъ ея и потребностями; свѣдѣній у нихъ въ этой области нѣтъ, такъ что этого, наиболѣе обычнаго, источника для изученія торговли не существуетъ. Приходится, поэтому, начинать дѣло изученія съ азовъ, съ первоисточниковъ, то-есть обращаться за свѣдѣніями непосредственно къ самимъ купцамъ, встрѣчая при этомъ большей частью не содѣйствіе, а противодѣйствіе. Известно, какую роль играетъ въ торговомъ мѣрѣ коммерческая тайна. Коммерсанты-европейцы и тѣ очень осторожны въ сообщеніи свѣдѣній о состояніи и ходѣ своей торговли, о выгодныхъ рынкахъ и наиболѣе ходкихъ товарахъ, изъ боязни создать себѣ конкуренцію; можно, поэтому, себѣ представить, какія трудности должна встрѣчать со стороны совершенно некультурныхъ и вдобавокъ подозрительно къ иностранцамъ относящихся китайскихъ купцовъ попытка консула-иностранца поближе познакомиться съ ихъ торговлей. Однако, изучать торговлю все-таки нужно и, при желаніи, и въ этой средѣ можно кое-чего добиться. Я не знаю, какъ поступали въ этомъ случаѣ другіе мои коллеги по службѣ въ Западномъ Китаѣ, я же дѣйствовалъ, большей частью, такимъ образомъ: сначала я старался собрать свѣдѣнія о китайской торговлѣ отъ мѣстныхъ русскихъ купцовъ, какъ болѣе или менѣе знако-

мыхъ съ этой торговлей. Такъ какъ это не касалось ихъ личныхъ дѣлъ, то они охотно сообщали все, что знали. Отъ нихъ же узнавалъ о наиболее солидныхъ китайскихъ фирмахъ, также о томъ, гдѣ лучше относятся къ русскимъ, и затѣмъ старался самъ завязать сношенія съ китайскими купцами. Для этого я шелъ въ китайскіе магазины покупать что-нибудь, разсматривалъ товары и, пользуясь случаемъ, заводилъ разговоръ съ торговцами. Мое знаніе китайскаго языка оказывало мнѣ при этомъ громадную услугу. Китайцы считаютъ, и по справедливости, свой языкъ очень труднымъ для европейца, и высоко ставятъ знаніе его иностранцами, а особенно знаніе китайской письменности, которая съ такимъ трудомъ дается и самимъ китайцамъ. Поэтому, когда я обращался къ китайцамъ на ихъ родномъ языкѣ, а еще болѣе, если случайно, между прочимъ, прочитывалъ тутъ какую-нибудь китайскую надпись, вывѣску или что-нибудь другое, то это всегда вызвало у китайцевъ сначала приятное изумленіе, а затѣмъ сразу же располагало ихъ ко мнѣ. Въ первый разъ завязывался, обыкновенно, какой-нибудь незначительный разговоръ, а потомъ, въ слѣдующіе разы, когда устанавливалось нѣкоторое довѣріе, китайцы дѣлали уже откровеннѣе и словоохотливѣе и сообщали мнѣ иногда много интересныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужно было получить. Разумѣется, и тутъ нужно быть осторожнымъ, потому что излишняя любознательность можетъ возбудить подозрительность недоувѣрчивыхъ китайцевъ и сразу же прекратить откровенность. Самыми удобными случаями для бесѣды съ китайцами были тѣ, когда они приносили мнѣ товары для продажи на домъ или приходили по какому-либо дѣлу. Тогда они менѣе стѣснялись и говорили свободнѣе. Вообще-то, я пользовался всякимъ случаемъ встрѣчи съ китайцами, чтобы узнать отъ нихъ что-нибудь меня интересующее. Довольно продолжительный опытъ мнѣ показалъ, что, въ общемъ, китайцы очень скрытный народъ, особенно съ иностранцами, и не такъ-то легко иностранцу

приобрѣсти ихъ довѣріе и получать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Конечно, въ этомъ случаѣ можно пользоваться услугами китайскихъ переводчиковъ, но пользоваться нужно тоже умѣючи. Дѣло въ томъ, что переводчики очень часто отъ себя сочиняютъ; они отлично знаютъ, что вамъ именно нужно, и, чтобы угодить вамъ, представляютъ дѣло не такъ, какъ оно есть, а какъ вамъ кажется, что оно есть, а иногда, по какимъ-либо другимъ соображеніямъ и причинамъ, намеренно или ненамеренно искажаютъ дѣло. Поэтому, на переводчиковъ, особенно изъ туземцевъ, нельзя вполнѣ полагаться, а нужно провѣрять то, что они сообщаютъ; по крайней мѣрѣ, я опытомъ пришелъ къ этому убѣжденію.

Что касается изученія русской торговли въ Западномъ Китаѣ, то въ этомъ случаѣ консулъ находится, конечно, въ значительно лучшихъ условіяхъ. По отношенію къ русскимъ подданнымъ, онъ является представителемъ русской власти, и потому можетъ требовать отъ торговцевъ представленія тѣхъ или другихъ свѣдѣній о торговлѣ. Однако, способъ властнаго и начальственнаго воздѣйствія въ этомъ случаѣ далеко не лучший. Разумѣется, можно заставить русскихъ подданныхъ представить консулу отвѣты по той или другой программѣ, но насколько эти свѣдѣнія будутъ соответствовать дѣйствительности, это другой вопросъ. Наши торговцы въ Западномъ Китаѣ не меньше китайцевъ боятся сообщать какія-либо свѣдѣнія о своихъ дѣлахъ—опасеніе, общее всемъ торговымъ людямъ, до известной степени, понятное. Они боятся давать точныя, особенно благоприятныя, свѣдѣнія, боясь увеличенія налоговъ. Поэтому, для того, чтобы консулъ могъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія, онъ долженъ пользоваться довѣріемъ торговцевъ, а довѣріе приобретается тогда, когда консулъ хорошо относится къ торговцамъ, не показывая имъ на каждомъ шагѣ своей власти и начальственнаго превосходства, и въ то же время, если торговцы видятъ, что онъ искренно и серьезно интересуется торговымъ дѣломъ. Вѣдь если вообще людямъ

бывает приятно, когда кто-нибудь искренно интересуется их дѣлами, и это невольно вызывает на откровенность, то это же самое справедливо и по отношению къ нашимъ торговцамъ въ Западномъ Китаѣ. Мнѣ какъ-то счастливо удавалось устанавливать добрыя отношенія съ торговцами и, благодаря этому, я могъ получать нужная мнѣ, весьма цѣнные свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, это было, между прочимъ, въ Кульджѣ. До моего прїѣзда въ Кульджу свѣдѣнія о русской торговлѣ собирались черезъ татарскаго аксакала. Какъ онъ собиралъ эти свѣдѣнія, неизвестно; только въ консульство представлялъ онъ рядъ цифръ, на основаніи которыхъ составлялись консульскіе отчеты и строились выводы относительно успѣшности или неуспѣшности русской торговли въ Кульджинскомъ округѣ. Свѣдѣнія эти имѣли внѣшній видъ полной достовѣрности, такъ какъ въ нихъ, напримѣръ, отмѣчалось, что привезено къ Кульджу 20 лошадей, 30 подковъ, нѣсколько десятковъ топоровъ и т. д., то-есть свѣдѣнія, повидимому, самыя точныя; но, въ существѣ дѣла, для статистики и для освѣщенія истиннаго положенія торговли свѣдѣнія эти никакого значенія не имѣли, потому что статистика оперируетъ не съ единицами, а съ крупными цифрами. Изъ разговоровъ съ купцами я вынесъ убѣжденіе, что свѣдѣнія, доставляемая аксакаломъ, далеко не соответствуютъ дѣйствительности. Тогда я рѣшилъ собрать свѣдѣнія лично самъ и по новому способу, именно отъ каждого купца отдѣльно; а чтобы получить отъ купцовъ возможно точныя свѣдѣнія, много разъ и отдѣльнымъ купцамъ и вѣзмъ имъ вмѣстѣ я объяснялъ значеніе точныхъ свѣдѣній о торговлѣ, убѣждалъ не скрывать отъ меня положенія торговли, обѣщая, что коммерческая тайна будетъ сохранена. А передъ тѣмъ еще я поручилъ и аксакалу доставить мнѣ свѣдѣнія о торговлѣ, такъ же, какъ онъ доставлялъ ихъ раньше. И что же получилось? Купцы съ полнымъ довѣріемъ сообщили мнѣ нужныя свѣдѣнія; нѣкоторые привнесли даже торговыя книги, тѣ, разумеется, у кого онѣ были, и въ заключеніе оказа-

лось, что, по собраннымъ мной свѣдѣніямъ, общій оборотъ русской торговли въ Кульджѣ вдвое больше, чѣмъ по свѣдѣніямъ, даннымъ мнѣ аксакаломъ, и почти вдвое больше, чѣмъ въ предыдущіе годы, хотя на дѣлѣ ровно ничего не произошло, что могло бы объяснить такой громадный скачокъ въ нашей торговлѣ. Такимъ образомъ, мнѣ удалось выяснитъ истинное положеніе русской торговли въ Кульджинскомъ консульскомъ округѣ. Собранныя мной свѣдѣнія я изложилъ въ годичномъ отчетѣ, представленномъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Такое изученіе мѣстной торговли требуетъ со стороны консула, конечно, много труда, настойчивости и умѣнья, но оно необходимо, если консулъ, дѣйствительно, желаетъ оказать какое-либо содѣйствіе развитію русской торговли въ Западномъ Китаѣ, а пользу дѣлу, при желаніи, онъ можетъ принести большую. Вѣдь нужно имѣть въ виду, что наши торговцы въ Западномъ Китаѣ народъ некультурный. Торговлю они ведутъ по старинѣ, и въ дѣлѣ развитія русской торговли они проявляютъ очень мало инициативы. Подробности торговли они знаютъ и понимаютъ, можетъ быть, и лучше консула, но у нихъ нѣтъ широты кругозора, который ограниченъ только этими подробностями. Они знаютъ свой ограниченный районъ, но не знаютъ требованій не только мирового, но даже, вообще, русскаго рынка, съ трудомъ ориентируются и въ требованіяхъ китайскаго рынка. Достаточно появиться конкуренціи, какъ они уже теряются, такъ какъ они плохо замѣчаютъ народженіе этой конкуренціи, и потому не вступаютъ въ борьбу съ конкуренціей своевременно, а берутся за умъ уже тогда, когда конкуренты забрали силу и бороться съ ними уже трудно. И все это происходитъ оттого, что они мало культурны, видятъ и знаютъ только подробностями, а не уясняютъ себѣ общаго положенія дѣла. Тутъ-то консулъ и можетъ быть полезенъ. Зная условія мѣснаго рынка, имѣя возможность слѣдить за измѣненіемъ въ спросѣ и предложеніи товаровъ на этомъ рынкѣ, а изъ общей и

специальной прессы, за которой онъ обязанъ слѣдить внимательно, зная о переиныхъ на мировомъ и русскомъ рынкахъ, онъ можетъ подать купцамъ очень полезный совѣтъ. Вотъ, напримѣръ, изъ Западнаго Китая вывозится много мѣховъ, значительная часть которыхъ идетъ за границу. Торговцы наши покупаютъ ихъ, обычно, совсѣмъ не спрашиваясь, каковъ на нихъ спросъ на европейскомъ рынкѣ, какъ идетъ тотъ или другой мѣхъ, поднимаютъ цѣны и затѣмъ, привезя уже товаръ на ярмарку, только тутъ узнаютъ, что спросъ уже понизился, цѣна упала, и они терпятъ убытки. Между тѣмъ, значительное паденіе цѣнъ рѣдко бываетъ совершенно неожиданнымъ и, слѣдя по газетамъ за рынкомъ, можно приблизительно рассчитать, какой будетъ спросъ на тотъ или другой товаръ. Затѣмъ, торговцы наши совсѣмъ не умѣютъ учитывать влияния на торговлю политическихъ событий и общихъ экономическихъ факторовъ, для этого они слишкомъ мало культурны. Есть среди торговцевъ и такіе, что читаютъ газеты, но для того, чтобы уяснить себѣ влияние того или другого фактора на общій ходъ дѣла, въ томъ числѣ и торговыхъ, недостаточно того начального образования, которымъ обладаютъ даже наиболѣе культурные изъ нашихъ торговцевъ. Консулъ же, обыкновенно, человекъ съ высшимъ образованіемъ и потому, нужно предполагать, имѣетъ всѣ данныя, чтобы болѣе или менѣе правильно разбираться во всемъ этомъ и подать торговцамъ разумный и полезный совѣтъ. Но для того, чтобы торговцы спросили совѣта консула, а еще болѣе, послушались его, нужно, чтобы консулъ пользовался известнымъ авторитетомъ въ ихъ глазахъ, а кромѣ того, и доврѣемъ, а этотъ авторитетъ основывается на знаніи дѣла. При этомъ необходимо еще поменьше важности со стороны консула по отношенію къ русскимъ подданнымъ, побольше доступности. Любезность и доступность престижа консула нисколько не уронятъ, а дѣлу много помогутъ. Въ моей практикѣ были очень нерѣдки случаи, когда купцы спрашивали у меня совѣта по разнымъ во-

просамъ, напримѣръ, покупать ли такой-то товаръ въ Китаѣ, или нѣтъ, гнать ли, напримѣръ, скотъ для продажи и куда, какія ветеринарныя правила, почему хлопотъ въ Россіи и стоитъ ли его покупать, можно ли тому или другому торговцу открывать кредитъ и т. д., всего не перечислишь. Случалось и самому подавать совѣты, безъ всякаго спроса, напримѣръ, относительно привоза того или другого товара, который, по моему мнѣнію, могъ бы найти сбытъ въ Китаѣ. Такъ, напримѣръ, тонкій наусукъ пошелъ въ Чугучакъ именно по моему совѣту. Въ Урумци губернатору понравилась у меня гнутая вѣнская мебель. Въ виду этого, я посовѣтовалъ одному русскому купцу привезти такой гнутой мебели изъ Екатеринбурга, купилъ у него часть и, по обычаю, подарилъ къ новому году по нѣскольку вещей губернатору, его помощнику и нѣкоторымъ другимъ чиновникамъ. Другіе чиновники и богатые купцы, увидѣвъ эту мебель у высшихъ властей, пожелали тоже ее имѣть, и мебель эта пошла въ ходъ въ Урумци. Эти немногіе примѣры, мнѣ кажется, съ достаточной ясностью показываютъ, какое содѣйствіе можетъ принести консулъ развитію русской торговли, если, дѣйствительно, того пожелаетъ. Кромѣ совѣтовъ купцамъ на мѣстѣ, консулъ можетъ обращаться съ ходатайствами о содѣйствіи торговлѣ и торговцамъ людямъ и къ правительству и къ частнымъ лицамъ. Примѣръ того, какую пользу можетъ принести дѣлу развитія русской торговли знающій дѣло консулъ, мы видимъ въ Кашгарѣ, гдѣ торговля достигла того развитія, которое мы наблюдаемъ въ настоящее время, въ значительной мѣрѣ благодаря бывшему тамъ генеральнымъ консуломъ Н. Ф. Петровскому. За двадцать лѣтъ своей службѣ въ Кашгарѣ онъ употребилъ массу труда и стараній къ развитію русской торговли и, благодаря его постоянному и разумному содѣйствію, изъ ничего создалась въ Кашгаріи крупная русская торговля, и русскіе купцы должны всегда съ благодарностью вспоминать этого энергичнаго, умнаго и блажелательнаго къ нимъ человека.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Административныя права и обязанности консуловъ.—Широта и неопредѣленность этихъ правъ и обязанностей.—Необходимость широты правъ при существующихъ условияхъ.—Административная дѣятельность; масса дѣлъ чисто полицейскихъ.—Содѣйствіе консуловъ русскимъ подданнымъ и учреждениямъ.—Аксакалы и ихъ обязанности.—Аксакалы въ мѣстахъ пребыванія консуловъ и въ другихъ городахъ.

Русскіе подданные въ Китаѣ пользуются правомъ вѣзельности, они не подчиняются китайскимъ властямъ, а подчиняются русскимъ консуламъ; такимъ образомъ, консулы въ Китаѣ являются и властью административною.

Предѣлы и существо административной власти консуловъ точно нигдѣ и ничѣмъ не опредѣлены. Да не такъ легко это и сдѣлать. Условія службы и дѣятельности консуловъ на Востокаѣ настолько своеобразны и, при томъ, въ различныхъ странахъ Востока отличаются такимъ разнообразіемъ, что пришлось бы и законы, если бы, наконецъ, было признано нужнымъ таковыя выработать, примѣнять къ этимъ разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Нѣтъ по этому вопросу даже надлежащихъ административныхъ распоряженій. Поэтому консуламъ нашимъ приходится руководствоваться въ своей дѣятельности, главнымъ образомъ, мѣстными условіями и обычаями.

какъ это указано въ протоколѣ особаго совѣщанія 1883 г. ¹⁾, соблюдая при этомъ безпристрастіе и справедливость: Конечно, каждый консулъ въ своей дѣятельности основывается, прежде всего, на положеніяхъ нашего законодательства, дѣйствующаго въ Россіи, и примѣняетъ ихъ на мѣстѣ своей службы, насколько это возможно, но предѣлы его власти все-таки не опредѣлены. Оттого мы и видимъ на практикѣ, что, съ одной стороны, консулъ производить дознанія по разнымъ преступленіямъ и проступкамъ, заботится о поддержаніи порядка и спокойствія среди русскихъ подданныхъ, т. е. исполняетъ обязанности низшихъ полицейскихъ агентовъ, исполняетъ обязанности пристава, а съ другой стороны, можетъ издавать обязательныя постановленія для всего русскаго населенія вѣвреннаго ему консульскаго округа. Мало того, консулъ имѣетъ право выслать изъ китайскихъ предѣловъ русскихъ подданныхъ, открыто не виновныхъ его распоряженіямъ. Это право основывается на Высочайшемъ утвержденномъ протоколѣ особаго совѣщанія министровъ, упомянутомъ выше. Въ этомъ случаѣ власть консула приближается къ власти генералъ-губернатора. Во всякомъ случаѣ, на практикѣ, точно также какъ по представленію китайскихъ властей и русскаго населенія, административная власть консуловъ очень обширна, какъ, равнымъ образомъ, крайне разнообразна и многочисленны и обязанности консуловъ. Да въ Западномъ Китаѣ пока она и не можетъ быть иной, т. е. меньшаго объема, и вотъ по какимъ соображеніямъ: прежде всего потому, что консулъ въ своемъ округѣ является единственной русской властью, къ которой могутъ обращаться русскіе подданные по своимъ разнообразнымъ дѣламъ. Затѣмъ, русскіе подданные, большей частью, разбѣсны по разнымъ угламъ обширныхъ областей Западнаго Китаа; часто это элементъ

¹⁾ Особое совѣщаніе министровъ было созвано въ 1883 г. для разрѣшенія вопроса о положеніи киргизовъ и китайскихъ выходцевъ въ Россіи. На этомъ же совѣщаніи обсуждался и вопросъ о юрисдикціи русскіхъ консуловъ въ Западномъ Китаѣ.

весьма ненадежный, и только существование сильной русской власти на мѣстѣ, въ лицѣ консула, даетъ увѣренность элементу благонадежному въ безопасности, а дурныхъ людей удерживаетъ отъ разныхъ правонарушений. Далѣе, обладание широкой властью даетъ возможность консулу своевременно принимать необходимыя мѣры для охраны безопасности и порядка среди русскихъ подданныхъ. Консульства наши въ Западномъ Китаѣ удалены на громадные разстоянія отъ тѣхъ учреждений, которыя могли бы давать консуламъ указанія и разрѣшенія въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, т. е. отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и отъ посланника въ Пекинѣ; поэтому, крайне трудно, а часто и совершенно невозможно получить своевременно нужныя указанія и инструкторіи. При этихъ условіяхъ, консулы, обязательно, должны имѣть право самостоятельно принимать многія серьезныя рѣшенія, что на практикѣ, дѣйствительно, и существуетъ. Наконецъ, нужно считаться и съ положеніемъ и воззрѣніями китайскихъ властей. Консуламъ очень часто приходится принимать разныя мѣры совместно съ китайскими властями или требовать отъ этихъ послѣднихъ принятія тѣхъ или другихъ мѣръ въ интересахъ русскихъ подданныхъ; то же случается и наоборотъ, т. е. китайскія власти просятъ консула принять извѣстныя мѣры. Въ Китаѣ же въ сильной степени проведенъ принципъ децентрализаціи власти, такъ что каждая административная власть, не говоря уже о губернаторахъ провинцій, пользуется большими правами въ сферѣ своей дѣятельности и имѣетъ право въ многихъ весьма важныхъ случаяхъ распоряжаться самостоятельно, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ высшей инстанціи. Если же китайскія власти увидятъ, что консулы имѣютъ только очень маленькія административныя права, по всякому, болѣе или менѣе серьезно, поводу должны обращаться за разрѣшеніемъ къ находящемуся гдѣ-то тамъ далеко начальству, то они не станутъ считаться съ такимъ маленькимъ чиновникомъ и попросту не будутъ исполнять его требованій, что принесетъ только

вредъ русскимъ подданнымъ и русскимъ интересамъ. Конечно, если бы консуламъ была предоставлена большая власть безконтрольно, то были бы возможны злоупотребленія властью. Но власть эта не безконтрольна, такъ какъ всѣ дѣйствія консула могутъ быть обжалованы предъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; а затѣмъ есть еще свободная печать, которая всегда можетъ стоять на стражѣ законности административной дѣятельности консуловъ. Не даромъ же практика выработала этотъ порядокъ, который я считаю, при существующихъ условіяхъ, наиболее разумнымъ, и до сихъ поръ не было серьезныхъ нареканій на его неудобства.

Говоря объ административной дѣятельности консуловъ въ частности, нужно сказать, что прежде всего на нихъ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ и спокойствіе среди русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ даннаго консульскаго округа, и ограждать ихъ отъ посягательствъ вредныхъ элементовъ. Стало быть, консульства являются, до извѣстной степени, и учрежденіями, вѣдоющими полицейское дѣло. Тяжелая, конечно, эта обязанность, но, по мѣстнымъ условіямъ, приходится исполнять ее, и полицейскія обязанности отнимаютъ не мало времени у консуловъ. Дѣло въ томъ, что въ Западный Китай идутъ изъ Россіи часто далеко не лучшіе элементы населенія и здѣсь, пользуясь слабымъ надзоромъ, имѣютъ полную возможность совершать разныя проступки и преступленія, нарушающіе общественную безопасность и спокойствіе. Кромѣ того, въ китайскіе предѣлы часто бѣгутъ изъ русскихъ предѣловъ завѣдомые преступники, желающіе избавиться отъ послѣдствій тяготящихся на нихъ преступленій. У китайцевъ полицейская часть поставлена изъ рукъ вонъ плохо, и потому всѣмъ такимъ господамъ представляется полная возможность жить и дѣйствовать безнаказанно. При этихъ условіяхъ, консульствамъ нашимъ приходится самимъ принимать мѣры противъ преступныхъ или безпокойныхъ русскихъ подданныхъ. Особенно много дѣла выпадаетъ на долю

ближайших къ русской границѣ консульствъ въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ. Въ своемъ мѣстѣ я уже указалъ, что въ этихъ городахъ всегда проживаетъ и скрывается масса бѣглыхъ таранчей и киргизовъ. Розыски ихъ и выдвореніе въ русскіе предѣлы фактически лежатъ на русскихъ консулахъ, и консульства въ Кульджѣ и Чугучакѣ буквально завалены дѣлами и перепукой относительно выдворенія бѣглыхъ русскихъ подданныхъ. Вообще, полицейскія обязанности въ этихъ двухъ пограничныхъ консульствахъ отнимаютъ массу времени у чиновъ консульства. Особенно много дѣла въ Кульджѣ, такъ это настоящій, усиленный противъ другихъ консульствъ, составъ этого консульства исполнѣть умѣстенъ и необходимъ; это даетъ возможность съ успѣхомъ справляться съ массой дѣла. Я самъ испыталъ это на себѣ, при чемъ въ Кульджѣ находился въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ: въ Кульджѣ, обычно, налицо три чиновника консульства, а я цѣлый годъ былъ одинъ, при томъ во время боксерскаго возстанія во Внутреннемъ Китаѣ, когда положеніе консула въ Кульджѣ, въ виду особенныхъ мѣстныхъ условій, было особенно и труднымъ и отвѣтственнымъ. И вотъ какъ шла у меня работа изо дня въ день: какъ только встанетъ угроза, такъ аскакалы являются съ докладомъ и сообщаютъ, что тамъ-то обокрали давку, тамъ подрались, тамъ жена убѣжала отъ мужа въ другомъ мѣстѣ угнали цѣлый табунъ лошадей, а тамъ кого нибудь еще и убили и т. д., а затѣмъ начинается разборъ всѣхъ этихъ дѣлъ, что тянется до самаго вечера. Въ это же время получается почта изъ Россіи, съ массой часто важныхъ бумагъ, на которыя также нужно скорѣе отвѣчать. И это изо дня въ день, съ нѣкоторымъ лишь перерывомъ въ дни мусульманскихъ праздниковъ, когда всякихъ происшествій случается какъ-то меньше. Почти то же самое мы видимъ въ Чугучакѣ; немного меньше дѣла въ Кашгарѣ, только совсѣмъ немного полицейскаго дѣла въ Урумчи, въ виду того, что и русскихъ подданныхъ въ этомъ городѣ немного. Наряду съ

этой мелкой полицейскою дѣятельностью, нерѣдко приходится издавать общія обязательныя постановленія, напр. относительно торговли, по вопросамъ санитарнымъ, относительно проживанія въ Западномъ Китаѣ безпаспортныхъ русскихъ подданныхъ и т. д. и, вообще, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обязательныя постановленія изданы и въ Россіи. А бываютъ иногда и оригинальныя распоряженія, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ Китаѣ и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится тамъ дѣйствовать консулу. Такъ, напримѣръ, въ Чугучакѣ бывшій тамъ консулъ, теперь уже покойный, издалъ распоряженіе, чтобы русскіе подданные сарты не женились безъ разрѣшенія консула. Такое странное, повидимому, распоряженіе было исполнѣ разумно и было сдѣлано въ виду того, что сарты нерѣдко женились на десятилѣтнихъ дѣвочкахъ, и въ результатѣ такихъ браковъ получались страшныя трагедіи. Чтобы предупредить такіе браки, и была принята эта мѣра. Консулъ требовалъ удостовѣренія, что невѣста совершеннолѣтняя, и не разрѣшалъ браковъ на несовершеннолѣтнихъ. Мѣра эта, конечно, очень не нравилась сартамъ, было не мало попытокъ уклониться отъ надзора консула и много неудовольствій; однако, цѣли она достигла, и безобразные браки взрослыхъ, всего чаще лицъ уже немолодыхъ, съ дѣтьми прекратились. Съ тѣхъ поръ эта мѣра уже не примѣняется.

Наши пограничныя и другія власти смотрятъ на консула, главнымъ образомъ, какъ на власть административную, и обращаются въ консульства по всевозможнымъ дѣламъ, какъ непосредственно касаящимся отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, такъ и по вопросамъ принципиальнымъ; то просятъ разсказать какого-нибудь русскаго подданнаго, то произвести дознаніе, то, просто, допросить, то выдать паспортъ, то взыскать подати, то объявить какое-либо распоряженіе, то просятъ дать заключеніе по какому-либо общему вопросу, и такъ далѣе, до безконечности.

Однимъ словомъ, консулы въ Западномъ Китаѣ являются тѣмъ приближеннымъ, къ которому обращаются всѣ русскіе

подданные и учреждения, въ надеждѣ получить какую-либо помощь и содѣйствіе и, большей частью, они въ этомъ не ошибаются. Отсюда ясно, что работы масса и работы серьезной. Работа эта не видная и не блестящая, но если она исполняется хорошо, то сколько пользы она можетъ принести русскому дѣлу вообще и отдѣльнымъ лицамъ въ частности. Зато, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, сколько требуется со стороны консула энергіи, умѣнья, серьезнаго знанія и, при всемъ томъ, ужъ обязательно, тактичности.

Имѣя такъ много разныхъ обязанностей и много дѣла, консулы въ то же время имѣютъ въ своемъ распоряженіи очень мало подчиненныхъ имъ органовъ, которые исполняютъ ихъ распоряженія въ подлежащихъ случаяхъ. Непосредственнымъ помощникомъ консула является секретарь, а въ Кульджѣ есть еще драгоманъ. Затѣмъ бываютъ еще переводчикъ и писецъ. Обычные же исполнители распоряженій консула это торговые старшины — аксакалы. Объ аксакалахъ я уже упоминалъ выше; теперь поговорю объ этомъ институтѣ подробнѣе въ виду того, что въ консульствахъ Западнаго Китая аксакалы играютъ большую роль.

Аксакалы назначаются консуломъ или выбираются торговцами во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проживаетъ значительное число русскихъ подданныхъ. Въ мѣстахъ пребыванія консуловъ они находятся въ непосредственномъ ихъ вѣдѣніи и являются, прежде всего, торговыми старшинами, представителями мѣстнаго русскаго торговаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ представителями вообще русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ данномъ мѣстѣ. Въ качествѣ таковыхъ, они докладываютъ консулу о нуждахъ русской колоніи, о торговыхъ дѣлахъ, о благоустройствѣ русской факторіи. Въ случаѣ нужды, по приказанію консула, или по желанію торговцевъ, или, наконецъ, по собственной инициативѣ, они собираютъ совѣщанія изъ торговцевъ, о которыхъ я говорилъ уже выше. Кромѣ обязанностей торговаго старшины, аксакалъ несетъ на себѣ и обязанности

завѣдующаго полицейской частью въ факторіи. Съ этой цѣлью въ его распоряженіи находятся полицейскіе стражники — джигиты, которые выбираютъ обязательно изъ русскихъ подданныхъ и получаютъ жалованье отъ торговаго общества, часть даетъ иногда и консулъ. Въ качествѣ завѣдующаго полицейской частью, аксакалъ можетъ дѣлать только самыя неважныя распоряженія и принимать лишь самыя необходимыя мѣры. Во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ онъ долженъ исполнять только приказанія самого консула или секретаря консульства. Но это только въ теоріи. На практикѣ же иногда бываетъ такъ, что аксакалы, пользуясь довѣріемъ консула и недостаточномъ бдительнымъ надзоромъ съ его стороны, присвоиваютъ себѣ большую власть и почти безконтрольно распоряжаются именемъ консула; а въ результатѣ получаются большіе злоупотребленія со стороны аксакала, въ которыхъ русскіе подданные обвиняютъ самого консула.

Какъ завѣдующій полицейской частью, аксакалъ каждое утро докладываетъ консулу о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся за сутки въ русской факторіи, а также и у китайцевъ; такимъ образомъ, заодно исполняетъ и обязанности агента по собиранію разныхъ свѣдѣній, нужныхъ консулу. Затѣмъ, очень часто аксакалъ командированъ къ китайскимъ властямъ для передачи тѣхъ или другихъ устныхъ сообщеній консула, замѣняя въ этомъ случаѣ переводчика. Наконецъ, часто аксакалъ, по порученію консула, разбираетъ одинъ, или совмѣстно съ wybranными изъ торговцевъ лицами, разные судебныя дѣла. Но о судебной дѣятельности аксакала я буду говорить ниже. Въ виду такого разнообразія обязанностей, работы у аксакаловъ очень много и цѣлый день они должны быть готовы явиться по первому требованію консула. Разъ служба въ должности аксакала отнимаетъ такъ много времени и требуетъ много труда, то, разумѣется, безъ вознагражденія она оставаться не можетъ, и аксакалы получаютъ отъ торговаго общества опредѣленное жалованье. Такъ, въ Чугучакѣ аксакалъ по-

лучаетъ около тысячи рублей въ годъ; въ Кульдѣ старшій аксакалъ, обыкновенно татаринъ, еще болѣе. Жалованье это мѣняется, въ зависимости отъ лица, которое занимаетъ эту должность, и отъ расположенія русскихъ подданныхъ; на прибавку жалованья, при желаніи, можетъ вліять и консуль. Должность аксакала очень почетная, но такъ какъ она требуетъ много труда, то богатые купцы отъ нея отказываются, а избираются, обыкновенно, купцы изъ среднихъ, для которыхъ привлекательно жалованье и положеніе. Кромѣ того, они получаютъ награды, въ видѣ медалей и почетныхъ халатовъ.

Это все относится, главнымъ образомъ, къ аксакаламъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе русскіе консулы. Кромѣ того, аксакалы существуютъ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть болѣе или менѣе значительное число русскихъ подданныхъ. Они избираются мѣстными торговцами и утверждаются консуломъ, который о назначеніи ихъ на эту должность сообщаетъ, обыкновенно, мѣстнымъ китайскимъ властямъ, которыя, на основаніи этого сообщенія, и признаютъ аксакала представителемъ консула и интересовъ русскихъ подданныхъ въ данномъ мѣстѣ, конечно, подъ контролемъ консула. Находясь въ значительномъ удаленіи отъ консула, эти аксакалы, по необходимости, пользуются гораздо большей самостоятельностью въ своей дѣятельности, и люди энергичные пріобрѣтаютъ большое вліяніе какъ среди русскихъ подданныхъ, такъ и у китайскихъ властей; хотя чаще среди нихъ такіе, которые не умѣютъ создать себѣ надлежащаго положенія у китайцевъ. Аксакалы эти обращаются къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ по дѣламъ подвѣдомственныхъ имъ русскихъ подданныхъ, но только лично и устно; защищаютъ русскіе интересы, въ случаѣ нарушенія ихъ китайскими подданными; разбираютъ мелкія дѣла между русскими подданными, а также между русскими подданными и китайскими, если китайскія власти находятъ возможнымъ согласиться на это. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ китайской стороны представителемъ

посылается, обычно, старшина заинтересованнаго въ дѣлѣ китайскаго подданнаго. Аксакалы поддерживаютъ порядокъ и спокойствіе между русскими подданными. Если же эти послѣдніе не повинуются имъ, то доносятъ о томъ консулу, который и принимаетъ противъ ослушниковъ извѣстныя мѣры. О положеніи дѣлъ въ томъ или другомъ городѣ, о всѣхъ интересныхъ событіяхъ въ мѣстной жизни, о пріѣздахъ разныхъ лицъ, чѣмъ-либо замѣчательныхъ, особенно иностранцевъ, вообще обо всемъ, что укажетъ консуль, аксакалъ долженъ посылать въ консульство донесенія. Разъ или два въ годъ онъ долженъ доставлять свѣдѣнія о мѣстной русской и китайской торговлѣ. Свѣдѣнія, доставляемыя аксакалами, бывають иногда очень интересны. Вообще, аксакалы въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ консула, приносятъ большую пользу дѣлу: они поддерживаютъ порядокъ между русскими подданными, содѣйствуютъ консулу въ защитѣ русскихъ интересовъ предъ китайскими властями и, наконецъ, помогаютъ и самому консулу въ дѣлѣ ознакомленія его съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ.

Такова административная дѣятельность русскихъ консуловъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ такъ, какъ она проявляется на практикѣ. Она ничѣмъ почти не опредѣлена въ законѣ, но практика выработала извѣстную организацію, которая пока удовлетворяетъ существующимъ условіямъ. Конечно, какъ и вездѣ, бывають и ошибки, но гдѣ же ихъ не бываетъ?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Юрисдикция консулов на Востоке.—Юрисдикция русских консулов в Китае.—Законодательными указами относительно консульской юрисдикции — трактаты и протокол особого совещания. — Недостаточность указаний. — Необходимость руководствоваться местными обычаями и прибегать к местным условиям и обстоятельствам. — Неопределенность указаний закона.

Наконец, одной из весьма важных обязанностей, которая возложена на русских консулов в Западном Китае, является обязанность судить русских подданных, пребывающих в пределах подвѣдомственных им консульских округов. Эта возложенная на консулов обязанность судить в науки и практикѣ известна под именем юрисдикции консулов на Востоке.

Консульская юрисдикция явление не новое; она имѣет длинную историю, которая идетъ параллельно съ развитіемъ самыхъ консульскихъ учреждений. «Консулы», говоритъ профессоръ Мартенсъ, «были первоначально коммерческіе судьи, которые явились вмѣстѣ съ крестоносцами и купцами въ торговые центры мусульманскихъ государствъ. Правительства мусульманскія всегда признавали себя incompetentными въ разсмотрѣніи дѣлъ, которыя возникали между европейскими поселенцами, и считали законнымъ ихъ судьей одного консула. Консулу были подсудны въ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ дѣлахъ всѣ соотечественники и

лица, состоявшія подъ его покровительствомъ на мусульманской территоріи»¹⁾.

Первоначально консульская юрисдикція существовала лишь въ мусульманскихъ государствахъ Востока и въ частности въ Турціи, а затѣмъ сфера ея примѣненія была распространена на другія государства Востока—Персію, Китай, Японію²⁾ и Корею, по мѣрѣ того, какъ онѣ стали открывать свои двери для европейцевъ.

За долгій періодъ существованія сношеній европейскихъ государствъ съ восточными въ Западной Европѣ выработалось довольно подробное законодательство относительно консульской юрисдикціи; къ этому присоединились нѣкоторые общепризнанные обычаи, такъ что тамъ судебная дѣтельность консуловъ на Востоке опредѣляется довольно обстоятельно; но совсѣмъ другое у насъ. Хотя мы тоже немало времени имѣемъ дѣло съ восточными народами, однако по данному предмету у насъ сдѣлано очень мало. Судебная дѣтельность нашихъ консуловъ въ Персіи опредѣляется еще уставомъ консульскимъ; что же касается Турціи и Китая, и особенно Китая, то тутъ наше законодательство оказывается чрезурѣ краткимъ, такъ что нельзя удивляться, когда проф. Мартенсъ говоритъ, что «относительно консульскихъ судовъ въ Китаѣ и Японіи неизвѣстно, существуютъ ли они и какимъ образомъ устроены»³⁾. Все же есть кой-какія-указанія по этому предмету, къ изложенію которыхъ я и перейду сейчасъ.

Главнымъ основаніемъ судебной дѣтельности русскихъ консуловъ въ Китаѣ являются трактаты, заключенные въ разное время съ этимъ государствомъ. Въ первый разъ говорится о консульской юрисдикціи въ Китаѣ въ кульд-

¹⁾ Проф. Мартенсъ. Современ. междунар. право гражд. народовъ, т. II, стр. 87.

²⁾ Въ Японіи юрисдикція консуловъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣнена.

³⁾ Проф. Мартенсъ. Современ. междунар. право гражд. народовъ, т. II, стр. 96.

жинскомъ трактатѣ 1851 г.¹⁾, но трактатъ этотъ предоставлялъ русскимъ консуламъ довольно ограниченную юрисдикцію. Последняя была расширена по тьянцзинскому договору 1859 г., подтвержденному трактатомъ пекинскимъ 1860 г. Трактатныя постановленія вошли въ русское законодательство и изложены въ 4 статьяхъ устава консульскаго, ст. 190—193 (изд. 1893 г.), гдѣ кратко говорится о консульской юрисдикціи по гражданскимъ дѣламъ, и въ уложеніи о наказаніяхъ, ст. 175, пр. 2 и 3, гдѣ идетъ рѣчь объ уголовной юрисдикціи русскихъ консуловъ въ Китаѣ. Вотъ и все, что мы находимъ въ русскомъ законодательствѣ по интересующему насъ вопросу.

Наше правительство уже давно созвало неудовлетворительность постановки судебной дѣятельности консуловъ въ Китаѣ, и когда въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія были открыты консульства въ Чугучагѣ, Кульджаѣ и Кашгарѣ, то вопросъ этотъ былъ поставленъ на очередь, и, между прочимъ, для разсмотрѣнія этого вопроса было создано въ 1883 г. въ Петербургѣ особое совѣщаніе министровъ и другихъ лицъ, на которомъ обсуждался вопросъ о консульской юрисдикціи въ Западномъ Китаѣ. Протоколъ этого совѣщанія удостоился Высочайшаго утвержденія и долженъ былъ служить руководствомъ для нашихъ консуловъ въ Западномъ Китаѣ. Къ сожалѣнію только, въ то время было трудно дать полный опредѣленный указанія консуламъ, такъ какъ годичный срокъ существованія консульствъ не могъ дать достаточныхъ матеріаловъ для выводовъ; и потому совѣщаніе высказало только нѣсколько пожеланій по этому вопросу. Совѣщаніе это происходило въ 1883 г., и съ тѣхъ поръ наше правительство не давало никакихъ законодательныхъ указаній по этому поводу. Такимъ образомъ, консуламъ было дано очень мало указаній относительно ихъ судебной дѣятельности. Но такъ какъ обязанность судить русскихъ подданныхъ все-таки

¹⁾ Ст. 7.

существовала и такъ или иначе нужно было исполнять ее, то сама практика уже и выработала известный порядокъ и обычаи консульской юрисдикціи въ Западномъ Китаѣ, примѣнительно къ тѣмъ своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ, въ которыхъ пришлось дѣйствовать нашимъ консуламъ въ Западномъ Китаѣ, тѣмъ болѣе, что и само правительство признало возможнымъ разрѣшить консуламъ руководствоваться мѣстными обычаями. Сначала и изложу правила относительно консульской юрисдикціи, существующія въ законѣ, а затѣмъ перейду къ описанію того порядка и обычаевъ, которые установились на практикѣ.

Относительно уголовной юрисдикціи консуловъ въ Китаѣ ст. 190 уст. конц. изд. 1893 г. говоритъ слѣдующее: «Россійскіе консулы въ Китаѣ и Японіи, сверхъ общихъ обязанностей, съ должностью консула сопряженныхъ, исполняютъ обязанности, возложенныя на нихъ на основаніи трактатовъ, заключенныхъ Россійскимъ правительствомъ съ Китаемъ и Японіею. Примѣчаніе. Правила упомянутыхъ въ сей (190) статьѣ трактатовъ, опредѣляющихъ порядокъ дѣйствій консуловъ въ случаѣ обвиненія Россійскихъ подданныхъ въ какомъ-либо проступкѣ и преступленіи, учиненномъ въ Китаѣ или Японіи, изложены въ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 175, пр. 2 и 3)». А въ уложеніи о наказаніяхъ, примѣчаніи второмъ къ указанной статьѣ, говорится слѣдующее: «По тьянцзинскому трактату съ Китаемъ (2 іюля 1859 г.) постановлено: разбирательство всякаго дѣла между русскими и китайскими подданными въ мѣстахъ, открытыхъ для торговли, не иначе должно производиться китайскимъ начальствомъ, какъ сообщая съ русскимъ консуломъ или лицомъ, представляющимъ власть Россійскаго правительства въ томъ мѣстѣ. Въ случаѣ обвиненія русскихъ въ какомъ-либо проступкѣ или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ. Русскіе же подданные, проникнувшіе внутрь Китая и учинившіе тамъ какой-либо проступокъ или преступленіе, должны быть препровождены для сужденія и наказанія по русскимъ законамъ на гра-

ницу или въ тотъ изъ открытыхъ портовъ, въ которомъ есть русскій консулъ. Дополнительнымъ же договоромъ къ тиньцинскому трактату сверхъ сего постановлено: 1) что въ преступленіяхъ важныхъ, какъ-то: въ убійствѣ, грабежѣ съ нанесеніемъ опасныхъ раненій, покушеніи на жизнь другого, злонамѣренномъ поджогѣ и т. п. виновные русскіе, по произведеніи слѣдствія, отсылаются въ Россію для поступленія съ ними по русскимъ законамъ; 2) что какъ въ преступленіяхъ важныхъ, такъ равно и маловажныхъ, консулъ и мѣстное начальство могутъ принимать нужныя мѣры только въ отношеніи къ виновнымъ своего государства, но никто изъ нихъ не имѣетъ никакого права ни задерживать, ни отдѣльно разбирать, а тѣмъ болѣе наказывать подданнаго не своего государства». Трактаты 1859 г. 7 ст. и 1860 г. 8 ст. Въ протоколѣ особаго совѣщанія 1883 г. сказано, что «консуламъ надлежало бы предоставлять въ Западномъ Китаѣ, за отсутствіемъ опредѣленныхъ правилъ, руководствоваться въ своей юрисдикціи, главнымъ образомъ, мѣстными условіями и обычаями, соблюдая при этомъ безпристрастіе и справедливость. Въмѣстъ съ тѣмъ въ Западномъ Китаѣ не слѣдовало бы препятствовать русскимъ подданнымъ оканчивать съ китайскими подданными всѣ гражданскія и уголовныя дѣла миролюбиво, какъ у самого консула и китайскихъ властей, такъ и посредствомъ выборныхъ судей или съѣздовъ тяжущихся».

Разсматривая вышеприведенныя статьи трактатовъ, мы находимъ, что на консула возложены обязанности, съ одной стороны, слѣдователя, а съ другой—судьи. Только, къ сожалѣнію, ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ не дается болѣе подробныхъ указаній относительно судебной дѣятельности консуловъ въ Китаѣ. Что касается, однако, слѣдственныхъ дѣлъ, то ясно, что консулы въ этомъ случаѣ должны руководствоваться только судебными уставами императора Александра II настолько, конечно, насколько это возможно по мѣстнымъ условіямъ. Но относительно, собственно, судебной дѣятельности нужно было бы дать бо-

лѣ точныя указанія, именно относительно предѣловъ власти и компетенціи консульскаго суда. Нужно думать, что консулы въ своей судебной дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ сферѣ дѣлъ уголовныхъ, не должны выходить изъ предѣловъ, указанныхъ судебными уставами для мировыхъ судей. Но на практикѣ это дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ и, въ дѣйствительности, консулы наши въ Китаѣ пользуются гораздо большими правами, чѣмъ это можно было бы предполагать, и въ области, напримѣръ, дѣлъ гражданскихъ они далеко выходятъ изъ компетенціи мировыхъ судей, такъ какъ разбираютъ гражданскія дѣла на какую угодно сумму, и въ законѣ на этотъ счетъ никакихъ ограниченій не указано; стало быть, въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ вполне правильно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Дѣла слѣдственные.—Незначительное количество слѣдственных дѣлъ и причины этого.—Участіе китайцевъ въ слѣдствіяхъ и отношеніе ихъ къ этому.—Требованія судебныхъ установленій имперіи о производствѣ слѣдствій и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій.—Компетенція русскихъ консуловъ въ Китаѣ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ.—Разборъ консуломъ дѣлъ уголовныхъ.—Апелляціонная и кассационная инстанціи.—Дѣла гражданскія.—Неудобство существующаго въ Западной Китай упрощеннаго порядка судопроизводства.—Исполненіе приговоровъ.—Арестные дома при консульствахъ.—Исполненіе рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ.—Дѣятельность консула въ качествѣ нотаріуса.

Разсмотримъ сначала дѣятельность консула, какъ слѣдователя. Слѣдственныхъ дѣлъ въ консульствахъ Западнаго Китая бываетъ, сравнительно, немного. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что большинство преступленій, по поводу которыхъ, на основаніи русскихъ законовъ, слѣдовало бы производить предварительныя слѣдствія, носятъ смѣшанный характеръ, то-есть одной изъ сторонъ является русскій подданный, а другой — китайскій, и слѣдять что-либо по такимъ дѣламъ часто не представляется никакой возможности. Въ этихъ случаяхъ приходится дѣло или совсѣмъ прекращать, или ограничиваться удовлетвореніемъ только гражданскаго иска. Объ этомъ способѣ окончанія уголовныхъ дѣлъ я скажу подробнѣе ниже. Только по тѣмъ дѣламъ смѣшанной подсудности производится предвари-

тельное слѣдствіе, которыя касаются убійства, нанесенія тяжкихъ ранъ, и нѣкоторымъ другимъ, если, конечно, обвиняемые разысканы и задержаны; если же нѣтъ, то слѣдствіе не производится.

Что касается производства слѣдствій по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны только русскіе подданные, то производство ихъ ничѣмъ не отличается отъ производства ихъ у судебныхъ слѣдователей внутри имперіи. Дѣло осложняется и затрудняется въ томъ случаѣ, когда въ числѣ свидѣтелей оказываются китайскіе подданные. Дѣло въ томъ, что китайскіихъ подданныхъ консулъ можетъ вызывать въ свою канцелярію только чрезъ китайскихъ властей; допрашивать ихъ можетъ только въ присутствіи китайскаго чиновника, который тоже имѣетъ право задавать вопросы свидѣтелю, и подписываетъ вмѣстѣ съ консуломъ протоколъ допроса. Но китайскія власти очень не любятъ, чтобы китайскіе подданные являлись передъ русскимъ судомъ, даже въ качествѣ свидѣтелей, считая это униженнымъ для достоинства Китая; поэтому очень неохотно исполняютъ просьбы консуловъ о вызовѣ китайскихъ подданныхъ, иногда же подъ разными предлогами совсѣмъ отказываются это дѣлать; а если и удастся вызвать того или другого свидѣтеля, то, обычно, власти не только не содѣйствуютъ выясненію истины, а только мѣшаютъ этому. Затѣмъ, въ отношеніи китайцевъ часто бываетъ невозможно исполнить многія требованія нашего закона. Такъ, напримѣръ, по нашему закону¹⁾, свидѣтель долженъ быть или приведенъ слѣдователемъ къ присягѣ, или ему должно быть сдѣлано предупрежденіе, что въ судѣ онъ можетъ быть спрошенъ подъ присягой, поэтому долженъ показывать на слѣдствіи одну только истину. Но какъ исполнить это требованіе закона, когда у китайцевъ присяги не существуетъ и понятія о присягѣ они не имѣютъ? Между тѣмъ это требованіе очень существенное. На-

¹⁾ Уст. угол. суд. ст. 442 и 443.

конецъ, большое затрудненіе встрѣчаетъ нерѣдко подписание протокола допроса, потому что какъ китайскія власти, такъ и сами свидѣтели-китайцы очень неохотно подписываютъ протоколы, боясь ловушки. Они думаютъ, что развѣ свидѣтель подписалъ протоколъ, то онъ тоже можетъ подвергнуться какой-либо отвѣтственности; въ китайскихъ судахъ это нерѣдко и бываетъ. Вслѣдствіе этого, иногда приходится терять много времени, чтобы убѣдить китайцевъ подписать протоколъ, а безъ подписей протоколы не имѣютъ надлежащей силы.

Еще труднѣе бываетъ вести дѣло въ томъ случаѣ, когда цѣлое слѣдствіе приходится производить совмѣстно съ китайскими властями. Это случается тогда, когда потерпѣвшій китайскій подданный, а обвиняемый русскій, или въ числѣ обвиняемыхъ есть одновременно и русскіе и китайскіе подданные. Въ этомъ случаѣ китайскія власти не уклоняются отъ совмѣстнаго съ консуломъ производства слѣдствій, но всѣ трудности смѣшаннаго процесса тогда выступаютъ съ особенной силой. Китайцы тянутъ слѣдствіе; при допросахъ обращаютъ вниманіе не на главное, а на второстепенное; предварительное слѣдствіе стараются превратить въ судебное; путаютъ протоколы; стараются обращать вниманіе на факты, которые служатъ къ обвиненію, игнорируя факты оправдывающіе, это по отношенію къ обвиняемымъ русскимъ подданнымъ, своихъ же подданныхъ всячески выгораживаютъ и т. д. Произведенное, при такихъ условіяхъ, слѣдствіе иногда даетъ мало нужнаго матеріала для сужденія о виновности того или другого лица и, конечно, не удовлетворяетъ нашихъ прокуроровъ, совершенно не знающихъ той обстановки и тѣхъ условій, въ которыхъ приходится консуламъ дѣйствовать; между тѣмъ консулы дѣлаютъ все возможное, чтобы добиться истины, и требуютъ отъ нихъ большаго, а особенно соблюденія всѣхъ формальностей, съ точки зрѣнія закона часто несущественныхъ, по меньшей мѣрѣ неразумно.

Въ Западномъ Китаѣ консуламъ всего чаще приходится производить не цѣлыя слѣдствія, а исполнять требованія русскихъ судебныхъ властей о производствѣ отдѣльныхъ слѣдственныхныхъ дѣйствій по дѣламъ, производящимся въ судебныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Это бываетъ тогда, когда обвиняемые русскіе подданные бѣгутъ въ китайскіе предѣлы, или тамъ же проживаютъ свидѣтели по дѣлу, или, наконецъ, кто-нибудь изъ участниковъ преступленія или свидѣтелей его сослито въ китайскомъ подданствѣ, и проживаетъ въ китайскихъ предѣлахъ. Наше правительство знало, что производствомъ слѣдствій въ китайскихъ предѣлахъ сопряжено съ большими трудностями, и потому еще въ протоколѣ особаго совѣщанія было сдѣлано указаніе, «что русскимъ административнымъ и судебнымъ властямъ; по возможности, должно стараться оканчивать дѣла въ русскихъ предѣлахъ, но возбуждая дознанія и справки въ китайскихъ областяхъ и допросы въ китайскихъ подданныхъ, что, обыкновенно, оказывается бесполезнымъ и вызывало только осложненія съ китайскими¹⁾ властями». Такъ какъ постановленіе это плохо соблюдалось нашими судебными властями, и консульства попрежнему были обременены производствомъ слѣдствій по требованіямъ пограничныхъ русскихъ властей, то въ 1888 г. министръ юстиціи снова разъяснилъ судебнымъ установленіямъ постановленіе особаго совѣщанія. Въ циркулярѣ своемъ отъ 3 октября 1887 г., за № 24254, онъ, между прочимъ, говоритъ, «что, какъ совершенно вообще какихъ-либо слѣдственныхныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Китая сопряжено съ весьма значительными затрудненіями, то посему и согласно Высочайше утвержденному протоколу особаго совѣщанія 5 августа 1883 г. по вопросу о положеніи киргизовъ и мусульманскихъ выходцевъ по нашей границѣ съ Западнымъ Китаемъ, судебнымъ установленіямъ надлежитъ, при производствѣ слѣдствій, всемѣрно заботиться о разъясненіи об-

¹⁾ Протоколъ особ. совѣщ.

стоятельствъ дѣла путемъ такихъ дѣйствій, которыя не требовали бы посредства російскихъ консуловъ въ Китаѣ, обращеніе къ содѣйствию коихъ могло бы быть оправдано лишь въ случаѣ безусловной въ томъ необходимости. Послѣ изданія этого циркуляра наши судебныя власти на нѣкоторое время оставили консуловъ въ покоѣ, но теперь циркуляръ этотъ и постановленія особаго совѣщанія опять забыты, хотя и не отменены, и прокурорскій надзоръ опять предъявляетъ требованія о производствѣ слѣдствій такъ же полно и подробно, какъ это возможно только въ русскихъ предѣлахъ и при русскихъ порядкахъ, при томъ требуя часто исполненія даже такихъ формальностей, которыя для дѣла существеннаго значенія не имѣютъ. Между тѣмъ китайцы и теперь остались такими же, какими они были прежде; точно такъ же они смотрятъ на русскій судъ и на вызовъ въ судъ китайскихъ подданныхъ. Но наши судебныя власти этого положенія дѣла не знаютъ, вслѣдствіе того трудности для консуловъ исполнять всѣ требованія нашего закона въ этомъ случаѣ не понимаютъ, и потому можно себѣ представить, въ какое затруднительное положеніе ставятъ они часто консуловъ своими формальными требованіями.

Что касается дѣлъ, собственно, судебныхъ, то на практикѣ компетенція консуловъ различна, смотря по тому, уголовныя ли это дѣла, или гражданскія. Выше я уже говорилъ, что по дѣламъ уголовнымъ компетенція консуловъ въ Китаѣ приближается къ компетенціи мировыхъ судей, хотя предѣлы компетенціи и не опредѣлены. По крайней мѣрѣ, такъ нужно понимать прим. 2 и 3 ст. 175 узложенія о нак. Такъ на дѣлѣ эта статья и понимается. Относительно же дѣлъ гражданскихъ нигдѣ и никакихъ указаній нѣтъ. Поэтому консулы наши въ Китаѣ принимаютъ къ своему разбирательству всѣ гражданскія дѣла, на какую бы сумму они ни были. Затѣмъ, существуетъ большое различіе въ порядкѣ производства судебныхъ дѣлъ въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ принимаютъ участіе, въ качествѣ сторонъ,

одни только русскіе подданные, и въ томъ, когда въ немъ участвуютъ также и китайскіе подданные. Наконецъ, въ Западномъ Китаѣ многія дѣла, какъ смѣшанныя, такъ и между русскими только подданными, передаются консулами на разрѣшеніе аксакаловъ, муллъ и выборныхъ изъ торговцевъ.

Самое судопроизводство въ консульскихъ судахъ въ Западномъ Китаѣ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ отличается своимъ особенно упрощеннымъ порядкомъ, и можно даже сказать, что, до извѣстной степени, носить даже патриархальный характеръ. Дѣло ведется всюду, приблизительно, такъ: о всякомъ преступленіи или проступкѣ, въ которомъ замѣшаны одни только русскіе подданные, сообщается прежде всего аксакалу. Тотъ принимаетъ необходимыя мѣры къ задержанію обвиняемаго или подозрѣваемаго и высылкѣ самого преступленія, и затѣмъ докладываетъ консулу. Консулъ, если дѣло важно, самъ разбираетъ его; если же дѣло не считается достаточно важнымъ, то, основываясь на протоколѣ особаго совѣщанія, передаетъ дѣло для разбора аксакалу или мулламъ, для разбора по мусульманскому шаригату. При разбирательствѣ дѣлъ самимъ консуломъ, обычно, никакихъ протоколовъ не пишется; письменная часть совершенно отсутствуетъ; разборъ производится устно, и рѣшеніе постановляется устно; тутъ же, конечно, оно и объявляется. Никакія формальности, требуемыя закономъ, обычно, не соблюдаются. Наказаніе налагается также безъ справки съ уложеніемъ о наказаніяхъ или уставомъ о наказаніяхъ и состоитъ, большей частью, въ непродолжительномъ арестѣ при консульствѣ или небольшомъ штрафтѣ.

Долгое время не существовало и апелляціонной инстанціи, куда можно было бы обжаловать рѣшенія консульскаго суда въ Китаѣ, или, вѣрнѣе, инстанція эта не была указана консуламъ, они ея не знали, и потому никто на рѣшенія консуловъ въ Западномъ Китаѣ жалобъ не приносилъ; и только въ 1903 году было разъяснено министерствомъ

иностранных дѣлъ, что на рѣшенія консуловъ можно подавать апелляціонныя жалобы въ миссію въ Пекинѣ. Тогда же выяснилось, что на рѣшенія миссіи, постановленныя въ апелляціонномъ порядкѣ, можно приносить кассационныя жалобы въ Правительствующій Сенатъ. Это разъясненіе было сдѣлано по отношенію къ консульскимъ судамъ въ Маньчжуріи, но, разумѣется, оно относится также и къ консульскимъ судамъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ; такъ это и понимается миссіей въ Пекинѣ. Пока не было апелляціонной инстанціи, еще можно было мириться съ тѣмъ патриархальнымъ судопроизводствомъ, которое существуетъ въ консульствахъ Западнаго Китая, потому что жаловаться на рѣшенія консульскихъ судовъ все равно было некуда. Но теперь уже нужно оставить этотъ порядокъ и принять къ руководству правила и порядокъ судопроизводства, дѣйствующіе вездѣ въ судебныхъ установленіяхъ имперіи. Конечно, нужно думать, что каждый консулъ старается рѣшать дѣла по справедливости, но онъ можетъ ошибаться, и апелляціонная инстанція можетъ исправлять его ошибки. А для того, чтобы апеллія могла имѣть мѣсто и служить коррективомъ, необходимо, чтобы всѣ судебныя дѣйствія были сообразны съ русскими законами и, кромѣ того, оставляли извѣстный слѣдъ, т. е. были записаны въ протоколъ, и самое рѣшеніе было облечено въ установленную письменную форму. Если протоколы вестись не будутъ, то посланникъ не будетъ имѣть возможности судить, правильно ли рѣшено консуломъ то или другое дѣло, т. е. апеллія будетъ невозможна. Несомнѣнно, что теперь законосообразный порядокъ войдетъ въ силу, и упрощенное судопроизводство само собой отойдетъ въ область преданій. Конечно, новый порядокъ прибавитъ консуламъ дѣла, но зато онъ дастъ гарантіи противъ ошибокъ и неправильностей.

По дѣламъ гражданскимъ существуетъ такой же упрощенный порядокъ судопроизводства, какъ и по дѣламъ уголовнымъ. Жалобы заявляются устно или самому консулу,

или даже аскакалу. Только лица, живущія внѣ города, гдѣ находится консульство, посылаютъ письменныя просьбы. Большая часть дѣлъ гражданскихъ разбирается даже не самимъ консуломъ, а аскакаломъ или муллами, или выборными. Консулы предпочитаютъ передавать эти дѣла на рѣшеніе народного суда. Если же консулъ разбираетъ гражданское дѣло самъ, то порядокъ совершенно такой же, какъ и при разборѣ дѣлъ уголовныхъ. Но если упрощенный порядокъ судопроизводства крайне неудобенъ въ дѣлахъ уголовныхъ, то въ дѣлахъ гражданскихъ онъ долженъ быть изгнанъ изъ употребленія теперь же. Въ дѣлахъ уголовныхъ вопросъ исчерпывается наказаніемъ виновнаго, которыя въ консульскомъ судѣ, въ настоящей постановкѣ этого суда въ Западномъ Китаѣ, крайне легкія и при томъ, обыкновенно, не сопровождаются для наказаннаго никакими послѣдствіями въ сферѣ его гражданскихъ правъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ разъ виновность того или другого лица установлена, виновный наказанъ, правосудіе удовлетворено, и тѣмъ дѣло для всѣхъ постороннихъ процессу лицъ совсѣмъ окончено. Въ дѣлахъ же гражданскихъ рѣшеніемъ суда почти всегда восстанавливаются или утверждаются разныя права, которыя тѣмъ или другимъ законнымъ образомъ могутъ переходить къ третьимъ лицамъ. Но для того, чтобы право могло переходить и быть прочно обоснованнымъ, необходимо, чтобы оно было закрѣплено письменнымъ актомъ. Въ виду этого всѣ рѣшенія консульскаго суда должны быть изложены въ письменной формѣ. Кромѣ того, все происходящее на судѣ должно быть занесено въ протоколъ, иначе апелляціонное производство не можетъ имѣть мѣста. Наконецъ, долженъ выводиться изъ употребленія и разборъ дѣлъ аскакаломъ, но объ этомъ я поговорю ниже. Въ настоящее время и въ Западномъ Китаѣ жизнь усложняется, простота отношеній между русскими подданными исчезаетъ, а потому и прежніе, упрощенные приемы и порядокъ суда между русскими подданными должны быть оставлены и замѣнены новыми, существующими въ русскихъ предѣлахъ.

Свои судебныя рѣшенія и приговоры консулъ самъ долженъ и приводить въ исполненіе, потому что, кромѣ консульства, никакихъ другихъ русскихъ административныхъ учреждений въ Китаѣ не существуетъ. Если по какому-либо уголовному дѣлу назначенъ арестъ, то арестованные содержатся въ арестномъ домѣ при консульствѣ. На устройство и содержаніе этихъ мѣстъ заключеній казной ничего не отпускается. Они содержатся на общественныя средства русской факторіи; при томъ, если арестованные имѣютъ собственныя средства или состоятельныхъ родственниковъ, то они должны содержаться во время ареста на свои средства. На содержаніе арестныхъ домовъ идутъ также и взыскиваемые въ штрафъ деньги. За недостаткомъ средствъ, устроены арестные дома плохо; хотя я лично вездѣ, гдѣ управлялъ консульствами, старался, по возможности, улучшить помѣщенія для арестованныхъ. Завѣдуя арестными домами, подъ надзоромъ консула, обыкновенно, аскакалы. Заключенные въ арестные дома, большей частью, ничего не дѣлаютъ. Въ Чугучакѣ одно время арестованные употреблялись на работы при консульствѣ, для очистки дворовъ, поправки дорогъ и т. п., при чемъ въ такихъ случаяхъ получали усиленное довольствіе, но практикуются ли эти работы теперь, не знаю.

По дѣламъ гражданскимъ никакихъ исполнительныхъ листовъ не выдается, да это и невозможно, при устной только формѣ судебныхъ рѣшеній. Мѣсто этого дѣло ведется такъ, что тутъ же на судѣ консулъ приказываетъ исполнить рѣшеніе, напримеръ, уплатить деньги; если же рѣшеніе сейчасъ исполнить нельзя, то наблюденіе за исполненіемъ поручается аскакалу. Въ случаѣ подачи иска въ письменной формѣ лицомъ, живущимъ въ русскихъ предѣлахъ, отвѣтъ дается черезъ русскихъ властей, обыкновеннымъ отношеніемъ. Въ случаѣ отказа какого-либо русскаго подданнаго, проживающаго въ китайскихъ предѣлахъ, исполнить рѣшеніе консула, у консула есть могущественное средство понужденія въ видѣ угрозы высылкой изъ китайскихъ предѣловъ. Высылка на дѣлѣ примѣняется

крайне рѣдко, такъ какъ одна угроза примѣнить эту мѣру производитъ достаточно сильное впечатлѣніе на лицъ, открыто не повинующихся распоряженіямъ консула.

Такимъ образомъ, какъ само судопроизводство въ консульскихъ судахъ въ Западномъ Китаѣ носитъ совершенно упрощенный характеръ, такъ подобнымъ же характеромъ соотвѣтственно отличается и исполненіе рѣшеній этого суда. Конечно, такой порядокъ долженъ казаться теперь страннымъ и чѣмъ-то даже архаическимъ, но въ свое время, и при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, и онъ достигалъ цѣли, и былъ и удобнымъ и полезнымъ.

Говоря о судебной дѣятельности консуловъ въ Западномъ Китаѣ, необходимо также упомянуть и объ ихъ дѣятельности, въ качествѣ нотаріусовъ. Какъ извѣстно, на всѣхъ консуловъ, въ томъ числѣ и на консуловъ въ Китаѣ, возложены и обязанности нотаріусовъ. Нотаріальныя обязанности консулы исполняютъ, руководствуясь общимъ русскимъ нотаріальнымъ уставомъ. Въ Западномъ Китаѣ дѣятельность консуловъ, какъ нотаріусовъ, развита, однако, слабо. Это зависитъ отъ того, что большинство русскихъ подданныхъ-торговцевъ въ Западномъ Китаѣ народъ некультурный, который не только не находитъ нужнымъ, но даже какъ-то боится облекать свои сдѣлки въ письменную форму, а особенно свидѣтельствовать ихъ у правительственной власти. Въ виду этого, акты, заключаемые и свидѣтельствуемые въ консульствахъ, и не многочисленны и не разнообразны. Всего чаще это протестъ векселей; затѣмъ, засвидѣтельствованіе подлинности подписей и торговыхъ довѣренностей; наконецъ, сдѣлокъ по продажѣ участковъ земли въ предѣлахъ факторіи. Другіе акты, перечисляемые въ нотаріальномъ и консульскомъ уставахъ, тоже иногда заключаются и свидѣтствуются въ консульствахъ, но это не обычное явленіе, а случайность. Въ послѣднее время развивается тамъ дѣятельность Русско-китайскаго банка и транспортныхъ конторъ, такъ что, вѣроятно, въ виду этого нотаріальная дѣятельность должна будетъ расширяться.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Смѣшанные процессы — участники русские и китайскіе подданные. — Отсутствие указанія въ законахъ и трактатахъ относительно порядка разбора дѣлъ смѣшанныхъ. — Выработанный практикой порядокъ разбора дѣлъ уголовныхъ. — Отношеніе къ дѣлу китайскихъ властей. — Примѣры китайскаго правосудія въ смѣшанныхъ дѣлахъ. — Разборъ дѣлъ гражданскихъ. — Судебныя доказательства и значеніе свидѣтельскихъ показаній. — Исполненіе рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. — О претензіяхъ китайскихъ подданныхъ, представляемыхъ непосредственно въ консульство. — Отсутствие апелляціи на рѣшенія смѣшанныхъ судовъ и разумность такого порядка, при существующихъ условіяхъ.

До сихъ поръ я говорилъ о судебной дѣятельности консуловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда причастны къ дѣлу лишь одни русскіе подданные; теперь перейду къ смѣшаннымъ процессамъ, гдѣ совместно съ русскими участвуютъ и китайскіе подданные. Этихъ процессовъ гораздо больше, тѣмъ дѣль только между русскими подданными, да это вполне и естественно. Дѣлю въ томъ, что русскіихъ подданныхъ, сравнительно, очень немного, и они составляютъ лишь небольшую кучку среди мѣстнаго населенія, среди котораго они живутъ, имѣютъ съ нимъ дѣла и нерѣдко сталкиваются. Кроме того, почти всѣ русскіе подданные прѣзжаютъ въ китайскіе предѣлы для торговли, торговые дѣла они ведутъ, главнымъ образомъ, съ китайскими подданными. Отсюда-то и возникаетъ много судебныхъ дѣлъ, разбирать которыя приходится консуламъ совместно съ китай-

скими властями. Въ этомъ случаѣ дѣятельность консуловъ является наиболее трудной, сложной и менѣе опредѣленной. Законодательство русское въ этомъ случаѣ молчитъ, указывая лишь на обязанность консуловъ въ Китаѣ разбирать дѣла между русскими и китайскими подданными совместно съ китайскими властями. ¹⁾ Другой важный источникъ — протоколъ особаго совѣщанія — прибавляетъ къ этому, что «въ Западномъ Китаѣ не слѣдовало бы препятствовать русскимъ подданнымъ оканчивать съ китайскими подданными всѣ гражданскія и уголовныя дѣла миролобно, какъ у самого консула и китайскихъ властей, такъ и посредствомъ выборныхъ судей или съѣздовъ тяжущихся». Вышеприведенныя указанія являются единственнымъ руководствомъ для консула въ случаѣ смѣшанныхъ процессовъ.

Въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ, какъ поставлена юстиція у китайцевъ. Она совершенно отличается отъ европейской, въ томъ числѣ и отъ русской. По своей культурѣ, бытовомъ и юридическимъ понятіямъ, китайцы кореннымъ образомъ отличаются отъ насъ. Это отразилось и на постановкѣ судебной части. Въ то время какъ въ китайскомъ судѣ мы видимъ жесточайшія пытки, посредствомъ которыхъ стараются, во что бы то ни стало, добиться признанія обвиняемаго, при стараніи обязательно обвинить попавшаго въ руки правосудія несчастнаго, вообще, господство телесныхъ наказаній, — въ русскомъ судѣ мы находимъ совершенно другое, именно: снисходительное отношеніе даже къ заведомому преступнику, преобладаніе косвенныхъ уликъ и совершенное отсутствіе телесныхъ наказаній. Китайскіе судебные порядки, несомнѣнно, должны производить огромное вліяніе на постановку смѣшанныхъ процессовъ, гдѣ приходится примирять часто два почти не примиримыя мировоззрѣнія. Поэтому, вполне понятно, что иногда бываетъ крайне трудно консуламъ разрѣшать дѣла, гдѣ замѣшаны русскіе и китайскіе подданные.

¹⁾ Тяньцзиньскій тракт. и улож. о наказ.

Обычный порядок ведения таких дѣлъ слѣдующій. Буду сначала говорить о дѣлахъ уголовныхъ. Каждый истецъ или обвинитель долженъ обращаться съ жалобой къ своей національной власти. У насъ въ консульствѣ при этомъ заявленіи производится допросъ какъ самого просителя, такъ и его свидѣтелей, и если допросъ покажетъ, что дѣло не настолько серьезно, чтобы требовалось личное свиданіе консула съ китайскими властями, для разбора дѣла, то проситель, въ сопровожденіи аксакала, отправляется къ китайскимъ властямъ. Аксакалу дается указаніе, что и какъ передать китайской власти и чего требовать. Роль аксакала въ подобныхъ случаяхъ адвокатская, онъ долженъ защищать русскаго подданнаго въ случаѣ, если китайскія власти будутъ разбирать дѣло пристрастно и, вообще, присутствовать при разборѣ дѣла.

Въ китайскомъ управленіи производится судебное слѣдствіе, и если фактъ виновности китайскаго подданнаго установленъ, то постановляется приговоръ, и часто тутъ же, въ присутствіи потерпѣвшаго, производится тѣлесное наказаніе. Нерѣдко бываетъ, что само начальство дѣла не разбираетъ, а передаетъ на разборъ нашего аксакала и своихъ переводчиковъ, или съ той и другой стороны выбираются посредники. Всего чаще это бываетъ по дѣламъ о мелкомъ воровствѣ и личныхъ обидахъ, гдѣ приходится выяснять факты и устанавливать размѣръ вознагражденія потерпѣвшей сторонѣ. Однако, рѣшенія этой низшей инстанціи не окончательны, и въ случаѣ, если стороны недовольны рѣшеніемъ, то онѣ могутъ апеллировать къ установленной власти, что нерѣдко и бываетъ.

Тотъ же порядокъ соблюдается и въ томъ случаѣ, когда обвинитель — китайскій подданный, а обвиняемый — русскій. Со стороны китайцевъ является въ консульство переводчикъ, въ сопровожденіи потерпѣвшаго и свидѣтелей. Также производится допросъ; иногда дѣло передается на разборъ аксакала съ переводчикомъ. Тѣлесныхъ наказаній у насъ нѣтъ, и потому самое главное наказаніе это

арестъ. Впрочемъ, китайцы всегда протестуютъ противъ такихъ, по ихъ мнѣнію, легкихъ наказаній и, указывая на то, что китайскихъ подданныхъ въ подобныхъ случаяхъ бьютъ и пятаютъ, требуютъ и для русскихъ подданныхъ подобныхъ же наказаній. Къ счастью, китайцы любятъ деньги, и потому, большей частью, достаточно бываетъ присудить въ ихъ пользу, вмѣсто ареста, небольшую сумму денегъ, чтобы протесты прекратились, хотя иной разъ приходится направлять неумѣренно протестующихъ къ ихъ властямъ для соответствующаго вразумленія. Что касается, вообще, поведения китайскихъ подданныхъ на судѣ въ консульствѣ, то похвалить ихъ нельзя. Привыкнувъ въ своихъ ямыняхъ къ грубому обращенію, они не понимаютъ того гуманнаго отношенія, какое встрѣчаютъ въ консульствѣ и, принимая вѣжливость за слабость, позволяютъ себѣ иногда дерзкія выходки. Поэтому, самое лучшее отношеніе къ нимъ строго начальническое, къ которому они привыкли у своего начальства, и которое всегда заставляетъ помнить, гдѣ они находятся.

Болѣе серьезныя уголовныя дѣла служатъ предметомъ разсмотрѣнія самого консула совместно съ китайскими властями, которымъ подлежитъ дѣло. Такія засѣданія всегда происходятъ въ консульствѣ, такъ какъ мы избираемъ ѣздить въ китайскіе ямыни для разбора дѣла; это дѣлается, до известной степени, ради поддержанія нашего престижа. Для разбирательства назначается, по взаимному согласенію, опредѣленный день, когда должны явиться въ консульство и прикосновенныя къ дѣлу лица. Съ китайской стороны являются или даотай, или другой чиновникъ, если консулъ на это согласенъ. Порядокъ разбора такой: сначала идетъ допросъ сторонъ, при чемъ русскихъ подданныхъ допрашиваетъ китайскій чиновникъ, а китайскихъ — консулъ. Впрочемъ, порядка тутъ мало, потому что присутствующіе при допросѣ китайскіе переводчики и аксакалы вмѣшиваются въ дѣло, подсказываютъ своимъ соотечественникамъ, что имъ нужно говорить, вставляютъ

свои замѣчания. Приходится останавливать ихъ, а иногда приказывать выводить изъ комнаты, но восстановленію порядка это мало помогаетъ. Протокола засѣдана, большей частью, не ведется, потому что китайскія власти избѣгаютъ этого. Если же, по требованію консула, показанія записываются въ протоколъ, то китайцы пишутъ свой протоколъ по-китайски, а консулъ — свой. Потомъ оба экземпляра свѣряются и подписываются и консуломъ и китайскими чиновниками. По окончаніи вопроса, идетъ обсужденіе дѣла судьями. Однако, жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что эта часть засѣдана, да и вообще смѣшанный судъ, напоминаетъ порядокъ въ нашихъ судахъ. Ничего подобнаго тутъ нѣтъ; судьи ходятъ всего болѣе на адвокатовъ, и тутъ не ищутъ судебного безпристрастія. Китайскіе представители стараются всѣми правдами и неправдами выродить китайскаго подданнаго и всю вину взвалить на русскихъ подданныхъ; вслѣдствіе этого, и консулу приходится оставлять роль судьи и защищать своихъ. Этотъ странный фактъ объясняется, во-1-хъ, тѣмъ, что, по китайскому понятію, рѣшеніе, постановленное въ пользу русскаго подданнаго противъ китайскаго, доказываетъ или неспособность, или продажность разбирающаго дѣло чиновника, о чемъ я уже говорилъ выше; во-2-хъ, тѣмъ, что почти всегда китайскія власти успѣютъ до разборательства дѣла взять взятку со своихъ подданныхъ и, стало быть, уже обязаны поддерживать ихъ. Вслѣдствіе этого и приходится тратить массу времени на обсужденіе общезавѣстныхъ истинъ, почти аксіомъ. Съ китайской стороны употребляются всевозможныя уловки, чтобы выиграть дѣло. Если мы ссылаемся на общечеловѣчскій законъ, съ которымъ совпадаетъ въ данномъ случаѣ и нашъ русскій, то китайцы на это отвѣчаютъ, что у нихъ въ Китаѣ такихъ законовъ нѣтъ, «это у насъ такъ, говорятъ они, а у насъ совѣмъ по другому». Если уже ничто не помогаетъ, то прежде вопросъ переносился на политическую почву, что, молъ, два государства издавна находятся въ дружбѣ и что, стало быть,

изъ-за малаго дѣла и люда не стоить ссориться чиновникамъ двухъ дружественныхъ государствъ. Теперь, вѣроятно, къ этому средству прибѣгать будетъ бесполезно. Китайцы, конечно, отлично знаютъ, что требованія консула справедливы и что удовлетворить ихъ, пожалуй, придется но, связанные полученной взяткой и страннымъ китайскимъ взглядомъ на дѣло, упорствуютъ. Противопоставивъ консулу извѣстное количество доказательствъ невинности подсудимаго и найдя, вѣроятно, что они этимъ уплатили долгъ подносителю взятки и обществуному мнѣнію, они соглашаются съ консуломъ, но всегда почти показывая видъ, что они это дѣлаютъ консулу одолженіе, и то въ виду дружбы двухъ государствъ или личной, якобы, дружбы съ консуломъ.

Для иллюстраціи вышеизложеннаго я разскажу слѣдующій случай изъ моей собственной практики въ Чугучакѣ. Одинъ богатый кашгарлыкъ ужаснымъ образомъ избилъ своего работника, русскаго подданнаго киргиза, нанесъ ему серьезныя раны. Раненаго привезли въ консульство. О случившемся я сообщилъ черезъ аксакала китайскимъ властямъ, и просилъ наказать виновнаго. На это получилъ отвѣтъ, что виновнаго разыскать не могутъ. Тогда я самъ отправился къ ямынъ, и потребовалъ, чтобы виновный былъ разысканъ и наказанъ. Первое требованіе было исполнено тотчасъ же, такъ какъ виновный давно уже былъ разысканъ и находился на дворѣ ямына, но на второе — получилъ категорическій отказъ — и чѣмъ же мотивированный? А тѣмъ, что виновный временно проживаетъ въ Чугучакѣ, и потому чугучакскія власти наказывать его не могутъ. Я привелъ въ примѣръ нѣсколько подобныхъ же случаевъ, гдѣ требованія консула исполнялись властями, но ничто не помогало, китаецъ твердилъ свое: не имѣю права. Видя, что толку тутъ ужъ не добьются, я заявилъ, что такъ какъ мѣстныя власти не могутъ наказывать временнаго жителя Чугучака то я, не желая вводить почтенныхъ властей въ отвѣтственность за превышеніе власти, обращусь по телеграфу къ

синьзянскому губернатору, и попрошу его наказать виновного, и тотчас же встал, чтобы уйти. Китаец, не ожидавший такого оборота дѣла, перепугался, просилъ меня не сердиться и остаться, сказалъ, что, въ виду нашихъ добрыхъ отношеній, онъ исполнитъ мое требованіе, и тотчасъ же виновный былъ подвергнутъ соотвѣствующему наказанію. При этомъ китаецъ настолько разсердился на виновнаго, поставившаго его въ неловкое положеніе, что готовъ былъ убить его, такъ что пришлось даже сокращать его излишнюю ревность къ дѣлу.

Въ другомъ случаѣ китаецъ отрубалъ ухо русскому подданному. Пострадавшій въ такомъ видѣ и былъ отправленъ къ китайскимъ властямъ, такъ что онъ отлично все видѣли. Однако, и тутъ съ трудомъ добились наказанія китайца, потому что онъ далъ большую взятку властямъ. Пришлось даже писать на одну бумагу по этому поводу, — и что же въ заключеніе отвѣтили китайскія власти? Въ своей официальной бумагѣ уѣздный начальникъ говоритъ, что онъ не можетъ не вѣрить словамъ такого почтеннаго чиновника, какъ консула, а потому и наказалъ китайца, но только онъ думаетъ, что ухо у киргиза повреждено морозомъ, а не обрубано, а кромѣ того, и народъ толкуетъ что, молъ, русскій подданный самъ, по злобѣ на китайца, обрубалъ себѣ ухо. Конечно, на такую бумагу ничего не отвѣтили.

Вышеприведенные факты, которые лишь выбраны изъ массы другихъ подобныхъ, достаточно ясно показываютъ, насколько трудно бываетъ разрѣшать дѣла совмѣстно съ китайцами. Собственно говоря, при рѣшеніи дѣлъ у насъ нѣтъ никакой, общей съ китайцами, почвы, на которую бы могли опираться, какъ на юридическую норму, и потому почти каждое рѣшеніе представляетъ компромиссъ, вынужденный обстоятельствами, который лишь болѣе или менѣе удовлетворяетъ участвующія въ дѣлѣ стороны. Становясь на строго юридическую точку зрѣнія, этотъ порядокъ рѣшенія дѣлъ нельзя назвать и судомъ, но, при данномъ со-

стояніи китайской юстиціи и нравовъ, едва ли что-нибудь другое можетъ и быть, такъ что надо думать, что лучшаго намъ долго нельзя будетъ дожидаться. Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ, и большинство жалобъ русскихъ подданныхъ, по возможности, получаютъ справедливое удовлетвореніе. Чтобы сломить упорство китайцевъ, приходилось иногда прибѣгать къ довольно рѣшительнымъ мѣрамъ, напримѣру, заявлять, что если власти не рѣшатъ дѣла въ пользу русскаго подданаго, то я не буду рѣшать китайскія дѣла. Большею частью эта угроза достигала цѣли, особенно, если китайцы убѣждались, что я не только говорю, но и исполняю то, что сказано. Впрочемъ, это приемъ довольно рискованный, и нужно употреблять его умѣло и осторожно, сообразуясь съ обстоятельствами и съ характеромъ того китайскаго чиновника, съ которымъ имѣешь дѣло. Нужно быть увѣреннымъ, что угроза произведетъ желаемое дѣйствіе и приведеніе ея въ исполненіе не вызоветъ осложненій, а иначе дѣло можно еще болѣе испортить. Съ болѣею увѣренностью я употребляю другой приемъ, именно, если китайцы не хотѣли рѣшить какое-либо важное дѣло въ пользу русскаго подданаго, я указывалъ имъ на другое дѣло, въ которомъ пострадавшей стороной являлся китаискій подданный и въ которомъ китаискія власти, по моимъ свѣдѣніямъ, были заинтересованы, и предлагалъ имъ, что если онъ рѣшитъ это дѣло такъ, какъ я желаю, то я, въ свою очередь, справедливо рѣшу интересующее ихъ дѣло; однимъ словомъ, услуга за услугу. Это средство часто оказывалось дѣйствительнымъ.

Въ гораздо лучшихъ условіяхъ находятся китаискіе подданные, когда они жалуются на русскихъ подданныхъ. Хотя мы тоже защищаемъ своихъ соотечественниковъ, выходя даже изъ роли судей, однако противъ очевидности не идемъ, и потому всѣ справедливыя жалобы китаискихъ подданныхъ получаютъ законное удовлетвореніе. Впрочемъ, и тутъ мы опять встречаемъ иногда такія особенности, которыя незнакому съ положеніемъ дѣла должны по-

казаться прямым нарушением закона. Первая особенность состоит в томъ, что большинство уголовныхъ дѣлъ обращается въ гражданскія, то-есть, разъ гражданскій искъ удовлетворенъ, то дѣло считается оконченнымъ. Уголовная репрессія очень слабая, такъ что, напримеръ, даже тамъ, гдѣ, по русскимъ законамъ, полагается тюремное заключение на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, здѣсь наказание ограничивается непродолжительнымъ арестомъ при консульствѣ, иногда еще, чтобы удовлетворить китайцевъ, виновный высылается изъ китайскихъ предѣловъ; но и эта мѣра примѣняется только къ людямъ, не имѣющимъ осѣдлости въ китайскихъ предѣлахъ. Замѣна наказания штрафомъ объясняется тѣмъ, что, при трудности доказать виновность того или другого лица, благодаря разнымъ мѣстнымъ условиямъ, юридически обосновать приговоръ часто невозможно, а стало быть, невозможно удовлетворить и гражданскую претензію; между тѣмъ для китайцевъ-то, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, это, большей частью, самый важный вопросъ и есть. Но если, оставая вопросъ о наказаніи, стараться объ удовлетвореніи гражданскаго иска, то искъ почти всегда можетъ быть удовлетворенъ, такъ какъ виновные, хотя иногда и не лично, но чрезъ другихъ лицъ соглашаются уплатить требуемую съ нихъ сумму въ пользу потерпѣвшихъ, а китайцы, при ихъ любви къ деньгамъ, ничего противъ этого не излюбятъ. Подобная уплата облекается только въ благовидную форму и вносится подзвѣваемыми лицами какъ бы въ обеспечение иска. Самое постановление по этому поводу излагается въ условной формѣ, приблизительно такъ: по внесеніи такой-то суммы въ обеспечение иска, дѣло до розыска обвиняемыхъ считать оконченнымъ. Нечего ужъ и говорить, что такая форма рѣшенія уголовныхъ дѣлъ далека отъ совершенства, но въ Западномъ Китаѣ она иногда бываетъ необходима, такъ какъ въ смѣшанныхъ процессахъ прежде всего нужно дать удовлетворение китайцамъ — потерпѣвшей сторонѣ, иначе китайцы будутъ создавать затрудненія при разрѣшеніи претензій русскихъ подданныхъ.

Порядокъ разбора дѣлъ гражданскихъ, въ которыхъ сторонами являются подданные двухъ государствъ, приблизительно тотъ же, что и дѣлъ уголовныхъ. Разница этихъ двухъ процессовъ заключается, прежде всего, въ различномъ отношеніи къ процессамъ — уголовному и гражданскому — китайскихъ властей. Говоря въ своемъ мѣстѣ о китайской юстиціи, я уже указалъ, что у китайцевъ не существуетъ никакихъ правль гражданскаго судопроизводства, при томъ власти считаютъ, что до частныхъ сдѣлокъ имъ нѣтъ никакого дѣла. Этотъ взглядъ переносится властями и на смѣшанные процессы по гражданскимъ дѣламъ. Поэтому, если китайскіе подданные возбуждаютъ искъ къ русскимъ подданнымъ, то власти принимаютъ его въ томъ случаѣ, если имъ дадутъ взятку. Если же русскіе подданные предъявляютъ искъ къ китайскимъ, то власти относятся къ дѣлу несерьезно, считая все это пустяками, не заслуживающими вниманія серьезнаго человѣка, тѣмъ болѣе чиновника, который долженъ заниматься болѣе важными дѣлами. По этой причинѣ онѣ очень неохотно разбираютъ такіа дѣла сами и совмѣстно съ консуломъ, а стараются передавать на разрѣшеніе переводчиковъ съ русскими аскалами. Если же берутся за дѣло, то хорошее изъ этого выходитъ очень мало. Дѣлаютъ это они за взятку, и тогда защищаютъ своихъ подданныхъ, несмотря ни на что, и оттого убѣдить ихъ въ чемъ-либо бываетъ очень трудно. Трудность эта увеличивается еще и оттого, что у китайцевъ совершенно другой взглядъ на значеніе и силу многихъ доказательствъ по гражданскимъ дѣламъ. Такъ, напримеръ, у насъ въ торговыхъ сдѣлкахъ главнымъ доказательствомъ считаются письменные документы: счета, расписки, условія и т. п. Китайскіе же чиновники этимъ доказательствамъ большого значенія не придаютъ. Переносъ на гражданскій процессъ понятія китайскаго уголовного процесса, гдѣ для рѣшенія дѣла необходимо сознание обвиняемаго, они и въ гражданскомъ процессѣ считаютъ необходимымъ признаніе отвѣтчикомъ на судѣ своего обязательства. Если же отвѣтчикъ

категорически отказывается признать свое обязательство, то документы помочь тут не могут, а требуется показание свидетелей при заключении сделки. Если свидетели подтвердят, что сделка действительно была заключена, и соответствующий документ был выдан в присутствии свидетелей же, то документы принимаются во внимание, при определении на суд суммы денег, количества и качества товаров. Подписи на документах во внимание не принимаются, и экспертиза подписей места иметь не может. Подписи у китайцев зачисляются приложением печати фирмы или того или другого лица. Только на документах, выдаваемых русским подданным, китайцы иногда, вместе с приложением печатей, делают и подписи. Загем существуют известные торговые обычаи. Китайские суды значения им также не придают. Понятно, при этих условиях, как трудно бывает убедить этих судей в справедливости какого-либо иска. Вследствие этого, в гражданских делах нередко приходится, помимо личных переговоров с властями, начинать с ними переписку, в которой и доказывать справедливость русских претензий. Оттого дела, конечно, затягиваются и тянутся иногда целыми годами. Но при настойчивости и знании китайцев, все-таки бывает возможно добиться благоприятного разрешения дела.

Но от разрешения дела до исполнения решения еще очень далеко. Если ответчик оказывается упорным, и сам не желает исполнить решения, то китайские власти, обычно, для этого ровно ничего не делают. Поэтому, консульству опять приходится настаивать на исполнении решения, а бывает, что и настояния тоже ни к чему не приводят, потому что ответчики, при потворстве властей, успевают скрыться, и тут уж ровно ничего не поддаться, а то и живя на том же месте, под предлогом бедности, уклоняются от платежа.

Многие китайцы, имевшие претензии к русским подданным, знал, что их власти неохотно берутся за граж-

данские дела, обращаются со своими претензиями непосредственно в консульства, и консулы, обычно, удовлетворяют эти претензии, даже без вѣдома китайских властей. Но я полагаю, что такие претензии нужно удовлетворить с большим разбором. Такими случаями нужно пользоваться для давления на китайских властей в пользу русских подданных. Если претензия, представляемая китайским подданным, незначительна, а главное, такого рода, что не может заинтересовать китайских властей, то, конечно, отчего ее не удовлетворить. Справедливое удовлетворение ее создает популярность консульства среди китайских подданных, что очень важно. Если же претензия может заинтересовать китайских властей, то выгоднее не удовлетворять ее, а направить просителя к его начальству, и если, загем, власти будут просить консульство дать удовлетворение по этому делу, то взамен требовать удовлетворения претензий русских подданных. Я много раз прибѣгал к такому приему и всегда с успехом. Поэтому, по опыту могу рекомендовать это и моим коллегам.

Апелляции решения смешанных судов не подлежат, по крайней мере в трактатах наших с Китаем нет никакого указания на право обжалования этих решений. На практикѣ решения смешанных судов так и считались всегда окончательными. Только в минувшем 1905 г. были попытки со стороны нескольких русских подданных в Маньчжурии обжаловать решения смешанных судов. Но посланник наш в Пекинѣ, к которому поступили апелляционные жалобы, по моему ходатайству, разъяснил, что на основании трактатов, апелляция в данном случае не может иметь места, и вообще, он вполне согласился с моими соображениями по этому вопросу. По моему мнению, обжалования по этим делам пока и не должно быть. Не нужно забывать, что в этом случае мы имеем дело с китайцами, юридические воззрения которых совершенно отличны от наших. Вследствие этого, и теперь

трудно бывает русским консулам рѣшать дѣла съ китайскими чиновниками. Китайскіе представители защищаютъ своихъ соотечественниковъ, мы, въ свою очередь, тоже отстаиваемъ интересы русскихъ подданныхъ. Интересы русскихъ подданныхъ, такимъ образомъ, бываютъ соблюдены въ возможно полной мѣрѣ, и едва ли какая другая инстанція больше сдѣлаетъ. Теперь, къ кому обращаться съ апелляціей? Къ какой власти? Что касается русскихъ подданныхъ, то, разумѣется, можно обращаться къ посланнику. Но къ кому будутъ обращаться китайцы? Они могутъ обращаться только въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Пекинѣ, съ которымъ посланникъ только и можетъ пересматривать рѣшенія смѣшанныхъ судовъ и, такимъ образомъ, каждое судебное дѣло будетъ вызывать дипломатическій инцидентъ, что будетъ усложнять и безъ того нелегкое положеніе нашего посланника въ Пекинѣ, вдобавокъ, часто по причинамъ и дѣламъ самымъ незначительнымъ. Да, когда въ Пекинѣ будетъ создано спеціальное учрежденіе для пересмотра рѣшеній смѣшанныхъ судовъ, тогда можно будетъ говорить и объ апелляціи на рѣшенія этихъ судовъ, а пока это невозможно. Мѣстные китайскія власти, разумѣется, будутъ очень рады праву апелляціи. Это имъ дастъ возможность еще болѣе брать взятокъ со своихъ подданныхъ и затягивать дѣло до бесконечности, и если теперь бываетъ нелегко получать удовлетвореніе по рѣшеннымъ, бесспорнымъ дѣламъ, то тогда будетъ еще гораздо труднѣе, а иногда и невозможно. За то время, пока будетъ тянуться дѣло, китайскіе подданные отвѣтчики могутъ уѣхать или разориться, и тогда ничего нельзя будетъ и получить, хотя бы и въ Пекинѣ рѣшеніе состоялось въ пользу русскаго подданнаго. Такимъ образомъ, отъ апелляціи пострадаютъ только русскіе подданные. Китайцы въ своемъ судѣ апелляціи не знаютъ, апеллировать пока никакого желанія не выражаютъ, и пока они не сознаютъ въ этомъ нужды, не въ нашихъ интересахъ хлопотать объ учрежденіи апелляціонной

инстанціи для смѣшанныхъ процессовъ. Въ принципѣ, противъ апелляціи, конечно, ничего имѣть нельзя, но при данныхъ условіяхъ она невозможна. Этотъ порядокъ, если только теперь онъ будетъ введенъ, нисколько не гарантируя удовлетворенія исковъ русскихъ подданныхъ къ китайцамъ, дастъ только лишній случай для злоупотребленій китайскихъ чиновниковъ, и оттого, я опять повторю, страдающей стороной окажутся русскіе подданные, да едва ли выиграютъ и честные люди изъ среды китайцевъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Разборъ судебныхъ дѣлъ аксакалами, муллами и wybranными посредниками. — Нежелательность передачи дѣлъ для разбора аксакаламъ и причинъ этого. — Случай, когда аксакалъ можетъ разбирать дѣла. — Дѣла, передаваемые для разбора мулламъ по шаригату. — Международные киргизскіе сѣзды. — Цѣль этихъ сѣздовъ, устройство ихъ, порядокъ разбора дѣлъ и исполненіе рѣшеній. — Значеніе международныхъ сѣздовъ для поддержанія порядка и спокойствія на границѣ.

Выше я неоднократно говорилъ, что нѣкоторыя судебныя дѣла передаются на разрѣшеніе аксакаловъ, посредниковъ и муллъ по шаригату — мусульманскому закону. Теперь поговорю объ этомъ вопросѣ подробно. Въ протоколѣ особаго совѣщанія 1883 г. сказано: «Въ Западномъ Китаѣ не слѣдовало бы препятствовать русскимъ подданнымъ оканчивать съ китайскими подданными всѣ гражданскія и уголовныя дѣла миролюбиво какъ у самого консула, такъ и посредствомъ выборныхъ судей или сѣздовъ тяжущихся». На основаніи этого, наши консулы и передаютъ для разбора значительную часть дѣлъ торговымъ старшинамъ-аксакаламъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мелкія дѣла передаются на разрѣшеніе посредниковъ по народнымъ обычаямъ и муллъ по мусульманскому шаригату. Передача дѣла мулламъ или аксакалу зависитъ, прежде всего, отъ самого консула, а затѣмъ и отъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ,

хотя такое желаніе выражается сторонами очень рѣдко. Если стороны рѣшеніемъ этихъ, назначенныхъ консуломъ, судей недовольны, то обычно консулъ не отказывается разобрать самъ рѣшенное ими дѣло. Бываетъ и такъ, что стороны желаютъ передать дѣло на разрѣшеніе выбранныхъ ими самими посредниковъ, третейскихъ судей; такія рѣшенія считаются уже окончательными, и консуломъ не пересматриваются.

Что касается передачи дѣлъ для разбора аксакаламъ, то это самое обычное явленіе въ нашихъ консульствахъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. Къ сожалѣнію только, этотъ способъ разбора дѣлъ никакъ нельзя одобрить, въ виду чего я лично всюду, гдѣ управлялъ консульствами, уничтожалъ этотъ порядокъ, и всѣ дѣла, передававшіяся раньше аксакаламъ, разбиралъ самъ, и вотъ по какимъ причинамъ. Не нужно упускать изъ виду, что аксакалъ, простой татаринъ или сартъ, человѣкъ мало развитый и мало культурный, и уже по одному этому не имѣетъ необходимыхъ данныхъ для того, чтобы вѣдать такимъ важнымъ дѣломъ, какъ судебное, тѣмъ болѣе что судебныя дѣла и среди русскихъ подданныхъ въ Западномъ Китаѣ совѣтъ не простыя, а наоборотъ, очень часто приходится разрѣшать очень сложные юридическіе вопросы, а для этого непременно нужно быть образованнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, нужно быть выше среды и, во всякомъ случаѣ, не быть такъ связаннымъ съ этой средой, какъ связаны съ ней аксакалы, чтобы соблюдать безпристрастіе и справедливость. Нужно имѣть много характера и достаточно твердыя нравственныя правила, чтобы отказать отъ искушенія «порадѣть» близкому человѣку, а близкихъ у аксакала среди торговцевъ не мало. Кромѣ того, нужно имѣть и искреннее желаніе, чтобы судить по справедливости, а этого-то желанія, какъ я замѣтилъ, у аксакаловъ и не бываетъ, и я не видѣлъ ни одного аксакала, который не бралъ бы взятку, тѣмъ болѣе, что, при довѣріи консула, къ этому представляется полная возможность. Консулъ

долженъ очень внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ аксакальскомъ судѣ не было взяточничества и произвола, для этого онъ долженъ проверять всякое дѣло, рѣшенное аксакаломъ, а это будетъ равносильно тому, что какъ бы онъ самъ разбиралъ дѣло, и тогда гораздо проще и разумнѣе, вмѣсто этой проверки, самому разбирать все дѣла. Хуже всего въ этомъ случаѣ то, что взяточничество аксакала бросаетъ тѣнь на самого консула, такъ какъ въ населеніи укрѣпляется убѣжденіе, что самъ консулъ участвуетъ въ доходахъ аксакала. У русскихъ подданныхъ, въ ихъ средѣ, совсѣмъ нѣтъ такихъ дѣлъ, для рѣшенія которыхъ аксакаль былъ бы пригоднѣе консула, стало быть, въ этомъ случаѣ участие аксакала въ судѣ совершенно бесполезно, а бываетъ часто и вредно. Сами русскіе подданные, если консулъ не заставляетъ ихъ обращаться къ аксакалу, гораздо охотнѣе прибѣгаютъ къ суду консула, чѣмъ—аксакала. Только тѣ лица, у кого дѣло не чисто, предпочитаютъ аксакала, потому что консула неподкупнѣе, а подкупить аксакала очень легко. Но есть область, въ которой можно допускать и участие аксакала, это въ дѣлахъ съ китайцами, такъ какъ китайскій представитель не позволитъ ему взять взятку, предпочитая взять самъ, да и вообще китайскія власти сейчасъ же сообщатъ о злоупотребленіяхъ аксакала. Но и въ этомъ случаѣ можно поручать аксакалу только мелкія дѣла, а важныя поручать нельзя. Затѣмъ, по необходимости, приходится предоставлять нѣкоторыя судебныя права аксакаламъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ консула и которые отстоятъ далеко отъ мѣстопробыванія консула; но при этомъ обязательно предоставлять русскимъ подданнымъ полную возможность просить консула о пересмотрѣ каждаго рѣшеннаго аксакаломъ дѣла.

Такъ долго я остановился на судебной дѣятельности аксакаловъ въ виду того, что въ нашихъ консульствахъ Западнаго Китая аксакалы и до сихъ поръ играютъ очень большую роль, и среди консуловъ есть убѣжденные за-

щитники полезности и даже необходимости широкой судебной дѣятельности аксакаловъ.

Ничего нельзя имѣть противъ рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ муллами по шаригату. Къ числу такихъ дѣлъ нужно отнести личныя обиды и оскорбленія, имущественныя недоразумѣнія между близкими родственниками и тому подобныя мелкія дѣла, но, конечно, исключительно только между мусульманами и, при томъ, въ томъ только случаѣ, если стороны сами пожелаютъ разбираться у муллы. Поручать этимъ религіознымъ судамъ болѣе важныя дѣла безусловно невозможно, во-1-хъ, потому, что въ мусульманскомъ шаригатѣ нѣтъ многихъ указаній, касающихся современныхъ дѣлъ и вопросовъ, и, во-2-хъ, и муллы далеко не безпристрастные судьи; за взятку они не прочь толковать шаригатъ въ любую сторону; поэтому, мусульмане и говорятъ, что «шаригатъ-то у насъ одинъ, да дорогъ къ нему много», т. е. можно толковать его, какъ угодно; хотя, въ общемъ, муллы по честности должны быть поставлены выше аксакаловъ. Сами мусульмане не такъ ужъ охотно соглашаются судиться у своихъ муллъ и предпочитаютъ, даже въ случаѣ личныхъ обидъ, судъ консула. Та область, которая безусловно можетъ быть пока предоставлена мулламъ, это раздѣлъ наслѣдствъ, оставшихся послѣ умершихъ мусульманъ. Русскій законъ въ этомъ случаѣ неприложимъ, особенно въ виду многоженства мусульманъ. На практикѣ такъ и бываетъ, что дѣла о раздѣлѣ наслѣдствъ передаются религіозному мусульманскому суду. Раздѣлъ утверждается консуломъ. За свои дѣйствія по раздѣлу муллы получаютъ извѣстное вознагражденіе, въ видѣ извѣстнаго процента со стоимости раздѣляемаго имущества.

Что касается суда посредниковъ, биевъ по-тюрски, то это форма третейскаго суда. Къ ней обращаются стороны по собственному желанію, и прямой интересъ для консула поощрять разборъ дѣлъ, которыя, конечно, возможно передавать третейскому суду, этимъ судомъ.

Большим облегчением для ближайших к границѣ русских консульствъ въ Западномъ Китаѣ является предоставленное имъ право и возможность передавать сомнительныя дѣла на, такъ называемые международные съѣзды. Подъ именемъ международныхъ съѣздовъ разумѣются периодическія собранія русскихъ и китайскихъ киргизовъ для разрѣшенія по народнымъ киргизскимъ обычаямъ взаимныхъ претензій и споровъ. Важность этихъ съѣздовъ будетъ ясна, если имѣть въ виду, что по обѣ стороны государственной границы кочуютъ киргизы, и въ китайскихъ предѣлахъ проживаетъ постоянно большое количество русскихъ киргизовъ; поэтому, значительное количество дѣлъ въ консульствахъ касается киргизовъ.

Устройство международныхъ киргизскихъ съѣздовъ на границѣ было предусмотрено еще протоколомъ особаго совѣщанія. Цѣль этихъ съѣздовъ и порядокъ разбора на нихъ дѣлъ въ соглашеніи, заключенномъ въ 1884 г. консуломъ въ Чугучакѣ Балкашиннымъ съ мѣстной китайской властью, опредѣляются такъ: «Для миролюбиваго окончанія разныхъ дѣлъ между русскими и китайскими подданными киргизами ежегодно назначать осенью съѣзды. На этихъ съѣздахъ съ киргизами могутъ разсчитываться также купцы и другіе русскіе и китайскіе подданные. Разбирательство производится по обычаямъ и по шаригату. Русскія и китайскія власти только надзираютъ за порядкомъ на съѣздахъ, а въ разбирательство дѣлъ не входятъ. Бин (посредники) и старшины обѣихъ сторонъ составляютъ двѣ одинакія записи объ оконченныхъ дѣлахъ и представляютъ русскому и китайскому начальству. Не оконченныя дѣла отлагаются до съѣзда слѣдующаго года. Если кто предъявитъ жалобу и два года не явится на съѣздъ, то такія дѣла считать оконченными. Если понадобится, то, кромѣ этихъ съѣздовъ, можно назначать съѣзды и въ другое время, по соглашенію властей». Что же касается рода дѣлъ, которыя должны были разбираться на международныхъ съѣздахъ, то Балкашинъ въ своей бумагѣ къ степному генералъ-губернатору

опредѣлитъ ихъ такъ: «Бездоказательные киргизскіе пски, какъ, напримѣръ, когда барангачи¹⁾ и воры не пойманы, не выслѣжены и называются лишь на основаніи слуховъ, или когда голословно взыскиваются долги, не подтверждаемые расписками, или же когда отвѣтчики находятся неизвестно гдѣ, такія дѣла предоставлены миролюбивому окончанію амихъ киргизовъ на съѣздахъ, а равно тѣмъ, въ которыхъ киргизы сами желаютъ разобраться на съѣздѣ.²⁾ Кромѣ того, могли разбираться также и дѣла не кочевниковъ, въ случаѣ прибытія истцовъ и отвѣтчиковъ и согласія ихъ на рѣшеніе третейскимъ судомъ.

Указанныя выше общія основанія устройства международныхъ съѣздовъ остались почти неизмѣнными и до настоящаго времени, только на практикѣ они получили болѣе полное развитіе и точное опредѣленіе. Впрочемъ, вопреки предположенію Балкашина, созываются съѣзды не каждый годъ, но, приблизительно, черезъ три года, когда въ консульствѣ накопляется достаточное количество запутанныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть окончены лишь народнымъ судомъ. Болѣе частое устройство ихъ неудобно, такъ какъ вызываетъ много работы, которая всецѣло падаетъ на консульства. Обычно, переговоры по этому поводу съ китайскими и русскими властями начинаются за годъ до созыва съѣзда. За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія его власти двухъ государствъ доставляютъ въ консульство списки претензій, содержащіе нужныя по каждому дѣлу свидѣнія; изъ нихъ русскіе списки передаются китайцамъ, а китайскіе—русскимъ властямъ, для вызова указанныхъ въ нихъ истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей. Съ русской и китайской стороны назначаются особые чиновники, для надзора за порядкомъ на съѣздѣ.

Въ назначенный день и на опредѣленномъ мѣстѣ, обычно на китайской территоріи, собираются народные судьи,

¹⁾ Барангачи—конокрады.

²⁾ Отношеніе отъ 12 іюня 1885 г., за № 110.

туземныя должностныя лица и прикосновенныя къ дѣлу, и съѣздъ открывается консуломъ. Вслѣдъ за тѣмъ, судьи и другія почетныя лица составляютъ обязательное для съѣзда постановленіе — прежде, въ которомъ опредѣляется срокъ, раньше котораго возникшія дѣла не подлежатъ разбору и должны считаться преданными забвенью — салавату; о присягѣ и освобождаемыхъ отъ нея лицахъ, о раздѣлѣ куновъ¹⁾, о цѣнѣ разнаго скота, присуждаемаго на съѣздѣ, и о другихъ предметахъ, которые найдутъ нужнымъ, по общему соглашенію и согласно обычаямъ, установить для съѣзда. Это постановленіе скрѣпляется подписями и печатями участвующихъ и свидѣтельствуется командированными на съѣздъ чиновниками. Разбирательство дѣлъ на съѣздѣ производится по народнымъ обычаямъ судьями — бѣими — по выбору сторонъ, въ равномъ стѣ обѣихъ сторонъ числѣ, если не состоятъ соглашенія сторонъ на выборъ общаго посредника или посредниковъ.

Что касается характера рѣшаемыхъ дѣлъ, то можно, напримѣръ, указать на дѣла о кунахъ за убитаго, гдѣ вопросъ о наказаніи виновнаго не обсуждается, а обсуждается только вопросъ о виновности и объ уплатѣ куна за убитаго родственникамъ его. Это бываетъ по такимъ дѣламъ, гдѣ виновность точно установить невозможно, но народная молва указываетъ на то или другое лицо, какъ виновника. Въ этомъ случаѣ платитъ кунъ не одинъ только подозрѣваемый, а весь его родъ. Затѣмъ, много дѣлъ бываетъ о невѣстахъ. По киргизскому обычаю, молодыхъ людей стовариваютъ часто еще въ дѣтствѣ, и тогда же начинается уплата калыма-выкупа за невѣсту родителямъ ея. Но случается, что невѣста или умретъ, или почему-либо будетъ выдана за другого, тогда, по-нашему, слѣдовало бы возвратить калымъ, а у киргизовъ требуется дать другую невѣсту, и если у отца прежней невѣсты другой дочери нѣтъ, то должны дать невѣсту родственники. Бываетъ и такъ,

¹⁾ Кунъ это плата за убитаго его родственникамъ.

что и женихъ умретъ, тогда невѣста выходитъ за кого-нибудь изъ родственниковъ умершаго жениха. Всѣ подобныя дѣла никакой судъ, по обычаямъ киргизовъ, рѣшить бы не могъ, а международные съѣзды рѣшаютъ ихъ и такъ именно, какъ это полагается по киргизскимъ обычаямъ.

Постановленная на съѣздѣ рѣшенія по искамъ различныхъ истцовъ и отвѣтчиковъ исполняются, если возможно, немедленно, тутъ же на съѣздѣ. Если же немедленное исполненіе окажется невозможнымъ, то чиновникъ, которому подвѣдомственъ отвѣтчикъ, дѣлаетъ надлежащія распоряженія объ исполненіи рѣшеній, принимая мѣры къ тому, чтобы присужденное было доставлено въ назначенное мѣсто къ опредѣленному сроку. Присужденное взыскивается изъ имущества не только отвѣтчика, но и его родственниковъ, по народнымъ обычаямъ; почему въ постановленіи съѣзда прежде всегда опредѣляется, до какой степени родства простирается отвѣтственность родичей за несостоятельнаго отвѣтчика. Истцамъ предоставляется право, въ случаѣ неразысканія родственниковъ или неуказанія отвѣтчикомъ его имущества и имущества родственниковъ, вѣхать въ волость отвѣтчика и указывать его имущество, обращаясь, въ случаѣ споровъ, къ мѣстному народному суду, при чемъ русскія и китайскія власти должны оказывать содѣйствіе и покровительство.

Международные киргизскіе съѣзды бывають въ Кульджинскомъ и Чугучакскомъ консульскихъ округахъ; продолжаются они мѣсяцъ два, и на каждомъ изъ нихъ разрѣшается не менѣе тысячи дѣлъ, да вдвое болѣе того прекращается, по обоюдному согласію, безъ разбора.

Эти собирающіеся періодически международные съѣзды приносятъ большую пользу дѣлу умиротворенія пограничнаго киргизскаго населенія, такъ какъ на нихъ разрѣшается масса такихъ дѣлъ, которыя, за отсутствіемъ надлежащихъ доказательствъ, иначе не могъ бы разрѣшить никакой судъ. Между тѣмъ, неудовлетвореніе претензій вело бы къ тому, что кочевники старались бы удовлетво-

вать свои претензии самоуправно, отчего развились бы пограничные грабежи, угоны скота и т. п., что нѣрѣдко и бывало на дѣлѣ, и оттого трудно было бы поддерживать порядокъ и спокойствіе на границѣ.

Въ такомъ видѣ представляется судебная дѣятельность консуловъ нашихъ въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. Въ настоящее время она, можетъ быть, и далека отъ совершенства, но въ свое время, при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ, упрощенная юрисдикція была и умѣстна и полезна. Съ измѣненіемъ условий, конечно, и она измѣнитъ свой прежній патріархальный характеръ, и консулы наши, несомнѣнно, такъ же хорошо справятся со своей задачей, при новыхъ условіяхъ, какъ справлялись и прежде.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Западный Застѣнный Китай — Синцзянская провинція. — Границы. — Пространство. — Округа, входящія въ составъ провинціи. — Общій характеристика страны — горы и пустыни. — Главнѣйшіе горные хребты. — Наиболѣе значительныя рѣки; рѣчки; озера. — Озеро Лобъ-норъ и его мѣстоположеніе въ древности и теперь. — Общій характеръ озеръ. 1 — 8

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Растительность древесная и травяная. — Климатъ — сильныя холода зимой, большія жары лѣтомъ. — Температура разныхъ мѣстностей края. — Вѣтры. — Вѣтеръ Эбе. — Особенный вѣтеръ въ Урумчи. — Климатъ, въ общемъ, удовлетворительный, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вредный. 9 — 15

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Западный Китай — проходная станція при великомъ переселеніи народовъ. — Древнѣйшіе обитатели цыгантуты. — Хуни. — Завоеванія хана Мода. — Борьба китайцевъ съ хунами. — Синцзянцы. — Жеужани. — Тузюпцы. — Борьба ихъ съ китайцами. — Туфанцы-тибетцы. — Гаогойцы-уйгуры. — Уйгурское государство. — Уничтоженіе уйгурскаго государства хагясами и восстановление Пугудуанемъ. — Усиленіе тангутовъ. 16 — 21

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТРАН.

Монголы при Чингис-ханѣ. — Расширение монгольской империи при преемниках его и въѣздъ ослабленіе ея. — Ойраты. — Борьба ихъ съ восточными монголами; съ ханами Могулистана. — Судьба Могулистана. 22—24

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возвышеніе обротовъ при Галданѣ Бошукту — Его неудачная борьба съ китайцами. — Цванъ Рабтанъ. — Галданъ Цоранъ. — Ихъ борьба съ китайцами — Амур-сана. — Покореніе края китайцами. — Восстанія въ Восточномъ Туркестанѣ. — Якубъ-бекъ. — Усиленіе страны и возвращеніе русскими Кульджи Китаю. 25—29

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народности, населяющія Западный Китай. — Китайцы. — Переселеніе ихъ въ Западный край. — Мѣры правительства для усиленія переселенія. — Способы передвиженія. — Обычный путь переселенцевъ. — Заготовка участковъ для переселенцевъ. — Пособи отъ казны. — Стойкость китайскаго характера. — Занятія китайцевъ — служба, торговля, земледѣліе, ремесла. . 30—40

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Маньчжуры. — Переселеніе ихъ въ край. — Характеристика маньчжуровъ. — Ихъ типъ. — Нравы. — Положеніе женщины. — Лѣнность маньчжуровъ. — Занятія маньчжуровъ — военная служба. — Маньчжуры — земледѣльцы и торговцы. — Вѣднность маньчжуровъ. — Убогій видъ ихъ поселеній — сумуновъ. — Маньчжурскія части въ городахъ — маньчэны. 41—48

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дунгане. — Ихъ происхожденіе. — Разныя названія этой народности. — Примѣсь китайской крови и духовная стойкость дунганъ. — Типъ дунганина въ настоящее время. — Нравственный обликъ его. — Положеніе женщины-дунганки въ семьѣ и ея характеръ. — Типъ дунганки. — Языкъ дунганъ. — Переселеніе дунганъ въ Застѣнный Китай. — Враждебное отношеніе дунганъ къ китайцамъ и причина этого. — Причина дунганскихъ восстаній. — Занятія дунганъ — земледѣліе, торговля, Ивановый промыселъ и т. п. — Экономическое положеніе дунганъ. 49—58

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

СТРАН.

Сарты. — Ихъ названія. — Происхожденіе. — Типъ. — Языкъ. — Высшая характеристика. — Нравственный обликъ. — Женщина; ея свобода; отсюда поэзія сартовъ. — Низкій уровень семейной нравственности. — Занятія кашгарлыковъ. — Экономическое положеніе кашгарлыковъ. — Тараччи — сородичи кашгарлыковъ. — Происхожденіе тараччей. — Тяжелое ихъ положеніе прежде. — Тараччинско-дунганское царство. — Характеристика тараччей. — Занятія тараччей. 59—70

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Киргизы — Ихъ языкъ. — Родовой бытъ. — Хорошія черты въ характерѣ киргиза. — Свобода женщины-киргизки. — Роль и положеніе ея въ семьѣ. — Киргизскій бракъ. — Праздность киргизовъ и любовь ихъ къ новостямъ. — Главное занятіе — скотоводство. — Киргизы земледѣльцы. — Экономическое положеніе киргизовъ. 71—76

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ.

Монголы — злоты, чахары и торгоуты. — Мѣста ихъ кочевья. — Торгоуты; ихъ перекочевка въ Россію и бѣгство отсюда. — Религія монголовъ — буддизмъ. — Религиозность монголовъ. — Монастыри. — Перерожденцы. — Перерожденцы въ Западномъ Китаѣ — Цаганъ-гэгэнъ. — Отношеніе монголовъ къ гэгэнамъ; отношеніе китайцевъ. — Вліяніе буддизма на характеръ монголовъ. — Положеніе женщины. — Легкость семейныхъ нравовъ. — Монгольскій бракъ. — Занятія монголовъ. — Невысокій уровень благосостоянія монголовъ. 77—87

ГЛАВА ДВѢНАЦАТАЯ.

Отношенія народностей Западнаго Китая между собою. — Высокохвѣрное отношеніе китайцевъ ко всѣмъ другимъ народностямъ. — Вражда ихъ съ дунганами. — Отчужденность дунганъ отъ другихъ народностей. — Недовѣріе всѣхъ къ кашгарлыкамъ и тараччамъ. — Дружба кашгарлыковъ съ китайцами. — Отношеніе къ кочевникамъ. — Отношеніе къ русскимъ подданнымъ. 88—98

ГЛАВА ТРИНАЦАТАЯ.

Рѣдкость селеній и городовъ. — Видъ селеній зимой и лѣтомъ. — Селенія въ кульджинскомъ районѣ. — Города-крѣпости. — Отдѣльныя части для маньчжуровъ. —

Видь города внутри.—Тягнута китайской части и оживленность мусульманской.—Масса народа на главныхъ улицахъ.—Неблагостройство и грязь китайскихъ городовъ. 94—100

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Главнѣйшіе города Западнаго Китая.—Городъ Урумчи.—Название города.—Его расположение въ горахъ.—Климатъ.—Землетрясенія.—Раздѣленіе города на части.—Кумирни—наиболѣе красивые зданія.—Архитектура китайскихъ зданій.—Дома мусульман.—Количество населенія въ Урумчи. 101—106

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Городъ Суйдунъ; Старый и Новый городъ.—Кульджа—важный торговый пунктъ для русской торговли.—Оккупация кульдженскаго района русскими.—Постройка русскаго города.—Разрушеніе его, послѣ сдачи Кульджи, китайцами.—Видь улицъ.—Русскій базаръ.—Общій видь города.—Населеніе.—Чугучакъ.—Небольшое количество китайцевъ въ Чугучакѣ.—Видь города.—Торговое значеніе Чугучака. 107—112

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Кашгаръ.—Его прошлое—Населеніе—сарты.—Визній видь города.—Европейцы въ Кашгарѣ.—Торговое и политическое значеніе Кашгара.—Отрѣзанность Кашгара отъ Россіи.—Турфанъ.—Его былое значеніе.—Населеніе.—Легкіе нравы жителей.—Климатъ.—Торговое значеніе Турфана.—Хами.—Иркенди.—Хотанъ.—Гучень.—Баркуль.—Карашаръ.—Манась.—Шихо.—Нѣкоторые другіе города. 113—121

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сложность административной системы въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ.—Высшій представитель власти—губернаторъ.—Обширность его полномочій.—Его помощники—фантай, ифтай.—Датая и сущность его правъ и обязанностей.—Уѣздные начальники.—Областные начальники.—Низшая администрація.—Старшины—слѣбъ.—Торговля общества и торговые старшины. 122—130

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Администрація у маньчжуровъ и ииородцевъ.—Илійскій цэацзюнь.—Его прежнее и настоящее позо-

женіе.—Помощникъ цэацзюня—фуду-тунъ.—Мяньамбаи и низшая администрація.—Торговые князья.—Карашарскій ханъ.—Другіе торгоутскіе князья.—Туркестанскіе ваиъ.—Ваиъ хаміейскій.—Ваиъ турфанскій.—Князья въ Куча, Аксу и Бай.—Таранчицкіе хакимъ-бекъ въ Кульджѣ. 131—138

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Губернаторъ—высшій военный начальникъ въ провинціи.—Другіе военные начальники.—Арсеналъ въ Урумчи.—Способъ комплектованія войскъ.—Военная школа въ Урумчи и положеніе выходящихъ изъ нея офицеровъ.—Новая система комплектованія войскъ.—Милиція.—Войска изъ маньчжуровъ и монголовъ.—Возможность улучшенія военнаго дѣла у китайцевъ. 139—147

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отношеніе китайскаго чиновничества къ населенію.—Любовь къ пышности и недоступность китайскихъ властей.—Взяточничество чиновниковъ.—Необезпеченность служимаго класса и другія причины этого зла.—Соединеніе власти судебной и административной.—Отсталость китайскаго законодательства.—Медленность китайскаго дѣлопроизводства и обычный порядокъ его. 148—154

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отличіе китайской юстиціи отъ европейской.—Жестокій характеръ китайскаго уголовного кодекса.—Уголовный процессъ.—Обязательность сознанія обвиняемаго.—Средства принужденія—пытки.—Отсутствіе офдѣльнаго предварительнаго слѣдствія.—Порядокъ разбора дѣла и обстановка судебного засѣданія.—Исполненіе приговоровъ.—Отсутствіе апелляціоннаго и кассационнаго производствъ.—Недостатокъ гражданскихъ законовъ.—Обычное право, замѣняющее ихъ.—Разборъ гражданскихъ дѣлъ въ порядкѣ уголовномъ.—Разборъ дѣлъ у мусульманъ. 155—166

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Общія условія земледѣльческой культуры.—Искусственное орошеніе—арыки и каналы.—Грудность устройства кармаевъ.—Благопріятыя условія для земледѣлія въ Илійскомъ округѣ.—Сорта хлѣбныхъ злаковъ.—Обработка земли.—Огородничество и садоводство въ Илійскомъ округѣ. 167—174

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Условия земледелия в Китайском Туркестане. — Хлопководство. — Содѣйствие со стороны правительства. — Дѣятельность иртыскаго цзянцзюня. — Улучшение хлопковых сѣмянъ и очистки хлопка. — Посѣвъ хлопка. — Шелководство. — Садоводство. — Качество фруктовъ. — Сельское хозяйство въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Тяньшана и въ Тарбагатай. — Скотоводство. — Дикая охота, осель, верблюды. — Отношение кочевниковъ къ скотоводческому промыслу. 175—190

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Минеральныя богатства края. — Залежи каменнаго угля. — Организация добычи угля. — Разработка залежей жѣлѣза. — Мѣсторожденіе мѣди и добыча ея. — Серебросвинцовыя залежи. — Мѣсторожденіе золота и разработка золотыхъ приисковъ. — Мелкіе золотоскаатели и поддержка ихъ правительствомъ. — Нефть и попытки къ ея добычѣ и очисткѣ. 191—202

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Обрабатывающая промышленность и низкій ея уровень. — Выдѣлка хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Восточномъ Туркестанѣ. — Шелкоткацкое производство. — Выдѣлка конропъ. — Винокуренные заводы. — Маслобійные заводы. — Производство бумаги изъ травы. — Производство войлока. — Ремесла 203—211

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Торговля. — Характеристика торговцевъ — сартонъ и китайцевъ. — Любовь китайцевъ къ союзамъ и кооперации. — Участіе служащихъ въ прибыли предприятий. — Хорошая организация китайскихъ торговыхъ предприятий. — Беспорядочность и неустойчивость предприятий кашгарляковъ. — Денежное обращеніе. — Ямбовое серебро. — Серебряная монета. — Монетные дворы. — Мѣдная монета. — Казенные кредитные билеты. — Вилеты частныхъ фирмъ. — Русскія деньги. — Мѣновая торговля. — Банки 212—225

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Товары, ввозимые изъ Внутренняго Китая въ Западный. — Торговля чаемъ — монополія правительства. — Китайскіе магазины и манера китайцевъ поку-

пать и продавать. — Товары, вывозимые изъ Западнаго Китая во Внутренній — хлопокъ, маралы рога, золото и друг. — Невозможность собрать точныя статистическія данныя о китайской торговлѣ въ Западномъ Китаѣ. 226—233

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Торговля съ англо-индійскими владѣніями и съ Россіей. — Краткій очеркъ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ Западнымъ Китаемъ: начало сношеній; время съ кузджинскаго трактата до дунганскаго возстанія; время русской оккупации; послѣ заключенія с.-петербургскаго договора 1881 г., и далѣе. — Татары и сарты. — Порядокъ веденія дѣлъ у тѣхъ и другихъ. — Значеніе ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской для русскихъ торговцевъ въ Китаѣ. — Организация сбыта товаровъ. — Торговля въ кредитъ. — Русско-китайскій банкъ . . . 234—247

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ввозъ русскихъ произведеній въ Западный Китай. — Мануфактурныя произведенія. — Ухудшеніе качества хлопчатобумажныхъ издѣлій. — Ввозъ жѣлѣза. — Ввозъ сахара и спичекъ. — Другіе товары. — Вывозъ въ русскіе предѣлы. — Скотъ и произведенія скотоводства. — Равныя вѣха. — Вывозъ хлопка. — Вывозъ шелка. — Вывозъ чая и отсутствіе данныхъ для развитія чайной торговли черезъ западную границу Китая. — Другіе товары 248—268

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Пути сообщеній въ Западномъ Застѣнномъ Китаѣ. — Рѣки, какъ пути сообщенія. — Непригодность для судоходства рѣки Тарима. — Неудачная попытка пароходства по рѣкѣ Или. — Польза судоходства по рѣкѣ Или. — Значеніе рѣки Иртыша. — Путь отъ рѣки Иртыша къ Урумци. — Плохое состояніе грунтовыхъ дорогъ въ Западномъ Китаѣ. — Путь отъ Урумци до Чугучака, Кузуджи и Кашгара. — Пути изъ Западнаго Китая въ Россію. — Способы перевозокъ товаровъ — вьючный и гужевой. — Дорогоизна фрахтовъ. — Почтовая сообщенія у китайцевъ и китайскія станціи. — Телеграфъ. 269—281

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Земля, как главный объект обложения въ Китаѣ.— Размѣръ налога съ пахотныхъ земель.— Налогъ на хлопковые плантаціи.— Налоги, взимаемые съ садовъ и огородовъ.— Организація взимаемаго поземельнаго налога.— Повинности.— Внутреннія таможенная пошлины—лицензія.— Организація взимаемаго лицензія.— Другіе налоги.— Сборъ съ торговцевъ.— Налоги, взимаемые съ кочевниковъ.— Общая сумма доходовъ въ Синцзянской провинціи; недостаточность ея и помощь другихъ провинцій.— Главныя статьи расхода. 282—291

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Невысокій уровень благосостоянія значительной части населенія.— Слабое развитіе частной благотворительности.— Помощь бѣднымъ со стороны земледѣльческихъ клубовъ.— Помощь правительствомъ.— Организація этой помощи.— Благотворительность у мусульманъ.— Общество нищихъ «дивана» 292—298

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Народное образованіе.— Уваженіе китайцевъ къ ученымъ и ученысти.— Характеръ китайскаго образованія — литературно-отвлеченный.— Свобода преподаванія и открытія школъ въ Китаѣ.— Вліяніе правительства на частныя школы черезъ экзамены.— Учебная администрація.— Организація низшихъ школъ и преподаванія въ нихъ.— Отсутствіе школъ для дѣвочекъ.— Средняя школа.— Государственные экзамены.— Образованіе у маньчжуровъ.— Образованіе у монголовъ.— Образованіе у китайскихъ мусульманъ.— Школы для изученія русскаго языка, военная, телеграфнаго дѣла.— Миссіонерскія школы 299—318

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Русскіе подданные въ Западномъ Китаѣ.— Появленіе ихъ тамъ и постепенное участіе ихъ правового положенія.— Русскіе сарты, татары, дунгае, таранчи.— Искусственное привлеченіе таранчей въ русское подданство.— Ихъ бѣгство въ Китай и мѣры къ выдворенію.— Киргизы.— Бесполезность выдворенія таранчей и киргизовъ изъ китайскихъ предѣловъ.— Коренные русскіе 314—331

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Право экстерриториальности русскихъ подданныхъ въ Китаѣ.— Право безошлнной торговли.— Отношеніе китайцевъ къ привилегіямъ русскихъ подданныхъ.— Русскія колоніи-факторіи.— Колоніи въ Кульдѣѣ и въ Кашгарѣ.— Устройство колоніи въ Чуугчакѣ и настоящій ея видъ.— Устройство колоніи въ Урумчи; вѣнчій видъ колоніи.— Самоуправленіе въ факторіяхъ 332—340

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Русскіе консулы въ Западномъ Китаѣ.— Сложность и разнообразіе обязанностей консуловъ въ Китаѣ.— Консулы, какъ представители дипломатическіе.— Дѣятельность консуловъ въ этой сферѣ.— Порядокъ сношеній съ китайцами.— Условія успѣшности этихъ сношеній.— Консулы, какъ торговые агенты.— Изученіе мѣстной торговли — китайской и русской и трудность изученія китайской торговли для иностранца.— Содѣйствіе со стороны консула развитію русской торговли 341—359

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Административная права и обязанности консуловъ.— Широта и неопредѣленность этихъ правъ и обязанностей.— Необходимость широты правъ при существующихъ условіяхъ.— Административная дѣятельность; масса дѣлъ часто полицейскихъ.— Содѣйствіе консуловъ русскимъ подданнымъ и учреждениямъ.— Аксакалы и ихъ обязанности.— Аксакалы въ мѣстахъ пребыванія консуловъ и въ другихъ городахъ 360—369

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Юрисдикція консуловъ на Востокаѣ.— Юрисдикція русскихъ консуловъ въ Китаѣ.— Законодательная указанія относительно консульской юрисдикціи — трактаты и протоколъ особаго совѣщанія.— Недостаточность указаній.— Необходимость руководствоваться мѣстными обычаями и примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ.— Неопредѣленность указаній закона. 370—375

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Дѣла свидѣтельныхъ.— Незначительное количество свидѣтельныхъ дѣлъ и причинъ этого.— Участіе китайцевъ въ свидѣтельныхъ и отношеніе ихъ къ этому.— и. в. вогонявленскій. 37

III-1563

СТРАН.

Требования судебных установлений империи о производстве следствий и отдельных следственных действий. — Компетенция русских консуловъ въ Китаѣ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. — Разборъ консуломъ дѣлъ уголовныхъ. — Апелляціонная и кассационная инстанціи. — Дѣла гражданскія. — Неудобство существующаго въ Западномъ Китаѣ упрощеннаго порядка судопроизводства. — Исполненіе приговоровъ. — Арестные дома при консульствахъ. — Исполненіе рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. — Дѣятельность консула въ качествѣ нотариуса 376—385

ГЛАВА Сороковая.

Смѣшанные процессы — участники русскіе и китайскіе подданные. — Отсутствие указаній въ законахъ и трактатахъ относительно порядка разбора дѣлъ смѣшанныхъ. — Выработанный практикой порядокъ разбора дѣлъ уголовныхъ. — Отношеніе къ дѣлу китайскихъ властей. — Примѣръ китайскаго правосудія въ смѣшанныхъ дѣлахъ. — Разборъ дѣлъ гражданскихъ. — Судебныя доказательства и значеніе свидѣльскихъ показаній. — Исполненіе рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. — О претензіяхъ китайскихъ подданныхъ, представляемыхъ непосредственно въ консульство. — Отсутствие апелляціи на рѣшенія смѣшанныхъ судовъ и разумность такого порядка, при существующихъ условіяхъ 386—399

ГЛАВА Сорокъ Первая.

Разборъ судебныхъ дѣлъ аксакалами, муллами и выборными посредниками. — Нежелательность передачи дѣлъ для разбора аксакаламъ и причины этого. — Слушаніе, когда аксакалы могутъ разбирать дѣла. — Дѣла, передаваемые для разбора мулламъ по шариату. — Международные киргизскіе сѣзды. — Цѣль этихъ сѣздовъ, устройство ихъ, порядокъ разбора дѣлъ и исполненіе рѣшеній. — Значеніе международныхъ сѣздовъ для поддержанія порядка и спокойствія на границѣ 400—408